

СМЕНА

сентябрь

Д. Беркман
Случайный спутник

М. Орлова
Земной компас Анны Герман

"ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ" - универсальные моторные масла, предназначенные для применения в умеренной климатической зоне.

"ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ" - рекомендованы в качестве основного сорта для двигателей любых российских автомобилей.

Ваш автомобиль может быть любым:

"ЛУКОЙЛ-СУПЕР" - универсальные всепогодные моторные масла с высоким уровнем защитных свойств. Изготовлены с применением присадок фирм "Шелл", "Лубризол", "Эксон".

"ЛУКОЙЛ-СУПЕР" - допущены к применению компанией "Мерседес-Бенц".

спортивным, городским или внедорожником

"ЛУКОЙЛ-ЛЮКС" - универсальные моторные масла на полусинтетической основе с высокими эксплуатационными характеристиками.

"ЛУКОЙЛ-ЛЮКС" - рекомендуются к применению в новейших форсированных бензиновых двигателях и дизелях с наддувом последнего поколения.

одно остается неизменным:

"ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК" - полностью синтетическое моторное масло мирового уровня качества с наивысшими защитными свойствами.

"ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК" - обеспечивает высокую степень защиты во всех режимах работы, чистоту и высокий ресурс двигателя.

МОТОРНЫЕ МАСЛА "ЛУКОЙЛ"

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чинна

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

999

сентябрь (1619)

Сдано в набор 22.7.99.

Подписано к печати 13.8.99.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 1822

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@sonnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 1999.

30 *Анастасия Дадико*
ЗВЕЗДНЫЕ ИГРЫ
 Рассказ

124 *Эвелин Беркман*
СЛУЧАЙНЫЙ СПУТНИК
 Приключенческий роман

252 *Рэй Рассел*
КСАНАДУ СОННИ ГРЕЯ
 Зарубежный рассказ

4 *Галина Кагук*
КЕНТАВРЫ И ... КЕНТАВРЕССЫ

14 *Игорь Гамаюнов*
НА ЯЗЫКЕ СЛЕДСТВИЯ

Светлана Бестужева-Лада
 53 **СЛАБЫЙ ПОЛ**

62 *Валентин Курбатов*
ИСТОК

238 *Сергей Каленикин*
"АРИСТОКРАТЫ МОРЯ"

В НОМЕРЕ: **19** сентябрь '99

стр. 4

стр. 98

На 1-ой обложке:
 фото Александра Басалаева

48 *Майя Орлова*
**ЗЕМНОЙ КОМПАС
 НАДЕЖДЫ**

80 *Любовь Русева*
**БЕЗ СТРАХА
 И УПРЕКА**

94 *Сергей Проханов:*
**"НЕ ПОБЕГАВ
 В МАССОВКЕ,
 ГЛАВНУЮ РОЛЬ
 НЕ СЫГРАЕШЬ"**

98 *А. Маклин*
ГРЕЗ

118 *Ирина Барышева*
**"КАЗАЧКА НАДЯ
 ЧЕРТА НЕ БОИТСЯ..."**

226 *Иван Зюзюкин*
**НЕВИННЫЙ
 КАК ХИЩНИК**

270 *Олег Полонский*
ГУЛЯЙ — НЕ ХОЧУ?

77 *Новелла Матвеева*

Николай Леонов
**ПИР ВО ВРЕМЯ
 ЧУМЫ**

...Произошло жестокое убийство в самом центре столицы. Жертва — женщина, депутат Государственной Думы. Кому выгодно ее гибель? Какие силы стоят за этим громким преступлением? Дело поручено расследовать полковнику Льву Ивановичу Гурову, с которым читатели "Смены" встретятся, увы, в последний раз...

Ирина Семашко
ТРИ "ШЕСТЕРКИ"

Александра Коллонтай — "валькирия" революции. Соратница Ленина. Первая в мире женщина посол. Идеолог свободной любви. Именно она утверждала, что половая свобода скоро достигнет той легкости, когда переспать с партнером будет так же просто, как выпить стакан воды. Но сам этот принцип сыграл с Александрой Коллонтай злую шутку.

стр. 238

октябрь '99

10

АНОНС:

Мы привыкли относиться к байкерам с опаской: часто нарушают общественные спокойствие, правила дорожного движения и хорошего тона. Но судим о разряжающей нас энергии издавна, и приближительность знания ридерит шифы. Впрочем, некоторые из них близки и реальности.

тизм, а другой, параллельный способ существования.

Мотовирус проникает во все сферы байкерского бытия. Байкер слушает мотологическую музыку, собирает видеотеку культовых фильмов о рокерах, читает свою прессу, носит специальную одежду от байн-кутюрье. Не удивлюсь, если скоро

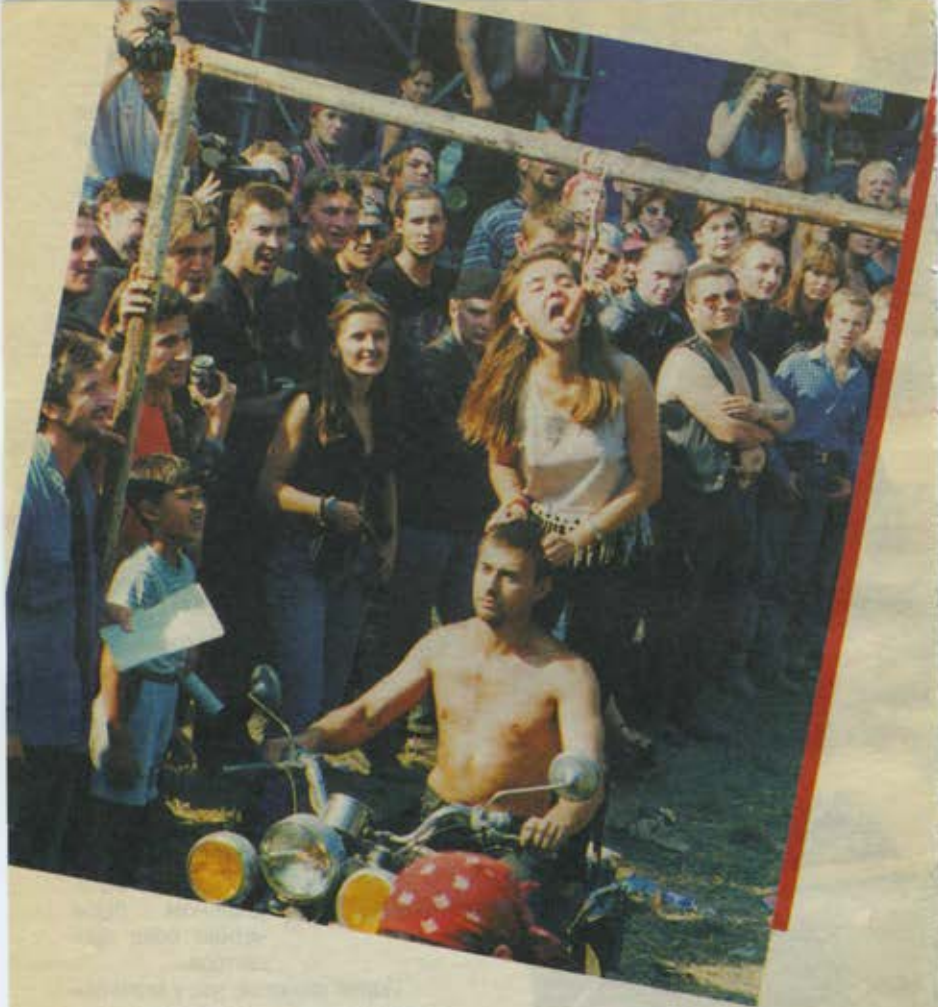
Галина КАЧУК

Кентаврессы

появятся особые столовые, где будут разливать пиво, характеризующееся октановым числом, и жарить резиновые котлеты, оставляющие на картофельном пюре четкий след протектора.

Порой кажется, что у мотокентавров не только мозги слегка набекрень, но и физиология нечеловеческая. Настоящий байкер ездит только на специально переделанном "под себя" мотоцикле-чопере, да и сам старается во всем уподобиться быстрому и юрному механическому зверю. Средство психологическое влияет на генотип, нан происходит, например, с хозяином собаки, который в какой-то момент жизни вдруг становится на нее похожим. Только у байкеров степень единства со

Этот миф о симбиозе человека и механизма, несмотря на поэтическую образность, во многом соответствует правде жизни. Байкерство — не просто фана-

своим "питомцем" еще сильнее: они — как сросшие близнецы....

На последнем мото-фестивале в Малоярославце зрителей позабавила колоритная парочка толстяков. Несколько дней, что длился праздник, они, как приклеенные, восседали на своем мотоцикле с коляской. Окружающим оставалось лишь гадать, как при-

ятели добывали бутылки с пивом, не отрывая пухлых ляжек от сиденья (у пассажира они свисали через край коляски, как тесто из кастрюли). В привычный образ байкеров эти двое абсолютно не укладывались.

Вот еще пример, развенчивающий миф о динности и необузданности, но подкрепляющий впечатление о единстве с мотоциклом.

Правда, пример с драматическим оттенком. Олег Васин из города Суворова Тульской области появляется на байкерских фестивалях на трайне собственной конструкции, с которого тоже не сходит. Но по объективным причинам. Семь лет назад из-за аварии его парализовало. С тех пор мотоцикл стал для него инвалидным креслом. Байкерский характер не позволил ему впасть в уныние. Олег открыл секцию картинга для трудных подростков, вытягивает их из наркотического тумана, заменяя его кайфом от общения с техникой.

Миф второй

Принято думать, что мотоцикл — "игрушка" несерьезная, не для взрослых. Байкером может быть только трудный подросток. Лич-

ный транспорт выступает здесь как знак возрастного отличия: малыш "седлает" велосипед, подросток — мопед или мотоцикл. Повзрослев, мужчина пересаживается в авто, навсегда забывая о детском хобби. Если ты не спортсмен, но на мотоцикле гоняешь, тебе ставят бытовой диагноз — инфантилизм, задержка в развитии.

На самом деле байкерство вполне тянет на то, чтобы стать профессией зрелого человека. Возьмем Алексея Янубовича, тридцатидвухлетнего конструктора автомобилей, известного всей московской и подмосковной молодежной тусовке. И прес-са, и телевидение рассказывали о его трициклах, похоних на гигантских фантастических насекомых. По сути это кареты на трех колесах, ведущее из которых

продвинуто далеко вперед на длинной вилке.

История обращения Леша в кентавры XX века поназательна и парадоксальна. Подростком он не знал, с какого бока подойти к мотоциклу. Но однажды взял у приятеля "Яву", сел и поехал, успев предупредить: "Не вернусь через 15 минут, звони в морг!" Дружку пришлось обзванивать больницы. "Ява" оказалась без тормозов, что выяснилось, когда было уже поздно. На центральной улице подмосновного Жуновского незадачливый дебютант врезался в "Жигуленок". Получил сильные ушибы позвоночника и головы, на сцеплении остались висеть два пальца, которые потом благополучно пришили хирурги. Много дней пролежал бедняга на больничной койке без движения, а выписавшись, прямоком отправился... покупать мотоцикл. Врачи, узнав об этом, решили, что слишком рано отпустили пациента.

Но таковы байкеры. "Подсесть" на мотоцикл, как на наркотик, может только человек неумеренного темперамента, чья кровь настояна на адреналине.

Лешиним "первенцем" стал легкий мотоцикл марки "Инж-планета-спорт", который сразу подвергся переделке. Не зря же "Инж" называют набором "Сделай сам". Однако во что можно преобразовать машину столь малой кубатуры? Насмотревшись фильмов про американских рокеров с их мощными "Харлеями", Алексей в "Иже" разочаровался. Случайно под рукой оказался мотор от "Запорожца", и новоявленный Нулибин решил поставить его на будущий чоппер-самоделку. Это теперь такое не в диновинку, но тогда, в

93-м, его байк не имел аналогов. Через год на первом байк-шоу необычный образец занял призовое место на конкурсе самоделок, а сам конструктор получил байк-псевдоним Жуновский. С тех пор ежегодно Алексей подтверждает звание лучшего самоделщика, ибо его машины неизменно лидируют в номинации "Суперсамопал".

Почерк конструктора неизменен: если все другие изобретатели собирают модели преимущественно из готовых деталей, Жуновскому интересней сработать многое самому, соорудив вокруг заводского двигателя новую оболочку. Исключение составляет "Желтый" — в этом сооружении "сердце" — мотор от автобуса, а "ножа" — половинка "жуна"-Фольксвагена. Все остальное — ручная работа.

Завоевав авторитет, Жуновский может позволить себе быть байкером-профессионалом. Он живет мотоциклом и за счет мотоцикла: в городе есть мастерская по эксклюзивному "тюнингу" (переделке) и ремонту мотоциклов.

Миф третий

Принято думать, что женщина может занимать место только на заднем сиденье мотоцикла или в коляске. Если же дама восседает за рулем байка, она непременно мужеподобна, груба, необразованна и единственное, чем способна привлечь противоположный пол, быть "своим парнем".

Маменькины дочки на мотоциклы, и правда, не садятся. Но в отсутствии дамского шарма мотоциклисток упрекнуть никак нельзя. Кое-кто шагнул в мир лихих и

бесшабашных прямо с подиума высокой моды и предпочитает рассекать пространство в развевающемся мини-платыце. Мотоледи — натуры противоречивые, с одинаковой гордостью носящие татуировку на руке и диплом престижного вуза в кармане.

Татьяна Юшинская (байк-псевдоним — Адвокат) — девушка именно такой занваски. За ее плечами юридический факультет МГУ и... несколько приводов в милицию за небанальное поведение и шокирующий внешний вид. Не слишком официальное замужество и обретение способности самостоятельно обеспечивать себе достойный образ жизни. Она с успехом выступает в роли юриста солидной авиакомпании и фотомодели. Владеет английским, хорошо рисует, разбирается в музыке настолько, чтобы вести о ней молодежную радиопередачу. Второе высшее гуманитарное образование собирается получить во ВГИКе, а второе техническое — после автомотошколы — за штурвалом самолета. Те, кто знает Татьяну, убеждены: своего добьется.

— Мужеподобными девушки бывают от рождения, а не из-за увлечения мотоциклом, — говорит Татьяна. — Байк, наоборот, заставляет держать форму: вокруг всегда красавцы-байкеры, вот и стараешься выглядеть хорошо. Но это на улице. Когда же я прихожу в офис, никто из коллег не догадывается, что я примчалась на мотоцикле: прическа у меня не растрепана, одежда опрятна, туфли пусть не на шпильке, но на высоком и широком каблуке.

Сейчас Татьяне 26, но и в 50 она намерена щеголять стройной фигурой.

Девчонки, покупающие себе мотоцикл, отличаются независимостью нрава, сильным характером и все той же страстью к авантюрам, риску. Для них положение — за чужой спиной — по жизни неприемлемо. Руль своей судьбы они хотят держать в руках сами. Вот и получается, что семейных парочек среди кентавров и кентавресс не так много. Мотоциклисты с психологической точки зрения — крайние индивидуалисты. Им удобней быть наедине с собой и с дорогой. Рассуждают они при этом несколько высокомерно: человек на двух колесах с мотором — создание более совершенное, чем просто на двух ногах.

Для Веры, Таниной подружки, при приобретении "Урала" с коляской было важно, что байк помогает, не надрываясь и не теряя репутации хрупкой тростинки, таскать тяжелые сумки. Она зарабатывала на жизнь продажей книг. Да и в институт педагогический, далеко от дома расположенный, легче добраться на личном транспорте.

Ни одна акция байкеров не обходится без "байкеш". Они соревнуются в турнирах и выигрывают. Вера однажды взяла приз на каскадерском трюк-шоу за натанцевание с приподнятой коляской, сумев дольше всех продержаться на двух колесах из трех. Татьяна достаивалась награду за самый красивый женский мотоцикл. Ее "Урал" совсем не похож на родное изделие Ирбитского завода, хотя сама она его не перделывала. Как и положено хорошенькой женщине, Таня в механике ничего не смыслит. Но нашла мастера, который удлинил

вилку "Урала", изогнул руль, поставил изящный бензобак в форме капельки и отладил машину так, что за сезон она ни разу не помалась.

Миф четвертый

Мототусовка — неуправляемая шайка сорвиголов, нарочито противопоставляющая себя властям.

Все не так однозначно. Отрицательный образ рокера сложился благодаря американским фильмам, воспевающим (или критикующим?) двухколесный люд. В США байн-движение зародилось как агрессивное и альтернативное обществу. Родоначальниками были ветераны вьетнамской войны, люди с полуманной психикой, с комплексом неполноценности, мешавшим найти место в мирной жизни. Криминал — наркотики и оружие — был их спутником по определению.

Российские байкеры переняли у американцев лишь устрашающий внешний вид и атрибутику, но выбрали цивилизованный путь развития.

Моторизованная вольница стремится к четкой организации, к тому, чтобы стать саморегулирующейся системой. Образуются престижные мотоклубы, имеющие легальный статус, объединяющие людей не последних — бизнесменов, музыкантов, художников, модельеров, режиссеров. В Москве это знаменитые "Ночные волки", во главе с Хирур-

гом, в Жуновском — "Восточные ястребы" (где президентом, к слову, Алексей Якубович), в Одессе — "Странники", в Ниеве — "Серебряные пули"

Мотоклубы строят свои отношения с городскими властями на взаимовыгодной основе. Стоящие у руля и сидящие за рулем при желании всегда найдут общий язык. Наиболее дальновидные городские головы создают себе политический капитал, популярность в молодежной среде, предоставляя для мотофестивалей подведомственную территорию, технику для уборки и средства на рекламу. За порядком на своих мероприятиях следят сами байнеры, понимающие, как опасно пускать на соревнования алкающей и воинствующих придурков. Так мотоклубы постепенно приобретают влияние и вес на местах. И дане с милицией у байнеров редко

возникают эксцессы. Хотя почти никто из них не проходит техосмотры, да и документов на свои чопперы не исправляет. Тот же Жуновский, как всякий вольный художник, терпеть не может бюрократии, поэтому все его "монстры" бегают без техпаспорта. "Мне легче создать мотоцикл в железе, чем легализовать его на бумаге, — признается Алексей. — Мои модели не соответствуют стандартам. Меня пугали: мол, успею прокатиться лишь до первого мента, а утешали тем, что риск лишиться машины зависит от полноты налитого стакана. Но родная милиция останавливает только для того, чтобы получше разглядеть мою навороченную модель".

Миф пятый

Байкерам чужды высокие материи, понятия о долге, нравственности. Философия "изи райдера" — беспечного ездока — не что иное, как элементарный пофигизм с его единственным постулатом: все до фонаря!

Категорически с этим не согласна. Байкеры, укротители пространства и времени, стремятся вырваться в какое-то свое психологическое измерение, сформулировать собственные правила жизни.

Им мало мотопутешествий по стандартным межгородским трассам. Не зря они выбирают нечто экстремальное: караван по пустыне, трофи по грязи, кросс по чащобе. Тут-то и пересматривается моральный кодекс.

Жуновский, постоянный участник ежегодных мото-караванов

по пустыне Принаспия, рассказывает:

— Песок в пустыне — не то, что на пляже. Не плотный, а живой, дышащий, ускользающий из-под колес. Такая переменчивая реальность диктует своеобразную мудрость. По своей колее двигаться легче, чем по накатанной кем-то дорожке. Наному индивидуалу это не понравится?! Но только возгордишься собой, таким ловким на быстроходной "Хонде", тебя пронзает: к цели, намеченной с помощью спутниковой навигации, главное прийти не первым, а вместе. Двигаться-то приходится 5-6 дней с минимумом еды, а техника у смельчаков разная — есть и мопеды, и "совоциклы".

Эта готовность быть в связке — очень байкерская черта, хотя она отлично стыкуется — вот парадокс! — с самосознанием одинокого волка. Любой байк-клуб — сверхбратство, где царствует кровная мужская дружба. И не на словах. Ни один байкер, на какой бы скорости ни мчался, не пролетит мимо застрявшего на обочине с неисправностью мотоциклиста. А уж если подлинная беда стряслась, всем миром помогают.

Кража мотоцикла, к примеру, воспринимается рокером как настоящая трагедия, утрата части самого себя. А ведь сами знаете, как милиция справляется с угонами. Зато у байнеров раскрываемость подобных преступлений куда выше. Ищут не какую-то серийную тачку, а уникальный чоппер. Получается, что переделанный мотоцикл — не только средство самовыражения и выпендрежа, а защита от угона. На та-

ном вор далеко не уедет, а про-
давать его по деталям — не вы-
годно.

Сплошь и рядом "утрата части
самого себя" случается с байкером
в буквальном смысле — от аварий
с тяжелыми травмами никто из
них не застрахован. Тогда по зна-
комству устраивают приятеля в хо-
рошую больницу, навещают. Вот
свежий пример. Не успела я восхи-
титься жизненной стойкостью па-

рализованного Олега Васина из
Тульской области, как узнала еще
об одном трогательном обстоя-
тельстве. Столичные байкеры вы-
яснили, что диагноз Олега небез-
надежен. Операцию могут сделать
за границей за 10 тысяч долларов.
И байкеры складываются, клич
бросили через свой журнал, потек
ручеек валюты. Монет, через на-
кое-то время услышу об Олеге еще
одну хорошую новость. ■

НА ЯЗЫКЕ СЛЕДСТВИЯ

Игорь ГАМАЮНОВ

Голос у нее громкий. Жесты решительные. В глазах насмешливый блеск. В Воронеже она легендарная личность — специалист по безнадежным делам. Говорят, не было подследственных, кто бы в конце концов не начинал ей исповедоваться.

Спрашиваю, как это происходит. “Не знаю, — смеется Крайкина. — Непроизвольно”. Ее коллеги объясняют: с каждым общается на его языке. Одни втягиваются в разговор незаметно. Другие впадают в шок — интеллигентная женщина, а владеет жаргоном. Третьи не выдерживают жесткой аргументации ее вопросов. И — раскалываются.

40 лет проработала она следователем облпрокуратуры. Недавно решила: пора на отдых. Только собралась, приглашает к себе прокурор области: “Эмилия Андреевна, тут дело одно зависло. Возьмите напоследок, я вас очень прошу. На вас вся надежда”.

А дело действительно не из простых: убит генеральный директор крупного оборонного предприятия — у себя дома, в прихожей. Преступник скрылся, следов никаких. Четыре месяца спустя у заводской проходной нового директора остановил не-

известный, предупредил: не уйдешь с должности — тоже будешь убит. Судя по всему, преступник действует не один, отличается дерзостью, возможны новые жертвы.

И Крайкина взялась...

Из диктофонной записи:

— Кто вас сориентировал на эту профессию? Родители?

— Судьба. Родители занимались другим делом. Мама — главбух в строительной организации, отец — инженер-экономист на заводе. Я в школе стихи сочиняла. Читала перед ранеными в госпиталях — это было в конце 40-х. В 10-м классе писала сочинение на тему — кем хочешь стать. Я

так и написала: борцом за справедливость. И — поступила на юрфак.

— Первое свое дело помните?

— Еще бы...

“И пусть мир рухнет...”

В середине 50-х, в Вороже, в

фото Андрей Архипова

доме известного профессора появилась домработница Лида. Впечатлительная девушка из глухой курской деревни. Хлопотунья. Освоилась быстро. Только одна особенность немножко корбила — она во всем копировала жену профессора. То прическу такую же делает, то крепдешинное платье той же расцветки сошьет.

А между тем жена профессора все чаще стала недомогать. И, заболев всерьез, умерла. Диагноз — болезнь почек. После похорон в квартире была уборка, и бабушка, профессорская мама, выдвинув из-под кровати домработницы ее фанерный чемоданчик с навесным замком, вдруг заметила на полу влажное пятно.

Позвали Лиду. Та отперла чемодан. В нем обнаружили плохо закупоренную бутылку с какой-то жидкостью. Стали выяснять. “Мухоморная вода, — сказала Лида. — Я ею лицо протираю, чтоб белее было”. Настаивала она эту воду на продававшихся тогда бумажных листках со специальной пропиткой, содержащей мышьяк. В те годы блюда с такими листками стояли во всех столовых — ими морили мух.

И только тогда профессор спохватился. Вспомнил, как ожилялась домработница, когда он появлялся. Как улыбалась ему. Была влюблена в него, но он не предполагал, что это перейдет в стадию фанатизма. Однажды ночью, когда, засидевшись в кабинете за рукописью, он постелил себе на диване, чтобы не будить жену, вдруг вошла Лида. Глаза блестят, губы трясутся. Он выпроводил ее — со строгим внушением. После этого Лида стала заметно сдержаннее. Но именно в те дни сшила себе платье той же расцветки, что и у хозяйки дома. А затем жена профессора стала чахнуть буквально на глазах.

Эмили Крайкиной, выпускнице юрфака, поручили проверить подозрения профессора: не отравила ли домработница свою хозяйку? Лида к тому времени уехала в деревню, и следствие шло без нее.

Собрав все показания и посоветовавшись с криминалистами, Крайкина решила: без эксгумации не обойтись. Пришлось тревожить прах усопшей — брать на экспертизу ее волосы и ногти. В них-то и обнаружили критическую дозу мышьяка, убившую профессорскую жену: влюбленная девушка Лида систематически подливала своей хозяйке в жидкую пищу мухоморный настой.

О том, как часто это делала, Лида аккуратно записывала в дневник, где с простодушием дикаря фиксировала и отношения с профессором: “Вчера он был сердит, не смотрел на меня... А сегодня посмотрел... Его жены скоро не станет, и он обязательно полюбит меня...” Дневник изъяли в момент обыска, когда приехали за ней в деревню с ордером на арест.

Тогда Крайкина впервые столкнулась с особой логикой преступника — хорошо то, что мне на пользу. И пусть хоть весь мир рухнет, но я добьюсь своего.

Из диктофонной записи:

— Случалось ли вам жалеть преступников?

— Я всегда на стороне пострадавших. Но бывали ситуации, когда преступники действительно вызвали жалость.

— Почему?

— Вот пример: здесь, под Воронежем, в одном селе убили бывшего зэка. Расследовать поручили мне. Выясняю: этот человек, вернувшись из заключения, попросился на житье к одинокой женщине. Стали они жить как муж и жена, не расписываясь. А через какое-то время он начал пить по-черному, избивать ее. Она его из дома гонит — не идет. Терпела, терпела, а когда стало невозможно, попросила соседа помочь: напоили мучителя самогонем да и пристукнули. Куда деть труп — не знают. Выбросили в речку — всплыл. Выловили, закопали на огороде — свинья отрыла. Вот они и возили по ночам труп в телеге, перепрятывая, пока не попались. Так за это время пострадались, что даже соврать не смогли — рассказали все, как было.

— Их осудили?

— Конечно. Но так много выявилось смягчающих обстоятельств, да и полсела хлопотало за эту женщину, что ей дали 5 лет всего. Я потом с ней в тюремной столовой столкнулась, когда бывала на допросах: она там посуду со столов убирала... Поговорили... Вот ее жалко.

— А бывало ли когда-нибудь жутко?

— Вообще-то работа такая, что чувствам волю давать нельзя. Но за 40 лет со мной дважды был срыв. До истерики. Первый раз — в начале 70-х...

Жертвоприношение

Ее вызвали в прокуратуру ночью: пропали мальчики — двух и четырех лет, а мать дает какие-то странные показания. Милицейские оперативники сбиты с толку. Приехала, вошла в кабинет. Там сидит смазливая, разбитная особа 23-х лет, взгляд тревожный, но речь быстрая, напористая, хотя и путаная. Из продавщиц.

Объясняет: пошла с детьми вечером в парк гулять, там они и потерялись. Как именно? Отвлеклась разговором, оглянулась, а их нет. Кто-то, наверное, увел. С кем разговаривала? Да с одной знакомой. Как зовут? Где живет? Мнется. Зовут, кажется, Валей. Как ее найти — не знает, знакомство шапочное, в магазин к ней заходит. А в каком месте парка потерялись?..

В милицейском газике едут в парк. Продавщица и тут путает — то одно место покажет, то другое. Хотя, конечно, в стрессовом состоянии чего не бывает. Но вдруг, после нескольких вопросов Крайкиной, начинает развивать такую версию: будто бы однажды она с сыновьями попала в молельный дом каких-то

сектантов, но, услышав о принесении в жертву детей, тут же ушла. Может, сектанты подстергли ее в парке и украли мальчиков? Снова садятся в автомобиль, колесят по ночным улицам города в поисках именно того молельного дома. Нет, не может показать. Путается.

Попутно Крайкина расспрашивает о муже. Выясняет: работает слесарем, человек простой, все интересы — выпить да поспать. Живут они у его родителей, в тесноте. Но деваться некуда, она сама из близлежащего райцентра приехала, квартиру снимала, пока за этого дурака замуж не вышла. Словом, диспозиция ясная: мужа ненавидит, уйти от него некуда, да еще двоих детей от него успела родить. Обуза!

И как-то очень она напрягается, когда их газик, петля по улицам, проезжает мимо пустыря — Крайкина сразу это заметила. На пустыре — свалка мусора. А тут еще версия жертвоприношения, совершенно нелепая... “Но почему же нелепая, — подумала Крайкина, и страшная догадка оглушила ее: — Нежели избавилась от обузы?”

Гнала от себя эту догадку, но чем ближе к рассвету, тем определеннее становилось: чего-то женщина недоговаривает. Крайкина распорядилась — обыскать пустырь. Там, в беспощадном свете раннего утра, их и нашли — неподвижные тела двух мальчиков. И уже к полудню мать-детоубийца рассказала о себе Крайкиной все: есть у нее любовник, полгода встречаются, хотели пожениться, но узнав, что у нее двое детей, он передумал. Тогда она и повела мальчиков на пустырь, прихватив с собой бритву. В беспамятстве была, когда полоснула по горлу сначала старшего, потом — младшего.

Не выдержала Крайкина — велела немедленно увести подследственную. Сама закрылась в кабинете. Боялась — увидят, как бьет ее дрожь, как душит комок в горле. Нет, не женская это работа — идти по следам темных страстей человеческих, всякий раз убеждаясь в их разрушительной силе.

Из диктофонной записи:

— Ее признали вменяемой?

— Да. Хотя назвать эту мамашу нормальной трудно. Когда шел процесс, народ, не попавший в зал, стоял у дверей. Всем хотелось взглянуть на это чудовище. А она всего-навсего смазливая бабенка, ничего зловещего в ее внешности.

— А можно ли вообще как-то почувствовать в людях такого рода склонность к преступному типу поведения?

— Конечно. Только для этого нужно быть внимательным к подробностям поведения. Уметь прогнозировать, как, где, чем способны обернуться некоторые черты характера. Но мы в большинстве своем ленивы и нелюбопытны. Я как-то вела дело группы студентов, попавших под влияние совершенно незрочной особы...

— А что студенты натворили?

— У них образовалось что-то наподобие секты, и та особа, их вдохновительница, однажды приказала им убить отступницу, пытавшуюся из этой группы вырваться...

Палачи и жертва

Особа была певичкой в Воронежском театре оперы и балета. Невысокого росточка. Самолюбива. Резка. Из-за трудного характера не сработалась, ушла из театра. Жила случайными заработками. Поводилась ходить в общежитие одного института — затевала там любовные интрижки со студентами. И вдруг заметила: ее эпатажные манеры производят впечатление. Особенно — на ребят так называемого комнатного воспитания.

У нее к тому же была страсть — рассуждать о своей связи с космосом. Говорила складно и пылко. Вокруг нее постепенно образовалась группа крайне внушаемых молодых людей. У нее же оказалось довольно сильным лидерское начало, а вместе с этим — комплекс неполноценности из-за того, что профессионально реализоваться не удалось. Да и личная жизнь не складывалась — не было постоянных привязанностей.

А среди студентов она царила. Ее слушали, даже цитировали. Считали наделенной особыми способностями, и потому, повинувшись всем ее прихотям. Это длилось больше года, потом в их группе появилась девушка с длинной косой. Наивная, чем-то раздражавшая лидершу. Может быть, своими вопросами, из которых следовало: она не верит. А в группе было принято верить на слово всему, что говорила неудавшаяся певичка.

И однажды она велела “эту, с косой”, наказать. Каждый должен был ударить ее по разу, потом — еще и еще раз. Похоже на обряд. Но, дойдя до иступления, они убили ее...

Из диктофонной записи:

— Не обошлось без отклонений в психике?

— Тут ситуация такая: первая экспертиза признала их вменяемыми, отметив лишь некоторые отклонения в эмоциональной сфере. Но родственники подсудимых настояли на второй, которая и сделала вывод о их невменяемости. Думаю, что эксперты взяли грех на душу.

— Почему?

— Да потому что тем самым свели все к аномалиям в психике. А там были аномалии в воспитании. Все эти ребята одарены — все музыкальны, играют на разных инструментах, рисуют. И у всех совершенно не развита волевая сфера. Крайне несамостоятельны. Инфантилизм поразительный для их возраста! Вот и оказались марионетками в руках этой злобной закомплексованной особы.

— Вам пришлось с ней разговаривать?

— Конечно. Говорила она охотно, в основном — о себе. Обожает себя, любимую.

— Тяжело слушать такие исповеди?

— Это работа. Чтобы выяснить, как было совершено преступление, нужно понять логику преступника.

— А из-за чего у вас был второй срыв? И когда?

— Не очень давно, уже в 90-е годы. Я вела свое предпоследнее дело — об убийстве двух милиционеров и расстреле инкассаторской машины. Это двойное преступление совершил некий Зайцев с перерывами в один месяц: вначале напал на милиционеров, чтобы добыть оружие, а через месяц — на инкассаторов. Он таким образом хотел, как объяснил мне, решить разом все свои материальные проблемы. В числе тех, кого я опрашивала, были и жены погибших милиционеров. У меня на столе лежали их фотографии, а тут открывается дверь, заглядывает из коридора мальчишка 3-х лет, маленькая копия одного из погибших. Сын. Его мама, с которой я говорила, шикнула на него — подожди в коридоре. Но я завала и усадила за журнальный столик — он там рисовал, пока мы беседовали. А перед уходом мальчишка мне говорит: “Я знаю, кто ты. Ты моего папку защищаешь”. И дарит свой рисунок. А там изображена какая-то большая машина. Оказывается, это он мусоровозку изобразил. Ну, не знак? В этом же вся моя жизнь — мусор из нашей жизни вывозить... Они ушли, и тут меня опять проняло, второй раз за 40 лет... Комок в горле... А в голове мысль: вот я жизнь на что положила, а мусору не убавилось... Закончила дело Зайцева и решила: все, пора на заслуженную пенсию. Но вызывает меня наш прокурор, просит еще одно дело взять. Последнее. О заказном убийстве гендиректора Лобова. Я подумала и — взяла...

Убийца пришел... на чашку кофе

В то раннее июньское утро в дверь квартиры гендиректора АООТ “Эталон” Лобова Г.А. позвонил неизвестный. Ему открыли. Восьмидесятилетняя теща Геннадия Александровича, не снимая цепочки, выкликнула зятя из ванной: “Какой-то Волков к тебе”. — “Волков? — озадачился обмотанный полотенцем Лобов, подходя к двери, и спросил, глянув в щель: — “Вы чего хотели?” В ответ — выстрел.

...Следователи кинулись изучать окружение гендиректора. Выспрашивали домашних, кого в разговорах он вспоминал чаще. Выяснилось: завод тяжело переходил на другую, не военную продукцию. Приходилось увольнять тех, кто оказался не нужен. Уходившие скандалили. И с замами у него были непростые отношения. Словом, версий много, но ни один из недоброжелателей Лобова не давал серьезного повода для подозрений.

А тем временем исполняющим обязанности гендиректора стал заместитель Лобова Изусин Ю.А. Утром, 14 ноября, четыре месяца спустя после гибели Лобова, Изусин, выйдя из микроавтобуса, привозившего его к проходной завода, столкнулся с высоким длинноволосым человеком. Незнакомец, улыбаясь,

быстро произнес: “Вас зовут Юрий Алексеевич. Живете на Хользунова, дом 103, квартира 58. У вас двое детей, старшая дочь — студентка. Так?”

Изусин подтвердил, ошарашенно разглядывая ходатая: послан знакомыми? Будет проситься на работу? Или это какой-то шантаж? “Вы не угостили бы меня чашечкой кофе? — продолжал между тем незнакомец. — Я почти всю ночь не спал, размышляя о вашей судьбе. Не хочется, чтобы вас постигла участь Лобова”.

Можно кинуться в проходную, велеть вахтеру вызвать милицию... Но если этот тип не только шантажист, а — убийца, и выстрелит в спину?.. Нет, пожалуй, судя по всему он все-таки приехал что-то выторговать. К тому же там, в кабинете, ему бежать будет некуда.

И Юрий Алексеевич повел его к себе. Пересекая приемную, велел секретарше приготовить два кофе. Гость курил дорогие сигареты, с усмешкой рассматривая кабинет. Продолжал объяснять: аванс заказчик ему уже выплатил, ликвидацию Изусина намечали на 7 ноября. Не состоялась же она потому, что он, гость, не стремится к большой крови, предпочитая улаживать конфликты путем переговоров. Но с кем конфликт?.. Да с теми, кого Изусин, следуя политике погибшего Лобова, хочет уволить. Гость предлагает ему остаться живым, для чего Изусин должен уйти с завода.

Многоречивый незнакомец картинно жестикулировал. Эта рисовка сбивала с толку: все-таки кто он? Посредник? Для исполнителя слишком разговорчив. Признался вдруг: “Я и сам был шишкой, на меня столько людей работало!” Но о своем предпринимательстве сказал неопределенно: “Жаль, дело сгорело”. То ли обанкротился, то ли в буквальном смысле пожар был. Гость пообещал: “Мы с вами прокатим заказчика”. Для этого Изусин должен, объявив об уходе, исчезнуть на время из Воронежа. Тогда гость, отчитавшись перед заказчиком, получит остальную сумму.

Тут только Изусин бесповоротно понял: в его кабинете, отхлебывая кофе, сидит убийца Лобова. Уверенный в себе. Любующийся собой. И выяснилось главное, зачем он пришел: “Я подарил вам вторую жизнь, — сказал гость, — а за это не грех отблагодарить...” Изусин пробормотал растерянно, что не при деньгах. Договорились: посетитель позвонит ему домой после его возвращения из добровольной ссылки, к тому времени Изусин изыщет средства. На том и расстались.

...Сыщики потом негодовали: ну почему Изусин сообщил им о визите не сразу? Почему не сохранил отпечатки гостя на чашке, ее успела вымыть секретарша. Попробуй теперь найди в Воронеже среди худощавых и длинноволосых этого визитера. Понимали, конечно: был Юрий Алексеевич в шоковом состоянии, и все же...

Между тем на заводе объявили: Изусин уходит с должности. Сам он немедленно отбыл из Воронежа. Квартиру взяли под наблюдение, с охраной ездила в институт и его старшая дочь. На прослушку были поставлены телефоны предполагаемых фигурантов, работающих на заводе; отправлены на экспертизу случайно уцелевшие окурки, оставленные зловецим гостем. Но следствие по-прежнему буксовало.

Из диктофонной записи:

— Я зацепилась за слова длинноволосого — “дело сгорело”. Попросила дать мне всю информацию о пожарах. Принесли список. Нашла в нем кооператив под названием “Умелец”, его двухэтажное здание сгорело дотла. Довольно быстро установила имена людей, основавших его, поинтересовалась, что с ними. Выяснилось: так или иначе все как-то выкарабкались, кто-то даже сумел открыть свой магазинчик. Кроме одного — сорокалетнего Орлова Юрия Анатольевича. Он отвечал в кооперативе за изготовление деревянных изделий. После пожара бедствовал: за гроши сбывал собственные поделки. Но держался с приятелями высокомерно. Любил щегольнуть эрудицией. Называл себя художником-самоучкой, попавшим в тиски времени.

Приглашаю его на беседу — не является. Приходит жена. Лицо горестное — муж, говорит, болен, кажется, рак, лечится в Борисоглебске. “Давайте к нему съездим”, — предлагаю. — “Нет! Это его травмирует, я его сама привезу”. Пока собиралась, сыщики по моей просьбе навели справки: среди раковых больных Орлов не числится. Сам же он не в Борисоглебске был, а в своей коммунальной квартире. Наружное наблюдение установило: появляется иногда на улице, из будки телефона-автомата кому-то названивает.

И вот наконец приходит. Высокий, худой, длинные волосы. Сел — нога на ногу. Жесты свободные. Беседуем. Я вижу: он рисует, а сам за моей реакцией следит... Артист! Проводим опознание. Нашли еще двух таких же худощавых и длинноволосых. Изусин сразу указал на Орлова. А у него ничего в лице даже не дрогнуло. “Это подстроено, — говорит. — Перед прокурором отчитаться торопитесь, господа!” Опознала его и восьмидесятилетняя теща Лобова.

Взяли под стражу. Идут допросы. Он меня пугает: “Эти опознания на суде рассыпятся в прах: бабушка не могла толком разглядеть посетителя по причине плохого зрения. Изусин же в силу нервного перевозбуждения внушаем, идет на поводу у следствия”.

Потом разговорился, стал описывать выпавшие на его долю испытания: “После пожара все, кому давал займы, попрались. Я позволил себе психануть и на последние деньги напилсь”. И тут ударился в философию: “Человек — орудие в руках судьбы, он сам ничего не решает”... А разговариваем, меж-

ду прочим, четвертый день... Я ему немедленно возражаю: "Как же не решает, когда у вас, например, был в то утро выбор: выстрелить в Лобова или нет?" И он, замороченный собственными рассуждениями, с досадой говорит мне: "Да не собирался я убивать! Я только хотел передать ему наш ультиматум. А он там, за дверью, как-то дернулся. Я подумал: тянется к пистолету, и нажал курок." — "А кто, — спрашиваю, — был автором ультиматума?" — "Да заместитель его, Казьмин," — отвечает...

"Меня вынудили стать на путь преступления"

Альберт Викторович Казьмин, невысокий мужчина 50 лет, в старомодных очках, с аккуратной профессорской бородкой, был у Лобова 1-м замом. И обо всем, происходящем на заводе, имел особое мнение. Лобов, на его взгляд, увольнял тех, кто в новых условиях мог бы составить костяк управленческой команды. К тому же глушил исходящую от него, Казьмина, инициативу.

Он, Казьмин, доведись ему стать гендиректором (о чем не раз заявлял в кругу друзей), в два счета поставил бы завод на ноги. Но Лобов мешал. Как-то уехал в командировку, и Казьмин, оставшись за главного, продал весь залежавшийся на складе титан. Завод оказался без необходимого запаса титановых стержней, и Лобов, вернувшись, заподозрил: Казьмин провернул эту операцию небескорыстно. И предложил ему уйти.

Казьмин написал заявление об отпуске, с последующим увольнением. Но не прошло и месяца, как Лобов погиб, а заявление Казьмина странным образом исчезло. По заводу пошел слух: Лобова убрали бандиты, с которыми он якобы вел двойную игру; гендиректором же теперь станет Казьмин, вот кто наведет порядок. И когда кабинет Лобова занял другой его зам — Изусин, у Казьмина с ним тут же возник медленно тлеющий конфликт.

В это примерно время телефоны Альберта Викторовича стали прослушиваться. В записях его разговоров особо выразительным был басистый с хрипотцой голос. Его обладатель звонил из разных телефонов-автоматов, напоминая о каком-то обещании. Казьмин оправдывался: "Не я же стал гендиректором — зачислить тебя не могу..." Этой фразе Крайкина тоже нашла объяснение: нанимая Орлова "на разовую работу", Казьмин, кроме суммы на раскрутку, пообещал зачислить его на хлявную ставку. Не получилось.

Нанял же Казьмин Орлова прямо на улице. В два приема. Знакомы были давно: Орлов в ту пору, когда его кооператив занимался еще и выпечкой сдобы, заказывал на заводе у Казьмина металлические формы. Бывало, Казьмин давал ему займы деньги. И вот встретились — на автобусной остановке. Разгово-

рились. Орлов — о сгоревшем кооперативе, Казьмин — о заводской нервотрепке. Орлов попросился на работу. Казьмин отвел его в сторонку от стоявших людей: “Возьму, но вначале — на разовую”. Объяснил: надо отстранить зарвавшегося директора — тот грабит завод, зарплату не дает, людей увольняет. Как отстранить?.. Да хоть и убрать. Как убрать?.. Да вплоть до смерти, заслужил.

У Орлова в далекой молодости был грех (Казьмин о нем знал): с пьяной компанией попался на грабеже, отбыл в колонии общего режима четыре года. Но лишить человека жизни, хоть он и трижды подлец... Нет, Орлов не согласен... Напугать, предложить уйти — можно.

Казьмин сказал, что подумает, и они расстались. А через несколько дней, созвонившись, встретились — там же, на останковке. Придумали, как и что сказать Лобову. У Орлова валялся дома обрез из мелкокалиберки — из него планировалось сделать единственный выстрел в пол, под ноги. Казьмин снабдил Орлова домашним адресом Лобова, сказав напоследок: “Только имей в виду — у него при себе пистолет, смотри, чтоб не всадил в тебя сгоряча всю обойму”.

Расчет Казьмина был верен. Когда Орлов с обрезом в спортивной сумке ранним утром оказался у квартиры Лобова, мысль о директорском пистолете не оставляла его. И, увидев в приоткрытую дверь, как повязанный полотенцем Лобов странно дернулся, Орлов решил: сейчас выхватит откуда-то, может, из висящей на вешалке куртки, пистолет. И — опередил его.

Только на следствии Орлов узнал от Крайкиной: пистолет — расчетливая выдумка Казьмина, Лобов никогда ничем вооружен не был.

А тогда, выбежав из подъезда на улицу, где его поджидал нанятый “жигуль”, Орлов был уверен: уцелел чудом. Не особенно терзался, узнав из газет, что тот выстрел в гендиректора оказался смертельным: “Значит — судьба”. Но денег, переданных Казьминым на раскрутку, не хватило, и Орлов стал названивать ему по поводу халявной ставки. И услышал: “Есть еще одна разовая работа”. На этот раз Орлов потребовал задаток. А получив его, решил “прокатить заказчика”.

...Арестованный Казьмин вначале отрицал все. Но на очной ставке, втянувшись в спор с изблещавшим его Орловым, в конце концов признал свое участие. И, посверкивая глазами из-за очков, скороговоркой пояснил: “Меня вынудили стать на путь преступления”. — “Кто вынудил?” — спросила Крайкина. Казьмин, подумав, твердо ответил: “Обстоятельства”.

Логика его такова: меня загнали в угол. Лобов, вынудив подать заявление, ломал карьеру, лишал источника дохода. Изусин?.. Он тоже стал выдавливать из замов. Нет, это не значит, что их за это следовало убить, он, Казьмин, не какой-нибудь людоед, их смерть и не планировалась — предполагалось лишь

парализовать их действия. Да, страхом смерти. Иначе в наше время нельзя. Смерть же Лобова — трагическая случайность, Орлов не соразмерил свои действия с реальностью.

Из диктофонной записи:

— Конечно, Казьмин врал, когда утверждал, будто не планировал смерть Лобова и Изусина. Но вот что интересно: он был убежден, что боролся не только за карьерное и материальное благополучие, а еще и за судьбу своего завода. Он, Казьмин, хотел, видите ли, взять на себя ответственность за заводские дела, вывести предприятие из прорыва. А потому не виноват он в том, что так случилось — обстоятельства таковы, время такое. Вон, говорит, по всей стране на предприятиях зарплату задерживают, а госчиновники тем временем дачные дворцы строят, счета в швейцарских банках открывают. Для того, чтобы этот беспредел прекратить, нужна, мол, жесткость, решимость пойти на крайние меры. Он, Казьмин, в пределах своей компетенции на эти меры пошел.

А в признаниях Орлова был такой мотив: он, Орлов, оказался лишь орудием воли Казьмина; к тому же Казьмин его убедил, что Лобов — плохой человек, а Изусин не дорос до директорского уровня и должен уступить кабинет Казьмину. Но лично он, Орлов, ни к Лобову, ни к Изусину негативных чувств не питал, просто Казьмин, воспользовавшись его трудным материальным положением, манипулировал им. И потому не виноват он, Орлов, в случившемся.

То есть оба они признавали свои действия преступными, но объясняли их так, что становилось ясно: чувство вины в этих людях и не ночевало. Логика их рассуждений была такой: все позволено, никто не виноват. У меня иногда возникало ощущение, что они сумасшедшие, хотя оба признаны судмедэкспертизой вменяемыми. Ведь фактически они признавали нормальным такой способ карьерного продвижения, когда один сослуживец оплачивает смерть своего коллеги, чтобы занять его кабинет....

"Я ощущала свою власть над людьми..."

На суд Крайкина не пошла. Знала: Орлов и Казьмин будут отказываться от своих слов, валить вину друг на друга, путаясь в показаниях. Это общее правило: как бы подсудимый не откровенничал со следователем один на один, публичный суд превращает его в жалкого актеришку, на ходу сочиняющего себе роль. Обычно — роль жертвы суровых обстоятельств.

Эти двое именно так и повели себя на суде, хотя на исход дела это не повлияло: Орлова приговорили к 14-ти, а Казьмина к 12-ти годам лишения свободы. Орлов, в общем-то, был всем понятен — пьющий неудачник с большим самомнением и острой обидой на тех, кто преуспел, кого не жалко ни припугнуть смертью, ни приговорить к смерти.

А вот человек с профессорской бородкой и тревожным взглядом из-за старомодных очков, бывший итэзровец Казмин раскрылся не до конца. Да, карьерист. Ослеплен жаждой власти. Но до какого же фанатизма в стремлении к этой цели нужно дойти, размышляла Крайкина, чтобы не просто пожелать смерти сослуживцу, а — организовать ее?

Почему такого рода преступления перестают сейчас быть редкостью? Не потому ли, что у такого типа людей никогда не было нравственных опор? И если раньше сдерживающим началом была так называемая партийная дисциплина, был страх неизбежного разоблачения и наказания, сейчас и то, и другое заменено так называемыми рыночными отношениями?..

Сегодня у Эмилии Андреевны Крайкиной времени для таких размышлений достаточно. Живет она довольно далеко от центра города, одна — со своими книгами, телевизором, терьером по кличке Малыш и попугаем Витюшей. Приезжает к ней внучка, школьница, они вместе смотрят привезенные ею видеофильмы. И еще одно увлечение Эмилии Андреевны — книги Радзинского. (“Очень мне любопытны его исторические описания.”) А по ТВ не пропускает передачу “Что? Где? Когда?” (“Ребята там просто замечательные! Я вообще люблю умных людей...”) Наведывается “к своим”, в облпрокуратуру. Повидаться. Поговорить.

Я допытывался, нет ли у нее после сорока лет такой работы некоторого разочарования, осадка с привкусом горечи? “Нет, — ответила Крайкина, — мне в большинстве случаев работалось легко”. — “Почему?” — “Я ощущала свою власть над людьми. Не ту власть, которой меня наделил Уголовно-процессуальный кодекс, а — человеческую”.

...Да, у нее были минуты слабости, когда казалось бесполезным все то, что она всю жизнь делала. Но ощущение своей необходимости все-таки побеждало. А еще — понимание: человек сам по себе несовершенен. Как бы эффективно ни была организована правоохранительная работа, преступники не исчезнут. Им всегда должны противостоять люди, остро чувствующие грань, разделяющую добро и зло. Люди, для которых такое противостояние — дело всей жизни. ■

Еще раз про любовь

В первом номере "Смены" за 1999 год был опубликован очерк Светланы Бестужевой-Лады "Бокал тоски" — три истории несчастной любви. От этой напасти, как известно, никто не застрахован, прежде всего женщины. Почему прежде всего они? Трудно сказать. Наверное, потому, что по природе своей более эмоциональны и зачастую способны создать не только драму, но и самую настоящую трагедию практически на ровном месте. А уж если есть повод...

Читателей, приславших отклики на публикацию, можно разделить на три группы. Одни считают, что героини сами виноваты в своих несчастьях, потому что все бабы... правильно, дуры. Извините за грубое слово, но так написано в ваших письмах. Другие склонны обвинять во всем мужчин, используя вечный аргумент насчет подлецов. Третьи — таких, правда, меньшинство — предлагают конкретную помощь, кто моральную, кто даже почти материальную, что особенно интересно.

Вот, на наш взгляд, наиболее интересные мнения.

"Уважаемая редакция!

Сколько можно "выжимать слезу" у читателей на пустом месте? И так жить трудно, а тут эти опереточные страдания ваших героинь. Да дуры они все, больше ничего. Одна сидит в роскошном доме и ноет, что мужик ее не уважает. Вторая льет слезы по бросившему ее любовнику, вместо того, чтобы заняться домом и детьми. Третья вообще какая-то чоннутая, если около нее ни один мужик дольше месяца находиться не может.

Если бы женщины меньше копались в своих переживаниях, семьи были бы крепче, а дети — здоровее. О мужчинах, между прочим, никто не думает, а они тоже не роботы, только не привыкли на людях сопли распускать. Потому и умирают раньше времени, а "несчастные женщины" благополучно доживают до глубокой старости.

Был когда-то умный лозунг: "Берегите мужчин!" Сейчас о нем все забыли. По-моему, пора вспомнить и начать осуществлять, а то поздно будет.

С уважением, ваш постоянный подписчик

А. Марков,
Санкт-Петербург"

"Уважаемая Светлана!

Ну, зачем так смаковать трагедии, сеять тоску в душах тех, кто не тоскует?

Проблемы ваших героинь не в том, что они не стервы, или не знают, как подняться после таного грандиозного облома, или, не подумав, бросились в омут (так ведь в России это всегда считается хорошим тоном). А в том, что забыли Бога. Понадеялись на себя, на людей, на чувство юмора... Не позвали Спасителя — пришел лунавый. И это естественно. Свято место пусто не бывает. Мне дико видеть, что никто этого не понимает! Ведь только Бог — воплощенное добро, любовь, счастье. Как можно жить без Него? Чему после этого удивляются эти тамары, людмилы, алены и прочие? Вы спросите их как-нибудь, ходят ли они в церковь? Или только в бутик и в салон красоты?

Уверяю Вас, если они обратятся к Богу, у них поубавится и проблем, и заповедной этой слепоты — бегать за нобелями и мерзавцами.

Так что мораль надо было выводить не такую. Не "как подняться", а "как избегнуть".

Марина Пахомова,
Москва"

"Уважаемая редакция!

Прочитала "Бокал тоски" и стало пронзительно жаль запутавшихся и исстрадавшихся женщин, вся вина которых только в том, что они полюбили. Неизвестно, что станет с героинями двух первых новелл — Тамарой и Людмилой, — а вот третьей, Алене, кажется, удалось справиться с ситуацией, только уж очень дорогой ценой: потерей внутреннего тепла и доброты.

Только ведь действительно получается, что "чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей". У меня есть приятельница, которая постоянно окружена поклонниками, хотя она мужчин в грош не ставит. Открыто изменяет, издевается над ними в присутствии посторонних, выгоняет из дома. И что же? А то, что они бегают за ней, высунув язык, и всеми силами стараются угодить. Неужели мужчины ценят только такое отношение к себе? Это ведь страшно.

Ольга Мальцева,
Самара"

"Здравствуйте, Светлана!

У меня такое ощущение, что героини двух первых историй переиграли Вас. И Тамара, и Людмила — артистки. Да какие! Навер-

няна, все не так драматично, как они изобразяют.

Непонятно также, на чьей стороне Вы сами. Мужчин, вроде бы, не жалуете, но и к женщинам относитесь, мягко говоря, скептически. Это так?

Впрочем, основной причиной моего письма вовсе не является стремление критиновать или донапываться до истины. Я хочу предложить героине первой истории — Тамаре — финтивный брак с прописной в ближнем Подмоскowie. Так она сможет найти работу, устроиться самостоятельно и ни от кого не зависеть. А потом наверняна и личную жизнь наладит: в этом случае я обещаю немедленно дать ей развод.

Передайте, пожалуйста, ей это письмо. Надеюсь, она не рассердится на такое предложение. Мой телефон...

В.И. Семенов,
г. Химки"

От автора.

Пожалуй, мне трудно ответить только на один вопрос: почему я "не жалую мужчин и скептически отношусь к женщинам?" Ни того, ни другого, вроде бы, за собой не замечала. Про-

сто стараюсь быть беспристрастной. Что же касается дальнейшей судьбы моих героинь... Тамара встретила с автором последнего письма, но ничего в своей жизни менять не стала. Все продолжается по-прежнему.

Людмила, кажется, пришла в себя, занялась детьми и работой, но от мужчин шарахается и, похоже, готова последовать совету автора второго письма: обратиться к Богу. Во всяком случае, несколько раз в неделю поет в церковном хоре.

Алена уехала в Англию и работает редактором в книжном издательстве. Недавно я получила от нее письмо: она совершенно освоилась на новом месте, много работает и завела себе друга, по-тамашнему "бойфренда". По ее собственным словам, поладить с мужчиной-иностранцем значительно легче, чем с соотечественником.

Вот здесь я ей не судья. Очевидно, каждому — свое. Если Алене действительно повезло, я за нее только рада.

Всем читателям, приславшим свои отклики на мой очерк "Боял тоски", большое спасибо!

Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Звездные Игры

Анастасия ДАДЬКО

Все персонажи рассказа вымышлены. Обиды "узнавших" себя теледеятелей автором не принимаются, так как не понаслышке зная тележизнь и "варясь" в ней девять лет, он, в первую очередь, беспощаден к себе.

Странный стылый май с вьюжными ночами и слякотными серыми днями сдался в одночасье сухим южным ветрам. Пелену туч разметало в считанные минуты. В Москву наконец пришла весна. Новорожденное солнце рассыпалось по городу осколками луж. В них смотрелись усталые дома и продрогшие деревья, таящие до поры листву от холода.

Лида распахнула окно. Комната наполнилась звенящим воздухом. Шумы и запахи, слившись в поток суетящейся жизни, с радостной бесцеремонностью ворвались в душную дрему квартиры. Лиду охватило мучительное предощущение особой значимости этого дня. Все труды, унижения, победы, потери — все, все! — должно быть вознаграждено. Лидия Светланова — первая. Она — звезда. Она — явление в пустословном, сусальном блещущем телемире. И сегодня она не может не получить главной награды — приза телеакадемии ТЭФИ.

С удовольствием обжигаясь крепким чаем, Лида возвращается из полусонного забытья и включается в обыденный, отлаженный ритм. Мысль — в комок. Заботы дня — в череду. Но что-то мешает, рассеивает. Она волнуется. Нет, боится! До спазм, до истерики, до разрыва сердца боится сегодняшнего дня.

“Из троих выберут одного. Почему меня? Самонадеянная ту-пость... Но в самом деле, что за мелочность — предаваться все-ррез суетной игре, от которой в последние годы все походили с ума. Череда натужных конкурсов-междусобойчиков, мишур-ных праздников для избранных — какая жалкая имитация бурной талантливой жизни в хилом интеллектуальном и худо-жественном существовании страны, замороженной властной су-мятицей и какой-то предельной в своей неопрятности нище-той. — Лидия выхватывает из пачки спасительную сигарету, судорожно прикуривает. — А ради чего тогда вообще ВСЕ? Что есть высшее одобрение Жизни, работе, невротическому копо-шению ежедневно, трепанию души, бессонным мыслям? Да что она вообще такого бесценного, необходимого сотворяет? Читает слова. Нет, она говорит о том, что происходит. Значит, говорит правду. Вот, первая и главная заковыка. Правда — событие, факт, новость. За день их, разнокалиберных, набегают тысячи! Попробуй, отбери, выстрой по значимости в затылочек. Конечно, трагедии, чрезвычайка — вперед. Войны, смерти, катастро-фы.

— Сколько в Афгане погибло? 50 человек? Не-е, не наш раз-мер.

— Ой, Лид, ты себе не представляешь, какая “картинка” — столько кро-ви-щи!

Страшно-страшно-страшно... В Чечне убивают, в Кемерове голодают, в Питере покушаются, в Москве — взрывают. Где же жизнь? Вот она — такая “миленькая” жизнь. Нет, конечно, можно рассказать о приятном: скандалы, сплетни, пересуды. И реклама! Это — вообще самое главное. Это — хлеб с маслом.

Боже ты мой! Гнусь-то какая. Но не о посадке же бузины на субботнике рассказывать? Впрочем, все это не самое трагичное в профессии ее престижной. Главное — не забывать о “священ-ном” долге! Умно и искренно обслуживать-отмазывать о-очень важных, завравшихся, пресыщенных мошенников, ссыпаю-щих тебе за то калорийные крохи с барского стола.

Самый важный телевизионный вопрос — “Под кем лежим-с? Да-а, хозяин, кажись, не всемогущ, с деньгами — напряжен-ка. А ну его! Бежим к другому! Ай-ай, там все занято давно мальчиками с близнячьими голосами. “МУР-тэ-вэ!” — сканди-руют они в каждом репортаже, и, кажется, выигрывают выбо-ры. Справляются со сверх-задачей...”

Лидия зло разделяется с сигаретой, распластав ее по мед-ной Эйфелевой башне пепельницы. На хандру и смятение вре-мени нет. Залитый солнцем алый циферблат часов из дуба бес-страстно говорит: “У тебя пять часов”.

Она сильная, она выдрессировала себя, и теперь, привычно скомандовав “барьер”, легко поднимается и тащится в ванную из кухни, наполненной массивным деревом, по холодным раз-водам мраморного пола. Ей всегда мечталось о бытовой основа-

тельности, традиционных атрибутах благополучия. Сейчас она не может найти в своей великаньей квартире уютного, крошечного угла, в котором могла бы суетиться легкокрылой стрекозой. Как в детстве.

В маковой коробочке их квартиры, лопающейся от обилия населявших ее росинок-жильцов, у сестер-погодок Лели и Лиды были свой стол и кровать. Между ними — уголок половичка. Их личное, жизненное пространство. По нему можно было крутить коляску с куклой, долбить мячом, на нем можно было подпрыгивать и, сделав в воздухе целый оборот, валиться на хрусткую кушетку. Позже за него приходилось бороться, когда нужно было провести абсолютно тайный телефонный разговор. Ведь нет более удобной позы, чем, сидя на полу, упереться локтями в кровать со стоящим на ней телефоном и, одной рукой прижимая трубку к уху, пальцами другой наворачивать из прядок рассыпающихся волос жесткие трубочки — локонки. После часа конфиденциальных переговоров голову венчает нимб серых витых рожек...

Лидия запрокинула огненную голову под струю. Рыжей она стала на телевидении, когда вершилась ее “ведущая” судьба, решался вопрос — кому вести программу новостей, в которой Лидя работала корреспондентом (и, справедливости ради, стоит заметить, работала отлично). Прежняя “звезда”, окончательно разругавшись с начальством, требующим безоговорочного подчинения и ежедневно вменявшем в вину своенравной ведущей то, что она превратила государственную программу в авторский эмоциональный выхлест, ушла, хлопнув зеркальной дверью новенькой студии, на другой канал. Программа осталась без “женского” лица. Выбор как-то сам собой пал на Лиду.

Хотя она прекрасно понимала, что ничего случайного в этом не было, как и вообще в ее жизни. Она была смышленной, талантливой журналисткой. Была артистична, красива и необыкновенно легка в общении.

Как-то среди дня, когда Лидя бежала по редакционному коридору, ее поймал за рукав главный редактор — маленький круглый человек в очках — и попросил в своей обычной манере, тихо и насмешливо, “привести себя в порядок у девочек в гримерке”, чтобы в 16 часов, между выпусками, попробовать записать “пилот” (пробный выпуск программы).

— Пилот чего? — лукаво скособочила кудрявую пепельную головку к плечу Лидя.

— Пилот лучшей информационной программы, — засмеялся глава Новостей с невозможной для его должности фамилией Неправдин. — Нужно выяснить, насколько ты не похожа на крокодила в кадре и можешь ли читать по слогам “суфлер”. В общем, гримируйся, — и через паузу, почти патетично, — решение уже почти принято.

Какое легкое начало, какое мучительное продолжение...

Лида намазывала лицо кремом и с неудовольствием смотрела на отражение в гигантском зеркале. Она не любила своего некрашенного лица, не любила голого тела. Эксперименты с диетами, которыми она себя мучила в юности, лишь бы не казаться “колобком”, как дразнили ее в школе, принесли свои разнообразные плоды. Она добилась заветного, заставила свое тело с шиком — гибко, прямо, легко — носить обтягивающие платья.

Лидино лицо заострилось, стало интересней. Резкие скулы, тонкий прямой нос, глаза небольшие, но светящиеся, вобравшие зелень лета — поры, когда Лида появилась на свет. Единственное, что категорически не устраивало Лиду, — рот. Узкий, маленький. Впрочем, когда она впервые пришла в гримерку, девочки-визажистки заявили ей, что лицо новой ведущей идеально для грима. Фантастически податливо. Немного нежных пастельных мазков — и в зеркале романтическая Дина Дурбин. Прибранная гладь волос, вдвое увеличенный рот, темные подбровья — роковая Марлен Дитрих. Позже Лида поняла, что именно ее неброскость, неопределенность устраивает гримеров. Лиду не узнавали на улице без косметики и прически. Ворох родненьких (чтоб им пусто было) кудряшек, маленькие очечки, джинсы. Она осталась смятением, краснеющим до синевы ребенком-“колобком”, требующим защиты. Защиту она по-прежнему могла найти в родителях и сестре. В людях, растерянных шатаниями новой жизни и потому именно на Лиду, занимающую прочное положение, смотрящих как на спасительницу. Лида приучалась рассчитывать только на себя и не жаловаться. Она была идеально, вселенски одинока.

Замотав голову полотенцем, закутавшись в толстый халат, Лида, взбодренная холодной водой, заметалась в приготовлениях к вечеру по квартире, обставленной безукоризненно. Прекрасным было то, что вещи, лишь самые необходимые, добротные, съедали мало пространства светлых комнат — гостиной, спальни, кабинета. Два года Лида царствовала в них, растворялась в быте. Тогда все было по-другому. Было для кого стараться, создавать этот новорусский уют.

Сейчас эта рациональная устроенность ненужного ей пространства пугала, существовала сама по себе. Лида сутками не заходила в гостиную, еще реже — в кабинет, изначально предназначенный не ей. Попытка переставить Его вещи в каком-то немислимом хаотическом порядке ни к чему не привела. Комната навсегда осталась рвущим душу воспоминанием о самом дорогом и потерянном мучительно, постыдно...

Лида по привычке посмотрела на будильник, стоящий на зеркальном комоде в спальне. Ее организм, как этот круглый безупречный механизм, был навечно заведен на время дневных новостей, которые Лида смотрела всегда, готовясь к своим вечерним выпускам. Усадив себя перед черным ящиком, она на-

чала орудовать пультом. Приставучая синюшная девица гнула про своего мужа, до идиотизма привязанного к кефиру. От этой рекламы у Лиды начиналась изжога, и она переключалась на канал “конкурентов”. Югославия-Кавказ-криминал-сельхоз-навоз-заседание правительства... Традиционный набор, ничего экстраординарного. Ах, какая прелесть! В виде “бантика” в конце выпуска — ее, Лидина, шлепающая губами голова венчает список номинантов на главную теленаграду года. На Лиду взглянула ее разукрашенная серьезная двойняшка.

“А под глазами у этой 40-летней вешалки — мешки”, — почему-то злорадно подумала о себе 30-летняя Лида.

Она настроилась наконец на ту эмоциональную волну, когда волнение лишь на пользу. Этот сжимающий желудок, ударяющий в голову кураж, в котором мозг принимает мгновенные и единственно правильные решения, подсказанные работающей на полную катушку интуицией, Лида испытывала перед эфиром. Если чувство это сбивалось начальственными ЦУ, технологическим сбоем в программе, просто плохим самочувствием, эфиры бывали пресными или откровенно провальными.

“Ну, я сегодня задам вам всем, я-за-дам!” Лида кошачьими прыжками двигалась от стены к стене и трясла узкими ладонями, как будто стряхивала с них капли. Эта привычка была у нее со школы. Так она металась в моменты наивысшего волнения. Естественно, когда никого не было рядом. “Так, платье проверить, руки-ноги в порядке. Сейчас главное — священнодействие у зеркала”.

Сделать гладкую “головку 30-х” из рассыпающейся копны — это вам не “устняк” по “суфлеру” прочесть. С пресловутым спастительным телесуфлером — текстом, бегущим на камере, Лида уже не церемонилась. Она переставляла по своему желанию фразы, иногда могла вообще его не замечать, с ходу придумывая отсебятину, что, впрочем, редко подводило ее. Наоборот, выручало, когда в программе возникала катастрофическая заминка в виде несмонтированного сюжета. Лида могла потянуть время, обворожительно улыбнувшись, сказать, что эфир — дело живое. Эта живость, невымученное спокойствие выгодно отличали ее от коллег-ведущих, что стало очевидно после первой же записи, когда она, в свитере и несусветной прическе впервые плюхнулась перед телекамерой и поняла, что существовала тут всегда.

Зубодробительный испуг пришел позже.

— Лида, не таращь глаза...

— Эти рюшечки Светлановой невозможно провинциальны.

— Эта Лида — просто серая мышь. Настолько неяркий образ...

— В ней много агрессии... С этим надо что-то делать...

— Новости не может вести девочка-припевочка... — шипение в коридорах, высоких кабинетах, отклики с каналов-конкурентов.

Жалостливая улыбка прежней звезды, забегающей “к своим на коньячок”. Ее присутствием, ее полем пропитана редакция. Кажется, она — эталон на века. Как юной беспомощной Лидочке тягаться с этим тяжеловесом? Ее не примут никогда, никогда. Но в самый отчаянный момент пришло спасение. Началась настоящая работа — кончилась жизнь.

Он — блистательный, известный. Светило. Магнат. Ведущий главной политической программы канала и одновременно один из его руководителей. Большой, важный, корректный. Вообще Он обладал традиционным, прямо-таки кинематографическим набором черт рокового героя-любownika. Смоляные, с едва заметной сединой, волосы зачесаны назад. Маслины глаз. Шелковые усы, прячущие едва угадываемую улыбку. Впрочем, Лида помнила его другим — поджарым, подвижным, всклокоченным, путанно рассказывающим о новостях ведущим ночных выпусков. Он нравился ей всегда. Да и не ей одной. Его откровенного, и при этом абсолютно нерасшифровываемого взгляда боялись и ждали женщины. Испытывающе-заинтересованный? Оценивающий? Восхищенный? Надменный? Нет. Все это вместе плюс еще что-то. За ним тянулся бесконечный шлейф любовных романов, роковых разрывов и новых ухаживаний, что не мешало ему иметь “гражданскую” жену, растившую его сына, которого Он, говорят, обожал, но видел редко.

Он был завсегдаем бесконечных посиделок в буфете с водочкой, салатиками, хорошими сигаретами. Алкоголь отменили раз и навсегда после трагикомического случая. Однажды один из юных и не трезвеющих никогда редакторов “группы городов” (регионального отдела) путанно и долго пробирался из буфета в туалет. Путь столь утомил несчастного, что, увидев перед собой дверь с табличкой, на которой был нарисован треугольник вершиной вниз, молодой мастер “великого и могучего” с красноречивым криком облегчения распахнул дверь и приступил немедленно к удовлетворению насущной потребности.

Все произошло столь стремительно, что глава телерадиокомпании — тоже, между прочим, человек, одолимый аналогичным желанием, но несколько раньше добравшийся до места назначения, не успел отпрянуть от неудержимого потока, любуясь на его английский костюм прямо из-за распахнутой двери.

— Что вы делаете? — остоленев, подавился самым идиотским из всех возможных в этой ситуации вопросом крошечный начальник.

— На скрипке, блин, играю... — не меняя позы, парировал не теряющий ни в каких жизненных передрыгах чувства собственного достоинства молодой служитель слова.

Скандал вышел оглушительный, алкоголь в стенах компании запретили (приходилось приносить с собой), остряка уволили. Через полгода он возглавил “группу городов” в конкури-

рующей компании и, назло всем врагам, организовал ее безупречно.

В добрый “хмельной” период становления Нового телевидения отношения между сотрудниками были просты и не подчинены строжайшей субординации. Никаких “вы”, никаких истин в последней инстанции, жестких приказов. Собственно, и “приказчиков”-то — один главный редактор на все новости. Все зам.завы и зам.главы появились много позже. “Рулили” выпусками ведущие. Звезды, светочи, оригиналы, умники. За пару лет эта космическая эйфория выветрилась. Кто-то из светочей стал начальником, кто-то просто исчез. Самую головокружительную карьеру сделал Он, Василий Антонович Бугров. Тогда — просто Васька-Бугор. Два года назад он бросил насыщенное место и возглавил собственную коммерческую телекомпанию.

Когда Лида пушистым цыпленком только начинала порхать по редакциям, снимая свои первые душеспитательные репортажи, Василий смотрел на нее снисходительно-тепло, похваливал за удачные опусы, банально взяв за локоток.

— Красавица, да еще и умница... Какие кадры подрастают...

У него был в самом разгаре роман с редактором его смены — жгучей брюнеткой с резкими чертами. Лида боялась ее и из-за этого заискивала.

Потом ее захлестнул роман с молодым корреспондентом. Тогда умненькие мальчики косяком шли в только что образованную, революционную, как казалось, редакцию. От этого романа не осталось ни одного интересного воспоминания. Слезливо-осенние прогулки под тяжелым московским небом, холод плохо отапливаемой квартиры в дальнем районе и вечная боязнь нагрянувших родителей.

Таких скучных, никчемных эпизодов с чужими для Лиды мужчинами было несколько. Совсем мало. Но Лида даже не удосужилась припомнить, сколько именно. Это все было, как ей казалось, предисловием к настоящему.

Постепенно Лидино лицо обретало знакомые черты. Матовый тон, темные скулы, острый разлет бровей. Лида научилась обращаться со своим лицом, как с глиной. Сегодня тот день, когда нужно вылепить нечто вампирическое, величественное. Не пропадать же совсем актерскому дару...

Лида мечтала быть актрисой. Подумаешь, невидаль какая! Девчоночьи фантазии, считали ее вполне серьезные родители, занимающиеся “понятным” делом: папа лечил детей, мама их учила. И все же Лида могла бы стать хорошей актрисой. При поступлении в “театральное” ее подвела традиционная ошибка — она читала не то, что соответствовало бы ее “колобочьей” внешности.

Вжавшись в толпу абитуриентов, Лида услышала, как одна проходящая мимо тетка из приемной комиссии — здоро-

венная, с басовитым голосом, громко говорила другой — маленькой старушке, торчащей из волана кружевного воротничка.

— Да нет, последняя, в красном платье — “не прохондэ”. Уж такая жирненькая. А ведь совсем молоденькая. Хоть бы в зеркало посмотрелась.

Лида, с ужасом поняв, что разговор именно о ней, рассекла каменными руками толпу и, рванувшись, как на амбразуру, крикнула что есть силы в их спины:

— Сами вы, дама, жирненькая! Хоть и не молоденькая! А я — звезда!

Лида думала, что немедленно провалится сквозь пол. Но немый паркет был неколебим, а дама из приемной комиссии ошалело воззрилась на пунцовую, под цвет платья, Лиду и почему-то пискляво заверещала:

— Нахалка, ах, нахалка! Элла Станиславовна, вы видите, видите, с каким контингентом приходится работать.

Дама и представить себе не могла, сколь серьезно повлияла на Лидину судьбу.

Во-первых, Лида именно тогда начала стремительно худеть. А во-вторых, от “театрального” будущую телезвезду отрезало раз и навсегда. Лида не стала год за годом тратить весенние месяцы на топтание в училищных предбанниках. Она — девочка умная — потратила год на муштру русского, английского и истории. Опубликовала несколько статей в небольших газетках и “на ура” сдала экзамены на журфак.

Лида натянула на себя тончайшее изумрудное платье. Оно идеально облегло ее, корсет поднимал почти открытую грудь, длинный разрез на левой ноге открывал стройные ноги, вспорхнувшие на шпильки. Лида медленно, с азартом микробиолога, рассматривала себя, ища мало-мальский изъян, поворачивалась вполборота, воздевая руки, загадочно щурила глаза, скалилась в широкой улыбке, прохаживалась туда-сюда, делая то участливое, то надменное лицо. Словом, примеряла всяческие маски. “Вы — великолепы! — Она с удовлетворением прикурила и выдохнула струю в зеркальную наперсницу. — Ну, дорогая моя, если таких женщин бросают, то нам с тобой пора улетать на другую планету!”

Однажды, когда Лида еще нетвердо сидела на утренних эфирах, Бугор простоял в аппаратной весь выпуск, а потом подошел к ней. Все в тот день шло плохо: эфир “сыпался”, что-то постоянно выходило из строя, не было вовремя готово. Лида визгливо переругивалась с режиссером, умудряясь сохранять пристойную мину в кадре.

— Более абсурдных новостей придумать невозможно — ты это хочешь мне сказать? — спросила Лида у традиционно невозмутимого Бугра.

— Нет, совсем другое. Бог с ней, с текучкой. Ты мастерски справляешься с ситуацией... Я о другом... — Он взял “мхатовскую” паузу.

— Курить зверски хочется, — не выдержала изнуряющего молчания Лида.

— Да, лучше поговорить в моем кабинете, — по-своему истолковал Бугор ее слова.

Лида никогда не бывала в Его начальственном кабинете, сама же со всей своей бригадой занимала крошечную комнату.

— Роскошно живешь! — Она плюхнулась в светло-коричневое кожаное кресло.

— Я, собственно, с ерундой, — сухо заговорил Бугор. — Увидел вчера одну фотографию в журнале и вспомнил о тебе. Посмотри. — Он сел напротив и протянул Лиде раскрытый журнал. Красивая круглолицая девушка с коротко стриженной, гладкой рыжей головой выглядела одновременно и очень современной, и будто сошедшей с обложки журналов начала века. — Конечно, идиотство с моей стороны лезть с советами подобного рода. Наверное, я не компетентен. В любой нормальной компании существуют высокооплачиваемые стилисты... но... про нашу компанию ты все знаешь — начальство вечно жалуется на отсутствие денег.

Он замолчал, переводя дыхание, и Лида, воспользовавшись моментом, резко вклинилась, бросив журнал на столик:

— Ты считаешь, что я похожа на нее, но она выглядит... удачней?

— Именно. Именно это я и хотел сказать. Она стильная и яркая.

— А я серая и провинциальная! — наигранно расхохоталась Лида.

— Ты умная и талантливая. И милая. А должна быть лучшей. Шикарной! Понимаешь? — Бугор мягко посмотрел на нее, и Лида вспыхнула, закопалась в сумочке, затараторила.

— Может, это и гениальная идея. Сейчас же иду в гримерку с журналом.

Он вновь подвинул к ней глянцевую книжицу. Она схватила ее и поднялась. В дверях оглянулась.

— Вы столь внимательны к интересам сотрудников... — Она не успела достроить ядовитую, как ей хотелось, фразу.

— Я вообще дядька внимательный... — Бугор подошел к ней с открытой улыбкой, чуть склонился, взял ее левую руку и прикоснулся к ней усами. Лида почувствовала мягкий укол, горько-свежий запах, исходивший от его волос, замерла на секунду и выскочила за дверь. “Вот тебе истина! Курица незрячая! Ты больна этим человеком много лет. Отныне болезнь принимает острую форму. Она съест тебя по кусочкам... всю... Господи, счастье-то какое!”

Когда Лида впервые появилась в студии в новом, подсказанном Бугром обличье, эфирная ее жизнь переломилась. Она “нашла” себя. Этой уверенной красивой женщине теперь никто бы не посмел сделать ни одного снисходительного замечания. Слухи “о них” поползли мгновенно: Лида ловила на себе заискивающие взгляды, слышала настороженнейший шепоток за спиной, но это ее вполне устраивало. Пусть думают, что хотят, зато у нее появился “негласный” покровитель, ухмылялась она про себя, пусть и разговаривала-то с ним всего пару раз...

Вскоре Лиду “посадили” на центральные вечерние эфиры. Заключили выгодный контракт. Помогли купить хорошую квартиру. Ею заинтересовались “желтые” газетки и престижные журналы, ее приглашали на расплодившиеся по всему эфиру конкурсы и шоу. Лида стала безраздельной собственностью канала.

Она работала хорошо, очень хорошо. Умно, логично верстала (составляла) выпуск, многое писала сама, правила чужие тексты. Получалось неказенно, емко, эмоционально. И все же ее “государственные” новости заметно проигрывали новостям “независимым”. Много, очень много говорить и показывать запрещалось. “Мягче, не сгущай, никаких акцентов!” — Высшие решения принимались помимо ее воли. Она лишь — грамотный исполнитель и... заложник.

Тот день выдался тяжелым, нервным сверх меры. Лиде хотелось кричать о страшных новостях из Чечни, о погибшем в голодовке учителе из Ульяновска, хотелось расквасить физиономию бандюге-политикану, за “зеленые” скупающему голося перед губернскими выборами. Но нужно было ворковать о посещениях генералами госпиталя с покалеченными на Кавказе мальчиками, отмазывать “высоких” ворюг, дать им порассуждать о “нерациональном расходовании бюджетных средств”. Венчать этот “подарочный набор” должен был рекламный сюжет о богатом выборе шубок в каком-то бутике на Садовой.

Механически отбарабанив положенное, Лида, не раздумывая, кинулась к Бугру. Ей нужно было ворваться, раскричаться, и она чувствовала, что может себе это позволить. Василий (Василек, Котище, Усаньч, Кошак) спокойно выслушал ее стенания и, протянув рюмку коньяку, сказал почти изумленно:

— Господи, откуда такое прекраснодушие при порядочном уже опыте? Как же ты затевалась в игры эти играть? Где, где возможно существовать по другим правилам? — Лида пронзительно икнула, и Василий засмеялся. — Выпей... и не гневи Бога. У тебя настолько все в порядке...

— Нет, не в порядке! Я одна! Я беспомощна, унижена, бессловесна! Устала ходить навтыжку, молчком!

— Да не молчком! Ори сколько влезет!

— И буду орать, буду! — взвизгнула Лида.

— Чуть потише только... — перешел на шепот Бугор. — Твои предложения?

— Никаких предложений. Одно сумасшествие! Под названием Василий Бугров! Ты, ты навязчивый кошмар в первую очередь!

В комнате стало так тихо, что Лида различала звуки работающего в соседнем кабинете принтера.

— Это признание... в ненависти? — Он пытался шутить, но было видно, что совсем сбит с толку.

— В любви!!! — Лида вскочила и помчалась к двери...

Они столкнулись случайно у выхода из компании. Он увольнялся, поссорившись с новым начальством. Был неузнаваем — зашуган, скособочен. С не свойственной ему судорожностью рванулся к ней.

— Что после эфира делаешь?

— Домой еду... — Сердце рухнуло в желудок.

— Я буду ждать тебя в машине. Вон, на той стороне, серая "БМВ".

Ей ли не знать его машины! Она высматривала ее за версту, подходя к мрачному зданию компании, в которой, говорят, в 30-е годы располагалось хозяйственное управление ГУЛАГа.

Лидино счастье оказалось емким и кратким, как сводка новостей.

Какие там "сто часов... чистейшего, без обмана"?!

У ее счастья таких часов наскребалось в 10 раз меньше, и все они вместились в ту ночь, когда они то хохотали, то плакали в темной отлакированной жестянке, тоскующей по родному европейскому покою и устроенности и обреченно звеневшей под рассыпающейся в капли стеной осеннего дождя и бредом, шепотом и всхлипами двух своих ненормальных хозяев.

"Все, пора! — Лида отхлебнула минералки из бутылки, оставив на горлышке оранжевые губы. — Вот дуризм! Остается не на губах, а на посуде... Именно на ней и остается! Ну да ладно, главное сейчас — не забыть темные очки".

На Лиду, когда она бывала за рулем, водители и пешеходы глазели не потому, что узнавали, а потому, что, кажется, она была единственной женщиной в Москве, гонящей на тяжеловесной необоротистой "Волге" — любимице ветеранов и не очень состоятельных бюджетных организаций. Лида выбрала ее — "белоснежную коровку" — сама, "понта ради". В темных очках и шелковистой золотистой накидке, прикрывающей ее голые плечи, Лида никем, слава Богу, не замеченная, прошыгнула из подъезда к гаражу.

"Со смеху помереть, телезвезда, на шпильках и в бриллиантах, дергает рычаг, жмет на педали, взмыленная, подкатывает

к парадному входу концертной студии "Россия". Это по-нашему, "по-расейски" — "коня на скаку, в горящую избу"... Точно, так, на шпильках и в боа в избу и ворвется..."

Главный редактор предлагал сопроводить ее на столь важное мероприятие, но Лида понимала, что тогда бы он не смог взять с собой жену. А на такие сборища принято ходить с "половинами".

— Я буду не одна, — закрыла тему Лида.

Но пойти катастрофически не с кем. Не с Лелей же, за которой увяжется все семейство? Что ж, ей не впервой проблемы обрабатывать в свое же благо. О Лидином появлении на конкурсе расскажут все газеты, снимут все телеканалы. Отличный эпатирующий жест! Держитесь все!

У "России" — столпотворение! Движение перекрыто. Подъезд к концертному залу — по пропускам. Конечно, его-то Лида и забыла. На строгий взгляд гаишника сняла очки, улыбнулась во весь огромный морковный рот. "Добрый вечер. К сожалению, забыла пропуск". Смущенная улыбка молодого инспектора. "Пожалуйста. Проезжайте..." Притиснулась кое-как, уф-ф... Накидку — с плеч. Посмотрелась в зеркало заднего вида: кажется, с косметикой — перебор, а каблуки, вроде, на месте, это самое главное. Извиваясь, вылезла из машины.

— А-а, здравствуйте, здравствуйте, привет! — чмок-чмок в обе щеки знакомых и малознакомых — братство, блин, телевизионное.

Из лимузинов вылезают разнообразные теледеятели и деятельши.

Дорогие ароматы носятся, сталкиваясь в воздухе, насыщая пространство приторной какофонией. Подготовочка к вечеру — будь здоров: смокинги, бабочки — у мужчин, голые спины, плечи, ноги — у женщин. Мелькают блески и даже перья. Но превалирует, традиционно, черный цвет.

Если б еще фигуры... хоть одна прямая спина! Голливуд местного "разлива". Шлепают по несохнувшим лужам, мочат дорожки подола. Толпа — в восторге! Вот и на ее улице праздник. Черт с ним, с "хлебом"... Сегодня дают "зрелищ"!

Лида стремительно (только не семенить, прямее, шею тяни!) движется к лестнице с ковровой дорожкой. Не узнают? Что за шипение?

— Светланова! Светланова, смотри-и...

— Да-а, вижу! О-го-го! — узнали, хлопают, кричат.

Развернувшись на середине лестницы, Лида останавливается. Смотрит в толпу.

Рука ее летит вверх — спасибо, мол. Я вас тоже люблю. В ответ — рев, улюлюканье. Мимо Лиды шмыгают с сосредоточенно-надменным видом другие "звезды". "Стесняются, брезгуют

играть по им же придуманным правилам? Нехорошо, неискренне, господа...”

Приближаясь к дверям, Лида звериным каким-то чутьем, протыкаящим ее с макушки до пят, угадывает Его присутствие. Он стоит в холле, почти у входа, памятником самому себе в перетирающий багровую шею белой бабочке. К нему лепится несуразным костылем высокая худая женщина с незакрашенной на макушке сединой. С другого бока, развалиясь, выпятив кругленький живот, стоит-переминается маленькая копия Бугра — мальчик 10-12 лет. Лида приближается к ним, смотря поверх голов, приветливо улыбаясь, будто узнав кого-то там, впереди.

“Привет!” — по-петушину выкрикивает он ей в лицо. Она милостиво, бесстрастно кивает. И, глядя в налитые всегдашним испугом глаза женщины, участливо произносит: “Добрый вечер...” Женщина не отвечает, подается назад.

Лида продолжает ловкое свое движение ко входу в зал. В голове гул и мешанина: “Видишь, во что превратилась бы ты? В престарелую Офелию, которая почему-то не утонула, а, подлечившись в Кащенко, бредет за размордевшим бессовестным Гамлетом, который совсем неплохо устроился в этом времени”.

Шекспира, как, впрочем, и другую англоязычную литературу, Бугор читал в подлиннике. Что-то даже заучивал. В чтении этом не было ни грама позерства. Он прятался, “нырял” в литературу. И, словно окрещенный, чистый, по-новой брал на душу мирские грехи. Лиду всегда пугало в нем сочетание несочетаемого. Одержимая, бессовестная целеустремленность — и слезливая сентиментальность, снобизм и восторженность. Работоспособность и пьянство. И все же тогда ей казалось — свершилось! Нашла, ухватила, прилепилась к родненькому плечу. Пусть — нелегкий, часто капризный, хмельной, но всегда — понимающий, лучащий спокойную уверенность.

Лида с упоением вила “гнездо”, втайне готовясь к самому важному. Тому, что должно перевернуть, наконец, ее жизнь, наполнить ее подлинным смыслом.

Судьба Василия тоже должна была измениться. Он вел не афишируемые перед Лидой бесконечные телефонные переговоры, в которых звучали самые известные фамилии. Неожиданно срывался и, напомаженный, летел по вечерам на “экстренные” встречи. Однажды вернулся торжественный, благоухающий коньяком.

— Все. Свершилось! — заорал с порога, шваркая кейс и срывая пиджак. — Сжирает меня Баобаб (кличка одного из самых влиятельных олигархов, ведущего большую политическую игру) со всеми потрохами!

Лида кинулась к нему, повисла на складчатой шее.

— К черту мнимую свободу! — Он придавил ее в огромных мягких руках. — В одну дуду будем дудеть... Очень уж ему не хочется проигрывать выборы... Все! — откинулся, плюхнулся на диван. — Дожили до нового телевидения! Скоро мы с тобой,мышь моя солнечная, завертим дело! Они поймут, что такое телевидение! Это будет сверх-зрелище, сверх-информация! Поверь мне, теледедушке, такого здесь, в берлоге, никто не видел...

...Утром Лида проснулась от тошноты. Она рождалась не в желудке, а где-то в затылке, парализовывала мозг, разламывала грудь. Лида помчалась к раковине — никакого облегчения. Она растолкала спящего Васю.

— Мне плохо, Господи, как плохо...

— Что? Что?! — осовевший, с прилипшими ко лбу волосами, со смятым по-утреннему лицом, он сел на кровати.

— Тошнит, ломает... не знаю...

— Отравилась?

— Да я и не ела вчера ничего... голодовка суточная...

— Довела себя! Вся зеленая, полуобморочная. Немедленно жрать! — Он вскочил и голышом помчался на кухню, загремел посудой.

— Вась, не надо. Я не смогу есть, — пыталась крикнуть она, но он не расслышал, влетел в комнату и остановился как вкопанный.

— Что, совсем худо? Может, "скорую"?

— Нет, — вдруг спокойно, с облегчением произнесла Лида, — лучше гинеколога.

— Очумела?

— Нет, просто забеременела...

Произошло чудо. То, на что Лида почти не надеялась, но о чем молила ведущую ее судьбу. Еще 10 лет назад, на первом курсе Университета хиповатый возлюбленный "одарил" ее трудно истребимой постыдной болезнью. Лида угодила в больницу. Прометавшись два дня на серых прогорклых простынях в узкой палате, населенной едва передвигающимися тенями больных и умирающих женщин, Лида вдруг увидела на своей тумбочке с выдранной дверцей апельсин — пупырчатое солнце, откуда-то вкатившееся в этот зловонный склеп.

— Что это? — спросила Лида в пустоту низким голосом.

— Старушка какая-то приходила. Ты спала. Сказала, от Во-вы, — безразлично ответила притерпевшаяся к нестерпимой боли безвозрастная женщина с плоским лицом.

Возлюбленный хиппи прислал "гостинчик" с мамой.

Лида долго и мучительно лечилась. Молодой веселый доктор, после осмотра намыливая руку в резиновой перчатке черным мылом (он считал этого вполне достаточным для очистки дефицитного рабочего инструмента, впрочем, что тогда, в пере-

строечное время, было недефицитом?), вынес вердикт: “До свадьбы все заживет-забудется. Потом только проблемки могут возникнуть. Когда “ляльку” надумаешь заводить”.

“Проблемки” долго не тревожили свободную, работающую Лиду. Казалось, всему свое время. Теперь время — пришло...

— Ты что, не понимаешь, что происходит? Как меняется наша жизнь? — Бугор метался по кухне с зажженной сигаретой. В кои-то веки он закурил.

— Отлично понимаю! Я рожу, выкормлю маленького, потом возьмем няню... мама нам поможет. Я буду работать... с тобой.

— Гениально просто! Все летит в тартарары! Меня не будет целыми днями. Я вообще хотел переехать к себе... на время. — Он мелкокомм выглянул на одеревеневшую Лиду. — Это разумно. До Останкина оттуда рукой подать. И вообще собери мозги! Что сейчас, на данном этапе, важнее? — Он загасил истлевшую саму по себе сигарету. — Чем разумнее пожертвовать?

Лида осела на табуретку, уплывая взглядом в крону лысого замороженного тополя, качающего серую ворону, потерявшую в своих птичьих баталиях хвост.

— Конечно, ты готов пожертвовать моей жизнью. Как традиционно и скучно...

— Ой, ну не надо фраз, в которые ты сама не веришь. — Он был вымотан, раздражен.

Лида неуклюже, смешно затряслась, закрыв голову руками:

— Я запрусь и повешусь в твоей комнате...

Он хлопнул за собой дверь.

Действо явно пробуксовывало. Ведущие запутывались в острых и с маниакальной настойчивостью ставили неправильные ударения в словах. Награжденные говорили одно и то же — о волнении, о маме и своей несостоятельности, смахивая при этом, возможно, вполне искренние слезы. Странные эстрадные номера лишь затягивали происходящее. Лида сидела с двумя корреспондентами из своей редакции. С молодым обаятельным парнем, выдвигавшимся на “лучшего репортера года”, и экстравагантной дерганной дамой, которая была неизменным атрибутом телетусовок и прославилась на проталкивании даже в невинном репортаже рекламы (по-телевизионному — “джинсы”). Информационные программы награждались в самом конце. Новости — марка канала, ведущие — первые лица. Лиду потрясывало. Пафос и волнение происходящего парализовывали волю. Лидина программа уже “пролетела” мимо приза. Впрочем, бугровская “команда” также осталась без тяжелой статуэтки мясистого мужика, рвущего себе желудок (почему этот тяжелоатлет назван Орфеем и символизирует телеискусство?).

Надсадный голос ведущей прокричал:

— На сцену приглашается академик Российской телеакадемии Василий Бугров. Ему поручается вскрыть конверт с именем лучшего ведущего информационной программы!

Бугор вылетел на сцену животом вперед, откинув набриоливленную голову.

— Лидка, держись... — шепнула “джинсовая” дама.

Лида попыталась ернически отмахнуться, мол, все — суета сует... В тишине его голос прозвучал каким-то хищным рыком:

— Лидия Светланова!

Лида будто оглохла на миг и видела улыбающиеся, разорванные в крике рты сослуживцев, как в немом кино.

— Все! Кончено! — стучало в голове...

Когда Лида очнулась после операции, которая расплющила череп и разорвала на куски тело ее ребенка, вырвав его из Лидиной плоти, ей показалось, что она захлебывается. “Зачем налили воду? А-а, это же я сама, мои глаза налили тут соленое болотце... Что-то я забыла. Я забыла самое важное. Конечно, Одуванчик!”

Лиде приснился коротконогий толстый малыш с круглой головкой в белом пуху. Он едва стоял, беспомощно протягивая к Лиде ручки, в одной из которых держал маленький совочек. Лида наклонилась к Одуванчику, хотела притянуть к себе — он пребольно стукнул ее совочком по лбу и упал на спину, беззвучно закатившись в плаче...

К Лиде подошла старая женщина в белом халате.

— Как самочувствие?

— Хо-ро-шо...

— К сожалению, должна вам сообщить... Мы вынуждены были перевязать у вас вторую трубу. Иначе бы вы погибли. Воспаление очень сильное. С первой вы, насколько я понимаю, — жесткая врачиха запнулась, — разделались еще раньше. Словом, я должна сказать, что вы не сможете больше забеременеть.

Лида отгородилась ладонью от навязчивой старухи, мотала головой, деловито тараторя при этом:

— Уйдите, уйдите отсюда. Что вы лезете? Мне нужно поднять Одуванчика...

Последнее, что слышала, поднимаясь к потолку, глухой старушечий голос: “Пульс, что с пульсом?..”

Через три месяца Лида вернулась на прежнюю работу. Все у нее было хорошо. Она объехала с Лелиной семьей Крымское побережье. К концу поездки к ней вернулся голос. Она больше не пила транквилизаторы. Упрямо садилась за руль, впряглась в привычный, назначенный ей судьбой уклад. О Нем она изредка слышала. У Него тоже все было хорошо. Свое дело, семья. Гово-

рили, он собирается жениться на “главной” женщине — матери своего сына. Она может быть ему подпоркой. Стоять послушно в его тени. И терпеть...

Лида видит себя со стороны. Какая-то сила тащит ее по проходу зала. Она, позабыв об улыбке и осанке, взбирается по неудобной лесенке на сцену, подходит к улыбающемуся Васе. Он привычно тыкается в ее руку усами, что-то пытается сказать. Ведущий протягивает ей медного коленопреклоненного “мужика”. Лида с трудом удерживает приз, с неловкостью чирикает: “ну и тяжесть...” Ее подталкивают к микрофону. Она говорит невесте откуда всплывающий в ее голове текст, что-то вводит: “Спасибо, мы все понимаем условность происходящего... игры... Любое принятое решение было бы, наверное, справедливо... но... до чего же приятно, что это — я! Спасибо!” Идет к выходу. “Поздравляем, Лидочка!” — улыбки, аплодисменты. Кто-то набрасывается, душит: “Ли-идка!” — Это зав.отделом оперативной информации — толстая седая женщина с множеством подбородков и едва различимыми глазами. Вонзив мокрые губы в Лидино ухо, она шепчет: “Правильно, так им и надо! Программа — дерьмо. Одна Светланава! На ней все и держится! Пусть ценят!”

Лида не успевает ответить. К ней подбегает кто-то еще, признается в любви. Фотографы с нацеленными объективами шныряют, присаживаются, умоляют взглянуть и улыбнуться. Откуда-то, как черт из табакерки, появляется главный редактор с огромным букетом роз. “Это наша победа!” — с пафосом вручает цветы.

Лиду пребольно щиплет толстая зав.отдельщица. Лида хочет, целует начальника.

— Дай Орфея-то подержать...

— Да заберите вовсе, пусть в редакции стоит.

— Нет, он твой! Только разгляжу.

— Да это ж шахтер, вылитый шахтер на коленях. У Горбатого мостика каску потерял и мается, — влезает со своей скороговоркой “джинсовая” дама.

— Орехи им хорошо колоть, — подыгрывает ей смеющийся редактор.

— Или в качестве грузила. На случай утопиться, — впервые за вечер раскрывает рот не получивший награды репортер.

У Лиды кружится голова. Она чувствует, что рушится от усталости. Награжденные гурьбой движутся к ресторану.

— Да-да, сейчас... — воркует Лида и шмыгает к машине. “Нет, на сегодня хватит общения с этой братией... — Она садится, трясаясь от озноба, заводит мотор. — А вообще... — засовывает в пакет “поверженного шахтера”, — нужно тебя, мученик, к Леле отвезти. — Она закидывает пакет на заднее сиденье. — А то уговоришь еще утопиться... ■

ЗЕМНОЙ КОМ

Майя ОРЛОВА

Голос этой певицы был и остается неповторимым. Сильный, чистый — и в то же время воплощающий собою женственность. Она была звездой, но звездой необыкновенной: о ней не сплетничали газеты, она не меняла мужей и любовников, сама шила платья для своих выступлений и... жила вопреки многочисленным мрачным прогнозам врачей. Жила потому, что надеялась выжить. А уйдя в лучший из миров, обрела бессмертие.

Анна Герман. Она была польской певицей, но без нее немаловажна история российской эстрады. И в то же время она не была ни полькой, ни русской. По отцовской линии Анна происходила от голландцев, по материнской — от немцев, а родилась в 1936 году в маленьком среднеазиатском городе Урганче. В городе, куда во время войны эвакуировалась семья в последствии знаменитого поэта, и о котором написана песня "Обратный билет в детство". Одна из многих песен, составляющих основу русского репертуара Анны Герман.

Отец Анны исчез в сталинских лагерях в 1938 году, она его совершенно не помнила. В 1941 году мать Анны, Ирма, вторично вышла замуж — за поляка Германа. Он пропал без вести в 1943 году. А после войны Ирма с дочерью уехали в Польшу — искать мужа и отчима.

Почему их тогда выпустили из Союза? Как забыли о том, что первый муж Ирмы и отец Анны был "врагом народа", к тому вре-

мени еще не реабилитированным? Как решилась женщина, ни слова не знавшая по-польски, ехать в совершенно чужую страну? Все эти вопросы остаются без ответа. Но в 1945 году мать и дочь оказались в городе Вроцлаве, где и жили потом долгие годы.

Анна училась в школе. Ирма работала поденщицей, затем стала учительницей в начальных классах. Но нужда в доме ощущалась постоянно: денег хватало только на то, чтобы выжить. И потому, когда Анна, любившая рисовать и достаточно в этом плане одаренная, решила поступить в Высшую школу изящных искусств во Вроцлаве, на семейном совете было решено избрать все-таки такую профессию, которая бы приносила твердый и хороший заработок. И Анна поступила... на геологический факультет. Благополучно его закончила, но геологом так и не стала, потому что с двадцати лет первое место в ее жизни занимало пение.

Высокая — метр восемьдесят четыре — но удивительно изящная девушка прекрасно вписалась в коллектив эстрадной труппы провинциального города Жешув. Начались гастроли по Польше. И сразу всенародная популярность. А официальное признание пришло еще очень не скоро. Анна моталась по заштатным гостиницам, экономила на каждом гроше из тех скудных денег, которые ей платили, работала на износ... И лишь тогда в ее репертуаре появилась песня "Танцующие

пас надежды

Эвридики", голос Герман зазвучал по радио, ею заинтересовалось телевидение. А в 1964 году судьба свела ее с человеком, который стал ее первой и единственной любовью. Збигнев Тухольский не принадлежал к артистическому миру, он был обыкновенным инженером, но понимал Анну так, как никто. И, пожалуй, был единственным человеком,

разглядевшим за эстрадным блеском и мишурой тяжелый, изматывающий труд.

Летом того же года на фестивале в городе Ополе "Эвридики" принесли Анне победу. И приглашение на первые зарубежные гастроли: в Германию и Советский Союз. С тех пор судьба Анны она-залась неразрывно связанной с ее родиной, куда она все-таки вер-

нулась после почти двадцатилетнего отсутствия.

Помню маленький виниловый диск с "Эвридинами". И помню удивительное настроение, которое создавала эта песня. Конечно, я ничего не знала тогда о певице, мне абсолютно ничего не говорило ее имя, но голос был из

тех, которые входят в душу внезапно и навсегда. И до сих пор, какую бы песню в исполнении Анны Герман я ни слышала, возникает то же состояние полета, восторженности, мечтательности, если угодно.

В ту первую поездку Анна пела еще только по-польски. Но приоб-

рела в Москве множество друзей, добрые отношения с которыми сохранила до самой своей смерти. После гастролей в СССР Анна получила первую премию на престижном фестивале в Сопоте и тут же отправилась на двухмесячные гастроли в Америку. Второй раз лауреатом Сопотского фестиваля она стала в следующем году. И ниному из ее поклонников и почитателей не приходило в голову, что их кумир не имеет собственной квартиры, в променутках между гастрольями возвращается в крохотную комнату огромной коммунальной квартиры во Вроцлаве. Очевидно, именно поэтому Анна с легкостью приняла предложение малоизвестной итальянской компании грамзаписи.

Малоизвестной, но очень обаятельной. Да, это ей Анна Герман обязана приглашением в парижский зал "Олимпия", где произвела настоящий фурор. За этим последовало выступление на престижном фестивале в Сан-Ремо, где жюри приняло ее пение достаточно прохладно, а вот публика... Публика бунвально сошла с ума от восторга и на следующее утро Анна, как это принято говорить, проснулась знаменитой. Ей присудили "Оскар симпатий 1967 года". А через несколько дней...

Машина, в которой Анна ехала на очередное выступление, потеряла управление и слетела с дороги. Водитель, по вине которого все и произошло, каким-то чудом остался практически невредимым. А вот у Анны был поврежден позвоночник, сломаны обе ноги и несколько ребер. Какое-то время врачи вообще считали, что медицина бессильна. Но вскоре прогнозы стали более благоприятны-

ми. Предстояла тяжелейшая операция, потом месяцы — в гипсовом корсете. Но именно в эти страшные дни Анна научилась не показывать окружающим своего состояния. Она старалась болтать о пустяках, когда хотелось кричать от нестерпимой боли, мило улыбаться, когда в глазах темнело и голову словно обручем стягивало. А главное — она не потеряла надежду на то, что все это рано или поздно останется позади и она снова выйдет на сцену. Снова будет петь.

В те месяцы, когда Анна была обречена на неподвижность, она написала книгу-дневник "Вернись в Сорренто?", которая мгновенно разошлась. Анна Герман уже стала для полянов чем-то вроде национального символа, и они с нетерпением ожидали ее выздоровления и возвращения на сцену. Ждали этого и в Москве. Наверное, именно это ожидание и придавало Анне сил. А письма, приходившие целыми мешками, поддерживали в самые трудные минуты. К тому же певица наконец-то получила двухкомнатную квартиру на окраине Варшавы. Из больницы она поехала в свой первый настоящий дом.

Именно туда в 1970 году пришло письмо из Москвы, в которое Александра Пахмутова вложила клавиру своей новой песни "Надежда". С тех пор эта песня сопровождала Анну всю жизнь. С нее она начала свой первый в новой жизни концерт, который передали по телевидению. А потом был концерт в Варшавском Большом театре. Анна двигалась по сцене легко и непринужденно, и трудно было поверить, что еще год тому назад у нее не было сил оторвать го-

лову от подушни. Осенью следующего года Анна выехала на гастроли в Москву. В 1973 году она вышла замуж за Збигнева, своего Збышена, который дождался ее почти десять лет.

И снова гастроли — на сей раз двухмесячная поездка по Советскому Союзу. Теперь Анна поет только русские песни. "Гори, гори, моя звезда", "Не спеши", "И меня пожалей" и, конечно же, "Надежду". Триумфальные гастроли, на фоне которых почти пренебрежительное отношение к певице польских руководителей культуры казалась особенно обидным. Впрочем, она привыкла к тому, что всего приходится добиваться собственным тяжелым трудом, никогда не жаловалась и принимала свою антерскую долю такой, какой она была. К тому же она понимала: основная причина ее неудач в Польше — отсутствие своей песни. Такой, какой были когда-то "Эвридины". Такой, какой была "Надежда". И она надеялась на то, что эта песня появится.

В 1975 году у Анны родился сын, Збышен-младший. А в качестве подарка из Москвы — опять из Москвы! — пришло несколько песен. "А он мне нравится", "Белая черемуха", "Когда цвели сады", "Вы хотели мне что-то сказать", "Письмо Шопену". Песни эти и сегодня входят в золотую фонотену российской эстрады. А вот подобной польской песни Анны так и не дождалась.

В следующий свой приезд в Москву Анна записала еще одну песню — "Эхо любви", ставшую сразу, как сегодня говорят, хитом. Впервые она ее исполнила на концерте, который шел в телевизионной студии в Останкино. И подго-

товленные, вымуштрованные зрители в студии не выдержали — дали волю своим эмоциям. Песня прозвучала второй раз, "на бис", случай совершенно беспрецедентный для тех времен.

А вскоре на Анну с новой силой обрушилась болезнь, вернее, последствия той роковой автокатастрофы. Врачи ставят страшный диагноз и настаивают на операции. Анна ссылается на свою интуицию и пытается вылечиться "другими средствами". И все-таки в конце концов операцию делают, потом еще одну и еще одну. И все это время — нечеловеческая, безумная боль, когда кажется, что только смерть будет облегчением. И снова надежда на выздоровление, планы, клавиры новых песен из Москвы, которую Анна уже никогда больше не увидит.

Она умерла 26 августа 1982 года в Варшаве на сорок седьмом году жизни.

Удивительная женщина, удивительная судьба. Судьба, которая оставила Анне Герман только работу, семью и изматывающую борьбу с болезнью.

Кто из современных эстрадных звезд может сейчас выдержать с ней конкуренцию? За редким исключением, голоса многих практически неотличимы друг от друга и экзотические псевдонимы тоже не могут заменить нехватку таланта. А уж дорогие иномарки и загородные виллы тем более всенародной любви не прибавляют, скорее, наоборот. Ного ж тогда можно будет вспомнить через двадцать лет, даже если все наши "звезды" будут живы и здоровы, чего мы от души им всем желаем?

Вспомнить так, как вспоминаем мы до сих пор Анну Герман. ■

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Слабый ПОЛ

Принято считать слабым полом... ну, конечно, женщин. Наверное, так оно на самом деле и есть. Но Россия есть Россия, и если бы она не пошла в этом плане своим собственным путем, наверняка что-нибудь бы потеряла. То ли чернобыльская катастрофа необратимо повлияла на российских мужчин, то ли оказались они чрезмерно восприимчивыми к ухудшающейся экологической среде, то ли все силы уходят на страсти по политике и на футбол, но сегодня уже мало кто безоговорочно причислит любого из мужчин к сильной половине человечества.

Нет, конечно, нормальные российские мужчины существуют и составляют подавляющее большинство среди своих братьев по полу. Но попадаются, повторяюсь, и такие экземпляры, что только руками разведешь. Впрочем, судите сами. Вот две истории — мужская и женская, — из которых можно сделать грустное заключение: слабость — это не половой признак.

История первая. Серая мышка.

Настоящего своего имени я называть не стану: когда-то оно было слишком хорошо известно телезрителям. Тогда я был на десять лет моложе, очень хорош собой (если верить моим многочисленным поклонницам, ну, и зеркалу, конечно, тоже), не испытывал нужды в деньгах и вообще жил припеваючи. За границу — предел тогдашних мечтаний

любого советского человека! — ездил, как большинство моих соотечественников в те годы ездило в Крым, то есть легко. Если бы мне тогда показали меня сегодняшнего — опустившегося, полуспившегося мужика неопределенных лет — я бы не поверил.

А начиналось все банально до икоты. Собственно, и начала-то никакого не было. В одну из телевизионных редакций пришла новенькая сотрудница. Такая сухонькая, исполнительная серая мышка. Типичная старая дева без возраста. Естественно, через месяц она была влюблена в меня по уши.

То есть это тогда для меня было естественно, потому что отказа у женщин я не встречал никогда. Стоило только пальцем поманить — и любая оказывалась в моих объятиях... правда, ненадолго. Ну, и эта серенькая мышка Маша при встрече со мной смущалась, краснела, в общем, только ждала, чтобы я подал хоть какой-нибудь знак. Но я предпочитал всегда женщин эффектных, ярких, так что Маше, сами понимаете, ничего не светило. Но улыбался я ей так же, как и всем остальным — все-таки женщина, хоть и Богом обижена.

Я тогда снимался в одном многосерийном телевизионном фильме. Поскольку был “звездой”, поправки к сценарию, если было нужно, мне привозили на дом. И в тот раз — никогда в жизни его не забуду! — текст мне привезла Маша. А кто, кроме нее, согласился бы на ночь глядя, да еще в воскресенье, да еще в омерзительную погоду тащиться сначала к сценаристу на Ярославское шоссе, а потом ко мне — на проспект Вернадского? Добрых полсотни километров, между прочим, пусть и на метро.

У нее зуб на зуб не попал, когда я открыл ей дверь. Ну, я ее и пожалел. Заставил зайти, снять пальтишко, сапожки, выпить горячего чаю. Потом — как-то само собой так получилось — рюмочку коньяку. А потом... уложил ее в койку. Клянусь чем угодно, чисто машинально. Или просто плохо соображал к вечеру.

Когда я утром проснулся, то в квартире уже никого не было. Мне даже показалось, что все это было во сне. Но когда увидел, что вся посуда на кухне перемыта, понял: все было наяву. Терпеть не могу мыть посуду. А уж пол — тем более. Но если кухня моя сверкала, как новогодняя елка, то вопросов “было — не было?” даже не стояло...

А вот когда несколько дней спустя встретил Машу в центре, то опять засомневался: было ли? Она даже вида не подала, что переспала со мной. Поначалу это меня обрадовало: значит, думаю, никаких проблем не будет, свое место девушка знает туго. А потом почему-то задело: все мои девицы обычно спрашивали, когда мы снова увидимся, норовили рассказать о блаженстве, которое испытали и всячески афишировали нашу как бы близость. Ну, и так далее. А эта...

Ну, я и повел себя, как последний дурак: узнал Машин адрес и поехал к ней в гости. Без предупреждения, без звонка, хотя мог нарваться на строгих родителей, брата-уголовника, любовника, наконец. Я же о ней практически ничего не знал. И лучше было бы, если бы нечто подобное действительно произошло и меня выгнали бы взашей. Но... Маша жила одна в крохотной, стерильно-чистой квартирке. А поскольку я был... ну, не совсем трезв, то не стал тратить время на предварительные церемонии. Господи, я ей даже паршивенького цветка не принес, хотя бы чисто символически...

Она и это стерпела: в жизни не видел такой покорности у женщин. В какой-то момент мне показалось, что ее можно ударить или даже избить — она и это воспримет, как само собой разумеющееся. И, главное, опять не понял: хорошо ей со мной было или нет. Даже чаем она меня напоила только тогда, когда я ее об этом попросил. Никакой инициативы. Сказал, что ухажу — только головой кивнула. Как вам это?

С тех пор и пошло. Когда у меня случалось плохое настроение, безденежье или просто одолевала скука — я ехал к Маше. Она всегда была дома, по вечерам и в выходные, никогда не брала отпуска. Впрочем, ее личная жизнь меня решительно не интересовала. Равно как и ее служебные дела.

Поэтому я был просто потрясен, когда узнал, что моя “серая мышка” делает медленную, но очень последовательную карьеру на телевидении. Из девушки на побегушках превратилась в помощника редактора, потом — в редактора, старшего редактора, заведующую редакцией... Да, удивился, но особого значения этому не придал, поскольку в наших с Машей отношениях ровно ничего не изменилось. Она по-прежнему покорно принимала меня, если мне приходила фантазия ее навестить. И по-прежнему выглядела сухой старой девой: даже блузочки новой себе не приобрела, у меня на такие вещи глаз наметанный. Даже духи не сменила, все те же незабвенные “Быть может...” Где она их брала, если в магазинах они исчезли, ума не приложу.

А у меня дела пошли хуже. Дважды я женился — и оба раза исключительно неудачно: на безмозглых красотках, которых интересовали только секс, тряпки и развлечения. С обеими я расстался без особых сожалений, но с приобретенной привычкой заливать неприятности спиртным. По правде говоря, я пил не только поэтому, но и потому, что без определенной дозы спиртного уже не мог нормально работать перед камерой. Да и с женщинами в трезвом состоянии у меня стало плохо получаться. Только с Машей, в любом состоянии я мог все и всегда. Как она этого добивалась — ума не приложу.

А потом в один далеко не прекрасный день меня сняли с роли, которую я уже считал своей. В ответ на все мои протесты советовали только одно: обращаться к тому, кто это решение принял — к исполнительному директору телекомпании. К Марии

Кондратьевне. Или, как все ее теперь называли за глаза, к "Машке-кондрашке"...

Моя "серая мышка" неплохо смотрелась в собственном кабинете. О чем я ей с порога и сообщил, и вообще включил свое фирменное обаяние на полную катушку. И... ничего не добился.

— Вы не годитесь на эту роль, Георгий Александрович, — бесстрастно сообщила мне Маша. — Я смотрела пробы. Вам бы заняться спортом и поменьше пить. Тогда посмотрим.

И это залепила мне моя... даже не любовница, а секс-принадлежность. Женщина, которая и женщиной-то была только благодаря мне. Средство для снятия стресса. Однако! Я решил не настаивать и вечером явился к ней домой, разорившись на три розовеньких гвоздики.

Она только плечами пожала и повторила прежний текст. Я пригрозил, что больше она меня никогда в жизни не увидит — никакой реакции. Я начал на нее орать, обзывать всеми возможными и невозможными словами — ноль внимания. Стал просить, в буквальном смысле слова на коленях: опять "нет". И тогда я впервые в жизни поднял руку на женщину. Я принялся ее избивать — она не сопротивлялась, не уворачивалась, просто закрывала лицо. А меня все это так завело, что я взял ее прямо на полу, практически изнасиловал.

Я думал, что после этого скорее всего просто вылечу с телевидения. И ошибся. Маша, пардон, Мария Кондратьевна, предпочла сделать вид, что вообще ничего не произошло. Разве что стала еще строже и придирчивее, но не со мной лично, а со всеми. Я же решил начать новую жизнь: резко сократил выпивку и предпринял героическую попытку заняться спортом. Купил гантели, тренажер, книжку с описанием упражнений, видеокассету. Но дальше этого дело не пошло. Потом мне все-таки дали небольшую роль второго плана в каком-то пустом телефильме, я успокоился и решил, что потихонечку снова вернусь "в обойму". А когда фильм вышел на экран, подцепил одну из своих поклонниц — молоденькую девицу с обалденной фигурой. Привез ее к себе и...

И ничего у меня не получилось, даже после хорошей выпивки. Девица закатила мне скандал и ушла. А я основательно напился уже в одиночку. С этого вечера все и покатилося: с женщинами у меня ничего не выходило. Ни с одной. В очередной раз потерпев фиаско, я направился к Маше. Хотел ее убить. А потом сигануть с моста в реку, потому что такая жизнь была мне не нужна.

Маша открыла мне дверь и... я снова почувствовал себя мужчиной. Все произошло мгновенно, прямо в прихожей. После чего я отключился — выпито-то для куража было немеренно, — и пришел в себя утром уже раздетым, в постели. Маши не было — уехала на работу. На кухне меня ждала записка с ко-

роткой инструкцией насчет еды и всего остального. "Остальное" представляло из себя пару банок пива в холодильнике. А еще на столе лежали ключи от квартиры. Мария Кондратьевна явно дождалась своего звездного часа.

Но я в тот раз ключи не взял. Решил, что со мной теперь все в порядке и я прекрасно обойдусь без этой мымы. Но спустя две недели вернулся, как побитая дворняжка, потому что ничего не изменилось. Мужчиной я становился только с Машей. И на следующее утро я взял эти проклятые ключи, потому что знал: они мне понадобятся. Накануне меня предупредили об увольнении, а откладывать деньги на "черный день" никогда не приходило мне в голову. Будущее представлялось достаточно мрачным: объяснять, что такое быть безработным актером с репутацией алкоголика, наверное, не нужно. И еще я твердо знал, что Маша пальцем не шевельнет, чтобы помочь мне. Так оно и вышло.

Несколько недель спустя я все же попробовал поговорить с ней.

— Маша, — просительно сказал я, когда мы уже лежали в постели, — мне же не на что жить. Ну, помоги же мне снова встать на ноги. У меня за квартиру полгода не плачено, да и вообще пачку сигарет купить не на что. Сердце у тебя есть?

Она промолчала и притворилась спящей. А на следующее утро я обнаружил на кухонном столе конверт с деньгами. И было там, прямо скажем, побольше, чем я зарабатывал в месяц до своего увольнения.

Первым моим желанием было поехать на телецентр, швырнуть Марье Кондратьевне конверт в морду и — я даже зажмурился от сладкого предвкушения! — поколотить ее как следует. Пока завтракал, пока собирался, мысленно почти забил ее до смерти. Но когда вышел на улицу, решил сначала попытаться добыть деньги самостоятельно, а уж потом...

Я увидел ее ровно через месяц. После того, как понял: никакой работы, кроме грузчика в продовольственном магазине, мне не найти. Да и на этой работе я продержался ровно трое суток, потому что физическая сила у меня и в лучшие времена была средней. К Маше я пришел голодный, измученный, похмельный, сам себе противный. И все было, как всегда. Я уже не заикался о работе и деньгах, но конверт с той же самой суммой, что и в прошлый раз, каждый месяц ждал меня в кухне на столе.

Чем больше я зависел от этой бабы, тем больше ее ненавидел. Пару раз я ее побил, но она это, как всегда, проигнорировала. Впрочем, я ненавидел не только ее, но и себя, причем неизвестно — кого больше. Ненавидел — и продолжал жить по-прежнему.

Когда Маше случается уезжать в командировку, — а в последнее время это бывает довольно часто, — я чувствую себя,

как брошенный хозяевами пес. Без нее мне еще хуже, чем с нею. И вот уже несколько месяцев я подумываю о том, чтобы предложить ей стать моей женой. Не знаю, зачем мне это нужно, но когда-нибудь я это сделаю. Все равно другие женщины для меня уже недосыгаемы.

Только не знаю, чего больше боюсь: отказа или согласия.

История вторая. Ребенок среднего возраста.

Оглядываясь назад, я понимаю, сколько ошибок надела. Я так боялась всю жизнь кого-нибудь огорчить, обидеть, так считалась с другими, так “становилась на чье-то место”, что в результате очутилась здесь, в неврологической клинике, в состоянии тяжелой депрессии.

До тридцати лет, впрочем, ничего из ряда вон выходящего в моей жизни не происходило. Закончила филфак ЛГУ, получила неплохое распределение, поступила в заочную аспирантуру. Вышла замуж, как мне казалось, по любви. Родила дочку.

Все развалилось в одночасье. Муж совершенно по-дурацки погиб: “перебрал” у приятеля и замерз по дороге домой. Перестройка, а потом “новые рыночные отношения” превратили в прах и тлен наш научно-исследовательский институт, а заодно и мои мечты о докторской степени.

Мне еще повезло: вместо того, чтобы стать “челночницей”, как большинство моих коллег, я исхитрилась попасть в довольно-таки замкнутую касту переводчиков иностранной романтической-исторической макулатуры. Точностью перевода никто не интересовался — было бы связно, да быстро сделано. Денег при этом хватало и на еду, и на тряпки, и на полноценный отдых. Замуж я не рвалась — спасибо, нахлебалась. Мне нужен был хороший приятель для совместного проведения досуга. Желательно, со своей жилплощадью, чтобы не гулять без конца по улицам и не стоять в подъездах и вообще — избежать возможных эксцессов. И желательно — настоящий мужчина. В том смысле, чтобы рядом с ним можно было бы чувствовать себя не домработницей и не ломовой лошадкой, а слабой женщиной. Такого, кажется, нашла.

С Александром меня свела одна из моих подруг. Устроила “целевой вечер”: пригласила меня — “симпатичную вдовушку” — и разведенного приятеля своего мужа — “обаятельнейший, интеллигентный человек, дорогая, со своей квартирой, да и зарабатывает неплохо”.

Он мне понравился. Еще бы: высокий, элегантный, с гривой седых, ухоженных волос, почти красивый. И профессия по нынешним временам интересная — юрист. Низкий, волнующий голос, хорошие манеры, обходительность, умение вести беседы на светские темы... Как говорится, чего же боле?

Я бы не назвала это взаимной любовью с первого взгляда, но Александру я тоже понравилась. Внешностью меня Бог не обидел, фигурой — тоже, хотя призового места на конкурсе красоты мне, конечно, не занять. Не дура, самостоятельная, опять же без материальных и жилищных проблем. Через два дня после знакомства он пригласил меня в театр. Через неделю — в гости к своим друзьям. А еще через неделю — к себе в гости. При всем этом не забывал дарить цветы, говорить нежные слова, и вообще ухаживал по всем правилам. С четвертой встречи я стала его любовницей, и только спустя довольно длительный промежуток времени осознала, во что на самом деле вляпалась.

Нет, с чисто физиологической точки зрения мне бы позавидовали девять женщин из десяти, если, конечно, верить тому, что пишут в соответствующей литературе. Александр готов был заниматься любовью несколько раз в сутки, не забывая о том, чтобы я получала свою “законную” долю удовольствия. Сгоряча я чуть было не согласилась выйти за него замуж — настолько прекрасными показались мне новые ощущения. Но когда прошел угар “медового месяца”, обнаружилось, что за всем обаянием моего любовника скрывалось огромное, непоколебимое презрение к женщинам, которым всем “нужно только одно”.

— Все вы, бабы, одинаковые, — заметил как-то мне мой возлюбленный. — Думаете только о собственном удовольствии, а как получили свое — сразу плевать на мужика хотели. Моя бывшая супруга, например, бросила меня только потому, что, как она изволила выразиться, “хватало времени на все, кроме жены”. А ведь я с ней спал каждую ночь. Нет, ей этого мало: я еще с работы должен был возвращаться не позже семи часов, а потом по дому вкалывать. Про выходные — молчу. Она просто обожала ходить по рынкам и потом стоять у плиты... А если меня по будням дела до позднего вечера задерживали, а на выходные были другие планы?

Я промолчала. Надо сказать, что к тому времени мне, в отличие от его бывшей супруги, отлично были известны “дела”, которые ни в коем случае нельзя было отложить. Ларчик открывался просто: преферанс. Либо “вживую”, если была такая возможность, либо сам с собой, на компьютере, притом часами. Что ж, у каждого барона свои фантазии.

“Ребенок”, — подумала я однажды и... испугалась. Случайно я нашла ключевое слово, определявшее характер моего возлюбленного. Ребенок. Ребенок, который топал ногами и бросался на пол, если та женщина, которая в данный момент исполняла роль его матери, собиралась заниматься какими-то своими делами, а не развлекать его. Который мог запросто забыть о времени, заигравшись с друзьями или в одиночестве. Ребенок, обожавший подарки, на которые я, по дурости своей, не скупилась, но совершенно искренне считающий, что он никому ничего дарить не должен — достаточно его самого. Во всяком

случае, с тех пор, как я легла с ним в постель, подарки, то есть цветы, прекратились.

— Тебе обязательно нужны эти условности? — страшно удивился Александр, когда я достаточно прозрачно намекнула, что была бы рада хоть букетику фиалок. — Хорошо, попадутся — куплю.

Но цветы ему “попались” только тогда, когда мы пошли на день рождения к одному из его приятелей. Роскошный букет роз был куплен для хозяйки дома, и я готова была дать голову на отсечение, что никаких романтических отношений тут не было. Просто этот ребенок хорошо усвоил, что в гости к чужой тете нужно приходить с подарком.

Наши с ним совместные вечера тоже были “песней”. Александр, если оказывался дома, обожал смотреть... “Санта-Барбару”, причем я должна была сидеть рядом, держать его за руку и разделять восторги. А меня от любой “мыльной оперы” ненавязчиво тошнит. Что тоже вызывало массу критических замечаний в мой адрес.

Пока я жила с дочкой, все это эгоистическое ребячество Александра можно было пережить. Я убегала домой, отсиживалась там, приходила в себя. Через неделю, соскучившись, находила тысячу оправданий поведению своего возлюбленного — и проводила с ним очередной уик-энд или пару дней. Обычно очередной разлад происходил из-за того, что Александр выдавал “искрометную шутку” относительно того, что близится день получения мною гонорара за очередную работу и вот тогда-то... Я обижалась, вспыхивала, говорила слова, в которых потом раскаивалась, но...

Но, повторюсь, пока у меня было убежище, все это сходило ему с рук. Скорее всего, я его любила. Но тут дочка преподнесла мне сюрприз: на четвертом курсе института познакомилась с каким-то немцем и заявила, что выходит за него замуж и уезжает в Германию. Ну, что ж...

— Ну, что ж, теперь-то мы уж точно должны пожениться, — радостно заявил Александр, когда узнал о переменах в моей жизни. — Переедешь ко мне, твою квартиру будем сдавать.

Перспектива жить с ним в одной квартире в качестве законной жены меня не то чтобы вдохновляла — просто пугала. Во-первых, мне грозило хроническое недосыпание: аппетиты моего партнера в постели мне были достаточно хорошо известны. Во-вторых, мне не разрешалось привезти с собой ни единой табуретки: все должно было быть в том виде, к которому Александр привык за много лет жизни в своей квартире, хотя места для моего компьютера там не было по определению. В-третьих, виделись бы мы с ним все равно только по выходным дням, точнее, тогда уже точно только по выходным дням: Александр уходил на работу не позже восьми утра, а приходил не раньше десяти вечера, если не забегал “на пульку” к кому-ни-

будь из друзей. К любовнице, назначив свидание, он еще мог поторопиться, но к законной мегере... Я же к десяти часам вечера уже клевала носом и мечтала только о тихом и спокойном сне. В-четвертых... В каждой шутке, как известно, есть доля истины, и я совершенно не была уверена в том, что пассажи Александра относительно особенной привлекательности "состоятельной женщины" не были хотя бы на четверть серьезны. Мне это нужно?

В общем, вопрос о свадьбе оставался открытым до того вечера, когда я почувствовала, что у меня начинается грипп: ртутный столбик термометра поднялся до 39°. Кое-как переждав ночь я, проклиная собственную слабохарактерность, позвонила Александру. Застала его уже на выходе.

— Я быстренько разделаюсь с делами и приеду к тебе, — бодро откликнулся он. — Диктуй, что нужно привезти, куплю по дороге.

Я положила трубку и поплыла в забытьи. Очнулась от телефонного звонка, когда в комнате было уже почти темно. Звонил, разумеется, Александр:

— Слушай, Лялечка, извини, я еще не освободился. У нас тут совещание, а потом...

В трубке явственно слышались веселые голоса и звон посуды. Я посмотрела на высветившийся на табло номер: Александр звонил от своего лучшего друга.

— Думаю, тебе лучше не приезжать, — сказала я. — У меня грипп, еще заразишься. Да и устанешь, наверное, после всех совещаний.

— Хорошо. Тогда я завтра тебе позвоню. Ну, поправляйся.

Я положила трубку и заплакала. Плакала долго, некрасиво, завывала, как деревенская баба. А когда немного успокоилась, достала из тумбочки пачку со снотворным, а из бара — початую бутылку коньяка... Игра была мною проиграна окончательно и бесповоротно.

Я не отравилась — только проспала двое суток, да заработала острое нервное расстройство. Теперь, конечно, упрекаю себя в малодушии и глупости: кого я этим наказала?

Подруга, время от времени навещавшая меня в клинике, в последний раз сказала мне в виде утешения:

— Слушай, плюнь ты на этих мужиков и купи себе хороший вибратор. Если бы не мой дурак-муж, я бы так и сделала. А ты свободна — зачем тебе играть в эти дурацкие игры?

Александр за несколько месяцев так меня и не навестил. Может быть, действительно купить этот самый... как его?

Все остальное я, в принципе, и сама умею делать.

Выводы из этих историй пусть каждый делает самостоятельно. Я же благоразумно ставлю точку и от комментариев воздерживаюсь.

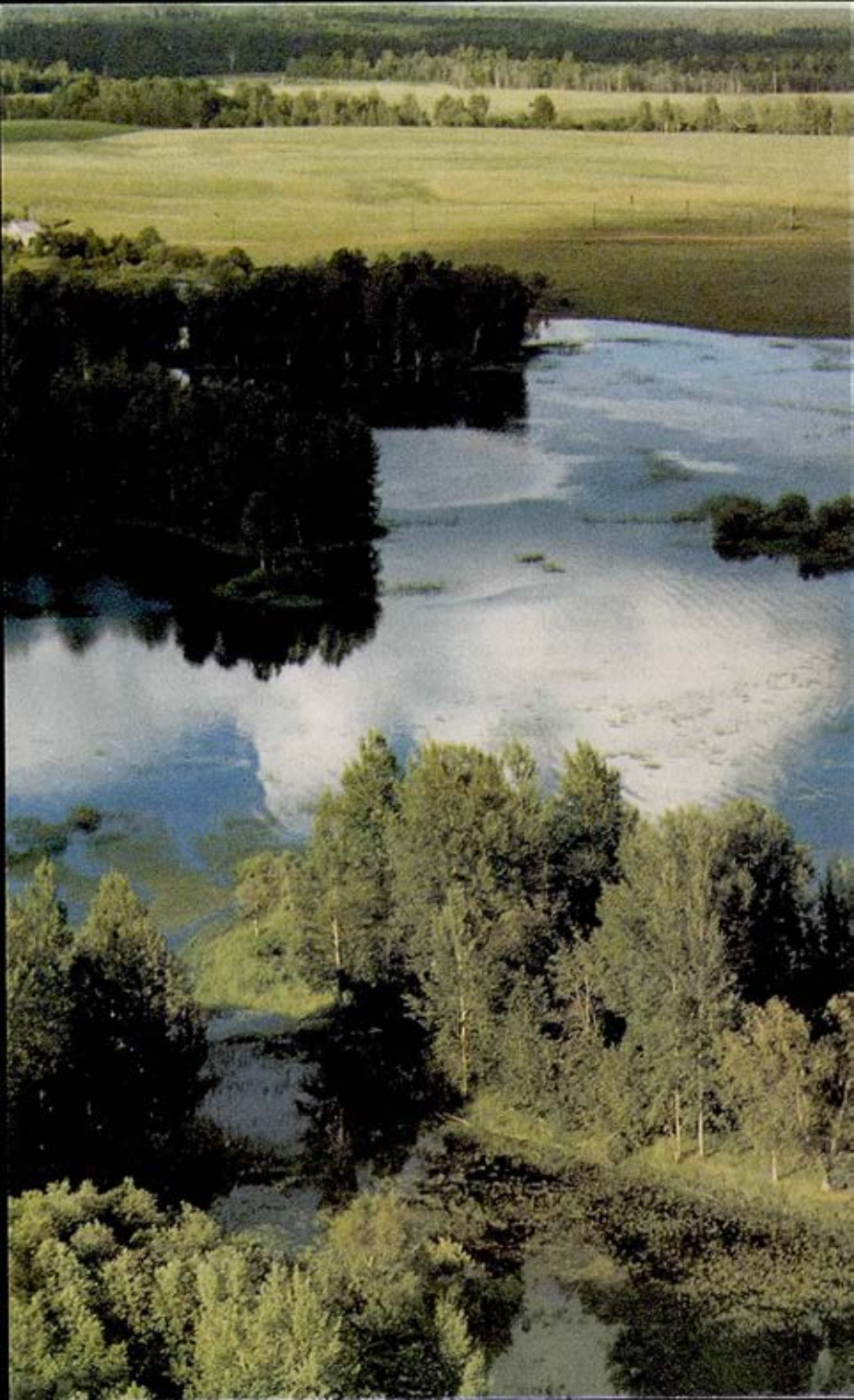

фото Анатолия Фирсова

ИСТОК

Валентин КУРБАТОВ

Есть у меня старенькая, Бог знает откуда взявшаяся выцветшая, поди уж столетняя фотография Крестного хода в каком-то большом при монастырском селе. И, Господи, чего только на ней не поместилось! Ребятишки гроздьями висят на монастырской огаде. Хоругвеносцы в одинаковых свитках воздвигают хоругви. Бабы в белых платочках, повязанных углом, держат тяжелые, украшенные цветами образа. Нищие с неперменной сумой опираются на пали. Справные мунини, "господа купечество", прямятся у монастырских ворот с принатыми к груди картузами. Бегут опоздавшие мальчишки в новых штанах на одной лямке, в каних и я, бывало, бегал в деревенском детстве. Подремывают утнувшиеся в торбы с овсом лошади паломников, приехавших с вечера. Избы вдоль улицы поправлены, булыжник под ногами без соринки.

Возьмешь увеличительное стекло и странствуешь от лица к лицу, от группы к группе, и ждешь вместе со всеми выхода владыки, а то и Государя, потому что на столбах огады томятся в безветрии трехцветные флаги.

Счастливая, полная, единая, торжественно-праздничная, чудно слитная жизнь! "Это было в России, это было в раю", — вздыхал Владимир Набоков. Это поражает более всего — ни одного случайного, "постороннего" лица, зевани — совершенная семья в одном устремлении. Так вот, значит, что это было такое — русский народ, вот, значит, что было такое — русское православие! Нинакая книга так не

убедительна, как этот клочок фотографической бумаги в ладонь. Разве только после нее будешь лучше понимать горько-счастливый эпос Ивана Шмелева, любящие вздохи Василия Никифорова-Волгина и пламенную тоску Ивана Ильина, славящих целого русского человека, открывшегося сердцу в изгнании, словно и им там попала на глаза эта фотография и так же озарила сердце.

Она у меня теперь вроде эталонного метра в палате мер и весов для каждого Крестного хода, и я все жду, жду, когда опять мельнет в монастырских, соборных, престольных праздниках этот спасительный свет единства, и пона все откладываю фотографию как укор, но и как цель и обещание.

Вспомнил я о ней и в тот звонкий счастливый день конца июня на истоке Волги, в день начала Крестного хода по водам Волги, Днепра и Западной Двины для молитвенного воспоминания о двухтысячелетии Рождества Христова. И мне уже не терпится рассказать о нем, но пона этот день только занимается, я успеваю оглянуться на несколько дней прежде, когда едва приехал в Волговерховье и только готовился к встрече с Истоном.

Каждый знает таинственную власть реки и дороги — пойдешь и не остановишься. Ну вот еще до того поворота дойду, и все. А там она зывается еще заманчивее и все что-то сулится впереди — даль, необыкновенная поляна, озеро, край света, наконец. Душа, смущенная томительной серединой, просит завершения.

Не оттого ли всегда тянулся человек и к истоку Волги и все вос-

кресал падающую часою над Истоном, то роняя с нее крест, чтобы сделать реной светской, то вновь воздвигая, чтобы вернуть ей пренную святость. Как русский простор, рена эта ("русский Нил", как звал ее Василий Васильевич Розанов — не зря в древности она упоминалась у Птолемея под именем Ра) тревожила своим величием, и душа просила разгадки этого величия: отчего это там, по слову того же Розанова, "ничего не суетится, а только "дышит" ровным хорошим вековым дыханием"? Как зарождается это "дыхание", откуда? Все кажется, что вот дойдешь до истока, и там все и откроется. Омоешься в молодой воде, и сам станешь частью этой тайны и жизнь будет бесконечна.

Накнется, и я ехал с тем же — чтобы отпустила усталость потерявшего себя, одним днем живущего времени. Вернуть чувство длительности жизни, покойного простора, воли и дали, Родины. Ведь это тяжело выговорить, но мы все чаще живем без нее. Стесняться стали, все хочется чего-то "европейского", "цивилизованного", а Родина — это уж что-то этнографическое, музейное, фольклорное, к чему можно улыбочку снизить, как к невозвратному детству. Вот душа и запросилась к истоку.

А по дороге-то, по дороге! Ржев с его военной славой, Осташков со славой меццанской, теперь нами и за славу не почитаемой, когда город хвалят за честность его ремесленников, за достаток, за духовную крепость и золотую умеренность, еще и теперь таную очевидную в ладе улиц и довольстве попрежнему уверенных в себе домов. А там Нилова пустынь с Угодником, куда съезжалась вся Россия

и куда опять потихоньку съезжалась, потому что вон уж в ней, вчера казалось умершей навсегда, опять больше ста насельников с трудниками, и она, под доглядом архимандрита Вассиана, вновь набирается духовной силы. И не зря тут при повороте на озеро Пено умный язычник по фамилии Голод воздвиг свою пирамиду, в которой, говорят, и вода живет как при освящении, и семена прорастают скорее, и уж, конечно, всякий человек, особенно женского полу, падкий на знахарство и волхование, прикладывается к ней, набираясь "энергии"

А леса-то, леса! Суцая тайга, и перед деревней Коновино, уже на проселке к Волговерховью нам уверенно по-хозяйски в десятке метров спойноно переходят дорогу лосиха с лосенком — их это дом, а не наш. И вон мельнает первый, вероятно, на пути Рени обыкновенный синенький дорожный указатель "р. Волга", и ей тут еще и моста никакого не надо, хватает трубы, но уж разлилась немного, осной затянулась. И в тихой прогретой воде ненаются голавли, как маленькие ленивые торпеды, иногда будто только для того, чтобы самим полюбоваться, распускающие красные плавники, которые рубиново вспыхивают на солнце. Столб с надписью "До Истока 9,9 км", конечно, весь исчерчен ("Привет от Машки из ЭМШ-2", "Здесь были ученики УВН (в частности Света М.)" и, конечно, пластиновые бутылки и бутылки стеклянные — верно не от Машки и Светы М., а от кого-то постарше и поугрюмее.

Почему-то казалось, что сразу и Истоку нельзя. Да уж было и поздно. Надо было оглядеться в душе, и мы остановились на базе Комитета

Впереди у плавучей церкви —
долгий путь.

образования Московского южного округа в деревне Новинки на озере Стерж — первом, которое принимает в себя Волгу и держится ее стержнем.

...Утро встает без росы, душно пахнет крапивой, земля суха и горяча со вчерашнего. Кулички уже реют над осокой, зависая и падая за мальками, и ласточки между ними длинно и косо чертят свои незримые многоугольники. Вода теплая, ласковая, мягкая, и пока плывешь, ласточки подхватывают увя-

завшихся за тобой комаров — так и плывешь в их линкующих диаграммах.

Петропавловская церковь на пригорке глядит незнакомо, хотя только вчера видел ее в нан будто недавнем по изданию путеводителя. А-а, вот в чем дело — с той поры успела упасть главка с крестом. Провалилась и часть купола. Поднимешь голову в бывшем алтаре — и молодые облака плывут над тобой, и те же ласточки штрихуют синеву. Но однако сам корабль храма застеклен и видно, что там сложен

тес и дело идет к выздоровлению. Да только домов-то вокруг всего с полтора десятка — скоро не поднимешь. Любовь Ниловна Нинанорова вышла с палочкой, смеется над курицей, которая норовит вытащить из ведра крошки, да не хватает шеи: "Ишь, бойкая каная! Она и в избы так — зайдет хозяйкой и не выгонишь. Не глядите, что дома крепкие. Это они с виду тание, покрашены, крыши перекрыты. А так-то все вроде меня — я самая молодая в деревне, к семидесяти идет — эта изба еще с царя, а эта

неренсна. Да и остальные не молодые. Собрал нас священник отец Валентин в общину, думали на Пасху уж служить. Но вот вторая Пасха прошла, а пона не служим. Это сейчас народу много, а зимой-то нас раз, два, три... Да, три старухи только и зимуют. Да вон целое кладбище землянов. Кто тут умер, а больше завещают похоронить себя на родине — вот и везут с Москвы, с Питера. Много ли успеешь сделать с такими силами".

Ну, конечно, не они одни в приходе, а и алексеевские, и мосеевские, да и в большом Ноновине за озером, где помирает, но еще не помер колхоз, тонне церкви нет — сюда поедут. Так что Любовь Ниловна еще застанет Пасху в родном селе. Да, пожалуй, и скоро, как стало ясно, когда приехал к вечеру в Новинки устроитель здешней базы и приюта для учителей и школьнинов Южного округа Москвы Борис Иванович Царев. Меня, было, смутило слово "приют" (это для балованных-то мосновских ребят), настолько мы привыкли с несчастных наших лет связывать его с сиротством, но потом уж и обрадовался. Кто же мы действительно, если не сироты, теперь в своих городах без земли под ногой, без птицы в небе, без рени за оградой, да и без звезд по ночам — без того, что от вена и было русскому человеку родиной — сироты и есть... Царев, сам привязанный к Истону несолько лет, и детей, и учителей хочет привязать к нему и собирает вокруг приюта всю деревню, заводит рыбные ловли, достраивает конюшни, чтобы не пылили туристы машинами до Истона, а хоть от Воронова ехали верхами или в колясках, занладывает часовню и метеостанцию для школьных

наблюдений, и Петропавловскую церковь не забывает, склоняет художников, чтобы резали лемех, плели корзины, пилили наличники по старым лекалам, ткали половики, чтобы не забыли люди ни бортничества, ни бондарства. И сколько их уже собралось!

Это уж всегда так — довольно завестись "генератору", так тут тебе и свет во все стороны. Всех он знает и его все. И о каждом торопится рассказать с любовью, каждого торопится показать. И мастера на все руки Николай Ивановича Иванова из деревни Балашово, которому все в радость и все по плечу — и теленные колеса, и сети, и корзины, всякая работа на смену другой веселье и утешение. И первого фермера в этом краю Клавдию Федоровну Чиневскую, которую унесла с родной Украины из покойного города онкологическая операция, когда уж ни один врач и года жизни не обещал, и вот скоро десять лет живет в ненаглядном углу на берегу озера, в корабельных рощах, которые писал здесь некогда Иван Иванович Шишкин, вдаль от людей, платя за красоту тем, что света у нее нет — до ближайшей линии не дотянуться. Летом-то еще ничего, хотя и тут при ее коровах холодильник бы позарез нужен, чтобы не гнать молоко на немедленную переработку и не искать сиюминутного сбыта, а уж зимой ни света, ни телевизора, разве в праздник себе позволишь с копеечным-то генератором. Но не разгибается маленькая женщина с двумя сыновьями, которым не подобрать тут невест, потому что невесты сразу понимают, в какую работу их возьмут, и смеется, показывая маленькие крепкие руки, которыми подняла большое хозяйство: "У ме-

ня мама — кондовая казачка, и она всегда говорила, что для женщины нет слова "не могу", а есть "не хочу". И радуется детям своим, коровам и телятам, огороду и теплицам, где даже любимые с детства арбузы выращивает, и несет нам погладить гусенка "только-только родился", чтобы и мы почувствовали беззащитную красоту жизни, и просит понелать ей только здоровья, а остальное она сделает своими милыми крепкими руками, которые хочется поцеловать, чтобы скрыть слезы любви и благодарности за само чудо ее трудного, но каждодневно ощущаемого счастья.

Мы уезжаем, она остается в привычной звенящей вуали слепней и машет, машет нам, улыбаясь, и я уже иначе гляжу на тесную дорогу в золоте мачтовых сосен (Шишкин-то Шишкин, но при хороших снегах тут действительно и с трактором не проьешься), на даль полей и перелесков до ближайших деревень (сколько же надо столбов, провода и работы, чтобы дотянуть до нее свет — век не разгибайся — не заработаешь). А она светит ровной улыбкой и глядит вперед: "Осенью, осенью приезжайте!", и люпины сияют за ней в огороде совершенным салютом.

Через несколько часов, когда мы с рыболовецким катером, забрасывающим по дороге трал и поднимающим его с во-о-от такими суданками и лещами (а однажды и со щуной, которую, видно, ловил еще Емеля — так она была велика, стара и так печально просилась быть отпущенной, да не было меж нами Емели) дошли до Ширкова погоста уже в озере Вселуг, куда передавалась после Стержа Волга, этой же синевой вспыхнуло целое поле. Однако,

когда мы обошли знаменитую ширновскую церковь, соперницу Нижнего Преображенского храма, чтобы взглянуть на это синее сияние, радость померкла — это разгулялся на очевидно брошенном поле вездесущий синяк, который заселяет даже городские свалки. Красота оказалась порочной и разве только тем и оправданной, что она, как отраженное небо, все-таки очень подчеркивала полет и свет возносящейся на глазах деревянной 40-метровой Иоанно-Предтеченской церкви, три столетия улетающей и не могущей улететь с берега Волги. Легко было представить по дивной этой высоте, что галки с ее крестов видят Астрахань. Катер уходил, считал повороты, а она все касалась головой неба и не хотела прощаться... Но нам непременно хотелось до вечера еще поспеть на Исток, чтобы увидеть его в тишине, в покое подступающей ночи, в последних соловьях и первых звездах.

Лес уже подходил к дороге поближе, готовясь устрашать ночных путников, туман озерцами ложился в низинах, душа бежала впереди, торопясь к такой известной уже по картинкам часовне над Истоком, а остановилась все-таки перед двумя храмами, глядящими на Исток с холма. По-домашнему стояла у дороги седая, некрашенная, родная селу деревянная Никольская церковь с высоким крыльцом, и странно высился в стороне каменный, перед первой войной ставленный по-монастырски размашистый и даже, на взгляд, казенный Спасо-Преображенский собор Ольгина монастыря, с XVII века державшего Исток. Собор недолго послушал

после революции и теперь, видно, ему тоже не скоро хватит сил ожить, хотя он цел, отреставрирован и приготовлен некогда советской властью под музей великой рени. Уж больно велик для малой деревни — прихожан не наберешься. А Никольская церковь уже жива и готовится к завтрашнему Крестному ходу. Отец Валентин просит помочь вынести из храма недавно привезенные, еще сыроватые поклонные кресты, которые завтра будут воздвигать по памятным местам в округе, хочет, чтобы они немного подсохли и пообветрились. Высокие, с голубцами, они тоже всю ночь будут глядеть на Исток и предчувствовать завтрашнее волнение.

У отца Валентина забот полон рот, словом некогда перемолвиться. Я уже знаю, что он — москвич и оборвал свою столичную конструкторскую биографию в самой середине, перебравшись с женой и детьми на недалекий от Ширкова погоста остров с обязывающим названием Божье Дело, и служил сначала в палатке, а теперь уж и храм там стоит, и приход крепок. Но и это его — и Новинская церковь, и вот эта, Никольская.

— Приходы собираются трудно. Духовная традиция разорвана, и все надо начинать сначала, как первым миссионерам. Для этого же пришлось создать и православно-экологическое движение в защиту Волги. Здесь особенно видно, как они связаны — дух и красота Божьего мира, и проповедовать легче одно через другое и спасать их легче вместе.

Проект церкви, которая завтра поплывет от Новинки по водам славянских рек — тоже его, так что он

мыслями-то еще и там, на берегу. И я уже ни о чем не спрашиваю, потому что матушка обещает завтра обстоятельный пресс-релиз.

Вот время-то: московский конструктор, батюшка, бедный деревенский храм, славянские реки, пресс-релиз — все рядом и все это исток чего-то нового, Бог даст, достойного великой реки, начинающейся здесь под горой в уже настаивающемся тумане.

Часовня, ограждающая Исток, заперта, но можно встать на специально вырезанную ступеньку, омыть лицо и почувствовать неожиданное волнение и потом долго стоять в совершенной тишине без особенных мыслей, а только с покоем и светом в сердце, слушая вечер, наливающийся комариным звоном, треском дергача за кустами. Говорят, они приходят со своего юга пешном — тание же паломники родного, и крик их, при всей немусыальности, весел и уютен.

В избах пошли закигаться огни, и кто-то еще подъезжает и ходит деревней.

— Это сейчас, — выходит на крыльцо баба Аня, Анна Григорьевна Седлова. — А зимой, как и в Новинках, нет никого. Четыре огня на всю деревню. Я и сама-то только по летам тут живу. А без выезда — Ефимовна вон и сосед мой Веня. Ефимовне уже 92 года, но крепче нас, не болела ни разу, хотя не приведи Бог какая была судьба. До войны наработалась, в войну при немцах — тоже. Она приглядная была, так бывало всё в саже, в лохмотьях, чтобы пострашнее выглядеть и немцев отваживать. Другие-то иногда и падали, а она была чиста, и детей сберегла, да только отплатили они ей хуже некуда, лучше не говорить. А я еще малой бы-

ла. Только и помню, что полная изба немцев, а мы на печи, чтобы под ногами не толпились. Только отец не боялся — "стану я в своей избе под себя ходить". А на часовой (тогда она уж не часовней была, креста не было, давно свои сняли) они свастику, флаг свой повесили. Но недолго висел — партизаны прогнали.

Я попробую потом поговорить и с Ефимовной, Марией Ефимовной Васильевой, но она уж глуха, совсем не слышит — сназываются девяносто-то два года. Да и стыдится сына, который, сам уж старик, нуражится в избе и не вяжет слов.

Зато дядя Веня сидит у окна, которое, кажется, растворено всегда, и издалека кричит, чтобы шли к нему послушать "историю потешную про мою женитьбу грешную". И так и сыплет раешными стихами — седой, узенький, веселый, борода лопаточной, глаза птичьей пуговой — и весь в сиянии. И тоже, видно, днем "принимал" — такое тут искусительное место, тем более при его-то даре. А жизнь Вениамин Филиппович и вспоминать не хочет. Похвалился только нарточкой, где он — сын полка, старшина, справный солдатик одиннадцати годов, прошедший за войну Украину и Белоруссию, а потом и пастушивший, и сапожничавший, и нищенством перебивавшийся, и много работавший. И только уж на старости воротился в родное Волговерховье, не утерпел, Родина позвала. И вот живет где на пенсию, а где и "с языка". Не было при мне магнитофона, чтобы записать эти его складные горемычины о себе, о Волге, о детях, где веселье по-русски ходит в обнимку с печалью: там были настоящие жемчужины:

— Зима довела. До-о-олгая. Волни в дровах ночуют. Начнешь вспоминать свою жизнь, и хочется ее повеселее сделать, поскладнее. Ну и начнешь стихи сочинять. А летом ходишь, веселишь народ...

Ну, наверное, и не одна зима возбуждает его музу. Когда я завтра услышу, как читает свои ладные, полные веселой иронии и живого крестьянского ума стихи бывший председатель здешнего колхоза, а теперь хранитель Истона, его "водяной" Иван Иванович Орлов, то догадаюсь, что дядя Веня решил "не уступить". И оба они друг о друге помнят и друг друга держат. А забудет дядя Веня стихотворение, и тут же горохом и про Ельцина (вытащит фотографию, где выпивает у себя в избе с ельцинской кунлой и смеется: "Пенсию мою пропивает, своей ему мало"), и про то, что "Сталина надо подымать — изленился народ", ну и, конечно, про то, что у всех болит: "Свободу я приветствую всегда. Ее желудку дали — пустой, одна вода". А напоследок еще и сплясать норovit — такая бедовая кровь, на месте не усидит. Баба Аня из окна на своего соседа глядит и, любя, посмеивается.

А в Воронове я успею повидать еще одну бабушку — бабу Фаю, Фаину Ивановну Ларионову, послевоенную учительницу Волговерховья. Она выйдет из огорода босиком, стесняясь своей юбки, рук в земле, всего непарадного вида.

— В разное время было по-разному. Но в лучшие годы было в школе по 34 ученина. Школа была начальная, учились все вместе. Во всякой семье было тогда четверо-пятеро детей, так что мне работы хватало. Никаких особенных людей вроде не воспитала. Но многие по-

мнят и иногда издалена пишут. А теперь даже и здания школы-то нет. Перевезли в другое село на клуб, да и там бросили. Стареет народ. Зимой ни одного детского голоса — какая это деревня.

А звезд так и нет. Одна проклюнулась, чтобы не забыли, да месяц в мглистом от дневного зноя, выцветшем, не остужающем взгляда небе. Опять, видно, росы не будет. Трава сухо шелестит под ногами и уже тоскует по кузнечикам, которым еще не время выезжать на свой поздний понос. И только дергач кричит, кричит, зовет кого-то, бодрствует, как прежние деревенские сторожа с сухой очередью колотушки. Завтра надо приехать сюда пораньше. Ждут большое начальство: Степашина, Луннова, волжских губернаторов. Понаставят заслонов — не пробьешься...

Боязно было проспать и вставалось в три, в четыре, в пять... В шесть поспешили к Истону.

Дергач все сторожил деревню, туман досыпал в лощинах, солнца еще не было и мерещилась даже какая-то пасмурность, хотя уже и в проталинах синевы там и там. Мы были первыми, и можно было еще и у часовни постоять, заглянуть внутрь, где под полом в огражденном сталью кольце пробивается под взглядом Нерунотворного Спасителя ключ Волги. Правда, Борис Иванович, знающий тут каждый куст, говорит, что для совершенной точности надо пройти с десяток шагов повыше, и мы разуваяемся и по влажным мхам доходим до малого старого плотина под ивняном (по Далю он здесь зовется таволгой и не оттого ли когда-то в своих

"Проселках" Василий Песков, вспоминая это место, замороженно твердил "Волга-иволга-таволга", ловя здесь милый корень все наполняющей Волги), откуда дышит тихонько, движется незримо, чуть колеблется живое неостановимое не течение даже, а пробуждающееся молчание, даже как будто взгляд.

А в деревне меж тем занипала жизнь. Влетела милицейская "Волга", распугав кур, осела разом, как норовистая лошадь в крепких руках, оделась собственной пылью. Не земля это для начальников, а "объект". Вылез полковник с чинами поменьше, пошел осматривать "диспозицию".

И к Никольской церкви пошли подъезжать машины — тоже не без шина. Епархиальные шоферы иногда не хотят уступать милицейским. Отец Вассиан в рясе, в скуфейке чуть набок побегал в храм облачаться. Вчера я смотрел в Новинках его фотографии, снятые Царевым в разные праздники, и наглядеться не мог — совершенный Берендей. А подошел под благословение, так рядом-то он и еще роднее — бывают в природе тание сразу близкие, как сама русская природа, лица. Отец Валентин уже с беспокойством поглядывал вокруг: все ли готово. Трое певчих тихоньку пробовали "исполла" — ждали владыку, архиепископа Тверского и Нашинского Виктора.

Солнце понемногу расходилось. Машины шли и шли. Самого большого начальства не было и по спокойным лицам милиции было ясно, что уже и не будет. Народные художники из Твери и Осташкова, ожидая нашествия гостей со всех волостей, навезли плетеной бересты, деревянной резьбы, керамиче

и торопились разговорить прохожих, удержат рассказы о своих работах, о чудесах дерева и глины — не купишь, так наслушаешься. Дядя Веня независимо прошел мимо милиционеров в чистой, но как всегда расстегнутой рубашке, чтобы не теснить вдохновения, и уже поглядывал хитрым глазом, ожидая интереса к "народу", дети лепились у мороженого, у лимонада. Незаметно заваривался праздник со всем его неустанным движением, ручейками и водоворотами непрерывно перетекающих людей.

И только когда вышел из священнической избы владыка в мантии, подхваченной двумя иподьяконами, все на минуту остановилось и будто даже примолкло, кланяясь на архиерейское благословение, чего-то смущаясь и чему-то радуясь. А уж воздевал на крыльце лентие протодьякон Николай и спешили певцы и уже гремело "исполла эти деспота". Начинался чин архиерейского облачения, всегда такой таинственно значительный, словно открывающий глаза на то, что и всякое-то наше повседневное одевание сакрально, и препоясывает человека для Божьего дела.

Своим чередом пошла литургия, а я, грешный, все собраться не мог, как это всегда бывает в чужих храмах, — глядел по сторонам, рассеивался, успевал отметить, как подвезли хоругви, готовили фонарь для Крестного хода, как уже унесли один из поклонных крестов на место Ольгина монастыря, где поставят его после службы. На "Верую" еще полхрама не пело — народ только приглядывается к церкви, как к оставленному на десятилетия дому, еще да-

же вроде стесняется ее, боясь не так повернуться и сказать невольно, но у окошка стояли мои "знакомые" баба Аня, баба Фая, баба Маня, и не слышал, пели ли, но губами шевелили — такие разные летами и делом, а тут в белых платочках такие близкие. Потом я увижу на паперти и Клавдию Федоровну Чиневскую, на чем-то добралась. Стоит худенькая, совсем девочка, улыбается, тоже ждет Крестного хода.

А уж как двинулись фонарь, крест, хоругви, как поднял людей дьяконов царственный бас "Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе", так солнце, будто дожидалось, пошло слепить и играть в золоте риз и митр, в пылающих красках хоругвей и икон. ОМОН, чтобы не теснились все разом, удержал народ перед аркой, с которой глядели на паломников странным русским святым семейством в одной иконе Николай Чудотворец и Богоматерь с Младенцем. И мы уж слушали молебен и глядели на освящение Волги издалека — благо с холмов все было как на ладони, а плохо спрятавшийся усилитель похрипывал, но дело свое делал.

Мальчишки громоздились на камне, который с 1989 года призывал поклониться Источнику великой рени и великой души народной и не забывать оглянуться, когда уходишь, чтобы унести этот источник в сердце. И с холма, со смотровой площадки, с высокого крыльца Никольской церкви хорошо было глядеть, как владыка троекратно становится перед рекой на колени и погружает в нее крест и потом высоко возносит его над собою, благословляя народ, и мокрый крест весело сверкает на солнце, и сверкает надило, и сверкает стреми-

тельной радугой святая вода Волги. Владыка опускает кропило прямо в ее освященные воды, как в чашу, и всяк торопится поднять лицо навстречу, чтобы непременно попало и на него "во еже просветитися нам светом Единосущныя Троицы". И в этом детском порыве есть что-то оттуда, с давней фотографии, краткий промельк доверчивого единства. Да только слишком нас все-таки мало теснится около владыки, а большинство пока стоит там, вдали — свидетели, зрители, кто по дороге к святой чаше, а кто пока сердцем еще и в стороне от нее.

Владыка читает Послание и благословение Патриарха нынешнему здесь и сейчас начинающемуся Крестному ходу, посвященному 2000-летию Рождества Христова, по водам Волги, Днепра и Западной Двины, по водам собирающих нас славянских рек, на которых утвердилось родное Православие и которые таинственным образом начинаются в этой земле неподалеку друг от друга. Дай Бог услышать народам России, Украины и Белоруссии, которые Крестный ход будет собирать в молитве в течение трех месяцев, такие дорогие сейчас, так своевременно напоминаемые Патриархом слова апостола Павла, "чтобы мы были соединены в одном духе и в одних мыслях". С этим напутствием Крестный ход движется к своему водному началу, в милые Новинки.

Я уже два дня приглядывался там, как молодые люди на берегу у Петропавловской церкви ставили понтоны и монтировали подобие малой часовни белого и синего парашютного шелка, а на траве ждала своего часа алтарная преграда с образами простого и креп-

ного письма. Сейчас все было уже готово и стало видно, что это соборан алтарь с престолом. Значит, народ будет молиться с берега, а алтарь на понтонах, как на солее, будет вознесен над паствой.

А суеты, суеты как всегда при новом деле! Не опробовали ведь — только-только закончили. И опять все бегом. Отец Вассиан снатывается побержной с холма, на ходу надевая поручи (похоже, он всегда и все делает скоро):

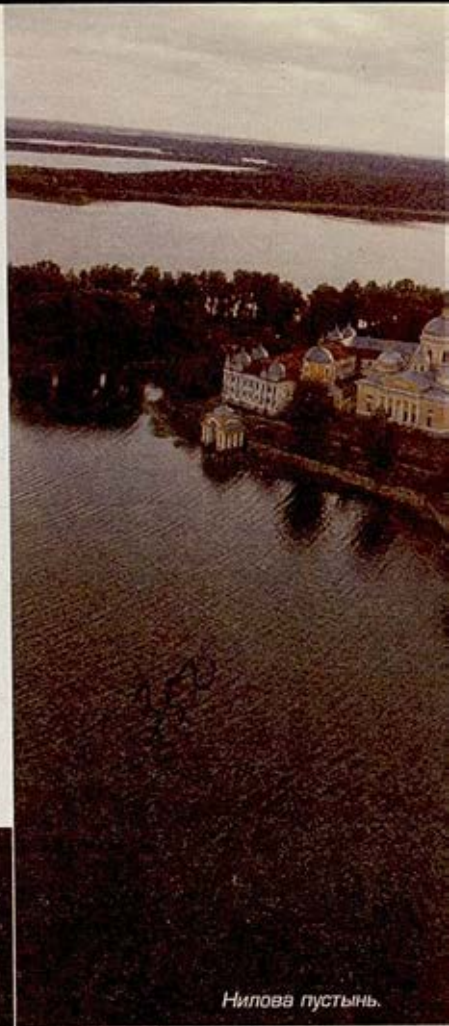
— Отец Валентин, у тебя требник есть? Третья часть?

Отправляют искать. Мальчишка-иподьянок не послеваает с водосвятной чашей.

— А кропило, кропило-то, Федор!

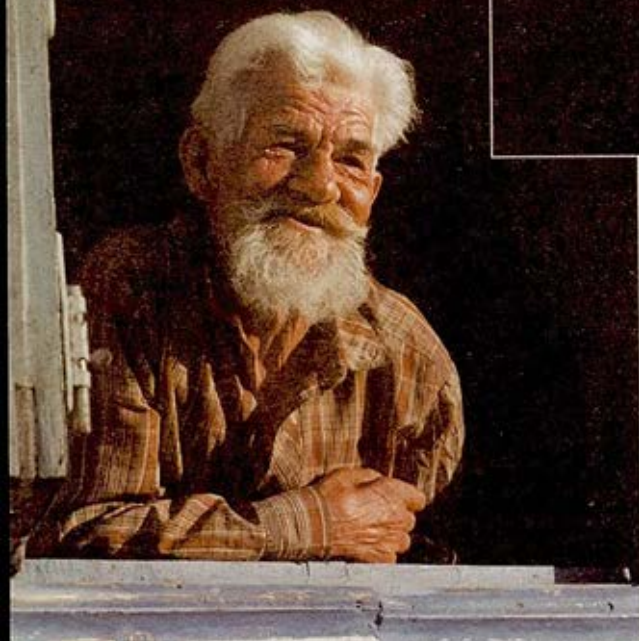
И этот убегает. Владыку, торопясь наждый со своим, теснят журналисты — телевидение, радио, газеты.

Местные хоругвеносцы оканчивают здесь свою часть хода. Здоро-

Нилова пустынь.

Дядя Веня никогда не унывает.

вый мужик, только что возившийся с мотором, втискивается в стихарь прямо в своем намуфляже и подхватывает древно хоругви у своего усталого предшественника. Тихие женщины с инонами Нила Столбенского и Нилоя Чудотворца

Волжаночка.

с видимым сожалением уступают образа сменяющим их молодым людям. Все сносится на второй сопровождающий церковь понтон — кресты, хоругви, иконы. Заводят мотор...

Молодой человек на колокольне Петропавловской церкви (храм молчит, а уж три колокола на месте) ухватывается за веревки:

— Не бойтесь, я умею. В Ярославле жил рядом с храмом. Звонарь и научил. Сейчас вот в Ниловой пустыни тружусь. Мне Саша послушник говорит: поедем на Истон; авось пригодиться. Я не был, когда еще смогу. И поехал. И вот пригодился (и звонит весело и ладно, сам как молодой колокол со звоном в глазах). Александр зовут. Трудник Александр — вот и все, чего писать?

Милиционеры не успевают высказать все свои познания ("Ну, это при ветре и волне не устоит — вон каквя парусность, никакной аэродинамики"),

как церковь медленно отходит от берега под пение с воды и с берега "Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое..." Отец Валентин, счастливый, стоит в царских вратах своего плавучего детища, теперь церкви Христовой, благословляет остающихся и осеняет, осеняет крестом нас, Петропавловскую церковь с неутомимым Александром на колокольне, высыпающих на берег Новинки и оставшийся там, за Мосеевцами, за Вороновым, Исток.

Церковь медленно поворачивается лицом к Волге, к своему долгому трудническому пути впереди, к Астрахани, к Днепру, к Двине, и скоро потревоженные были птицы возвращаются и делаются слышнее все тише долетающего с воды "победы на сопротивные даруя и Твое сохраняя крестом Твоим жителство".

Странно, но теперь, в конце работы, я возвращаюсь к старой фотографии давнего Крестного хода без убора стоящему на дворе дню. Да, там полнота и цельность, там единая слитная жизнь, там понятнее тайна и силы слов род-природа-народ-Родина. Там устье долгой христианской истории. А мы только при истоке и у нас еще не "Лето Господне благословенное" и не весна, хотя так было бы легко отговориться выгораживающей, оправдывающей неустойчивое время метафорой, что и весна неразборчива и несет не один свет и надежду, но и прошлогодний сор и утомление. Нет, это именно исток реки, знающей тяжесть своего пути, горькое бремя истории, опасность челове-

ческого произвола, и все-таки выходящей в назначенный Богом путь.

Много перевидала русская Церковь на страшной дороге последних лет, и временами казалось, что уже пришла последняя осень и нет ей воскресения. Но снова и снова из совершенной тьмы, из тумана или молчания торил себе дорогу малый живой ручей, и, глядишь, скоро Бог знает, как от такой же бедности на своей дороге исподволь набирал силы и с какой-то поры уже был неостановим, уверенно широк и покоен...

Мы еще не узнаём себя в этой малой старой фотографии, и нынешний день в обманчивой нарядной пестроте еще мнится нам только кривым зеркалом минувшего, но почему-то я все увереннее думаю, что это — тот же самый день, неустанно длящийся от рассвета до вечера. Это только кажется, что лучшее миновало, что золотой и серебряный вена отошли и на нашу долю достался один свинцовый. А на самом-то деле, пока освящают владыки наши реки, пока дотягивают по несчастным селам России шепчущие с детства памятное "Верую" бабушки, и московские молодые люди находят силы оставлять обжитые столичные квартиры для палаточных церквей по малым островам русских рек, Волга народного сознания все остается Волгой, — святой рекой России, ее чудом, ее спасением, ее животворящим преданием и церковью.

Нам не впервой начинать с истока. Только бы хватило сил на долгое течение будней. Взять крест еще не труд, а вот донести его... ■

Новелла МАТВЕЕВА

ИСТИННЫЕ ЛЕНИВЦЫ

*Ленив не тот, кто пашет. А зимой
Глядит во сне, устав от летней встряски,
Разбитостью подсказанные сказки
Про то, как труд вершится — сам собой.*

*И сам собою самолет-ковер,
Летающий “по щучьему веленью”,
Обслуживает бедного Емелю,
Как будто он делец и крупный вор!*

*Ленивец тот, кто (в несколько прыжков)
Присвоит белорукое занятие:
Скроит (Елизаветинское!!!) платье,
Кафтан царей для девки перешьет,*

*Кривую муху вылечит от флюса
И сочинит роман... Анри Барбюса.*

* * *

*— Сударыня! Такое ощущение,
Что ваша мысль воинственна весьма.
А где же теплота? Где всепрощенье?
Где трепетная женственность письма?*

*Где щебет задушевной болтовни?
Где рев белужий “бабьих” одиночеств”?
Плач безымянный? Насморки без отчества?
— Почем я знаю — где у вас они?!*

*Пускай Бокаже смелости придаст мне,
А скромности — суровый дю Белле.
Все остальное отсылаю — астме,
Чуме ахейской, змейской кабале!*

*И это все — пускай — в одной фелюге
Кривой корсар потопит с похмелюги!*

НАТА

*Живет-бывает на свете крошка Ната,
Что никогда ни в чем не виновата:
В одной руке топор, в другой — граната,
А все равно ни в чем не виновата!*

*У этой Наты разума палата:
Такую жизнь устраивает Ната.*

Когда у виноватых дело "свято",
А у невиноватых — дело "клято"!

Детей да старцев Ната держит в страхе
(Подушками им ночью служат плахи)
И в верстах страшных снов им кажется черство
Одних и тех же фурий "миротворства"...

Чтоб защитить своих идей туманы,
Она опять летит за океаны
И ну — громить Багдад! (Далековато
Ты "защищаться" ездить, крошка Ната!).

Несправедлива, лжива, бесновата,
От скорой кары демоном заклата,
Навряд подозревает крошка-Ната,
Что ждет ее когда-нибудь — расплата.

Танцовщица, канатоходка Ната,
Не оступись, однако же, с каната,
Не то сорвешься в прорву поневоле
И лопнешь, как смычок без канифоли!

ДНИ ДЕТСТВА ГЁТЕ
Вот Франкфурт. На одном из чердаков,
Под шелест ливня, льющего с утра,
Противных шелковичных червяков
Перебирают старшая сестра

И младший брат. И мнитсся: ряд веков
Прополз над ними... Мгла тепла, сыра...
Но все еще не время, не пора
Ткать платья из растительных шелков.

И детям, словно маленькие львы,
Зевающим, — не близко до травы;
Пускай по рощам рыщет свежий блик;

Не вдруг прорвет честолюбивый стих
Осаду шелкопрядов дождевых!..
Хотя один малыш — уже велик.

ШУМ ЦВЕТОВ

Моей матери
Весенний дождь поет, как примус —
На тысячу эпиталам!
Стекла в окне цветная кривость
Ломает каплю пополам.

*Долой домашней скуки привязь!
Скорее — в рошу! Знаю: там
Уже витает по кустам
Благоухающая примесь
Тепла и просыханья... Толпы
Черемухи — шумят... Заметь:
Благоухать бы им и только,
А им приходится шуметь!*

*Тем чутче слух ловить готов
Не шум листвы, но шум... цветов...*

ПОЧЕМУ?

*Почему нашу радость угасшую,
Подхватив, засветили другие?
Почему у них радость, у нас же —
Угрожающая эйфория?*

Почему?

*Мы привыкли бояться явления
Продолжительного оживления
И, как тать в продырявленной шляпке,
Убегать от удачной покупки.*

Почему?

*Подозрительна радость подарка,
От которой становится жарко.
А звенящее счастьем событие,
Как трясину, должна обходить я!*

Почему?

*К метерлинковским Тучным Блаженствам
Отнеся удовольствия чьи-то,
Радость наша красна джентльменством,
Но оно ей никак не защита.*

Почему?

*Почему она так суеверна,
Словно в ней-то и прячется скверна?
И сама себя карой страшает.
И себе пустяков не прощает, —*

Почему?

*Мысль довольством своим недовольна.
Только счастье трудов ей не больно;
Только радость работы серьезной
Почему-то не выглядит грозной.*

Почему?

*Кто украл нашу радость угасшую
Под предлогом, что “зла” и “порочна”?
Вот у них-то и радость! У нас же —
Горстка страхов, не названных точно...*

Почему?

Без страха и упрёка

Любовь РУСЕВА

Наступил вторник, 28 июня 1855 года, — трехсотый день высадки союзников в Крыму, двести шестьдесят седьмой день первой бомбардировки и последний день в жизни Нахимова. Сегодня противник открыл

шквальный огонь по третьему бастиону. Адмирал в сопровождении своих адъютантов отправился туда.

— Павел Степанович, — пытался остановить Нахимова его племянник штаб-офицер Воеводский, — в поездке надобности нет. Вот куча бумаг, требующая срочного рассмотрения и подписи.

— Как едешь на бастион, — улыбнулся адмирал, — так веселее дышишь.

Офицеры поскакали через город. Среди них выделялся общий любимец героических защитников. В самой фигуре Нахимова было что-то доброе, располагающее. Он был высокого роста, немного сутуловат, белокур, красив, со светлыми голубыми глазами и почти всегда с выражением какого-то задумчивого и порою даже сурового добродушия.

Когда группа всадников стала спускаться под гору к мосту мимо церкви, близ адмиралтейства, над их головами пролетела бомба.

— Видите, нас приветствуют, — проговорил Нахимов.

Адмирал всю дорогу был весел и разговорчив.

— Как приятно ехать такими молодцами, как мы с вами, — улыбаясь какой-то особо светлой улыбкой, вслух рассуждал Павел Степанович, косясь на флаг-офицера Колтовского. — Так нужно, друг мой, ведь на все воля Бога, и ежели Ему угодно будет, то все может случиться: что бы вы ни делали, за что бы вы ни прятались, где бы ни укрывались, ничто бы не противостояло Его велению, а этим показали бы мы только слабость характера своего. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус.

Прибыв на третий бастион, Павел Степанович осмотрел все батареи. Убедившись, что все идет, как положено, своим чередом, он мог вернуться домой. Но рядом высился жертвенник Севастополя — Малахов курган. Именно здесь в первый же день бомбардировки был смертельно ранен Корнилов. Бастион называли Корниловским. Здесь же сложил свою голову другой герой Севастополя — контр-адмирал Истомин.

Нахимов ежедневно посещал Малахов курган, но сегодня здесь было необычно тихо: ни ядер, ни бомб, постреливали только французские сторожевые посты. Несмотря на это спокойствие, адмирал не поехал домой, а отправился на Малахов курган, словно какая-то неведомая сила тянула его туда. Осмотрев все бастионы, Павел Степанович задержался на Корниловском, где пали его друзья и соратники.

— Здравствуйте, молодцы! — спешившись, поздоровался адмирал с окружившими его защитниками. — Ну, друзья, я смотрел вашу батарею, она теперь далеко не та, какой была прежде, она теперь хорошо укреплена. Ну, так неприятель не должен и думать, что здесь можно каким бы то ни было спосо-

бом вторично прорваться. Смотрите же, друзья, докажете французу, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю. А за новые работы и за то, что вы хорошо деретесь, спасибо!

Простившись с солдатами и офицерами, он неторопливо направился к вершине укрепления.

— Павел Степанович, — обратился один из офицеров к адмиралу, — завтра праздник — день святого Петра и Павла.

— Помню, голубчик, помню, — не останавливаясь, ответил Нахимов.

— Но это же и день вашего ангела, — не унимался офицер.

— Верно.

— Павел Степанович, в бастионе идет служба в честь праздника.

— Идите, кому угодно, — остановившись и оглядев свою свиту, ответил адмирал, — я вас не задерживаю-с. — И он зашагал дальше.

Попытка удержать Нахимова не увенчалась успехом, и офицеры, вздохнув, пошли за ним. Павел Степанович взошел на вал, сигнальщик подал ему подозрную трубу. Нахимов прильнул к ней. Высокая стройная фигура адмирала в эполетах была хорошей мишенью. В этот момент провизжала штуцерная пуля, и, едва не задев локоть Нахимова, ударилась в мешок с землей.

— Они сегодня довольно метко стреляют, — хладнокровно заметил Нахимов, продолжая рассматривать позиции противника.

Офицеры побледнели, каждому было ясно — пуля прицельная. И, словно доказывая их правоту, сразу же раздался второй выстрел. Адмирал молча, без стопа, повалился. Французы действительно сегодня стреляли метко. Вторая штуцерная пуля ударила выше левого виска... Было шесть часов пополудни...

— Из Павлуши выйдет славный воин, — не раз говаривал Степан Михайлович, с удовлетворением наблюдая, как в сыне с раннего детства проявляется склонность к военному искусству.

Нахимов, как и все его братья, получил образование в морском кадетском корпусе; был одним из лучших его воспитанников и в шестнадцатилетнем возрасте произведен в офицеры. Боевое крещение Павел Степанович получил в Наваринском сражении на корабле "Азов" под командованием Лазарева.

Петр Великий мечтал об освобождении многострадальной единоверной Греции. Екатерина Великая под влиянием братьев Орловых, которые разработали так называемый "Греческий проект", посылает российский флот в Средиземное море. Император Александр I от своей венценосной бабки унаследовал идею независимой Эллады. Но, связав себя цепями Свя-

ценного союза, он не мог существенно помочь грекам, когда те в 1821 году восстали против турецкого владычества.

Русская дипломатия безрезультатно пыталась склонить союзников оказать существенную помощь борющимся грекам, но тем не было выгодно уничтожение Османской империи, и они ограничивались выражением сочувствия. После вторжения египетских войск в Морею положение греков резко изменилось — судьба восстания повисла на волоске. Они обращаются за помощью к Англии, но Лондон вежливо отказывает.

Тем временем египтянин Ибрагим-паша, который командовал не только турецко-египетским флотом, но и сухопутными войсками, превратил Наварин в неприступную крепость, сосредоточив здесь 2.300 пушек и 70-тысячную армию. Оккупанты зверствуют в Морее, но правительства Англии и Франции предпринимать серьезные шаги не намеревались.

Только в 1827 году русская эскадра, состоявшая из 4 кораблей, 4 фрегатов и одного корвета, под начальством контр-адмирала графа Гейдена пошла в Средиземное море, где и соединилась с английской и французской эскадрами для совместного действия против турок.

8 октября соединенный флот двумя колоннами подошел к Наваринской губе. Одну колонну составляли русские корабли, другую — французские и английские. Впереди русской колонны шел 74-х пушечный корабль "Азов" под командованием Лазарева. Флагманский корабль был встречен перекрестным огнем батарей Наваринской крепости острова Сфактерии. "Азов" шел молча, без единого выстрела, пока не занял назначенного ему места. Вся русская эскадра, следуя его примеру, шла молча. Только заняв свою позицию, русские открыли огонь. Так началась знаменитая Наваринская битва. Неприятель был гораздо сильнее, тем не менее за четыре часа он был уничтожен.

Нахимов описал это знаменитое сражение в письме к Рейнеке: "... В это время мы выдерживали огонь шести судов... Казалось, весь ад разверзся перед нами! Не было места, куда бы ни сыпалась кнители, ядра и картечь. И ежели б турки не били нас очень много по рангоуту, а били все в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды... О любезный друг! Кровавопролитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что ни при Абукире, ни при Трафальгаре ничего подобного не видели".

В этом пространном письме нет, естественно, ни слова о заслугах самого Нахимова, зато в представлении о нем сказано: "Находился при управлении парусов и командовал орудиями на баке, действовал с отличною храбростию и был причиною

двукратного потушения пожара... Мнением моим полагаю награждать следующим чином и орденом св. Георгия 4-го класса".

Резолюция императора Николая I кратка: "Дать".

Храбрость Нахимова отметили и союзники: он был награжден английским орденом Бани, французским орденом Почетного легиона и греческим орденом Спасителя. Но самая ценная для него награда заключалась в том, что ему поручили командовать корветом "Наварин". По этому поводу командующий русской эскадрой доносил в Петербург: "командиром же на сей корвет я назначил капитан-лейтенанта Нахимова, как такого офицера, который по известному мне усердию и способности к морской службе в скором времени доведет оный до лучшего морского порядка и делает его, так сказать, украшением вверенной мне эскадры". Гейден не ошибся; Павел Степанович вооружил на Мальте вверенное ему судно со всевозможной роскошью и щегольством.

Через несколько лет Нахимов получил под свое начало фрегат "Паллада". "Это был такой красавец, — вспоминал современник, — что весь флот им любовался и весьма многие приезжали учиться чистоте, вооружению и военному порядку, на нем заведенному".

Командуя "Палладой", Нахимов совершил поступок, который мог стоить ему карьеры, но сделал известным всему российскому флоту. В составе балтийской дивизии, которую вел знаменитый вице-адмирал Беллинсгаузен, в плавании находился и фрегат "Паллада". Стояла ненастная августовская ночь: дождь и сильный шквалистый ветер. На фрегате запыленговали маячный огонь и вычислили, что эскадра вот-вот наскочит на камни.

— Флот идет к опасности! — сделал сигнал командир "Паллады".

Но ответа с флагманского корабля не последовало. Тогда Нахимов, самовольно сломав походный порядок, изменил курс. (О малейшем нарушении субординации тогда немедленно докладывалось царю.) В журнале флагманского корабля было записано, что не видели сигнала Нахимова: "по причине дождя и большого волнения рассмотреть не могли". Вице-адмирал, увидав, что "Паллада" вышла из строя, отдал приказ всей эскадре переменить курс. Тем самым эскадра была спасена.

— Павел Степанович, я тебе обязан сохранением эскадры, — сказал Николай I. — Благодарю тебя. Я никогда этого не забуду!

Самовольный поступок Нахимова удивил всех, так как мало кто решился бы указать самому Фаддею Беллинсгаузену на его ошибку. Если бы расчеты Нахимова оказались ошибочными, последовало бы разбирательство и увольнение из флота. Не спасло бы Нахимова и заступничество Фаддея Фаддеевича. Император дерзости не прощал.

В 1834 году Лазарева назначают главным командиром Черноморского флота, и он добивается перевода Нахимова к себе. Таким образом, сигналом “Флот идет к опасности!” завершилась служба Павла Степановича на Балтике.

Один из современников Нахимова вспоминал, что адмирал никогда не забывал, что он дворянин и гордился этим, “но в основании этой гордости у него лежали высокие понятия о чести и достоинстве офицера-дворянина. В его представлении дворянин — образцовый слуга отечества, образец для простых людей — матросов. Офицер-дворянин должен понимать, чувствовать, что матросы — это настоящие защитники отечества, на них держится вся служба; нужно сближаться с ними, просвещать их, помогая им тем самым выполнять свой долг перед родиной”.

— Матрос, — говорил Нахимов, — есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Матрос все сделает, если мы, начальники, не будем эгоистами, ежели не будем смотреть на службу как на средство для удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных, как на ступени для собственного возвышения... У многих командиров служба не клеится на судах от того, что они неверно понимают значение дворянина и презирают матроса, забывая, что у мужика есть ум, душа и сердце так же, как у всякого другого.

Знавших Павла Степановича удивляли его простота, доброта и терпение, с которым он выслушивал всевозможные советы подчиненных. Если эти советы заслуживали внимания, то Нахимов принимал их, несмотря на то, кто советовал. Всякий матрос мог смело сказать любимому командиру:

— Это не так, ваше высокоблагородие.

— Отчего же не так, говори!

— А вот отчего...

Нахимов выслушивал и говорил спасибо толковому матросу.

— Так, так, молодец, делай так! — замечал он на возражение матроса.

Нахимов поистине стал кумиром Черноморского флота.

— Ребята! Вот отец матросов идет! — говорили солдаты, заведя издали Нахимова.

Каждый моряк под флагом Нахимова был уверен, что его любимый командир сам зорко следит за всем, взвешивает каждое обстоятельство, и если предпримет что-либо, то с несомненной надеждой на успех. Именно поэтому каждый подчиненный его готов был идти с ним в огонь и в воду.

В 1852 году Нахимов был произведен в вице-адмиралы и получил приказ крейсировать между Крымом и Анатолией, чтобы сторожить турецкий флот, который, по сведениям, должен был выйти из Босфора для того, чтобы овладеть Сухумом,

доставить боевые припасы на кавказский берег непокоренным горцам и возмутить их против России.

Нахимов был истинным учеником Лазарева, и все время крейсерства, несмотря на непрекращающиеся штормы, проводил учения. Ему, как и всей команде эскадры, не терпелось сразиться с врагом, но приказ был наблюдать, а не нападать. Турки ко всему еще и дразнили неприятеля, а тут Корнилов прислал весточку: чем черт не шутит, может, и доведется “свалить дело вроде Наваринского”.

Русский флагман издает приказ № 145: “При встрече с турецкими военными судами первый неприязненный выстрел должен быть со стороны турок, но то судно или суда, которые на это покусятся, должны быть немедленно уничтожены. В заключение я должен сказать, что, имея таковой отряд под командой, мне ничего не останется более желать, как скорейшего разрыва со стороны России с Турцией, и тогда я убежден, что каждый из нас исполнит свое дело”.

Наконец 26 октября Нахимов получает долгожданный пакет, в котором ему дозволялось брать и разрушать султанские корабли. Именно в это время эскадра Осман-паши и Гусейн-паши прошла незамеченной из Константинополя в Синоп.

Через несколько дней Нахимов получил официальный манифест о войне. “Война объявлена! Отслужить молебствие и поздравить команду”.

Разведывательный корабль обнаружил неприятеля, который стоял на синопском рейде под защитой шести береговых батарей. Отряд турецких судов состоял из 12 судов, у Нахимова было — три. Павел Степанович подошел близко к берегу, чтобы зорко наблюдать за противником, не дать ему выйти из порта. Русские суда, несмотря на постоянные штормы и дождь, держались до тех пор, пока не подошло подкрепление — еще три корабля и два фрегата. С такими силами уже можно было успешно атаковать неприятеля.

“Государь Император и Россия, — говорилось в приказе, — ожидают славных подвигов от Черноморского флота: от вас зависит оправдать ожидания”.

18 ноября, около полудня, над эскадрой взвился русский флаг. Двумя колоннами, тихо и спокойно, она двинулась на противника. В полдень, после первого выстрела с турецкого фрегата, Нахимов яростно бросился на Синопский рейд. Эскадра действовала как на учении: методично срыла батареи, сожгла и взорвала суда. Ожесточенный бой закончился через пять часов полным истреблением турецкого флота. В плен были взяты командующий флотом Осман-паша и командиры двух фрегатов.

Корнилов, участвовавший в том сражении, писал жене: “... Нахимов со своей эскадрой уничтожил турецкую и взял па-

шу в плен... Ура, Нахимов! М.П.Лазарев радуется своему ученику!"

Сразу после окончания сражения черноморцы принялись исправлять суда, и через 36 часов пустились в обратное плавание. Потрепанная в бою эскадра совершила этот путь сквозь бушующее море без затруднений.

За это сражение Павел Степанович получил орден св. Георгия 2-й степени при следующей Высочайшей грамоте: "Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись русского флота новою победою, которая всегда останется памятною в морской истории. Статут военного ордена св. великомученика и Победоносца Георгия указывает награду за ваш подвиг. Исполняя с истинною радостью постановление статута, жалуем вас кавалером св. Георгия 2-й степени большого креста, пребывая к вам Императорскою милостию Нашею благосклонны".

Празднование, поздравления, награды... А ставший народным героем Нахимов хмурится — он предвидит расплату за эту "совершеннейшую" победу. "Горе победителям!", — не раз произносил Павел Степанович. И был прав. После Синопа французы и англичане стали готовиться к реваншу.

1 сентября 1854 года городской телеграф в Севастополе дал знать, что видит неприятельский флот, приближающийся к нашим берегам. На следующий день последовала высадка англо-французских войск на берега Крыма. Севастополь почти не был укреплен со стороны суши, если не считать небольшого числа бастионов, составлявших севастопольский гарнизон. Город фактически находился под защитой одного только флота.

Еще до рождения Нахимова главным командиром Черноморского флота был французский эмигрант маркиз де Траверсе. Понимая значение главной базы Черноморского флота, маркиз пытался защитить ее не только с моря, но и с суши. Он предлагал превратить Севастополь в сильную крепость: "... весь город обнести сплошными каменными верками с надлежащими рвами", — писал Траверсе в Петербург. Александр I написал на этом проекте: "Хранить до востребования".

Сменивший маркиза адмирал Грейг тоже составлял планы и чертежи по укреплению Севастополя, и их тоже постигло архивное погребение. Осложнение международного положения, возникшая угроза Крыму встревожили Петербург. Император Николай I запросил Лазарева: "По силам ли англичанам прорваться в Севастополь с моря?". Адмирал ответил, что город требует значительных дорогостоящих сооружений, и заявил, что если англичане пожалуют, то, конечно, с флотом "гораздо нашего сильнейшим".

Отказ правительства соорудить предлагаемые адмиралами Траверсе и Грейгом фортификационные сооружения обернулись во время Крымской войны огромными жертвами.

Уходя из Севастополя с войсками, главнокомандующий князь Меншиков поручил оборону северной стороны Корнилову, а южную, на которой расположен город, — Нахимову. Сознание своей неопытности в ведении сухопутной войны, Павел Степанович явился к князю.

— Ваше сиятельство, для пользы отечества и блага России я готов умереть. Я с радостью подчинюсь младшему по званию и буду содействовать ему в принятии мер для обороны города. Но сам отлично сознаю, что не могу быть хорошим сухопутным генералом.

— Павел Степанович, я не принимаю это за серьезный отказ, — ответил князь и уехал.

Нахимов помрачнел, он видел один честный исход — лечь костью.

4 сентября разыгралось кровопролитное сражение на реке Альма. Союзники значительно превосходили войска Меншикова, они выиграли сражение числом. Главнокомандующий отвел войска за Севастополь. Противнику оставалось только на плечах отступающих войти в город, но он этого не сделал. Генералы союзнической армии вместо того, чтобы проявить ту самую смелость, что города берет, повели себя осторожно.

— Вот ослы! — изумился поведению генералов Павел Степанович. — После войны непременно махну в Париж, дабы в открытую сказать им дурака.

Союзники расположились под Севастополем. “Я наконец увидел в расстоянии 2 километров этот знаменитый город, против которого три большие державы двинули отборные части своих армий, — писал родителям во Францию полковой адъютант. — Ниже города видны некоторые фортификационные работы, на которых, кажется, находится довольно большое количество людей... В порту ясно различаю, при помощи своей подзорной трубы, корабли с высокими темными бортами... Если русским заблагорассудится все эти орудия поместить на укреплениях, мы услышим хорошую музыку!”

И они ее услышали!

После битвы на реке Альма к Севастопольской бухте подошел огромный неприятельский флот. Совет флагманов и командиров решал участь Черноморского флота. То была одна из самых тяжелых минут в жизни Павла Степановича.

— Я стою за выход в море, — заявил адмирал Корнилов, — за гибель с честью, гибель в открытом, абсолютно неравном бою.

Большинство участников этого драматического совета не поддержало рыцарского предложения Корнилова. Голос Нахимова должен был быть решающим, но он молчал, колебался. Разум всегда перевешивал в этом человеке эмоции, и он выступил против своего друга.

14 сентября Нахимов издает приказ: "Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожу затопить суда вверенной мне эскадры, и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться, как герой; нас соберется до 3.000; сборный пункт на театральной площади".

Между тем неприятель перешел на южную сторону и приступил к осаде города. На глазах врага росли укрепления Севастополя, воздвигались новые батареи. Благодаря бесменному часовому — Нахимову, который наблюдал за их постройкой, сооружение шло настолько быстро, что когда начался первый обстрел города, севастопольцы встретили его должным образом.

Наступило памятное утро 5 октября. В половине седьмого захохотали 53 французских и 73 английских пушки. Одновременно с моря ударил соединенный англо-французско-турецкий флот — 1.500 орудий выпустили 150.000 снарядов.

С первым выстрелом неприятельских батарей Нахимов был уже на пятом бастионе и распоряжался стрельбой, сам наводил орудия и следил за полетом снарядов. Гром выстрелов слился в страшный гул над головами сражающихся. Тысячи снарядов бороздили землю, укрепления, неся смерть и увечья. Противники бились до тех пор, пока наша артиллерия не заставила замолчать сухопутные неприятельские батареи. Поврежденные вражеские корабли отошли, не причинив большого вреда нашим фортам.

Несмотря на успех русской артиллерии, день этот ей дорого стоил. Тысячи матросов и офицеров были убиты и ранены, но врагу доказали, что ему трудно будет бороться с храбрыми защитниками города. В этот день севастопольцы понесли невосполнимую потерю — на Малаховом кургане погиб любимец моряков — Владимир Алексеевич Корнилов. Нахимов был ранен в голову, но, к счастью, легко.

Для Павла Степановича началась непрерывная, неутомимая и невероятная деятельность. В течение девяти месяцев своего пребывания в осажденном городе он ни разу не ложился спать раздетый, по несколько раз в день бывал в госпиталях, на перевязочных пунктах, хлопотал о больных, о продовольствии для войск, строил мосты...

Нахимов не водил в атаку войска, но был ими любим за постоянную заботу о их нуждах. Получая значительное содержание и не имея семьи, он жил по-спартански скромно, раздавал деньги нуждающимся.

7 марта стало последним днем еще одного любимца Севастополя — Истомина. В 10 часов утра, осмотрев позиции, Владимир Иванович возвращался с Камчатского редута на Корниловский бастион. Рядом с ним шли саперный капитан Чистя-

ков и капитан-лейтенант Сенявин. Контр-адмирала просили переждать артобстрел в траншее.

— Э, батенька, — отмахнулся он, — все равно: от ядра нигде не спрячешься!

И в этот момент французское ядро снесло голову Истомину. Кости его черепа ранили Чистякова в лицо и сильно контузили в руку Сенявина. Оба были облиты кровью контр-адмирала.

На похоронах Истомина коллежский советник Мансуров находился рядом с Нахимовым: "... невозможно было спокойно видеть, — доносил он в Петербург, — слезы этого воина, имя которого так грозно разразилось над врагами. В.И.Истому суждено было занять место, которое Нахимов готовил себе около незабвенного Михаила Петровича Лазарева; дай Бог, чтобы в этом заключался залог сохранения жизни, столь драгоценной для Севастополя и всего русского флота...".

— Есть еще место для одного: лягу хоть в ногах у своих товарищей, — успокаивал себя Павел Степанович.

Вскоре после этого, 27 марта 1855 года, Нахимов был произведен в адмиралы. Получив чин, Павел Степанович издает приказ по флоту: "Геройская защита Севастополя, в которой семья моряков принимает такое славное участие, была поводом к беспримерной милости Монарха ко мне, как старшему в ней. Высочайшим приказом от 27-го минувшего марта я произведен в адмиралы. Завидная участь иметь под своим начальством подчиненных, украшающих начальника своими доблестями, выпала на меня.

Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного нам Севастополя и флота! Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами. Отстоим Севастополь, и если Богу и Императору будет угодно, вы доставите мне случай носить мой флаг на грот-брам-стенге с тою же честью, с какую я носил его, благодаря вам, и под другими клотиками; вы оправдаете доверие и заботы о нас Государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков".

Между тем осада Севастополя продолжалась. Нахимов настолько сроднился с войсками, что, казалось, без него и самая защита Севастополя невозможна. Каждый защитник после жаркого боя прежде всего осведомлялся: жив ли Нахимов?

Союзники назначили общий генеральный штурм на 18 июня — день битвы при Ватерлоо. Французский генерал Пелисье был уверен, что его Ватерлоо завершится победоносно.

— Севастополь непобедим? Ну так я возьму его!

Опытный главнокомандующий рассчитывал на значительный перевес в живой силе, в количестве орудий и боеприпасов. На штурм Севастополя свои отборные войска он решил послать только после мощной артподготовки, которая по его расчету сметет русских.

17 июня 1855 года, на рассвете, союзники открыли шквальный навесной артиллерийский огонь. Ближе к полудню к севастопольскому рейду подошли вражеские паровые фрегаты, которые с моря засыпали город бомбами. "Я не помню, чтобы все предыдущие бомбардировки были хоть маломальски похожи на эту, — писал капитан-лейтенант Лесли, — в этот раз был решительный ад".

Общий штурм начался еще до восхода солнца, почти в темноте. Главное направление удара — малахов курган. Французы сражались самоотверженно, но батальоны отборных русских стрелков ("застрельщицьи батальоны") сдержали бешеную атаку. Неприятель снова ударил и ворвался на корабельную сторону. Во время рокового момента подоспел отчаянный храбрец — генерал Хрулев.

— Благодетели мои! — крикнул любимец солдат. — В штыки! За мной!

Такой отчаянной схватки история еще не знала. В самой гуще свалки находился и Нахимов. Когда противник вновь прорвался, отбросил русских солдат, переколол многих офицеров, Нахимов скомандовал: "В штыки!" Враг был снова отброшен.

"По гарнизону, — вспоминал один из русских офицеров, — как будто бы пробежала какая-то особая сила одушевления, уверенности, отваги". На этом открывшемся втором дыхании и устоял Севастополь.

В день, когда неприятель занял Камчатский редут, Павел Степанович едва не попал в плен, но оставался таким же спокойным, каким был и в первый день осады. Он ободрял огорченных потерей редутов и указывал из окна своей квартиры на бодрых солдат.

— Нет-с, — говорил он, — у нас здесь нет уныния, и быть не может... Я бы на месте главнокомандующего расстрелял того, кто приведет в уныние; не конфетами, не яблочками перебрашиваемся! Вот меня сегодня самого чуть не убило осколком — спины не могу разогнуть... да это ничего, еще, слава Богу, не слег!

Несмотря на контузию и боль, Нахимов на следующий день был опять на батареях.

...Известие о том, что Нахимов смертельно ранен, что его не стало, быстро облетело все бастионы. Дрогнули защитники Севастополя, когда сердце этого честного, бескорыстного человека перестало биться, и чистейшая душа этого рыцаря без страха и упрека отлетела в вечность. Адмирал скончался 30 июня в 11 часов на пятьдесят третьем году жизни.

В тот же день начальник севастопольского гарнизона отдал следующий приказ:

“Храбрые защитники Севастополя!

Провидению угодно испытать нас новою тяжкою потерей: адмирал Нахимов, пораженный неприятельскою пулею на Корниловом бастионе, сего числа (30-го июня) скончался.

Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, достойнейшего начальника, витязя без страха и упрека — вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего сожаления о кончине героя синопского.

Моряки Черноморского флота! Он был свидетелем ваших доблестей, он умел ценить ваше несравненное самоотвержение, он разделял с вами опасности, руководил вас на пути славы и победы.

Преждевременная смерть доблестного адмирала возлагает на меня обязанность дорогою ценою воздать неприятелю за понесенную нами потерю.

Каждый воин, стоящий на оборонительной линии Севастополя, жаждет, я несомненно уверен, исполнить этот священный долг; каждый матрос удесятерит усилие для славы русского оружия”.

Трогательно было погребение героя Синопа и славного защитника Севастополя. 1 июля, с 6 часов утра, со всех мест обороны съезжались отдать последний долг Нахимову командиры, товарищи, подчиненные. Закаленные в бою защитники Севастополя, стоя у гроба Павла Степановича, горько плакали.

Адмиралы и генералы вынесли гроб. Армейские и морские батальоны стояли в почетном карауле по 17 в ряд. Барабанщики ударили “полный поход”. Корабли спустили флаги, прогремел пушечный салют. Раздался печальный звон сохранившихся колоколов.

Гроб Нахимова поставили в склепе рядом с гробом его учителя — адмирала Лазарева. ■

сергей

Долгое время он работал в Театре имени Моссовета, играл в спектаклях с Файной Раневской, Ростиславом Пляттом, Верой Марецкой. Снялся во многих фильмах. Главная роль в фильме "Усатый нянь" сделала его знаменитым. Сегодня Сергей Проханов — художественный руководитель московского "Театра Луны".

— Первый вопрос напрашивается сам собой: Как это "Усатый нянь" вдруг открыл свой театр?

— Все началось с перестройки. Тогда у многих людей, в том числе и артистов, было ощущение, что все предыдущие годы ты жил неправильно, и только теперь появилась возможность жить по-другому, сделать то, о чем мечтал долгие годы, как-то иначе попробовать реализовать себя. И я здесь не исключений. Первое, что я сделал, — организовал театральный кооператив. Мы возили по стране чужие спектакли. Через некоторое время я понял: зачем мне возить чужие спектакли, тратить на это нервы и силы, если можно сделать свой спектакль и точно так же прокатывать его по стране.

— Но актер и режиссер, по моему, несколько разные профессии...

— Так получилось, что, будучи актером Театра имени Моссовета, я уже занимался режиссурой. Более того, при Союзнонцерте была "Студия реалистической фантастики". Так случилось, что в Театре имени Моссовета я показал спектакль "Отравленная тушина", и после черного прогона

меня "поставили в очередь".

— А что это значит?

Тень, знай свое место?

— Есть режиссеры, которые всегда ставят спектакли, а есть те, кто годами ищут подходящего случая.

— И вы не захотели быть во втором составе?

— Да, я многое понял и сам себе в первую очередь сказал: "Все. Сидеть и ждать, пока получишь площадку, на которой сможешь сыграть поставленный тобой спектакль, или всю жизнь, как некоторые режиссеры, ходить с протянутой рукой, я не буду".

— Можно подумать, что открыть свой театр в Москве так просто...

— Совсем не просто. Мне дали какое-то жуткое подвальное помещение, все, что его тогда видел, приходило в унас. Но я почему-то верил в то, что и в самом захудалом подвале может получиться

**"НЕ ПОБЕГАВ В МАССОВКЕ,
ГЛАВНУЮ РОЛЬ НЕ СЫГРАЕШЬ"**

проханов:

маленький театр. В прошлом году исполнилось пять лет, как наш театр имеет статус государственного. А вообще нам уже семь лет.

— Для маленького театра — не так уж и мало. Знаю, что к вам практически не попасть, хотя билеты, скажем так, не очень-то дешевые. И

все-таки, не легко, думаю, было уходить из "раскрученного", как сейчас говорят, театра практически в никуда?

— Очень важно сделать первый шаг. Как только ты его сделаешь, сразу становится понятно, чем заниматься и что делать дальше. Я рад, что у меня именно так все и получилось.

— А почему ваш театр так странно называется — "Театр Луны"?

— Почему странно? В Париже есть "Театр Солнца", в Японии — "Театр Тумана"... Луна — близка к Земле, и, согласитесь, влияние Луны очень чувствуется. Все мы — дети Луны. Мне такое название показалось достойным для "театра реалистической фантастики". Время показало, что я не ошибся. Хотя сначала столько было иронии по поводу подобного названия: "Какой-то театр Луны"... говорили. Театр Гоголя — понятно, Театр Советской Армии — тоже понятно, а Театр Луны — непонятно.

— А кино? Ведь оно в вашей жизни играло тоже не последнюю роль?

— От кино я постепенно отошел. Последний фильм "Тений", в котором я снялся, ровно четыре дня шел в кинотеатре "Россия". Потом кинотеатр закрыли. Больше я в кино не снимаюсь...

— Труппа в вашем театре постоянная или вы набираете актеров на один, два спектакля?

— Постоянная. Из известных актеров работают — Анатолий Рома-

шин, Валентин Смирницкий, Елена Нондулайнен, Чулпан Хаматова... Их трудовые книжки лежат в "Театре Луны". А вот с актерами героического плана у нас плоховато.

— Ну, с ними вообще сегодня напряженна. А как дела с героинями?

— Героини репетируют, потом играют премьеру, потом еще один спектакль. Вскоре, смотрю, в руках героини появляется огромный букет с записной, потом пейджер, потом сотовый телефон, а потом "Днип" у служебного входа, а на моем столе — заявление об уходе. Одна из наших героинь живет в Америке, другая — в Англии, третья — в Германии. Сейчас на подходе четвертая.

— Значит, чтобы удачно выйти замуж, нужно работать в вашем театре?

— Получается, что так.

— Интересно, а как ваши домохозяйки отреагировали на столь крутой поворот в вашей жизни?

— В соответствии с трудностями.

— Ваша жена — антриса?

— Татьяна — юрист-мендуприродник, закончила МГИМО.

— А правда, что вы свою будущую жену нашли в сугробе?

— Чистая. Причем, в прямом смысле слова. Мы с товарищем были в Доме отдыха в Пахре. Однажды идем на лыжах и видим в сугробе двух девушек. Они в это время прогуливали урони в школе. Чтобы девушки не замерзли, мы их пригласили погреться. Сами пошли нататься дальше, а когда вернулись, увидели, что девушкам приятно и весело. Выяснилось, что моя будущая жена — внучка двух маршалов — Жукова и Василевского. Через полтора года я женился.

— Внучка двух маршалов — это, как сейчас говорят, круто. А в вашем роду маршалов не было?

— Дед по отцовской линии был цыган. Другой дед расписывал церкви. Отец работал на заводе, мама — домашняя хозяйка. С семи лет я пел. У меня был голос, как у Робертино Лоретти. Меня и по телевизору показывали, и на всевозможные конкурсы таскали. Продолжалось это лет до тринадцати, пока не началась мутация голоса. Возникшую паузу я заполнил тем, что поступил в физико-математическую школу. Думал, что буду математиком.

— А почему же стали актером?

— В Тушино, где мы тогда жили, во Дворце культуры "Салют" была театральная студия. Руководил ею режиссер Театра Советской Армии Сергей Евгеньевич Вальнов. Однажды мы с ребятами туда зашли и нам там понравилось. Я начал играть главные роли в постановках, а потом, к удивлению всех, с первого раза прошел сразу в три театральных вуза. Нужно было определяться — я выбрал Щукинское училище. У нас был очень сильный курс, хорошее распределение, и я получил приглашение в Театр имени Моссовета.

— Тогда в нем блистали Орлова, Марецкая, Раневская, Плятт...

— Я пришел в труппу в сентябре, а в январе следующего года умерла Любовь Орлова. На сцене я ее уже не застал. А с Пляттом и Раневской играл в спектакле "Дальше — тишина". У меня там совсем маленькая роль, на театральном языке она называется "нушать подано". Репетируя ее, я даже предположить не мог, что мне предстоит.

— И что же вам предстояло?

— В спектакле героев Раневской и Плятта разлучают собственные дети. Долго решают, кто берет отца, кто мать. После всего пережитого герои идут ужинать в ресторан. Перед этой сценой была другая —

драматическая, слезливая. Раневская очень долго после нее успокаивалась. Я играл официанта в том ресторане, роль-то всего несколько слов, но мне проще было сыграть какую-то сцену, чем этот небольшой кусок.

Я ждал, пока выйдет Раневская. А когда она выйдет — никто не знал. То ли через минуту, то ли через десять. Она плачет за кулисами, ее полтеатра успокаивают, уговаривают, а я в это время нахожусь на сцене. Вынужденную паузу нужно чем-то заполнить, чтобы зритель ничего не понял. Что хочешь — то и делай. Я уже и манжеты свои поправлял, и четветку танцевал, и со зрителями перемигивался. И все время за кулисы поглядываю, когда Раневскую на сцену поведут. Она сама никогда не выходила. Ее нужно было всегда выводить. Время тянется, я уже все переделал, наконец, смотрю — ведут.

— Хорошенькое "нушать подано", ничего не скажешь.

— Мне был 21 год, и уже тогда, сыграв в этом спектакле, я понял, что не побегав в массовке, главную роль не сыграешь.

— Да, но отговорив свое "нушать подано", уже хочется произнести "Быть или не быть".

— Видимо, моя сила в том, что в своей жизни я сделал крутой поворот и ничуть об этом не жалею. Я из породы тех людей, кто любит победить. Не терплю, если у меня что-то не получается. В такие моменты нервничаю и но мне лучше не подходить.

— В омут с головой — это про вас?

— Нет. Я либо вообще не подхожу к делу, либо, уж если взялся, доведу до победного конца. Но в омут с головой не бросаюсь. Имея за плечами опыт физио-математической школы, я многое просчитываю наперед.

— А дети в вас пошли?

— Дочери скоро исполнится двадцать лет. Она — художник по костюмам. Настя сделала прекрасные костюмы к нашему спектаклю "Путешествие дилетантов". После премьеры появились рецензии, в которых меня немножко пинают, а Настю хвалят.

Сыну пока десять лет, учится в испанской школе, занимается музыкой, танцами, учится кататься на лошадах, занимается нарзатэ и плаванием.

— Дети с вами откровенничают?

— У жены более доверительные отношения с ними. Потому что до определенного момента в их жизни большую часть времени с детьми проводит жена. Когда Настя закончила школу, я взял ее под свою опеку. Мне очень хочется, чтобы дети участвовали в театре. Ведь театр — это мое детище.

— Раньше это называлось семейственностью...

— В этом нет ничего плохого. Мне бы очень не хотелось, чтобы после моего символического или реального ухода театр достался неизвестно кому, чтобы кто-то совершенно бездарно здесь что-то делал.

— Не рановато ли вы об уходе, пусть даже символическом, заговорили?

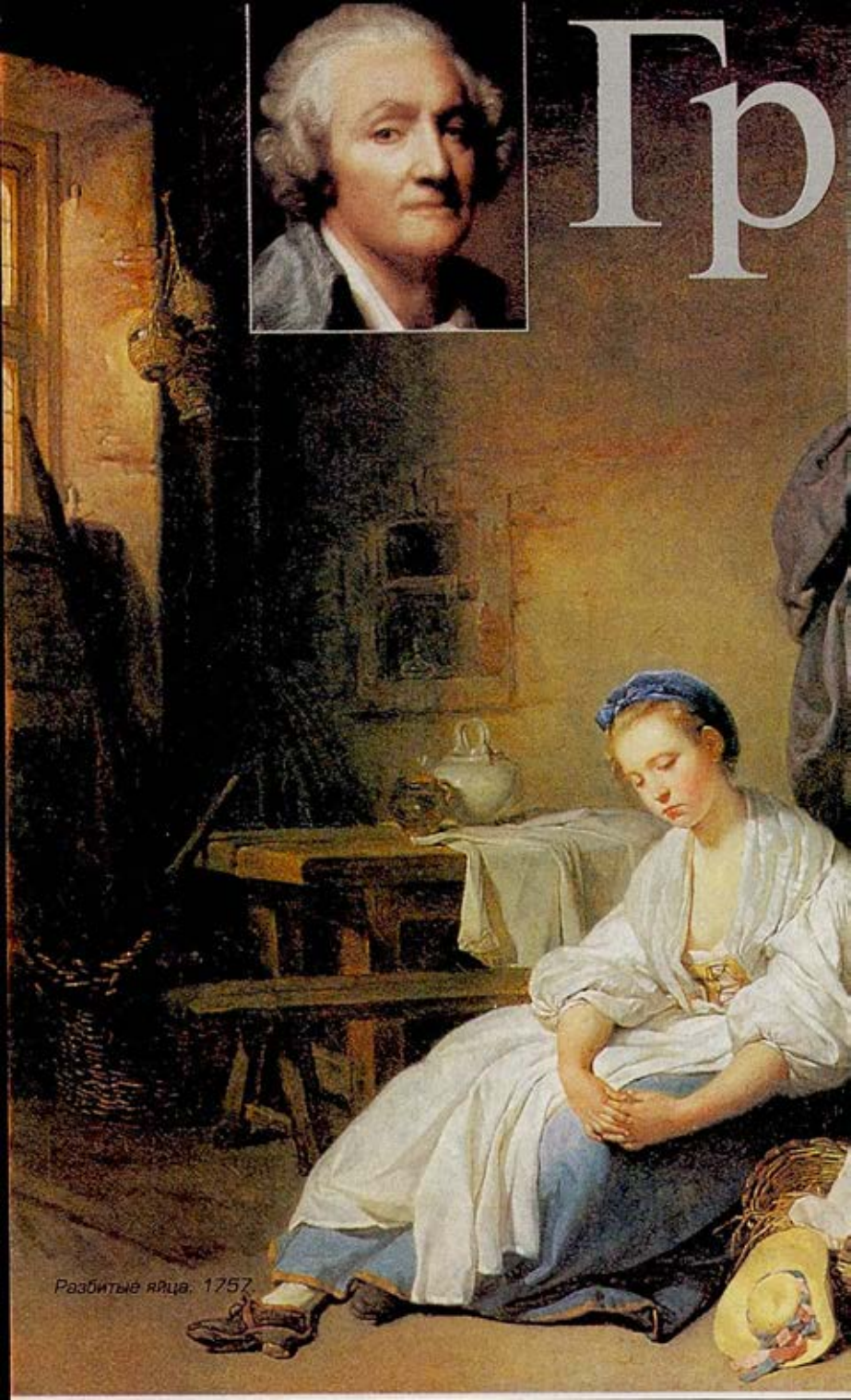
— Мне 46 лет, но, тем не менее, о тылах нужно думать всегда. Хорошо, когда эти тылы свои, они надежные. Потому что свои меньше предадут. Очень хочу, чтобы у дочери появилась мастерская, я бы ее использовал во благо театра. Уже пора выходить из небольшого подвальчика. Ждем на этот счет решения московского правительства. ■

Беседавала **Лада АКИМОВА.**

Фото **Ольги Чумаченко**

Гр

Разбитые яйца. 1757.

е3

Ж

А. МАКЛИН

ан-Батист Грёз родился в маленьком французском городке Турне, подле Макона, 21-го августа 1725 года. Родители его принадлежали к рабочей среде, жили в маленьком скромном домике, на котором теперь памятная доска. Отец занимался кровельным делом и даже выбился в надсмотрщики. Он отличался суровым нравом и огромным честолюбием. На первенца возлагал большие надежды и мечтал, что когда-нибудь Жан-Батист станет известным, всеми уважаемым архитектором. Но у маленького Грёза довольно рано возникла тяга к рисованию. Напрасно отец боролся с увлечением сына, напрасно наказывал мальчика за то, что тот на стенах и везде, где только мог, рисовал. Сдался он после долгой борьбы, благодаря подарку, сделанному ему маленьким Грёзом в день рождения. Рисунок, исполненный пером и изображавший голову апостола Иакова, был так хорош, что его сначала приняли за гравюру. Мальчик работал над рисунком в ночное время, когда родители думали, что он спит. Глубоко тронутый отец дал, наконец, свое согласие и отправил сына в Лион учиться живописному ремеслу в студии Грандона.

Слово "ремесло" здесь вполне уместно, так как мастерская Грандона представляла настоящую фабрику картин и могла служить лишь плохой школой для начинающего художника.

Картины "пеклись" здесь так же быстро, как хлеба, которые сажала в печь крестная мать Жана-Батиста. Правда, в мастерской мальчик научился искусству владения красками, а также приобрел кое-какие сведения по рисунку. Но в то же время приучился относиться к работе легкомысленно, получил навык искусственных приемов, заменявших творчество, научился копировать, а не создавать, — и этот недостаток стал со временем одним из его слабых мест.

Когда Жану-Батисту исполнилось двадцать лет, он покинул Лион и направился в Париж искать счастья. Имел юноша в своем распоряжении лишь скудные средства, кроме, конечно, тех, которыми наградила его природа: таланта, приятной внешности и немалого запаса самодовольства.

Первые годы пребывания в Париже мало чем отличались от обычной жизни художников, пробивающих себе дорогу. С Грёзом повторилась старая история нужды и борьбы, чередующихся блестящими надеждами и скромными успехами. Молодой Грёз допускал слишком много ошибок, чтобы рассчитывать на одобрение Академии. Так что еще десять тяжелых лет пошло на изучение искусства в Академии и на усердное писание тех плохих вещей, которым он научился в Лионе. Наконец работы

Медитация. 1780.

Грёза привлекли внимание двух известных художников — Сильвестра и Пигалля, королевского скульптора. Благодаря им, Грёзу удалось выставить в Академии в 1755 году первую картину, которая принесла ему успех: “Отец, читающий священное писание своим детям”.

Нужно признать, что картина написана слабо. Ее единственное достоинство состоит в том, что она выражает благочестивое настроение счастливого семейства. Можно подивиться, что такая посредственная живопись принесла славу молодому художнику. Но чтобы понять причину этого успеха, надо припомнить время ее появления. Дело в том, что Грёз застал худший период восемнадцатого века перед революцией, когда общество дошло до полного упадка. Краски и пудра на лице, надушенность тела, искусственность манер. Все были до того развращены, что искали новых ощущений и поневоле бросались в другую крайность, стараясь найти новизну в нравственности.

Практичный ум Грёза схватил дух времени. Уверенный, что ему удастся привлечь внимание благочестивым сюжетом, он принялся за работу. И действительно, картина появилась именно в тот момент, который обеспечивает успех. Кроме того, она внесла и освежающую струю в настроение публики, пресыщенной слащавыми произведениями Буше — длинной вереницей бесцветных пасторалей.

Со дня открытия выставки Салона и до самого ее закрытия около произведения Грёза толпились восторженные зрители. Нашлись, конечно, и враждебно настроенные критики, потому что тщеславие Грёза породило большое количество врагов. Они заявляли, что Грёз не мог сам написать это полотно. Но счастливый живописец-проповедник уже завоевал себе положение: споры только увеличили интерес, окружавший его имя.

Наконец-то Грёз добился успеха. Его выбрали членом Академии, что дало ему, наряду с прочими привилегиями, право выставлять там свои картины.

Он продал это знаменитое произведение за довольно крупную сумму некоему господину Ливье де Жюли. Приобрел друзей, из которых многие были влиятельными людьми. Один из новых знакомых Грёза предложил ему мастерскую. Другой, аббат Гужено, пригласил его поехать с ним в Италию, для изучения искусства, на что Грёз согласился.

Он пробыл два года в Италии, но это пребывание ничем не отразилось на творчестве Грёза, кроме итальянских названий и костюмов. В 1757 году Грёз возвратился в Париж и с воодушевлением принялся за работу. Он долго пожинал плоды громкого успеха, но под конец узнал и горькое разочарование.

Второй значительный успех Грёза выпал на “Деревенскую невесту”, выставленную в 1761 году. Первоначальное название картины “Отец, выдающий приданое дочери”, более соответствовало содержанию, хотя звучало менее поэтично.

Эта картина рассказывающая о красоте семейной жизни, добродетелях и счастье простых людей, произвела настоящий фурор. Столь же велико было и вознаграждение — 9000 ливров, а позднее, в 1780 году, ее приобрел королевский кабинет за 16.650 ливров.

Менее успешными с художественной точки зрения считаются две очень известные картины Грёза, появившиеся три или четыре года спустя и находящиеся теперь в Лувре. Это — “Проклятие отца” и продолжение того же сюжета — “Наказанный сын”. Первая картина изображает порочного, развращенного сына, который вырывается из отчаянных объятий матери. Наказание виновного сына изображено на второй картине. Искусственность в позах и движениях, заметная в “Деревенской невесте”, в этих работах переходит в дешевую театральность. Преувеличение портит весь эффект. Чувствуется, что все действующие лица просто позируют и к тому же скверно исполняют свои роли. Краски тяжелы, тусклы и скучны.

Эти картины Грёза — не более как декоративные сочинения. То же можно сказать и о всей серии подобного рода картин, появившихся позднее, несмотря на их несомненную прелесть, всегда свойственную живописи Грёза. Вообще Грёз, видимо, представлял жизнь в виде мелодрамы, в которой порок неизменно наказуем, а добродетель — награждается, между тем как в настоящей жизни этого не бывает. Кроме того, он позволял себе вольности, искажения в передаче бытовых деталей. Его крестьянки сидят в неестественных позах и нежно улыбаются, кормят детей. Никакая черная работа не портит рук самых хлопотливых из его хозяек. Дети, влезаящие на колени матерей и нянь, как буд-

то вовсе не нарушают аккуратности их платьев и причесок. Даже при самом большом воображении невозможно представить себе, что Грёзовские молочницы в самом деле разливают молоко, служанки же похожи на дам, играющих в горничных. Положение фигур всегда представляется искусственным, наивность его девиц и детей крайне манерна, условна. Глаза их не краснеют от проливаемых слез; складки косынок расположены так, чтобы выставить напоказ шею и грудь более чем откровенно. Зачастую на картинах Грёза встречается головка двенадцатилетней девочки, приставленная к фигуре семнадцатилетней девушки.

Вервара Николаевна Гагарина. 1780.

Но совсем не так думал Дидро, самый горячий поклонник и друг Грёза. Он просто-таки захлебывался в похвалах о произве-

дениях, свидетельствовавших о “великих душевных качествах и о прекрасной нравственности”. “Чудесно. Превосходно! Му-

Онидание Юлигера. 1780.

жайтесь, мой друг Грёз, продолжайте всегда писать такие сюжеты, чтобы, когда наступит минута смерти, вы могли с удовольствием вспоминать все, что вы писали”.

“Параличный” или “Сыновняя преданность”, “Плоды хорошего воспитания” в знаменитой галерее Эрмитажа в Петербурге, “Проклятие отца” в Лувре — просто иллюстрации на десять библейских заповедей, к тому же переданные плохими, невыразительными красками и представляющие собой откровенно дешевую мелодраму.

Однако в течение всех этих лет Грёз время от времени писал детские головки, в которых был виден истинный дух его дарования. В 1765 году, когда была выставлена картина “Проклятие отца”, Грёз написал “Брошенный поцелуй”. Он изображает молодую женщину, выглядывающую из-за цветов своего окна и посылающую поцелуй отъезжающему возлюбленному. Век Грёза не осуждал такого рода картин, напротив, все, не исключая моралистов XVIII века, имели склонность к фривольности, а потому художник, изображавший обнаженную натуру и чувственность, вызывал всеобщий восторг. И таким образом слава Грёза росла.

Существует целая вереница картин, носящих названия: “Мечты любви”, “Вакханки”, “Желание”, “Флора”, “Чувственность” и т. д., на которых мы видим девушек, оплакивающих свои горести в виде разбитых зеркал, мертвых птичек, смятых цветов, раздавленных яиц, разбитых кружек и тому подобных ребяческих фантазий, — в то время довольно модные сюжеты.

Портреты Грёза также имели успех. Он не углублялся в психологию, не заглядывал в души людей, но искусно передавал внешний блеск модели. Лучше всего ему удавались женские лица. Чувствительный к красоте, он легко попадал под женское обаяние. Романтические истории Грёза особенно интересны, они показывают не только его увлечения, но и рыцарское отношение к женщине. Первой юношеской любовью Грёз воспылал к жене своего учителя, художника Грандона в Лионе, хотя у нее было к тому времени несколько взрослых дочерей. Грёз тщательно скрывал свою страсть, и только позднее одна из дочерей рассказала, как однажды застала влюбленного юношу страстно целующим туфлю ее матери, найденную им под столом.

Потом в Италии Грёз испытал нечто вроде любовной истории Ромео и Джульетты. Очаровательная дочь могущественного герцога, для которого он писал копии с картин, влюбилась в художника и призналась ему в любви. Молодой человек держал дистанцию, не забывая о социальном неравенстве между собою и любимой. И только когда девица начала чахнуть от любви и няня устроила ей свидание с художником, Грёз, наконец-то, вынужден был признаться в своих пылких чувствах. Наступил период сумасшедшего романа. Девушка от любви совсем потеряла чувство реальности. Вообразила Грёза вторым Рафаэлем и задумала бежать с ним в Париж, благо располагала деньгами, остав-

ленными ей матерью. Но здравый смысл Грёза взял верх над его страстью. Во избежание искушения и, кстати, скандала, сказался больным и перестал являться во дворец. Он действительно заболел, но, оправившись, бежал, чтобы не видеть дочери герцога.

Этот эпизод завершился приятным, хотя и не столь романтическим эпилогом. Спустя несколько лет Грёз получил письмо от бывшей возлюбленной, в котором она благодарила его за поступок, сообщала, что очень счастлива замужем и имеет прекрасных детей. А своим счастьем она обязана ему, Грёзу!

Теперь несколько слов о характере Грёза. Чрезвычайное тщеславие, пожалуй, главная его черта. Он был такого высокого мнения о себе, что не выносил даже малейшей критики. Еще прежде, чем он заявил о себе в Париже, Грёз умудрился нажить много врагов глупыми замечаниями, вроде ответа Нотуару, предложившему Грёзу изменить что-то в одной из его картин. “Милостивый государь, — воскликнул Грёз, — сознайтесь, что вы считали бы себя счастливым, если б могли написать что-либо столь хорошее”.

Со временем, когда успех был достигнут, и Грёза окружала толпа поклонников, страсть его к похвалам обратилась в манию. Грез приходил в бешенство, если слышал что-либо не похожее на лесть. Большой друг и покровительница Грёза госпожа Жофрен, в доме которой он встречал многих влиятельных друзей и расположенных к нему критиков, однажды, смеясь, сделала справедливое замечание по поводу картины Грёза “Возлюбленная мать”: “Это настоящее фрикасе из малюток”. Кто-то передал ее слова художнику. “Как она смеет выражать суждение о произведении искусства? — бушевал Грез. — Пусть она дрожит от страха, что я сделаю ее бессмертной, изобразив школьной учительницей с хлыстом в руке и с лицом, могущим напугать всех детей, ныне живущих”.

Тщеславие и самомнение сыграли большую роль и в исторической распри Грёза с Академией. Существовало правило, что новый избранник Академии художеств должен представить на ее обсуждение какую-нибудь картину. Но Грёз, считая, что своим вступлением оказывает честь самой Академии, пренебрег существующим правилом и пропустил несколько лет, не послав в Академию требуемого произведения. Только по прошествии четырнадцати лет, получив извещение от совета Академии, что он будет, в случае упорства, лишен права выставлять свои картины в Салоне, Грёз, наконец, уступил и, ответив письмом, которое могло служить “образцом гордости и дерзости”, принял за работу.

Твердо веря в свои способности исполнить любую тему, Грёз выбрал торжественный исторический сюжет, совершенно не соответствовавший его таланту.

Картина носила довольно пространное название. Приводим его полностью: “Септимий Север упрекает своего сына Каракаллу в покушении на его жизнь, совершенном в ущельях Шотландии, и говорит ему: “Если ты хочешь моей смерти, вели

Скульптор Жан-Жак Каффиери. 1765.

Папиньену убить меня". Глядя на эту картину, сразу же замечаешь, насколько это произведение незначительно и полно ошибок. Академия не могла отказать в приеме картины Грёза, но товарищи академики откровенно выразили художнику свое мнение. "Милостивый государь, — обратился директор к художнику, явившемуся из комнаты, где ожидал поздравления сотоварищей, в одобрении которых не сомневался. — Академия принимает вас в качестве жанрового живописца. Она помнит ваши прежние прекрасные произведения и закрывает глаза на эту картину, недостойную ни Академии, ни вас".

Можно себе представить разочарование Грёза, рассчитывавшего на почетное положение исторического живописца и на связанные с этим материальные выгоды. Однако вначале Грёз почувствовал только негодование и удивление. Он не спал и не ел в продолжение нескольких дней и извел много бумаги на статьи в газеты, где старался доказать, что картина его не просто хороша, а настоящий шедевр. Однако на этот раз публика не откликнулась на сетования своего любимца. Истощив средства самозащиты, Грёз сделал то, что делают капризные дети: надулся. И когда получил, наконец, казенную квартиру в Лувре и почувствовал себя независимым, то объявил, что никогда больше не будет выставлять своих картин в Академии.

Так оно и случилось на самом деле. А много лет спустя, когда обстоятельства вынудили его обратиться за помощью к Академии, она была уже захвачена водоворотом революции.

Многие мечтатели, гуляя по чудным залам Лувра, вероятно, стараются воскресить в своем воображении разные сцены из прошедшей в этих стенах жизни, как, например, приемы, которые устраивал Грёз, когда он в полном расцвете славы обосновался в Лувре.

Грёз к тому времени превратился из провинциального юноши в красивого мужчину. Он был среднего роста, белокур, с выразительной изящной внешностью. В Лувре есть два его портрета, из которых один, должно быть, написан в этот период его жизни. Портрет изображает прекрасное лицо, дышащее умом и энергией. Линии рта очень характерны, (о Грёзе известно, что разговор его отличался искренностью, живостью, возвышенностью), но в изгибах рта видны также черты нервной раздражительности. Грёз прекрасно одевался и владел изысканными манерами, так что вскоре вошло в моду посещать его мастерскую. Он сам показывал свои картины, обращая внимание зрителей на их красоты, причем его необычайные замечания законченного эгоиста нередко развлекали больше, чем картины, ради которых, собственно, являлись посетители. В мастерской Грёза можно было встретить самых важных сановников, членов королевской семьи и выдающихся путешественников.

Тысячи гравюр, воспроизводящих картины Грёза, рассылались по всему свету. Он был очень известен в Германии и дру-

гих странах. Причем имя было почти столь же знакомо в сельских домах Франции, как и в самом Париже.

Глядя на Грёза во всей его славе, когда он стал любимцем царствующих особ и зарабатывал огромные суммы, трудно представить, что на его долю когда-либо выпадут плохие дни. Однако судьба сулила ему несчастья на закате жизни.

Когда все считали Грёза счастливейшим из смертных, в его частной жизни уже таилось одно печальное обстоятельство. Грёз был женат на такой мегере, что хуже ее невозможно встретить... Это некая девица Бабюти, дочь книжного торговца на набережной Августинцев. Войдя однажды в лавку купить книги, Грёз влюбился в нее с первого взгляда. "Бела и стройна, как лилия, красна, как роза", — восторженно описывал ее приятель Грёза Дидро. Хотя ей уже перевалило за тридцать, когда Грез с ней познакомился, девица действительно производила впечатление. Гладкий лоб, глаза, полные наивного детского выражения, маленький нос, нежный цвет лица, — перед такими чарами устоять было невозможно. По ее портретам, а также по тем картинам, для которых она служила моделью — "Возлюбленная мать", "Уснувшая философия", — можно догадаться, что она являлась главной вдохновительницей лучших творений художника.

Грёз в самом начале знакомства даже не помышлял о женьтибе. Но, попав в цепкие ручки прелестницы, года через три был поставлен перед фактом. Или женись, или она немедленно кончает жизнь самоубийством. Пришлось уступить. Брак оказался на редкость несчастным. Ленивая, жадная, расточительная, лишенная всякого стыда, она привыкла смотреть на творчество мужа, лишь как на средство удовлетворять собственные фантазии. Два года спустя, после того как вышла замуж, она стала вести беспорядочный образ жизни, наполняя дом недостойными людьми, порочившими честь Грёза.

В доме отца она привыкла вести счета, так что семейная касса и теперь оказалась в ее руках, пока, наконец, Грез не вздумал сам проверить состояние кассы. Пропажа суммы впечатляла — 100.000 ливров.

Мелкие раздоры, глупые споры, серьезные обиды и бурные сцены составляли фон его обыденной жизни. И просто удивительно, что такие суровые семейные испытания вконец не подорвали его сил. Скорее всего, Грёз, как истинный художник, целиком уходил в работу. К тому же он искренно любил свою жену, которая подарила ему двух дочерей. Однако, когда ее легкомыслие стало предметом всевозможных карикатур, осмеивавших ее поведение и потворство мужа, и когда Грёз вынужден был из-за этого покинуть казенную квартиру в Лувре, его терпение лопнуло. Он разъехался с женой в 1785 году.

Зная, как много денег Грёз получал за свои картины, — а говорят, он писал по картине в день, — можно предположить, что

никакая женская расточительность не могла бы его разорить при нормальных условиях общественной жизни. Но наступали страшные дни революции. Начались частые крахи банков, и все сбережения Грёза исчезли одно за другим. С падением монархии Грёз лишился пенсии в полторы тысячи ливров, назначенных ему королем за то, "что он успешно служил искусству". У художника оставалось лишь одно средство к жизни — его живопись. Но, увы, мода на Грёза прошла. Когда из хаоса событий стал понемногу налаживаться порядок, и Грёз послал семнадцать своих картин в Салон, новый строй не захотел его признать.

Напрасно Грёз писал статьи в газетах, обращая внимание публики на нравственные темы своих картин, напрасно старался угодить новым веяниям и создавать картины с классическими сюжетами, как, например, "Ариадна". Если на него и обращали иногда внимание, то это было хуже полного забвения. За два года до смерти он получил от одного критика следующий жестокий отзыв: "Грёз — старый художник, вдохновлявшийся произведениями Буше, последователем которого он был. Краски его неправдивы, рисунок — плохой".

Он получал 175 франков за картины, которые в былые годы принесли бы ему тысячи ливров. Рассказывают, что под конец жизни он стал неряшливо одеваться, не имея средств на новые одежды. Наконец сохранились его жалкие письма, в одном он просит ссудить ему денег в счет будущей картины; в другом письме пишет: "Я — старик семидесяти пяти лет, не получаю ни одного заказа. Мне остается в жизни только дарование мое и мужество".

В эти тяжелые дни забвения и нищеты Грёза поддерживала только его гордость. Его, как видно, более мучила мысль, что он не может обеспечить своих дочерей, чем забота о себе и своих лишениях. До последней минуты жизни ему не изменил веселый дух, которым он отличался всю жизнь. "Кто царит теперь?" — спрашивал он насмешливо, лежа в постели и ожидая конца.

"Я готов отправиться в путь, — сказал он своему другу Бартеlemi за несколько минут до смерти. — Прощайте, ожидаю вас к себе на погребение. Вы будете единственным провожающим, как собака бедняка одна его провожает".

Истощенный не только тяжестью лет, которую он, впрочем, легко переносил, благодаря крепкому деревенскому сложению, но и гибелью своей славы, Грёз скончался 21-го марта 1805 года.

Скромные похороны произвели бы трагическое впечатление, если бы за гробом, кроме единственного друга Бартеlemi, не шла еще плачущая женщина под густой вуалью. Она положила на гроб Грёза венок из бессмертников. На ленте венка стояла надпись: "Эти цветы, принесенные самой благодарной из его учениц, служат эмблемой его славы".

Публикация **Лилии БАЙРАМОВОЙ**

"Казачка Надя черта не боится..."

Поэт Николай Зиновьев назвал эту яркую, веселую, бесшабашную женщину "эстрады русской атаманша". И оказался прав. Причем, не только применительно к эстраде, но и к обычной жизни. А если принять во внимание, что Бабкина — полковник казачьих войск с правом ношения холодного оружия (которого, по счастью, она пока не применяла), то образ складывается полностью. Русским духом,

безудержным весельем заражается зрительный зал, когда она появляется на сцене со своим ансамблем "Русская песня" — такую энергию несет в себе эта удивительная артистка. Глядя на нее, тут же вспоминаешь о не-красовских женщинах и понимаешь: если с кого и списывал классик строчки "ноня на снаку остановит..." — так наверняка с такой же яркой "бой-бабы", как Бабкина.

— Бой-баба? Мне приятно, когда обо мне так говорят. Да, я достаточно крепко и уверенно стою на ногах и знаю, чего хочу в жизни. У меня хорошее воспитание было, спартанское. Мы — волжане. И по роду деятельности мои родители постоянно вели кочевую жизнь: папа трудился в колхозах и совхозах Астраханской области, как говорилось раньше, на руководящих ролях, а мама — скромный и очень тихий человек, была

школьной учительницей. Я своим боевым характером, видимо, в папу пошла, а вот брат, Валерий, в маму, хотя и стал военным — он у нас генерал-майор!.. Здоровенного роста, не то что я. Но мальчишкам в детстве не давала спуску и верховодила во всех ребячьих играх: и в казанах-разбойниках, и в прятках, когда мы лазали по каким-то трубам и оврагам, да подшучивали над старенькими бабульками. Нас вылавливали, от-

водили в детскую комнату милиции, ну и наказывали, как водится. Именно "четверкой" за поведение всегда омрачалась моя блестящая успеваемость по всем предметам... Но я уже тогда мечтала стать артисткой. Нравилось быть в центре внимания, безумно влекла сцена, овации...

— *А когда вы запели?*

— Да с детства. И дар отца, наверное, сказался: он красивый природный бас имел.

— *Сегодня у вас уже свое прочное место в "звездной" компании. А сами "звездой" себя ощущаете?*

— Не знаю. Когда на сцене — вроде и ощущаю, а дома — ну как я "звезда": с утра до ночи то полы мою, то стираешь... И страсть как не люблю этим заниматься. Но если бардак вокруг образовывается — куда деваться?! Прислуги нет, все приходится самой делать. Да и не могу себе позволить сидеть сложа руки, чтобы кто-то что-то за меня делал. Не только по хозяйству, у нас и в творчестве ведь никто звезд не холит, не лелеет. Но я — оптимистка. Бывает, конечно, все готова бросить. Но это моя внутренняя истерика — на пару часов, потом все проходит. И снова начинаю куда-то звонить, чего-то добиваться, кому-то что-то доказывать, что-то обсуждать...

— *Гостей принимаете?*

— Вообще-то у меня в доме всегда полно народу — просто проходной двор, и в любое время суток. Правда, сейчас пока временное затишье. Когда я стала народной артисткой, народ начал заглядывать с ТВ, пресса, а условия бытовые — абсолютно не соответствуют уровню: везде коробки какие-то, ноты, рабочие мате-

риалы, костюмы... Но, думаю, скоро все вернется на круги своя — мой квартирный вопрос решен, заканчивается ремонт, и я снова буду рада гостям днем и ночью. По кафе да ресторанам с ними ходить — безумных денег стоит. Будем тусоваться у меня.

— *Многие "звезды" сегодня помимо шоу-бизнеса еще какой-нибудь бизнес "двигают". А вы?*

— А у меня ничего не выходит. Если начну чем-нибудь заниматься, обязательно проиграю. Уж лучше я свою профессию буду "двигать". Мне никогда и ничего не дается просто так.

— *Но, помнится, вы как-то в рекламе снимались. Разве это не бизнес?*

— Смотря что рекламировать. Вот мы с ребятами снимались в рекламе "Русского чая". Весело, задорно, с песнями, частушками, баранками — в нашем, чисто русском стиле. Получили большое удовольствие от съемки. Если предложат рекламировать костюмы народные или аппаратуру — с радостью. Чтобы свет, звук был хороший, съемка профессиональная. А если, извините, презервативы — так я в них не нуждаюсь.

— *А что вас в мужчинах раздражает больше всего?*

— Ботинки нечищенные.

— *Идеал мужчины у вас есть?*

— Я же не восемнадцатилетняя девушка, мне замуж не выходить.

— *Вы замужем?*

— Была. И, честно говоря, вначале думала, что у меня будет обычная семья, буду вести хозяйство, растить детей. И да же не предполагала, что произойдет такой взлет, и настолько меня засосет

бесконечный круговорот творчества, что не до домашних дел станет. И хорошо, что никто меня не достает и не требует к себе повышенного внимания. А встретить такого, который помогал бы, облегчал существование и работу, трудно — чаще эгоисты попадаются...

— Алла Пугачева как-то призналась, что хотела бы стать рекламной моделью. И посетовала, что бельишко уже не может рекламировать...

— Да? А я вот смогла. У Вали Юдашкина на шоу. И нормально себя чувствовала среди молоденьких девочек-манененщиц. На мне был белый паричок с рюшечками — этаякая дама эпохи Екаторины, роскошный плащ с драгоценными камнями, а под ним белые кружевные панталоны, кружевной белый насисничек, полосатые чулки и красная подвязочка. А вторая подвязочка была у принца. И по ней он должен был найти свою принцессу. Принц, конечно, первым делом примерял ее девочкам... Все было очень мило. И когда Валя объявил, что дарит мне это белье, я заявила, чтобы он у себя его подержал, а то ведь изношу... Публика хохотала. А мне нравится, когда люди смеются по доброму.

— Я слышала, что как-то вам на сцене не только белье — деньги дарили. Было такое?

— Было. Правда, давно, лет пять назад. В Петербурге в Театре эстрады шла наша сольная программа с ансамблем "Русская песня". Я сидела сбоку сцены за столиком. Вдруг подходит к столу непрезентабельный такой мужичок с газетным свертком и этак небрежно мне сверток кидает со словами: "На, это тебе!" В

примерной развернула — батюшки, там миллион рублей! Представляете, какие тогда это огромные деньги были?! Непонятно только, я что, производжу впечатление бедной или плохо одета? Сразу же позвала администрацию театра, в присутствии их и своего коллектива деньги пересчитала, чтобы потом лишних разговоров не возникало, и передала их в фонд Театра эстрады, которому требовалась реставрация.

— На подвиг вас никогда не тянуло?

— Да я уже совершила парочку. Один — как-то летом в Турции. Решила прыгнуть с парашютом — полетать над морем. Несколько дней морально к этому готовилась, а в одно прекрасное утро спокойно позавтракала и пошла. Конечно, ощущение от полета не передать словами — как же красиво и захватывающе. Между прочим, на такой поступок не каждый мужчина решится.

— "Назачка Надя черта не боится — и не боится в омут с головой"? Ну, а какой второй подвиг?

— Да в перестрелку попали. Случилось под Новый год в Германии. После концерта отметили праздник, который по московскому времени уже наступил, взяли гармошку и пошли продолжать праздновать на улице. Да еще запели почему-то "День победы". В Германии, представляете? К нам по дороге присоединялись немцы, англичане, итальянцы... И вдруг со всех сторон как грянут выстрелы. Первая мысль: "Ну все, допелись "День победы". Сейчас вообще расстреляют." И бегом дворами в наш отель прятаться. А улочки узенькие, звук

от стен отражается, такой резонанс идет, словно со всех сторон палат. Еле добежали, только дверь открыли — на пороге хозяина. Вытаскивает пушечку да ка-ак бабахнет! Мы чуть в обморок не упали. Оказалось, у них такая традиция — через час после наступления Нового года палить из окон домов хлопучками и холостыми патронами, приветствуя таким образом его наступление.

— Надежда, подвержены ли вы импульсам, идете ли на поводу у своих чувств?

— Хочешь того или нет, а все равно властвует господин Случай. Или Судьба, которая предначертана свыше. Но многое в жизни зависит от того, как сама себя выкуешь. У меня, например, то ли с опытом, то ли с возрастом интуиция колоссально развилась. По лунному календарю я родилась в год Тигра, и, как тигрица, могу быть и мягкой, и агрессивной. Последнее состояние особенно мощно проявляется, как только начинается полнолуние — меня тянет смотреть на Луну, на ночное состояние природы. Мне кажется, что в этот период она становится необыкновенно красивой, совершенно иной, чем при солнечном свете. Луна ведь не дает красок, а лишь очерчивает контуры пейзажа, придавая ему особую таинственность, создает ощущение мистичности...

— А в харантере у вас под воздействием полной луны происходят какие-то изменения?

— Еще как происходят! Я становлюсь просто бешеной, внутри меня все кипит, бурлит, меня все не устраивает, раздражает, я начинаю на всех шипеть, бросаться... Хотя по натуре своей (в

другие дни) — очень добрый человек. Хорошо, если этот выплеск происходит на знакомого человека... "Мои" в такие минуты стараются не нарываться, чтобы не усугублять ситуацию... Кстати, и члены моего коллектива, как только я вхожу в зал, где репетируем, знают, как себя вести. И я частенько слышу от них: "У нас сегодня случайно не полнолуние?" Да еще по зодиакальному гороскопу я принадлежу к одному из самых мистических и артистических знаков одновременно — к знаку "Рыбы". Представляете, какой перебор получается с космической энергией?!

— Мне кажется, вы напрочь лишены комплексов...

— А вот и нет. У меня был комплекс — редкие зубы. И чего только я не делала, чтоб прикрыть недостаток: и жвачку накладывала, и спички. Во время телесъемки все это выпадало, и мне кричали: "Стоп! Бабкина запоролла нам всю съемку. Надя, выброси все изо рта!". Потом я решила поменять все зубы, сдвинуть, сделать нермину, но сказали, что изменится динция, возможно, и голос. И я решила не рисковать, оставаться, какая есть. Кстати, мне многие говорят, что им нравится моя улыбка. А других комплексов у меня нет. Не пью, не курю...

— Матом не ругаюсь...

— Ругаюсь. Иногда. Конечно, это плохо, но обстоятельства иной раз требуют. Зато действуют мои словечки... А вообще-то я научилась держать себя в узде. Раньше не умела. А сейчас жизнь заставила. ■

Беседу вел

Ирина БАРЫШЕВА.

Фото автора

"ВЫМПЕЛ"

Лечебно-оздоровительный центр

Лечебно-оздоровительный центр "Вымпел", созданный международной общественной организацией ветеранов подразделений специального назначения органов госбезопасности, предлагает лечение по оригинальным методикам, применяемым врачами "спецназа" и Центра авиакосмической медицины. Практика показала высокую эффективность этих методов при лечении многих заболеваний.

Методика импульсно-вакуумной терапии, при которой на пораженные ткани воздействует регулируемое переменное отрицательное давление, чрезвычайно эффективна при лечении артритов, радикулитов, ишиаса, хронических легочных заболеваний, хронического простатита. Длительность процедуры 20 мин., стоимость 100 руб.

Методика коррекции биоритма клеток организма с успехом применяется при лечении половых расстройств у мужчин, вызванных нарушением эрекции и эякуляции в результате хронического простатита, снижения (отсутствия) либидо, варикозного расширения геморроидальных вен, недержания мочи и ряда других заболеваний мочеполовой сферы, а также при лечении ряда неврологических и суставных заболеваний. Длительность процедуры 30 мин., стоимость 100 руб.

Метод лечения с применением установки переменного давления позволяет существенно улучшить кровообращение больных конечностей при посттравматической реабилитации, наличии длительно незаживающих раневых (в том числе ожоговых) и изъязвленных поверхностей, миозитах, гипотрофии мышц, заболеваниях суставов и некоторых кожных болезнях.

Метод чрезкожного облучения крови — одна из последних разработок в области лазерной терапии — при котором скорость обменных реакций в тканях возрастает в десятки раз. А это немаловажный фактор при лечении практически любого патологического процесса.

У нас Вам могут предложить:

курс глинолечения (10-15 процедур при болезнях суставов и позвоночника). Длительность процедуры 45 мин., стоимость 150 руб.;

курс мануальной терапии (сеанс — 250 руб.);

рефлексотерапии (сеанс — 150 руб.);

вытяжение позвоночника на тракционном столе под воздействием собственного веса (80 руб.);

релаксирующий вибромассаж на специальном кресле (80 руб.);

лечебный массаж (30 мин. — 250 руб.).

При необходимости специалист Центра проводит ультразвуковое исследование внутренних органов.

Возможно проведение обследования на дому.

Наш адрес:

Москва, Щелковское шоссе, д.3, тел. (095) 462-35-84.

Случайный

спутник

Эвелин Беркман

рисунок Виктория Федорова

Глава 1

Предчувствие нахлынуло сразу, как только она увидела этот конверт из добротной старой бумаги. Предчувствие чего-то нового, врывающегося в ее жизнь. Кто знает, что оно сулит — радость или беду. Если весть добрая, она будет благодарна судьбе, но тревога не оставляла ее эти дни и приучила ожидать худшего. Она взглянула на адрес.

*Мисс Марте Хевенс
Лондонский Городской Музей
Коттерилл-плейс
Лондон В 1*

Почерк был красивый, отчетливый и несколько старомодный — что называется, канцелярский. Была в нем также некоторая неуверенность, подсказывающая, что писал человек молодой. И хотя Марта редко пользовалась ножом для бумаги, на этот раз, из уважения к писавшему, она не надорвала конверт, а открыла его аккуратно.

*“Эмбассадор 8437
Художественное Собрание Чандоса
18 Кайлстроум-стрит
Дорогая мисс Хевенс,*

должен просить прощения, что пишу, не имея чести быть Вам представленным. Однако в последнем номере “Любителя древностей” я прочитал Вашу превосходную статью об утерянной из Эвелмского женского монастыря чаше для причастия. Надеюсь, это извинит меня в Ваших глазах. Кроме того, являясь директором “Собрания Чандоса”, смею думать, что обратиться к Вам мне позволительно и по праву коллеги.

Судя по статье, поиск утраченных сокровищ — Ваше призвание. А не любительница ли Вы, к тому же, приключений, всегда сопутствующих поискам такого рода? Если да, то я не ошибся и очень рад, ибо Вы именно тот человек, которого я пытаюсь найти в течение уже многих недель.

Знакомо ли Вам имя мистера Мак-Ивора? (Марте оно было знакомо.) Он подарил Эдинбургскому музею коллекцию средневековых эмалей, которая, возможно, Вам известна. Мы, он и я, хотели бы встретиться с Вами, если Вы не возражаете, в пятницу, послезавтра, в двенадцать часов дня у меня в кабинете. Если это время вас не устраивает, мы найдем другое. Однако о со-

* В названии оригинала “The Strange Bedfellow” использовано фразеологическое выражение, в основе которого тот факт, что в Англии в средние века и вплоть до XVIII века отдельные кровати были редкостью и лица одного пола часто спали вместе. Отсюда слово *bedfellow*, то есть “спящий (с кем-либо) в одной кровати”. Фразеологизм “a strange bedfellow” означает: “человек, с которым случайно свела судьба, временный союзник”. В романе использованы оба значения, и прямое, и переносное. (Здесь и далее прим. переводчика.)

гласии или несогласии сообщите, пожалуйста, письменно или по телефону.

Искренне Ваш
Г.Л.Брезертон
11 июля."

Средних лет секретарша оставила Марту на пороге маленькой, темноватой, богато убранной комнаты. С первого взгляда она определила, что согбенный старик, сидящий у письменного стола, — миллионер Мак-Ивор, а высокий, импозантный, но также очень немолодой мужчина, который поднялся ей навстречу, — мистер Брезертон.

— Драгоценные камни — бессмертны, — заявил мистер Брезертон.

Марта вежливо улыбнулась. Она еще не пришла в себя от предложения, которое ей сделали. Искать "Глаз Кали"! "Глаз Кали", легендарный рубин небывалого размера, исчезнувший в Германии больше двухсот лет назад! Для себя она давным-давно решила, что все домыслы о его местонахождении относятся к области легенд и преданий. Впрочем, легендарными были и эти люди, с которыми ей сподобилось встретиться, — незаурядные, наделенные сильным характером и необыкновенным опытом жизни.

— Бессмертны! — убежденно повторил мистер Брезертон, вышагивая по комнате с таким жаром, что на столе шелестели бумаги. — И неистребимы. Да-да. Если, конечно, не разбивать их кувалдой и не бросать в источники вод.

— У места преступления не было никаких источников, — неожиданно проворчал мистер Мак-Ивор, до того сидевший так тихо, что Марта почти забыла о его присутствии. Слабый, лишенный всякой интонации голос вполне соответствовал его внешности. Исключение составляли глаза: они горели живым интересом к происходящему.

— Я просто стараюсь объяснить, — сказал с ноткой извинения мистер Брезертон, — что если отбросить прочь вероятность преднамеренного уничтожения и всякие случайности, драгоценные камни продолжают существовать. Где-то.

— Где-то, — улыбнулась Марта, на этот раз чуть более откровенно. — И последний раз рубин видели двести с лишним лет назад.

— Двести тридцать с лишним, — уточнил мистер Мак-Ивор. — Но что такое столетие в жизни камня? Нет, мистер Брезертон прав, они вечны. Скажите, — потребовал он с неожиданной для его старчески-слабого голоса настоятельностью, — знаете ли вы историю "Глаза Кали"? Помните ее в деталях?

— Нет, — ответила Марта. — Это одна из тех исторических тайн, о которых каждый когда-то что-то читал. Я помню ее лишь в общих чертах.

— Позвольте, я помогу вам, — подхватил мистер Брезертон, было очевидно, что говорить мистеру Мак-Ивору утомительно. — Действующие лица нашей драмы: молодая принцесса Шарлотта и ее супруг принц Виктор — наследник трона герцогства Восточная Франкония. Он, между прочим, старше ее на двадцать семь лет. Так что неудивительно, что в свой срок принцесса завела любовника, молодого француза де Маньи, и вскоре дала ему огромный рубин, чтобы он продал его и заплатил карточные долги. Что было, заметьте, в высшей степени неразумно, ибо рубин представлял собой достояние и основное сокровище государства. Далее. Де Маньи продал рубин местному ростовщику, некоему Якову, и тут следует кульминация... — Мистер Брезертон сделал паузу, явно наслаждаясь рассказом. — Де Маньи рассчитал все так, чтобы после сделки Яков возвращался домой уже ночью, и часть его пути лежала через Трольдвалльд, лес троллей. Под покровом тьмы де Маньи убил Якова и отнял камень.

— Кажется, припоминаю, — нахмурилась Марта. — А не был ли де Маньи арестован при этом?

— Именно, — подтвердил мистер Брезертон, тем не менее огорчившись, что она его опередила. — Пойман с поличным и арестован. Пока де Маньи сидел в засаде на Якова, кто-то устроил засаду ему. У принцессы был враг при дворе. Она многих обижала, уж такой характер. И однажды опрометчиво обидела барона фон Гельдерна, шефа полиции герцога. Не самый удобный человек для ссоры, он имел шпионов во всех уголках дворца и об отношениях принцессы и де Маньи знал, видимо, с самого начала. Но вместо того, чтобы разоблачить их немедленно, он стал выжидать, держа несчастных на длинном поводке. И когда время пришло, он просто позволил им себя погубить. Вот и все.

— И что случилось с принцессой и де Маньи?

— Де Маньи отравился в тюрьме, — сказал мистер Брезертон. — Его дед, старый генерал де Маньи, как-то переправил ему яд. Принцесса... — Брезертон помедлил и продолжил задумчиво: — Принцесса умерла через три или четыре дня от мозговой горячки — так было официально объявлено. Но что именно, — он поднял бровь, — люди того времени имели в виду под мозговой горячкой? Внезапное помешательство? Удар? Мы никогда не узнаем... Но позвольте вернуться к рубину. С момента ареста де Маньи рубин уже никто больше не видел. Он исчез.

— Его должны были найти у де Маньи. Если у того было время, чтобы снять камень с... с тела. Если же его не нашли у де Маньи, значит, камень остался у Якова. Это единственная альтернатива, — заметила Марта.

— Согласно всем источникам того времени, рубина у де Маньи не нашли, — ответил мистер Брезертон. — Его обыскали, разумеется. Так же, как и Якова.

— А уж искать они умели, — вставил мистер Мак-Ивор с неожиданным пылом.

— Да, в восемнадцатом веке методы сыска продвинулись уже далеко, — согласился мистер Брезертон. — И фон Гельдерн, как старый солдат и многоопытный, безжалостный человек, должен был знать все уловки и не упустил бы ни единой возможности его найти.

— А не мог ли де Маньи передать камень кому-нибудь еще... нет, пожалуй, у него не было времени, — быстро поправились Марта, а мистер Брезертон добавил:

— Де Маньи действовал в одиночку. Знаете, убивать и воровать лучше без свидетелей.

— А если во время суматохи камень упал кому-нибудь под ноги и затерялся? Нет, — снова оборвала себя Марта. — Это глупо. Они, конечно же, все вокруг прочесали.

— Можно не сомневаться в этом, — кивнул мистер Брезертон, а мистер Мак-Ивор иронически вставил:

— И давайте оставим предположение, что какой-то случайный прохожий подобрал его позже. Он бы постарался продать камень, и таким образом тот снова явился бы на свет Божий.

— Несомненно, — согласился мистер Брезертон. — Драгоценные камни могут таинственно исчезать, но когда их находят, рано или поздно это просачивается наружу.

Воцарилось молчание. Даже простой пересказ кровавых событий прошлого, подхваченный воображением, сгустил атмосферу в этой покойной, старомодно обставленной комнате. Впечатление усиливалось тем, с каким чувством старые коллекционеры говорили об этой истории — как будто она произошла вчера, и оба они в ней участвовали. “Видит Бог, они достаточно стары для этого”, — усмехнулась про себя Марта и тут обнаружила, что старые джентльмены смотрят на нее с тревогой и ожиданием.

— Ну, вот вам история “Глаза Кали”, — произнес мистер Мак-Ивор. — Вопрос теперь в том, принимаете ли вы наше предложение отправиться в местечко Рейнольдс-Тюрм на поиски этого камня?

Марта молчала. Предложение все еще казалось ей нелепым. Но мистер Мак-Ивор, заметила она, ждал ее ответа так, словно то был вопрос жизни и смерти.

— Вы упомянули, когда мы говорили по телефону, что скоро собираетесь в отпуск, — прервал ее раздумья мистер Брезертон.

— Через три дня, в понедельник, — подтвердила Марта. — Но у меня всего две недели.

— Возьмите месяц или два, — жадно произнес мистер Мак-Ивор. — Я с радостью оплачу работу вашего заместителя в музее.

— Нет, это невозможно, — запротестовала Марта. — Видите ли, я не сама по себе... Я — лишь составная часть програм-

мы. — Она улыбнулась, смягчая резкость возражения. — Программы англо-американского обмена музейными кадрами. Английская сотрудница работает на моем месте в Историческом музее Нью-Йорка, а я — на ее, в Лондонском. Поэтому не думаю, что вправе просить о побрякках.

— В таком случае, — смирился мистер Мак-Ивор, — истратьте эти две недели на “Глаз Кали”. За труды и беспокойство, в дополнение к дорожным расходам, ваш гонорар составит... — Он назвал сумму, от которой Марта округлила глаза. Она привыкла к более чем скромному заработку и дома, и здесь. Теперь же перед ней лежала перспектива полностью оплаченного отпуска и жалования, которое казалось ей королевским. Затем, как всегда, в ней заговорила упрямая честность:

— Но, мистер Мак-Ивор, это очень много. Гораздо больше, чем нужно. Особенно если я ничего не найду, что, думаю, более чем вероятно... Нет, я буду чувствовать себя обманщицей.

— Позвольте мне самому позаботиться о том, чтобы не быть обманутым, моя дорогая мисс Хевенс, — с некоторым раздражением заявил мистер Мак-Ивор. — Я стар и болен. У меня нет ни занятий, ни развлечений. Ничего нет, кроме денег. Денег и любви к приключениям. Верите ли, в свое время я был очень смел. Но, — он красноречиво показал на свое ссохшееся тело и закутанные в теплый плед ноги, — теперь приключения мне недоступны, и я вынужден совершать их, так сказать, чужими руками. И если за эту блажь я готов хорошо платить, это мое дело. Для кого мне беречь деньги? Для финансового управления? — Два последних слова он окропил ядом: так делали все англичане, поминая это учреждение, занимающееся сбором непомерных налогов на наследство. — Нет уж, благодарю покорно. Пока могу, буду тратить в свое удовольствие. Хотя по отношению ко мне “удовольствие” — весьма сомнительное словечко. — Явно утомившись, он повернулся к Брезертону: — Ну же, Брезертон, поспорьте с молодой леди. Взывайте к ее тщеславию.

Марта рассмеялась. Затем, стараясь протянуть время, разглядывая свои перчатки, спросила:

— Могу я узнать, почему именно меня вы выбрали для этой работы? Почему не кого-нибудь еще?

Ее глаза были опущены, и она не заметила, как старые джентльмены переглянулись, словно испытывая неловкость, как будто они предвидели этот вопрос и надеялись, что она его не задаст. И еще в этом обмене взглядами была какая-то неясная тревога.

— Почему именно меня? — повторила Марта, ничего не заметив.

— Я отвечу вам, — быстро ответил мистер Мак-Ивор. — Из-за вашей статьи в “Любителе древностей”. У вас есть воображение, знания и способности.

— Но я же не нашла эвелмской чаши, — напомнила Марта. — Всего лишь поразмышляла, что могло с нею случиться...

— Отлично и замечательно, — в очередной раз рассердился мистер Мак-Ивор. — Я больше ничего от вас и не хочу. Поезжайте в Германию и поразмышляйте там. Поразмышляете две недели и возвращайтесь домой. Ничего так ничего. Но представьте, — голос его провокационно смягчился, — представьте себе, что вы вернетесь с каким-то новым фактом, откроются неизвестные обстоятельства, и вдруг этот факт, эти обстоятельства приведут нас к цели! — Он подзадоривал ее, хитрый старик, приманивая мечтой любого историка: найти утерянное сокровище, чтобы ахнули ученые двух континентов! Момент настал — надо либо соглашаться, либо отказываться. Марта раздумывала еще лишь долю секунды.

— Ну, — не очень уверенно произнесла она, — если вы настаиваете, я могу попробовать.

— Bravo! — воскликнул мистер Мак-Ивор и закашлялся от перевозбуждения.

— Великолепно, великолепно, — вторил кашлю мистер Бреэртон.

— Мисс Хевенс, — едва отдышавшись, прохрипел мистер Мак-Ивор и строго уставился на нее. — Перестаньте сомневаться. Вы недооцениваете бесконечную способность к выживанию, свойственную материальным объектам. Керамика, обрывки тканей и даже бумаги могут храниться тысячелетиями. А что они в сравнении с камнем? Да-да, вещи живут веками! Боже мой, даже самая непрочная материя, — в слабом голосе зазвучала рьяность энтузиаста, усевшегося на любимого конька, — человеческая плоть, даже она поразительно долговечна. Возьмите Хиксосское захоронение в музее “Метрополитэн”, которому шесть тысяч лет, или перуанского шахтера, засыпанного в медных рудниках четыре века тому назад. Их тела в целости, лицо шахтера сохранилось совершенно, его волосы и ногти все еще блестят. А Босуэлл, похороненный в Дании три с половиной века назад? Гоур-Браун видел его в 1935 году и сфотографировал голову. На снимке читается характер, тяжелый и бессердечный! А вспомните Карла I, чей гроб открыли в 1813 году в присутствии регента, помните?

Марта, знакомая с этим историческим казусом, кивнула.

— Когда крышку подняли, — тем не менее продолжил мистер Мак-Ивор, — глаза короля, описанные как “большие, круглые и навывкате”, казалось, смотрели прямо на склонившегося над гробом регента. Конечно, на свежем воздухе они исчезли почти тотчас, но все их видели. Подумайте только! Глаза человека, умершего почти двести лет назад, смотрели в глаза живых! — Он вдруг остановился и устало улыбнулся. — Простите мне, пожалуйста, эту похоронную рапсодию. Не так уж интересуюсь трупами, я положительно поражаюсь этой странной спо-

способности сохраняться, свойственной самым, казалось бы, тленными материям. Если не считать несчастные случаи, конечно. Да, мисс Хевенс, "Глаз Кали" где-то есть — вам только нужно его найти.

— Всего лишь, — согласилась Марта, ласковой улыбкой снимая иронию. — Что ж, я сделаю все, что смогу. — Она чувствовала, что беседу пора заканчивать, старик совсем обессилел от долгой речи. — И если это не даст результатов, надеюсь, вы будете не слишком разочарованы. — Она было встала, но тут ее собеседники снова переглянулись, и на этот раз она заметила их молчаливый диалог.

— Погодите, мисс Хевенс, — сказал мистер Брезертон. — Погодите минутку.

Она послушно села, удивившись внезапной строгости его тона и вместе с тем, к собственному изумлению, находя в себе слабый отзвук какого-то неясного страха, как бы эхо того беспокойства, которое читалось в глазах старых джентльменов. Мистер Мак-Ивор коротко кивнул мистеру Брезертону, и, словно дождавшись этого сигнала, тот быстро заговорил.

— Мисс Хевенс! Чуть раньше вы спрашивали, почему мы не попросили кого-нибудь еще предпринять это расследование. Дело в том, — он помедлил с легким смущением, — дело в том, что, прежде чем мистер Мак-Ивор обратил внимание на вашу статью и решил, что вы обладаете совокупностью всех необходимых качеств, мы рассматривали также и другие возможности.

Статька, за которую Марта получила три фунта десять шиллингов, явно имела далеко идущие последствия.

— Теперь, мисс Хевенс, запомните, — продолжал мистер Брезертон. — В поручении мистера Мак-Ивора — в поручении как таковом — нет решительно никакой опасности. Если бы она была, мы бы вас не послали. Мы бы вообще никого не послали. Детали плана известны только нам троим. Только нам. Ваши предусмотрительность и здравый смысл будут гарантией того, что все останется в тайне. Но, к несчастью, мы разговаривали и с другими людьми на эту тему, и один из них... — Пауза. И снова между ними промелькнул этот взгляд, на сей раз всерьез обеспокоив Марту. — И один из них был... — Он прочистил горло. — Мисс Хевенс, слышали вы когда-нибудь о некоем Козии Ставро?

Глава 2

Пока Марта пыталась вспомнить, мистер Брезертон продолжил:

— Козия Ставро — скользкий тип. — Он произнес это медленно, осторожно и брезгливо. — В самом деле, скользкий. Как точнее определить вам его совершенно особые свойства, я не знаю. Грязный, бесчестный, жестокий старик. Невежественный, но в то же время...

— Некоторым образом гений, — вмешался мистер Мак-Ивор.

— Низкий, порочный гений, — подхватил мистер Брезертон. — То, что многим людям дается медленно и с трудом, он схватывает мгновенно, инстинктом. И при этом — почти неграмотный. Но нюх на прекрасное у него поразительный.

— Особенно если прекрасное имеет материальную ценность, — снова вставил мистер Мак-Ивор.

— О, конечно, — согласился мистер Брезертон. — Не будучи уверен в стоимости сокровища, трудиться не станет. Но занявшись поисками, чует скрытую драгоценность словно магический прут, определяющий ток подземных вод и залежи металлов. Нескольким раз, к примеру, известные археологи при раскопках следовали его рекомендациям, и почти всюду они сбывались.

— Вы хотите сказать, что он археолог?

— Нет, я же говорю, это необразованный, неразвитый тип, если не считать его потрясающей способности находить шедевры. Козия Ставро — международный делец от искусства. Он заключал сделки — и, думаю, весьма крупные — со всеми значительными собирателями мира. У него обширные знакомства в самых неожиданных сферах, порой очень высоких. Он, конечно, мошенник, но дьявольски умен. Его никогда не могли поймать. Я помню, ходили слухи, что он подкупил кого-то на раскопках, и его подручного почти схватили за руку, но самого Ставро не смогли упрекнуть ни в чем существенном. Это было в Египте, семь или восемь лет назад. Коварство и дьявольская удача — вот что такое Ставро.

— А кого он подкупил? — полюбопытствовала Марта. Ей была известна атмосфера шпионства и воровства, окружавшая почти каждую археологическую удачу, особенно когда расползаются слухи о важных находках.

— Я не знаю, — сказал мистер Брезертон слишком поспешно, или ей только показалось? — Никогда не интересовался подробностями, и вообще эту историю скоро замяли.

— Кто-то принял удар на себя, и можно быть уверенным, что не Ставро, — включился мистер Мак-Ивор, — он слишком умен для этого.

— Короче, — резюмировал мистер Брезертон, — когда есть возможность наложить руки на артефакт, Ставро тут как тут. И не для того, чтобы потом продать. То, что он захватил, никогда больше не появляется на рынке. Он тонко чувствует и боготворит красоту. Я думаю, где-то — никто не знает, где, — у него баснословная сокровищница, которой он упивается в одиночку. Итак...

— Странно, что я никогда о нем не слышала, — вклинулась Марта в паузу.

— Было бы странно, если б слышали, — парировал мистер Брезертон. — Он бежит от известности, как от чумы. Это ноч-

ной хищник. Известность для Ставро — недоступная роскошь. Он предпочитает другие удовольствия — и безопасность.

— Он грек? — спросила Марта. — Имя похоже на греческое.

— Он киприот, причем самый непривлекательный из всех, кого я встречал. И теперь, мисс Хевенс, вы уже догадались, — мистер Брезертон уныло улыбнулся, — что именно со Ставро мы разговаривали до того, как нам посчастливилось узнать о нашем существовании.

— Плохо, — пробормотал мистер Мак-Ивор, — очень плохо, но в свое время это казалось блестящей идеей. У Ставро редкое чутье на загадки и огромный практический опыт. Чего у него нет совсем, так это какого бы то ни было представления об историческом прошлом.

— Он отдаст себе в этом отчет, — подхватил мистер Брезертон, — и всегда спокойно признает свое невежество. Он предложил найти компетентного помощника, с которым мог бы поехать в Рейнольдс-Тюрм, тандемом.

— Громоздко, — пробормотал мистер Мак-Ивор.

— К тому же, — кивнул мистер Брезертон, — человек этот так ненадежен, что нежелательно иметь с ним дело. Нас ничто не связывает. Однако, — тревога снова промелькнула в его глазах, — мы сожалеем, что консультировались с ним, и считаем своим долгом вас предостеречь.

— Предостеречь? — изумилась Марта.

— Ну, если угодно, предупредить, — с поспешностью поправился мистер Брезертон. — Ибо если он узнает, что мы отказались от его услуг и наняли кого-то другого... боюсь, ему это не понравится. Предположим, он выяснит, кто вы...

— Каким образом? — резко спросила Марта.

— Знаете, — пожал плечами мистер Брезертон, — он, кажется, вылавливает сведения прямо из воздуха... Так вот, в этом случае он способен причинить неприятности.

— Неприятности? — Марта улыбнулась. — Он что, носит нож?

— Нет-нет, — ответили старики хором, и мистер Мак-Ивор прибавил: — Речь совсем не об этом, моя дорогая юная леди! — Его смех был столь же неискренним, как ее улыбка.

— Дело в том, — мрачно произнес мистер Брезертон, — что Ставро умеет быть назойливым и мерзким. Он загорелся идеей найти "Глаз Кали" и рвется немедленно приступить к поискам. Ну, а когда он поймет, что выброшен из игры...

— Он может сам по себе поехать в Рейнольдс-Тюрм, — сказала Марта. — Вы не думали об этом?

— Дорогая моя мисс Хевенс! — по-настоящему возмутился мистер Мак-Ивор.

— Мы не сказали Ставро, где нужно искать! — загремел мистер Брезертон. — Мы не так глупы, как кажется! Мы сказали ему, что нужно найти рубин. Какой и где — он не знает. У него

нет ни одного конкретного факта, который указывал бы на Рейнольдс-Тюрм.

— Как бы там ни было, это больной человек, — задумчиво проговорил мистер Мак-Ивор. — Я сомневаюсь, что он что-то предпримет. Он почти такой же калека, как я.

— Сердце, я полагаю, — заметил мистер Брезертон.

— Только жадность держит его на ногах, — продолжил мистер Мак-Ивор. — Итак, мы скажем ему, что я отказался от намерений искать камень. — В его лишенном интонаций голосе неожиданно прозвучала властность.

— Поверит ли он? — усомнился мистер Брезертон.

— Это не имеет значения, — отозвался Мак-Ивор. — Я не подотчетен Ставро. Мисс Хевенс, — повернулся он к Марте, — вы сказали, ваш отпуск начинается в понедельник?

Она кивнула.

— Тогда закажите билет на этот день. Уезжайте как можно раньше. Летите самолетом. Нельзя терять два дня, добираясь в Германию пароходом и поездом. Я позвоню вам завтра — и не беспокойтесь о Ставро.

— Не представляю, — пробормотал мистер Брезертон, словно стараясь убедить самого себя, — не представляю, как он может узнать о нашем соглашении с мисс Хевенс.

— От меня — не узнает, — браво заявила Марта.

— И от нас тоже! — решительно подтвердил мистер Мак-Ивор. — Ни пуха ни пера, дорогая моя. Я бы хотел позжать вам руку, но... — он поднял две жалкие, старые, забинтованные руки. — Я всегда говорил, что шотландский недуг — меланхолия, а английский — артрит...

Марта вышла из музея, постояла, раздумывая, на лестнице, потом поежилась и застегнула верхнюю пуговицу летнего пальто. Июль в Лондоне! Был всего лишь час дня, но тучи и влажный воздух одели тихий сквер в мерцающую полутьму. Над дорожками сплелись тяжелые ветви, мокрая листва отражала скудный свет. Между тем дождя не было, но воздух был пропитан туманом. Такими сумрачными днями Марта с наслаждением бродила по улицам, находя печаль и прелесть в этом особом лондонском настроении.

Она медленно пошла сквером. Каждую вторую пятницу после полудня она была свободна и теперь могла вволю подумать о новом повороте в своей судьбе. Испытывая легкое недоверие и некоторый задор, она с огорчением призналась себе, что растерянна. С чего начать поиски? Возможно, следует пойти в Британский музей и познакомиться с основными героями старой трагедии. Там ее усилиями их тени обретут плоть и кровь. Она вспомнила совет своего любимого учителя, с успехом сочиняющего исторические романы: "Постарайся влезть в их шкуру!"

Безрассудная принцесса. Муж. Любовник. Эти люди, как ни яростно прожили они свою жизнь, с точки зрения истории значили очень мало и вполне могли не оставить в ней никаких следов. Тем не менее начинать где-то надо. Сейчас Британский музей — ее главная надежда.

Ускорив шаг, она свернула со сквера к Оксфорд-стрит, как вдруг — совершенно внезапно — замерла. Кто-то прошел мимо, как бы мелькнул в тумане, оставив за собой непередаваемое чувство страха. Но почему? Ни черт, ни облика... Лишь ощущение чего-то отталкивающего, нечистого. Ей даже показалось, что она узнает его, если встретит снова. Его или ее? Непонятно. Марта осторожно обернулась, но странное существо исчезло за углом, который она только что обогнула.

Она встряхнулась и быстрее пошла вперед. Поработать в Британском музее стоило не только ради "Глаза Кали", но и чтобы отдалить неизбежное возвращение к сбедающей ее душевной тревоге. Эта не дающая покоя тяжесть на сердце, это мучительное чувство вины и обмана были следствием того, что, обручившись в Америке с одним, в Англии она полюбила другого. Полюбила несчастливо, но сильно, болезненно и прямодушно.

Глава 3

Двумя часами позже Марта распрямила затекшую спину, вздохнула и мрачно поглядела на грудку книг, лежащих перед ней на столе. Оправдывались ее худшие предчувствия: принцесса Шарлотта оставалась такой же таинственной, а де Маньи словно и не жил вовсе, если не считать одного-единственного упоминания у старого Д'Озера, где под фамильным гербом стояло его имя с двумя датами. Он был последний в роду и не женат. Поскольку это главные действующие лица, можно спокойно сдать. Если уж Британский музей не имеет о них никакой информации, значит, ее нет вообще или же она погребена в каком-нибудь забытом уголке Германии. О муже, принце Викторе, можно было еще кое-что прочитать: он участвовал в нескольких военных кампаниях и состоял на разных службах. Вояка, по-видимому, он был удачливый, но теперь этот факт ровно ничего не значил.

Марта снова вздохнула, закрыла усталые глаза и ненадолго позволила себе отключиться. Потом взглянула на свой блокнот, где на одной страничке уместились все сведения о принцессе, собранные в результате усердного просмотра сотен страниц — как совсем ветхих, так и прекрасного качества, заполненных где отчетливыми, а где и едва различаемыми письменами.

Шарлотта Людовика Фердинанда Каецила (1698-1720), старшая дочь принца Фредерика и принцессы Ильзе-Марии фон Кассель-Ансбах из младшей ветви герцогского дома Ансбах. С восьми до пятнадцати лет воспитывалась при дворе Лю-

довика XIV, в девять лет обручена с принцем Виктором, старшим сыном и наследником Людвига-Эммануила, герцога Восточной Франконии, с которым (по доверенности) была обвенчана в двенадцать лет. Пятнадцатилетней впервые увидела своего супруга в Германии. Умерла в 1720 г. в Рейнольдс-Тюрме в Восточной Франконии при невыясненных обстоятельствах. Ее сын Луи-Виктор унаследовал престол в одиннадцать лет и оказался последним герцогом Восточной Франконии, пока титул не был восстановлен в 1837 г.

Это все. Марта замедленным движением поднялась с места и вдруг, засовывая руку в рукав пальто, насторожилась. Легкая догадка мелькнула в усталой голове, может статься, пустяк, но при таком мизере информации грех пренебрегать и пустяком. Следуя неясной мысли, она из читального зала побрела длинными коридорами в зал рисунков. Ей подумалось, что могло сохраниться какое-нибудь изображение Шарлотты. Она справилась у служительницы, и — какая удача! — та ушла и вернулась с большим черным портфолио, опытной рукой пролистала страницы и подала одну Марте. Та тихо уселась перед листом плотной бумаги, заинтригованная и странно взволнованная.

Это был эскиз, подписанный Я.Ф.Карсом, набросок, по всей видимости, незаконченный. И хотя фигура в длинном платье — угадывающемся, не нарисованном — производила впечатление изысканной утонченности, лицо было совсем юным, с детским овалом и полным отсутствием опытности в глазах. Ей тут не больше четырнадцати, подумала Марта. Карс нарисовал ее в полуборот. Большие глаза на нежно очерченном лице открыто и смело смотрели на мир, сообщая почти пугающий импульс жизни, полной страстей и наслаждений. Более того, художник поймал характерную грацию движения, нетерпеливую порывистость: еще момент, и — как бы застигнутая врасплох — она отвернет голову.

Какая она миниатюрная, подумала Марта без всяких на то причин, формулируя так свое впечатление от чего-то хрупкого и глубоко совершенного. Чистая линия рук и шеи не разрывалась ни орнаментом, ни украшением. Чуть позже в самом верху листа Марта заметила бледно-коричневые штрихи — несколько строк по-французски, начертанных чьей-то рукой так, как писали в восемнадцатом веке, почерком прихотливым, но ясным и элегантным:

“Изображение принцессы Шарлотты фон Кассель-Ансбах, — гласила надпись. — Я часто встречал эту даму, что умерла в столь юном возрасте, при дворе Его величества покойного короля. Рисунок поразительно схож с оригиналом и, по мнению моего отца, не уступает в сходстве скульптуре, установленной на прекрасном надгробии принцессы в Рейнольдс-Тюрме, Восточная Франкония, которое он посетил в 1722 году, когда оно только что было завершено. А.Л. де Р.”

Надгробие! Марта горестно покачала головой на вечную драму бытия. Девочка, изображенная на рисунке, смотрела на нее с такой жадной жизни, что трудно было вообразить ее мертвой.

Уж месяц, как она ушла...

Но силы нет, чтобы могла

Заставить думать, что легла

Она в могилу...

— вспомнилось скорбное недоумение Элиа. Марта грустно вздохнула и склонилась повнимательней рассмотреть изображение прелестной девочки.

Но удивительно! На этот раз она не нашла ее такой уж прелестной. Карс, должно быть, был хорошим художником, и лицо на портрете не выдавало своих секретов с первого взгляда; чем дольше вы смотрели, тем больше вам открывалось. Сейчас Марте поразило, как посажена безупречная маленькая головка на точеной шее, светское, хладнокровное выражение девичьего лица — и что-то еще, не совсем приятное. Не чрезмерна ли эта сдержанность? А под сдержанностью что? Хитрость? Насмешливость? Но вот лицо снова изменилось: оно стало холодным, загадочным, маленький рот плотно сжался, храня свои секреты. Теперь принцесса казалась Марте не только странно, преждевременно повзрослевшей, но и опасной. И от пристальности разглядывания это впечатление лишь усиливалось. Большие глаза отвечали Марте высокомерным вызовом, будто из пугающего далека доносились слова детской дразнилки: "Не поймать!"

— Да уж, — пробормотала Марта почти вслух, — ты довольно таки далеко...

Этот диалог прервала служительница музея, которая все это время безуспешно пыталась найти изображение де Маньи.

Марта поблагодарила ее, неохотно отдала портфолио с рисунком принцессы, но с места не встала. Ей хотелось еще чуть-чуть подумать. В результате, она отправилась в картинную галерею музея. Здесь ее изыскания тоже ни к чему не привели.

— Нет никаких сомнений, что его кто-то писал, — сказал хранитель, к которому она обратилась. — Молодой аристократ — определенно. Но если портрет в свое время не был гравирован, репродукций не существует.

Марта и сама это знала. Она мрачно кивнула и ушла. И только у ворот музея у нее мелькнула мысль... так, мыслишка. Но теперь, увидев, какой въяве была принцесса, она сгорала от желания посмотреть на того, кто стал ее возлюбленным, соучастником жизни и смерти. Если этот ход не удастся, что делать дальше, неясно. Сейчас только четьре, еще не поздно. На улице сумрачно, но не более, чем три часа назад, когда она только входила в Британский музей.

Пять минут быстрой ходьбы по окрестностям Блумсбери, и она оказалась у небольшого особняка в стиле регентства, где по-

мещалось Королевское общество миниатюры, и музей, к великому ее облегчению, еще работал.

Как ни удивительно, ей повезло. Секретарь общества — маленькая блондинка, которую звали миссис Дэнс, — церемонно провела ее в комнату на втором этаже, где оставила, возбужденную, подождать.

Вскоре миссис Дэнс вернулась, бережно, как драгоценность, неся что-то в руках, и торжественно положила свою ношу перед Мартой.

— Это один из моих любимцев, — заметила она. — Я неравнодушна к нему уже много лет. — И остановилась на пороге, чтобы добавить: — Знаете, на чем написана эта миниатюра? На игральной карте. Не правда ли, как прозорливо? Ведь именно карты привели его к гибели. — Видимо, миссис Дэнс была хорошо знакома с историей шевалье де Маньи. — Портрет поступил к нам от покойной принцессы Беатрисы, младшей дочери королевы Виктории, знаете, она умерла в 1944-м. Я думаю, к ней он попал от мужа, он был немец. Миниатюра в прекрасной сохранности, даже рама подлинная. Если вам что-нибудь понадобится, я внизу.

Она ушла, а Марта смотрела на застекленную, неглубокую, квадратную по форме коробку, обитую черным бархатом, с збеновыми краями. В ней помещалась овальная миниатюра, обрамленная светло-коричневым, слегка потрескавшимся от времени лаком. Внутри лакированного овала поблескивал узкий золотой ободок, и из него на Марту смотрел изображенный в три четверти молодец, красивей которого она в жизни своей не видела. Ему было лет двадцать пять — двадцать восемь. Красота его ничуть не отдавала женственностью. В восхищении рассматривала Марта высокий чистый лоб, безупречный изгиб бровей над выразительными карими глазами, прямой нос и прекрасно вылепленные губы. Он носил не парик, а свои волосы, просто завязанные едва видневшейся сзади черной шелковой лентой. По блеску зеленого бархата, расшитого золотом, можно было судить, что он в мундире, но не в военном, а, скорее, в придворном. Костюм очень шел ему; все ему шло, даже надменность. Как и принцесса, он холодно взирал на Марту, вскинув голову и, кажется, прекрасно сознавая свою привлекательность. Ничего удивительного, что принцесса влюбилась в него так безрассудно. Он, должно быть, покорял многих и мог с полной в себе уверенностью выбирать наиболее выгодные связи. В его взгляде, заметила Марта, сквозила расчетливость.

Что ж, теперь она знала, что они были за люди, эти молодые аристократы, баловни судьбы, странно связанные загадочной смертью. И та же тьма, что поглотила их, хранит тайну исчезнувшего рубина.

“ГЛАЗ КАЛИ”: рубин неизвестного происхождения; легенда, согласно которой он украден из храма Кали, богини-покро-

вительницы индийской секты тугов, не достоверней, чем любая другая. В Европе рубин появился впервые приблизительно в 1660 году, когда был предложен Генриху IV придворным ювелиром Картаном. Генрих собирался жениться на Марии Медичи и купил камень в качестве свадебного подарка за 60 тыс. ливров (10 тыс. фунтов стерлингов по современному курсу). Почти столетие его носили королевы Франции. Можно привести одно из многочисленных свидетельств этому — письмо, датированное 1678 годом: “По сему случаю... на королеве был знаменитый рубин *Индиец* (Во Франции рубин был известен под таким названием. — *Прим. изд.*) Я приблизился к Ее величеству как мог ближе, чтобы рассмотреть его получше. Это поистине чудо, камень величиной по меньшей мере с верхнюю фалангу большого пальца мужчины, формой напоминающий грушу; в ярко-красной живой глубине его, словно в слезе, светится искра огня.” (Письмо Джона Харрингтона, лорда Чишолма, английского посла во Франции в 1676-1681 гг., изд. Викон Молине, 1907.)

Это, как и другие описания, позволяет оценить вес рубина в восемьдесят-сто карат.

В 1695 году, когда Людовик XIV нуждался в деньгах, камень перешел в руки Людвига-Эммануила, герцога Восточной Франконии, который заплатил за него 20 тыс. фунтов стерлингов по нынешнему курсу, подорвав тем самым финансы герцогства на много лет вперед. Камень исчез в 1720-е годы при обстоятельствах, которые никогда не были удовлетворительно изложены. (Ист.: *Древние и современные драгоценности*, Фонтен, 1897; *Переписка лорда Чишолма; Перечень королевских сокровищ*, 1682, *Государственные архивы*, Париж, публикация Общества антикваров Франции, 1902, ред. Марсель Валлин.)”

Марта закрыла блокнот и посидела минутку, не двигаясь. На сегодня достаточно. Если она хочет улететь в понедельник, надо еще сделать тысячу дел.

Было уже совсем темно, когда она вышла из Холборнской публичной библиотеки и быстро пошла домой. Ее маленькая неудобная квартирка была всего в десяти минутах ходьбы. Следовало заняться приготовлениями к отъезду, и именно сегодня: у нее возникло еще несколько идей по поводу рубина, и завтрашний вечер она хотела провести, копаясь в книжных развалах на Чаринг-Кросс-роуд.

И все-таки, несмотря на благодетельную занятость и суету, саднило сердце. Днем она еще могла держать себя в руках, думая о другом, но в сумерках боль неизбежно настигала ее. Шесть вечера, время свиданий. Этот пустой час превратился в настоящую пытку, худшее время дня. И еще тоскливей становилось от того, что Тревор Дермотт был не просто бременем ее души и тела. Он был тайной.

Глава 4

— Мисс Хевенс, — сказал сэр Фредерик Соунс, шеф Марты, — не могли бы вы узнать у мистера Тревора Дермотта, будет ли готов экспонат, который он реставрирует, на будущей неделе? Наверное, вы найдете его в мастерской, — добавил он и исчез без дополнительных разъяснений.

Это случилось в самом начале ее стажировки, когда она еще не очень хорошо ориентировалась в музее.

Узнав, как найти мастерскую, Марта прошла длинными, узкими, пыльными и к тому же плохо освещенными коридорами, на ощупь спустилась по лестнице с выщербленными ступенями (для экспонатов в музее имелся лифт, который приводился в движение руками, но для подъема людей был, естественно, непригоден) и, наконец, очутилась в подzemелье — длинной комнате, где горели бестеневые лампы жесткого дневного света. Человек пять, сидевшие поодаль друг от друга, работали в почти полном молчании. На вопрос о мистере Дермотте, которого она раньше в глаза не видела, ей указали на самую дальнюю мужскую спину.

Он был погружен в работу и только услышав свое имя, поднял голову. Все вокруг поплыло и отдалилось. Потом снова вошло в фокус. Вернувшись откуда-то издалека, Марта стряхнула с себя наваждение, как собака отряхивается от воды, представилась и передала вопрос сэра Фредерика по назначению. Тут он совсем перестал работать и усмешливо-вопросительно уставился на нее, улыбнувшись так, что ее сердце снова перевернулось.

— Значит, хозяин велит пошевеливаться? — пробормотал Тревор, и его голос, не слишком низкий, но мужественный и благожелательно-ироничный, сразил ее окончательно. — Он заманил меня в эту паутину, посулив, что погонять не будет. И вот, как выясняется, бессовестно обманул. Разве так поступают? Разве мушке не обидно?

— Ужасно обидно, — подыграла Марта. — Ни один приличный паук не унижится до такой степени. Подумайте-ка, могут ли пауки унижаться?

— Почему бы и нет? Если можно унижаться на двух ногах, то почему нельзя на восьми? Между прочим, как вы полагаете, это разговор? То, чем мы сейчас занимаемся?

— Скорее, недоброкачественная имитация, — вздохнула она, и они рассмеялись, смех его был прекрасен.

— Соболаговолите передать сэру Фредерику, что его экспонат будет готов к будущей неделе, даже если я умру от перенапряжения. И сделайте милость, присокупите, что я поражен его гнусной выходкой.

— Я немного отредактирую ваши слова, — улыбнулась она.

— Какая бездна остроумия! — засиял в ответ Тревор. — Голва кругом! И что же вы думаете, — он вдруг переменял те-

му, — об этих живописных руинах? Неплохо смотрится после Америки?

— Ну, это не последнее слово в музейном деле, — призналась Марта, до смешного счастливая, что разговор затянулся.

— Последнее слово! — Или он умерит свое невообразимое обаяние, или ноги перестанут ее держать. — Это так же современно, как катакомбы, но не настолько умно спланировано. Вы, конечно, слышали о нашем почтенном председателе?

— Благородный лорд, — пробормотала Марта.

— Благородное ископаемое. — Тревор принял высокомерный вид. — Ни один камень этого мавзолея не будет сдвинут с места, или вам несдобровать. Вот если бы бомба свалилась на музей...или на лорда Кеймс-Бартелми. — Он не отрывал от нее глаз. — Увы, этого не случилось.

Широко улыбаясь, она вдруг, неожиданно для себя самой, неловко выпалила:

— Ну, мне... мне пора!

— Разве? — Да, ему было жаль ее отпускать, и он не сделал ни малейшей попытки скрыть это. Сердце ее омыла теплая волна счастья. И внезапно, глядя друг другу в глаза, не соприкасаясь, они на краткий миг сомкнули объятия.

Чуть позже она была уже наверху, не имея ни малейшего представления, как там очутилась.

В тот вечер, добираясь до дому, Марта ждала автобус, ехала в нем, а потом шла пешком все в том же бездумном трансе. Пять минут поговорить с незнакомцем и отойти от него с изумительным чувством перемены! Все, решительно все выглядело иначе, не таким, как прежде: и она сама, и окружающий мир. Хуже того, казалось, что до этого момента в ее жизни ничего и не происходило, так, пустяки какие-то!

“Сумасшедшая, — сказала она себе. — Сумасшедшая”.

Ее маленькая квартирка тоже показалась ей незнакомой. Позже, перед сном, в попытке ухватиться за что-то реальное, она стала всматриваться в лицо на фотографии в кожаной рамке, которая стояла на ночном столике. Она обещала выйти замуж за Билла Николса, как только вернется в Америку в октябре. Но, глядя на это славное, умное лицо, она ничего не чувствовала: он был где-то очень далеко, как будто она знала его много лет назад и вот только сейчас о нем вспомнила. В его спокойном взгляде ей вдруг почудился упрек, и Марта торопливо перевернула фотографию лицом вниз.

“Завтра, — пообещала она себе, — завтра все будет иначе. Это не может продолжаться долго, уж слишком все глупо”.

Она легла спать, думая о Треворе, и проснулась с мыслью о нем. Потом работала в музее как автомат, не переставая грезить о нем. К вечеру эта мука сделалась нестерпимой: ей необходимо было его увидеть. Не позаботившись о предлоге, она спустилась

в мастерскую. На полпути, где-то на узкой ненадежной лестнице, она вдруг остановилась, ослабев от внезапной мысли. А вдруг он женат? Наверно. Но как же тогда она смеет вмешиваться в его жизнь, ничего о нем не зная? Замерев в полутьме, она прислушалась к себе и безвольно продолжила спуск. Ее словно несло. Все равно, женат или нет, все равно. У нее нет сил с этим бороться.

Тревор работал в том же углу и, казалось, был полностью поглощен делом, но тут же заметил ее, как будто ждал, и в глазах загорелась откровенная радость.

— Привет! — сказал он, посмотрев на нее с давешней теплотой. И под этим взглядом она вся раскрылась и расцвела, как под лучами солнца. — Я надеялся, что вы спуститесь сюда снова.

— Но на этот раз у меня нет поручения от сэра Фредерика.

Он перестал работать и снова скинул на нее глаза. Почему-то во всем этом было ужасно много смысла. Потом, вернувшись к работе, сказал спокойно:

— Тем лучше. Но мне придется продолжать, даже пока вы здесь. — И с ноткой извинения показал на то, что делал. — Надобно кончить. Не могу ж я разбить сердечко старому Фреду.

— Конечно, — согласилась она, — я не хочу вам мешать.

— А я хочу, чтобы вы мне мешали, — пробормотал Тревор, едва заметно улыбаясь, но не отрывая глаз от работы.

Они помолчали. Марта была совершенно счастлива, что можно сидеть рядом и смотреть на него. Теперь у нее было время заметить, как искусно он работает: крупные точеные руки мелькали над ворохом инструментов с изумительной точностью, не делая лишних движений. Его костюм, когда-то произведение хорошего портного, был довольно обтрепан. Может быть, конечно, он надевает его для этой грязной работы — с плашками, с папье-маше, красками, разными смесями клея и закрепителей, которые нужно подогревать? Но не значит ли это, что он беден или, по меньшей мере, находится в стесненных обстоятельствах? Она уже готова была служить ему, защищать его.

— Говорите со мной, — почти приказал Тревор.

— Нет, не стоит, пока вы заняты таким копотным делом, — ответила она с явным сожалением, и он кивнул:

— Ну, тогда мы поговорим сегодня вечером. Встретимся в пять и перекусим вместе. Хотите? — Его взгляд устремился ей прямо в глаза с такой откровенной нежностью, что в голове у нее поплыло.

— Хочу, — выдохнула она, и тут ей захотелось побыть одной, чтобы насладиться этим неожиданным счастьем. — До свиданья. До встречи.

Он снова кивнул, и она уже сделала шаг, как вдруг...

— Черт! — воскликнул он с таким ужасом, что она приросла к полу. — Я забыл, совершенно забыл. Я занят сегодня. Скуч-

нейшая деловая встреча. Не представляю, как долго она протянется, и понятия не имею, как ее сократить. — Его отчаяние было так искренне, что сгладило разочарование Марты.

— Ничего страшного, — успокоила она его.

— Как это ничего! — возмутился он. — Но завтра, завтра в пять? Сможем мы встретиться завтра в пять у выхода на Пелэм-стрит?

— Конечно, сможем, — уверила она.

— Нет уж, до завтра далековато. Отлично, мисс Хевенс, давайте-ка спросим об этом сэра Фредерика.

Маневр застал ее врасплох, она тупо постояла секунду, пока до нее дошел смысл сказанного, и послушно двинулась следом. Они миновали мастерскую и пошли по коридору, через равные промежутки освещенному тусклыми желтыми лампочками. Вдруг он остановился и, прежде чем она что-либо поняла, рывком открыв какую-то фанерную дверь, буквально впихнул ее вовнутрь. Старое здание обладало всевозможными закоулками, альковами и нишами неясного назначения, и в одну из таких ниш, используемых теперь, как подсобка, он и привел Марту. Не мытое годами окошко позволяло видеть ноги редких прохожих, но практически не пропускало света. Было почти темно.

В одно мгновение она повернулась к нему и утонула в его объятиях. Родные руки укрыли ее всю, губы слились, и они стояли так, замерев, ни о чем не думая. Потом Тревор прервал поцелуй и, спрятав лицо ей в плечо, сжал ее с такой силой, что, показалось, она расколется либо задохнется. Один Бог знает, как ей удавалось дышать. Но вместо того, чтобы освободиться, она лишь сильнее стянула обруч своих рук. Он пробормотал что-то, что дошло до нее не сразу: "Я не должен". Ужас охватил ее от этих слов. Ледяной холод. За два коротких дня жизнь без него сделалась немыслимой, невообразимой.

— Почему? — выдохнула она. — Почему не должен?

Он чуть покачал головой, ничего не ответив, и, будто бросившись в пропасть, она спросила:

— Ты женат? Я не прошу прощенья, что спрашиваю. Я должна знать.

— Нет, нет, — пробормотал он, все еще пряча лицо. — Я не женат.

Но сказал это так странно, так неубедительно, что, ощутив поначалу невыразимое облегчение, она сразу засомневалась. Однако вступать в дальнейшие объяснения было не время.

— Ну и чудесно, — как бы между прочим сказала Марта, стараясь скрыть неловкость. В ответ он поцеловал ее, и мир снова исчез, растворился за теплой мерцающей волной.

Наконец он отпустил ее, и Марта пошатнулась.

— Держись, — придержал он, улыбаясь ласково и насмешливо, а она состроила рожицу и попыталась пригладить растрепавшиеся волосы.

— Как я выгляжу? Как новоявленная Эндорская ведьма?

— Ты замечательно выглядишь, — сказал он безо всякой насмешки. — Значит, завтра в пять, да? У выхода на Пелэм-стрит?

После работы она окунулась в прелестный мартовский вечер, ясный после долгого английского дня. В этом спокойном старом районе воздух был свежий, прохладный и вкусный, особенно после заточения в стенах музея. Пойти домой ей даже не пришлось в голову. Хотелось бегать, прыгать и хохотать. Мысль о Билле мелькнула где-то в глубинах сознания и была отброшена прочь. Нет, она долго будет гулять сегодня, и счастье с ней за компанию.

Незаметно Марта оказалась в Мэлл. Утопающие в зелени нарядные особняки клубов в лучах заходящего солнца казались еще нарядней. Она остановилась полюбоваться цветущим деревом, что перевесилось через ограду клуба “Юнайтед-сервис”, и заметила такси, только что отъехавшее от “Атениума”. Мужчины, вышедшие из него, направлялись ко входу в клуб. Это были... Да, это были сэр Фредерик Соунс и Тревор Дермотт. В обоих чувствовалось напряжение. Ей показалось, что их связывают странные, недружественные отношения, какие бывают между отцом и взрослым сыном, когда старик повелевает молодым, заставляя его поступать вопреки желаниям. Прежде чем она смогла определить это все точнее, они вошли в клуб.

Так вот что за деловая встреча была у Тревора! Радость от того, что она его увидела, почти равнялась ее изумлению. В Америке она не придавала бы ни малейшего значения тому, что двое мужчин куда-то пошли вместе, но в Англии, где сословные границы еще достаточно ощутимы, чтобы удивлять американку, это становилось поводом для раздумий. Аристократ и знаменитость сэр Фредерик мало того что знаком с сотрудником из самых низов музейной иерархии, он еще и ведет его в свой клуб! Ведь совершенно очевидно, что молодой и никому не ведомый Тревор Дермотт не может быть членом “Атениума”!

Загадка эта занимала ее всю дорогу домой. Несомненно, он значительнее, чем кажется. Наверное, он делает эту грязную работу или по собственной прихоти, или по просьбе сэра Фредерика. Позже, когда они станут... друзьями — это слово пришло в порядке самозащиты — он окажется... “заколдованным принцем”, — съязвила она над собой.

В тот вечер Марта быстро заснула. Сон сладко наплывал, погружая ее в предвкушение счастья, очаровательно смешанного с тайной, ибо теперь она уверенной рукой облачила Тревора в лестные одежды “таинственного незнакомца”. Но кто мог думать, что незнакомцем он для нее и останется...

Назавтра к одиннадцати ее самоконтроль испарился: она должна его видеть. И презрев свою вчерашнюю решимость до

пяти вечера держаться от него на расстоянии, Марта спустилась в подвал. Еще на полпути через мастерскую она почувствовала что-то неладное. Сердце заныло, и она знала причину. Когда она подошла к нему, он коротко глянул вверх и склонился к работе. Ни улыбки, ни приветствия. Полное отчуждение. Но Марта все-таки решилась поздороваться.

— Доброе утро, — ответил он равнодушно. И в той же манере добавил: — Боюсь, нам придется отменить нашу встречу.

— Почему? — Вопрос вырвался прежде, чем она успела подумать.

— Как выяснилось, — холодно ответил он, — молодая леди обречена.

Ну, конечно, этого она и боялась.

— Мне сказал об этом сэр Фредерик.

Она и так все уже поняла. В первый день своей работы в музее она почти час провела в кабинете директора, который был с нею сердечен, внимателен и заставил разговориться и о профессиональных делах, и о личных обстоятельствах. Она все выложила, а теперь стояла, молча ругая себя за неуместную доверчивость.

— В отличие от вас, я не так предусмотрителен, — пробормотал Тревор с легкой иронией. — Я не спросил, замужем ли вы.

— Да, я не сказала тебе. Я понимаю, что это нечестно по отношению к Биллу, и к тебе тоже, но что же делать? Я просто не успела ни о чем подумать! Потому что не было ничего, кроме тебя. Вот что ты сделал со мной! Когда ты рядом, есть только ты. Не усмехайся! Все случилось так быстро, что у меня не было времени сообразить, что происходит. Если бы ты полюбил меня, я бы все сказала Биллу. Но как я могла в тот момент думать о нем? Меня не волновало, женишься ты на мне или нет, это не имело значения... Когда я рядом с тобой, есть только ты... Разве ты не видишь, Тревор, разве не видишь...”

Весь этот сумбур водоворотом пронесся в ее голове, но она молчала, понимая, что уже ничего не поправишь. Он не поверит.

— Я... я хотела...я хочу сказать, у меня не было времени подумать, — начала Марта безо всякой надежды.

— Вот что, — оборвал он, — не надо вздора. Это не та история, из которой можно выбраться на полдороге. Вчера мы в этом убедились. Лучше не углубляться. Я, по крайней мере, не буду. Прошу прощения.

Неужели конец? Она никак не могла в это поверить и отчаянно забормотала:

— Пожалуйста, давайте поговорим где-нибудь, здесь неловко, прошу вас...

— Мы привлекаем внимание, — мягко, но непреклонно проговорил он, опустил глаза и углубился в работу. Горячий стыд заливал ей лицо и шею, но все-таки, не в силах расстаться с надеждой, она подождала еще немного. Он работал, словно ее

здесь не было. Тогда Марта резко повернулась и, ничего не видя перед собой, пошла из мастерской прочь.

Непостижимо, как эта мимолетная история — несколько слов, несколько поцелуев — сделала ее такой одержимой. Сначала она ждала, что наваждение исчезнет, изживет себя. Но боль, не убывая, делалась все сильнее. Тревор поразил ее, словно недуг, словно отравленный наконечник стрелы. Как бы она ни боролась, освободиться не было сил. Значит, они и впрямь случаются, эти внезапные, страстные увлечения, о которых с полунасмешливым скептицизмом читаешь в романах, по проклятой прихоти судьбы это помрачение пало и на нее.

С этого дня, никак не изменив внешнего распорядка жизни, Марта билась в тесном кольце боли. Никогда еще она не испытывала подобного опустошения: ни с Биллом, ни с кем бы то ни было. Билл... Она высоко ценила его и горевала, что любовь к нему прошла. Хотела любить, как раньше, и не могла. Она слишком хорошо его знала. Уравновешенный, прозаичный, во всем не похожий на того, другого, Билл обитал в мире покойном, надежном, в общем, не лишенном достоинств, где и Марта была приговорена влачить свои дни. Днем она мысленно разговаривала с Биллом, оправдывалась, просила понять. А ночью оказывалась в объятиях своего призрачного возлюбленного, о котором мечтала с такой силой желания, что, будь такое возможно, он появился бы в темноте, рядом — сильный, теплый, восхитительно живой.

В этот ранний и самый тяжкий период своей влюбленности она привыкла подолгу, до изнеможения бродить по городу, а в музее кого только можно старалась незаметно навести на разговоры о Треворе, но мало что узнала. Он окончил Кембридж и, кажется, с отличием. Если так, то почему же специалист высокой музейной квалификации делает черную работу в подвале? Ей ли не знать, как оплачивается такая работа! Так же она отметила, что в музее он не общается ни с кем, кроме сэра Фредерика. Ухитрившись несколько раз украдкой за ним понаблюдать, она с грустью убедилась, что при всей его естественной элегантности он выглядит исхудавшим, усталым и обносившимся. Как странно! Такой молодой, умный, великолепно образованный — почему, почему он живет так... неадекватно? Как совместить очевидные достоинства его происхождения и образования с его образом жизни?

Как ни странно, теперь она чаще, чем обычно, писала жениху длинные, подробные письма, стараясь вниманием искупить отсутствие сердечности. Она вернется к нему, когда преодолит наваждение, когда-нибудь, когда забудется эта боль...

Глава 5

В субботу утром (это был ее последний рабочий день перед отпуском) Марта нашла на письменном столе конверт с чеком

на солидную сумму, присланный мистером Мак-Ивором, тут же позвонила в авиакомпанию и заказала билет до Вюрцбурга, ближайшего аэропорта от того места, куда собиралась.

К одиннадцати часам она поняла, что не может вот так уехать, и быстро, чтобы не успеть струсить, направилась к лестнице, ведущей в подвал. Ноги дрожали, и сердце колотилось. А вдруг его там нет, ведь он работает временно...

Тревор был на месте. Не дав себе подумать, она быстро прошла через все помещение прямо к его столу. Он поднял глаза: ни тепла, ни раздражения. Посторонний взгляд.

— Я не стану досаждать вам, — услышала она свой лишь слегка задохнувшийся голос, а ведь боялась, что совсем с речью не совладеет. — Случилось так, что мне нужна помощь. Мне предложили работу, и я хочу с кем-нибудь посоветоваться. Не могли бы вы уделить мне, завтра или сегодня, немного времени?

Она ждала, понимая, что сказанное прозвучало неубедительно, что он может растолковать ее слова как предлог. Но он лишь посмотрел на нее, размышляя.

— Вы работаете сегодня весь день или...

— Полдня.

Он кивнул:

— Я тоже. — И наконец решил: — Вас устроит час дня в кафе "Ройял"?

— Да, конечно. Благодарю вас.

— Отлично, — произнес он и снова склонился над экспонатом.

— Прежде всего, — сказала Марта, — я прошу, чтобы этот разговор остался между нами.

Они еще не закончили ланч; огромный зал кафе был полон народа, шелест голосов вокруг создавал прекрасную шумовую завесу для конфиденциальной беседы.

— Разумеется, я никому ничего не скажу, — ответил он, и она смутилась от невысказанного упрека. — Вы можете доверять мне. Продолжайте.

Еще прежде она решила, что расскажет ему все в общих чертах, не называя имен, и в нескольких словах изложила разговор с двумя старыми джентльменами. Он слушал, не перебивая, но с явным недоверием, а в глазах нарастал страх.

— Эти стариканы, — осведомился он, когда она закончила, — они, вообще-то, в своем уме?

— С этим у них все в порядке, — заверила она.

— В таком случае, они преступно беспечны! — Казалось, Тревор ошеломлен. — Как можно рисковать жизнью молодой женщины ради такой бредовой затеи!

— Рисковать жизнью? — эхом повторила Марта. — Затея, может быть, и бредовая, но при чем тут риск?

Он вытащил трубку и стал набивать ее грубым табаком. Словно замороженная, Марта следила за его движениями, в который раз отметив, как красивы его руки, как ловко он все делает. Обшлага его пиджака были довольно-таки обтрепаны, и с острой жалостью к нему Марта решила, что не станет пить кофе, если он предложит ей еще чашечку, и, быть может, представится возможность заплатить за ланч, не обидев его.

— При чем? — Он поднес спичку к трубке, затянулся и, попыкая, принялся ее раскуривать. Выпустив первое голубое облако дыма, взмахом руки потушил спичку. — При чем тут риск? При том, что с риском связана любая охота — особенно за тем, что представляет собой какую-то ценность. Чем все кончится в данном случае, трудно сказать. Но опасность есть, можете быть уверены.

— Я не понимаю, какой может быть риск, если ни одна душа об этом не знает? — заторопилась она. — Я же поеду просто как туристка.

— Милая моя. — Тревор нетерпеливо взмахнул трубкой. — Суть нашего разговора, насколько я понял, в том, что вы просите совета, предпринимать ли вам эту увеселительную поездку за чужой счет? Так?

— Ну... — Совсе не ради совета хотела она его видеть. Скорее уж, из потребности кому-то довериться, в чем и собиралась было признаться, как вдруг быстрым движением он взял ее за руку. Прикосновение отозвалось в ней знакомой, сладкой болью.

— Так вот вам совет: откажитесь, — твердо заключил он.

— О, но мне придется поехать, — возразила Марта. — Я уже согласилась.

— Ну и что? Откажитесь. Скажите, что передумали. Чем вы, в конце концов, связаны? — Он сжимал ее руку, и упоительная нега разливалась по всему телу, подчиняя себе, обессиливая. Однако...

— Я не могу, — опутив голову, сказала она. — Возможно, я впустую потрачу время, но у меня нет никаких обязательств. Пусть затея бредовая, зато чертовски привлекательная. Я хочу поехать.

— Вы просили моего совета, и я вам его дал, — ледяным тоном произнес Тревор после короткого молчания. — Могу лишь повторить то, что уже сказал: понимаете вы или нет, но сама мысль об этом — безумие.

— Я уже заказала билет, — объявила Марта и увидела, как меняется его лицо. После неловкой паузы он отпустил ее руку и, глядя в сторону, пробормотал:

— Ну что ж... — а потом посмотрел на Марту, и взгляд его показался ей откровенно враждебным. — В таком случае извольте объяснить, зачем вам понадобился этот фарс? О каком совете могла идти речь, когда все уже решено и даже билет заказан? Зачем терять время на беспредметные разговоры?

— Но... я... — путалась она, чувствуя себя бесконечно виноватой. — Честно говоря, не совет был мне нужен... Я просто хотела, чтобы кто-то — какой-то близкий мне человек — знал об этом. Наконец, я не хотела ехать в Рейнольдс-Тюрм без... Ох!

— Не беспокойтесь, — он язвительно улыбнулся, сразу догадавшись о причине ее испуга. — Я даже не расслышал, как называется это ваше таинственное местечко. Жаль только, что вы рассказали мне об этом. Зачем, Марта, зачем вы это сделали? — Тревор произнес последнюю фразу с таким искренним сожалением, что сердце Марты затрепетало от радости. — Марта, — он снова взял ее за руку. — Марта, ради Бога, не ввязывайтесь вы в это дело!

Пожатие его теплой сильной руки, его заботливая настойчивость погружали ее в сладкое оцепенение...

— Я вернусь через две недели, — как сквозь вату услышала она свой голос.

— Все-таки едете? — так резко спросил он, что она вздрогнула и очнулась.

— Да.

— Прекрасно. Но Боже мой, зачем, зачем вам понадобилось ставить меня в известность? Чтобы я потерял сон, волнуясь за вас? — И в отчаянии пожав плечами, добавил чуть слышно: — Прощайте. — Рывком встал с места и вышел.

Она осталась одна, чувствуя не обиду на его стремительный уход, а только странное, тусклое счастье. Потом до нее дошло, что он забыл заплатить за ланч. Она оставила несколько шиллингов, вышла из кафе и побрела по многолюдной Чаринг-Кросс-роуд.

Остаток дня Марта безрезультатно рылась в книжных развалах, и неуспех был неудивителен после провала в Британском музее. Проскучав четыре часа над перепиской и мемуарами, изданными преимущественно в прошлом веке, она сдалась. Материалы о Шарлотте и ее дворе где-то, несомненно, есть. Имей Марта в своем распоряжении год, она непременно бы их нашла. Но у нее не было даже дня.

Выйдя из шестой по счету лавки, она направилась к дому. День клонился к вечеру, не солнечный и не пасмурный, но из-за неподвижных облаков в небе сумерки сгустились раньше обычного. На ступеньках уродливого, как барак, дома, в котором она жила, Марту настиг оклик, произнесенный с какой-то чуждой английскому языку интонацией:

— Простите, мадам!

Она обернулась. К ней подходил, подобострастно кланяясь, старик со шляпой в руках. Она мгновенно узнала его по тому странному ощущению, которое так поразило ее прошлым вечером на пути к Оксфорд-стрит, и тут же поняла, почему он так узнаваем.

Старик был приземистый, коренастый, ростом много ниже Марты и уродливый, причем в сумерках поначалу было не разобрать, в чем именно состоит его уродство. Голос его, одновременно елейный и грубый, униженный и все-таки наглый, соответствовал облику. Но когда старик подошел ближе, все эти особенности отступили перед одной, главной. Мистер Мак-Ивор смягчил выражение, назвав его нездоровым: это был совершенно больной человек, развалина. Цвет его лица был ужасен. В полутьме оно казалось пятном лунного света на грязной земле.

— Простите, мисс, — повторил он с гримасой, обозначающей улыбку. — Вы мисс Хевенс, да?

— Да. — Сжавшись от дурного предчувствия, она услышала его тяжелое, как после бега, дыхание.

— Меня зовут Ставро, — объявил он, но это она уже знала. — Я ходил к вам в музей сегодня, пораньше, около часу. — Его английский, хотя и беглый, отличался грубым акцентом и не вполне точным выбором выражений. — Но вас уже не было, да.

Свидание с Тревором спасло ее от этого сюрприза, но ничто не спасет теперь...

— Тогда я осмелился, я позволил себе прийти сюда, — говорил он. — И ваша хозяйка, она говорит мне, что вы приходите обычно часов в пять, в полшестого. Я стал вас ждать и прождал весь вечер. — Он все время улыбался, показывая гнилые зубы. Казалось, он пахнет смертью, и Марта бы не удивилась, если б он стал распадаться у нее на глазах. Снова вспомнились слова мистера Мак-Ивора: "Только жадность держит его на ногах".

— Мадам, мисс Хевенс, — продолжал он настойчиво, — я должен поговорить с вами, прошу, это очень важно, чтобы я поговорил с вами сейчас. Пожалуйста, пройдемте куда-нибудь, где можно сесть и поговорить. Я угощу вас шерри или чем захотите, и мы поговорим. Вы пойдете? Вы окажете мне честь, да?

— Благодарю вас, но сейчас я занята. — Шок, вызванный его появлением, прошел, и следом нахлынули ужас и изумление. Кто рассказал ему о ней? О ее задании? Она только вчера его получила. Если он в час приходил в музей, значит, он знал об этом уже утром, еще до того, как она говорила с Тревором. А кроме Тревора, об этом не знала ни единая живая душа.

И все-таки он пронюхал. Но как? Если не старые джентльмены и не она сама, кто же мог рассказать? Мысли метались. Выходило, что выдал ее кто-то, кого она знала и, что самое страшное, кому доверяла. Кто-то следил за ней неотступно, невидимо и неслышно. Ощущение незримого и недоброжелательного внимания было ей ново и неприятно. Ей захотелось потребовать, чтобы он признался, откуда у него эти сведения, но она сдержалась. Бесплезно, конечно же, он не скажет.

Все это время он не умолкал, и его омерзительный голос дрожал от мольбы, за которой таилась угроза. Он опасен, и ей придется собраться с силами, чтобы от него отделаться.

— О мадам, прошу вас, пожалуйста, — повторял Ставро, — я прошу всего лишь поговорить со мной, ведь это не стоит денег. Только десять-пятнадцать минут, вы согласны, да?

— Простите, — решительно проговорила Марта. — У меня нет времени.

— Тогда минутку, две, ну пожалуйста, — тараторил он. — Мы поговорим прямо здесь, ладно? — Она приготовилась сказать “нет”, но он опередил ее. — Мисс, два известных вам джентльмена поручили вам найти драгоценный камень, рубин, так?

Она молчала.

— Скажете вы “да” или “нет”, это неважно, я точно знаю, о чем говорю. Я все узнал, дорогая моя леди. От Ставро ничего нельзя скрыть! Эти джентльмены, которые говорили с вами, — он ухмыльнулся, — которые наняли вас, сначала говорили со мной. Вы знаете это? Они говорили со мной три или четыре раза. Просили найти того, кто стал бы мне помогать, и предложили заплатить ему. Поэтому я искал, искал, наконец, нашел хорошего человека, договорился, и — бац! Они наняли вас. О, они очень вежливо сказали мне, что передумали, но я сразу понял: все это ложь. Люди поумнее их старались перехитрить Ставро, но обмануть меня нельзя, нет. Они отбросили меня, Козю Ставро, и выбрали вас.

— Это не моя вина, — пожалла плечами Марта. Она с трудом заставляла себя говорить, так он был ей неприятен.

— Конечно, нет, — раболепно поспешил он уверить, — вашей вины тут нет никакой, и я здесь не для того, чтобы стыдить вас. Я пришел просить у вас милости, большой, большой милости. — Он уставился на нее черными точками глаз на бледно-голубом лице (жуткое зрелище в полутьме) и шагнул вперед. — Позвольте мне поехать с вами, мадам. Туда, куда вы собираетесь. Позвольте мне поехать тоже, чтобы искать с вами.

Силы ее кончались. Он как бы чувствовал это и торопился договорить:

— Я не прошу многого, мадам, мое присутствие вам никак не повредит, а мне доставит большую радость. Я смогу помочь вам, — заверял он, моля и угрожая. — Вы, может быть, думаете, Ставро неграмотный старый дурак. И немножко вы правы. Ставро неграмотный, но Ставро не дурак. Вы имеете знания, которых у меня нет, но и мне... — голос стал вкрадчивым, — мне также известно многое, о чем не знаете вы. Я открыл множество тайн, откопал много сокровищ, этим и известен... Если, — он почти шептал, — если мы соединим наши знания, вместе нам больше повезет. Так что, прошу вас, позвольте мне ехать с вами! — Он сделал еще шаг вперед. — Скажите, куда вы поедете,

только скажите. Об этом никто не узнает, никто в целом мире. Да, мисс? Да?

— Простите, но я не могу... — раздражение взяло верх, и слова прозвучали жестко.

— Подождите, подождите, — вскричал он и приблизился еще на шаг, — не говорите “нет”, мисс, не говорите мне “нет”. Послушайте, послушайте же меня, — он тронул ее за руку, и она отступила, — я не хочу ничего, ни денег, ни славы. Но это моя жизнь — искать старые красивые вещи. С тех пор как они сказали мне, что хотят этот камень, я вижу его днем и ночью, ни о чем больше не могу думать. Поэтому скажите мне “да”, мисс, вы ничего не потеряете от этого, совсем ничего. Вы красивая, добрая молодая леди, вы скажете “да” Ставро, бедному старому Ставро. Ведь это моя жизнь. Я должен, должен поехать. Да, мисс? Вы скажете “да”?

— Нет. — Не хотелось быть резкой, но его назойливость становилась невыносимой, а от голоса холодела кровь. — Извините, я должна идти.

Он почти завизжал и схватил ее за рукав:

— Подождите!

— Уберите руку, — отшатнулась Марта, — и отпустите мое пальто!

— Хотя бы поговорите со мной минуту, только минуту...

— Нет, — повторила она. — Отпустите пальто.

Он вдруг затих, глядя на нее, и молча убрал руку.

— Что ж, — короткий звук, с шипением выползший из большого рта, вметил в себя и злобу, и ненависть, и отчаяние. — Ты не будешь со мной говорить? Ты думаешь, что слишком хороша, чтобы говорить со Ставро? Другие говорили со мной, лучше тебя. Кто ты такая? Никто и ничто. — Слова, как плевки, вылетали из зловонного рта, и струйка слюны текла по подбородку.

Это какой-то кошмар, подумала Марта. Так не бывает. Сумерки и сумасшедший гоблин, источающий запах непристойности, с почерневшим от гнева лицом.

— Я вам покажу! Ты увидишь! Ты и этот твой мистер Мак-Ивор, вы еще увидите! — Переходившая улицу парочка остановилась, чтобы посмотреть, что происходит. — Думаешь, со старым Ставро можно обращаться, как с нечистой? Думаешь, можно смеяться над Ставро... ты... ты... — Ему не доставало английских слов, чтобы передать свою ярость.

Наконец, она стряхнула оцепенение и побежала вверх по ступенькам. Он кричал вслед на незнакомом ей языке, но перевода не требовалось. Захлебнувшись оскорблениями и похабщиной, он зашелся в нутряном, до слез, кашле, и, пока она могла слышать, каждый хрип казался ей проклятием.

Дома благодетельная тишина бальзамом легла на раны. Она занялась обычными делами, потихоньку приходя в себя. Но не

думать было невозможно. Кто, кто сказал о ней Ставро? Она только запутывалась в предположениях, которые становились все невозможней: под подозрение попала, к примеру, воплощенная преданность — секретарша мистера Брезертон. Подозревать всерьез некого, решительно некого, и это уж совсем жутко.

Размышляя над этим, она укладывала в чемодан немногие необходимые в поездке вещи. Нужно еще не забыть предупредить об отлучке булочника и молочницу, которые приносят продукты на дом. Так много тоненьких нитей приходится отрезать, даже когда уезжаешь на неделю-другую.

Прежде чем лечь спать, она написала очередное длинное письмо Биллу, в котором подробно изложила свою беседу со старыми коллекционерами, объяснила, в чем суть их чудаческого поручения, и рассказала историю принцессы и де Маньи. Кончалось письмо так: "Следующие две недели пиши мне в отель "Фюрст-Бишофф", Вюрцбург, где я остановлюсь, пока не выясню, что представляет собой Рейнольдс-Тюрм, есть ли там гостиница и можно ли в ней жить. Что ты думаешь обо всей этой затее, знаю, так что не трудись повторяться".

Здесь она остановилась, перечитала письмо и представила, какое впечатление произведет на Билла ее новость. Потом, сухо улыбнувшись, продолжила: "Не беспокойся обо мне: самая страшная из подстерегающих меня опасностей — смерть от скуки в этом Рейнольдс-Тюрме, который наверняка окажется сущей дырой. Береги себя. Я напишу, как только будут новости, а если их не окажется, то немедленно по возвращении в Англию".

Еще подумала и добавила без обиняков: "Целую. Марта".

Утром в воскресенье, когда все приготовления к отъезду были закончены, ей принесли телеграмму. Длинная, подписанная Г.Л.Брезертоном телеграмма гласила:

Перед поездкой Рейнольдс-Тюрм необходимо срочно встретиться с бароном Адрианом фон Зиппельтом Ноннен-аллее 14 Вюрцбург тчк Спросите его принцессе Шарлотте и де Маньи тчк Вы историк специалист по восемнадцатому веку тчк Он предупрежден тчк Вы подготовьте два-три вопроса по существу тчк

Такое многословие в телеграмме странно само по себе. Но почему всего "два-три вопроса"? Марта подняла глаза от телеграммы и поперебирала причины: барон очень болен, очень занят или у него просто плохой характер? Она снова взглянула на телеграмму:

Барону фон Зиппелту 108 лет тчк

Глава 6

Сидя за рулем взятого напрокат старенького "фольксвагена" — лучше ничего не нашлось, — Марта медленно ехала по улицам Вюрцбурга в поисках Ноннен-аллее, 14. Портье в отеле

сказал, что барон — городская достопримечательность, и объяснил, как найти его дом, но на деле это оказалось непросто. Несколько раз Марта останавливалась, чтобы узнать дорогу, и наконец очутилась на улице тихой и безлюдной. Казалось, ни одна живая душа не ступала на эту мостовую с тех пор, как ее уложили. По обеим сторонам улицы выстроились мрачные дома с массивными стенами — настоящая старина, и Марта улыбнулась ей с профессиональной нежностью искусствоведа. Вероятно, не больше полувека назад здесь жили исключительно служители кафедрального собора или профессора университета. Такие улицы она видела в Кенсингтоне: дома там сдавали когда-то только придворным королей Георгов, и на них по сию пору лежала печать августейшей сдержанности и отстраненности от мирской суеты.

Волнение овладело ею, когда она поднялась по двум мраморным ступенькам перед каменным портиком дома номер четырнадцать. Никогда еще ей не приходилось видеть человека, прожившего целый век. Как с ним говорить, как вести себя?

Видимо, есть какие-то возрастные изменения, на которые нельзя обращать внимания, умственные и физические отклонения... Вопрос языка тоже тревожил: ее немецкий, вполне беглый и внятный, мог оказаться недостаточным при длительном разговоре. А может, подумала она с надеждой, он не сможет ее принять? Легонько нажав кнопку звонка на медной, украшенной орнаментом пластинке, она услышала приглушенный металлический звук.

Почти сразу дверь отворилась. Слуга, лысое существо с крестьянским лицом, был в ливрее. Честное слово, в ливрее: в скрутке со стоячим воротником и медными пуговицами, в полосатом жилете с низким вырезом, и все это сшито из чудесного материала по выкройкам, изготовленным никак не раньше прошлого века. Слуге было по меньшей мере под шестьдесят, а ливрее и того больше. Итак, он открыл дверь, словно ждал ее, отступив в сторону, впустил и выслушал цель визита. Потом, пробормотав "Прошу вас, фройляйн", провел по длинному, выложенному кафелем коридору, где веяло прохладой, пахло воском для мебели и еще чем-то неуловимым, что с каждым шагом становилось все ощутимей. Наконец слуга замер у тяжелой дубовой двери, коротко постучал, потом толкнул створку и, пропустив Марту вперед, вошел за ней. Тут загадка разрешилась: то был запах старости, сухого, чистого, ухоженного угасания. Ее поразила жара, которая стояла в комнате. Непонятно, откуда истекало густое тепло: огонь не пылал в изразцовом бело-голубом камине. Только приглядевшись, Марта поняла, что это не камин вовсе, а высокая башня нюрнбергской печи, от нее и шел жар. Мельком она заметила кровать, массивную, разностильную, темную мебель и лишь потом обратила внимание на нечто вроде многослойного тюка фланели, почти поглощенное

огромным креслом. Из окошечка в верхнем конце фланелевого кокона выглядывало лицо, ни мужское, ни женское, такое непостижимо съежившееся, что напоминало высохшие человеческие головы из антропологических коллекций, такого же пергаментного оттенка.

Тусклый свет блеснул в глазах этой живой мумии, и Марта поняла, что ее видят. Ее охватил молитвенный восторг, почти ужас. Она почувствовала себя слишком большой, слишком здоровой и — непростительно молодой.

Спеленутая мумия слегка приподняла руку в белой фланелевой перчатке, и слуга немедленно заговорил, заученно, как попугай. Видимо, это было заклинание, с которым обращались ко всем визитерам.

— С вашего позволения, мадам, я оставляю вас здесь на десять минут. Пожалуйста, говорите ясно и медленно. Если барон замолчит, соблаговолите подождать: он должен часто останавливаться, чтобы отдохнуть. Когда барон отдыхает, будьте любезны к нему не обращаться.

Марта кивнула, и слуга вышел, неслышно закрыв за собой дверь. Последовало молчание, которое она не решалась прервать.

Мумия открыла рот и, как ни странно, издала вполне внятные звуки:

— Вы говорите по-французски? — Марта почтительно склонила голову, и он продолжил: — Мой старый друг Брезертон написал мне о вас. Что именно вы хотите узнать?

— Месяц, я изучаю некоторые частные вопросы истории восемнадцатого века, — сказала Марта, как было велено, — и ищу материалы о доме герцогов Восточной Франконии. Не могли бы вы мне рассказать о принцессе Шарлотте, супруге принца Виктора?

— Принцесса Шарлотта, — повторил барон, слегка оживившись. Что-то пробежало по его лицу, возможно, улыбка. — Да, принцесса Шарлотта. Бабка моего отца в возрасте четырнадцати лет была ее придворной дамой.

Это не укладывалось в голове. Всего два-три человека, проживших долгую жизнь, соединили столетия — от этой мысли мурашки пробежали по коже.

— Дьявольское создание, эта принцесса, — шелестел тихий голос, тихий, но ясный, нужно было лишь очень внимательно слушать. — Она всем приносила несчастье, только несчастье и беспокойство. Она никого не любила — ни своего мужа, ни своих детей, только себя да никчемного француза, слонявшегося при дворе, конюшего старого герцога.

Голос затих. Марта, подчиняясь инструкции, молчала. Молчание длилось почти минуту.

— И она любила карты, всевозможные карточные игры, — заговорил барон. — С ума сходила по картам, но ей не везло.

Она проигрывала все деньги и занимала у придворных. Бедные фрейлины, они очень мало получали при этом дворе, тем не менее она занимала у них и никогда не отдавала долгов.

Нет, все-таки поразительно. Принцесса умерла в 1720 году, но сейчас, в середине двадцатого, на земле еще есть человек, который судит о ней, как о близкой знакомой, словно слышал все из уст в уста — да так оно, собственно, и было: он — от своего отца, тот — от своей бабки. Мост всего в четыре поколения соединил Марту с восемнадцатым веком.

— И несмотря ни на что, — продолжал барон, — все обожали ее. Она лгала, притворялась, обижала, а потом одним словом, одной улыбкой могла заставить любого простить себя. Да, все любили ее. Кроме одного человека.

Его голос стал тише и звучал теперь ровно и монотонно, подобно пчеле, бьющейся об оконное стекло. Казалось, что он говорит сам с собой. Марта вся собралась, чтобы не пропустить ни одного тихого слова.

— Фон Гельдерн. Шеф полиции. Он как раз только что получил баронство, это было очень трудно для простолюдинов, он добивался этого много лет. А принцесса немедленно высмеяла его новый титул, не смогла устоять. Этого смеха он ей никогда не простил.

Так. Прояснилось еще одно обстоятельство: причина удивительной ненависти фон Гельдерна к принцессе, причина, по которой он выжидал подходящего момента, чтобы нанести ответный удар. Да, это было неосторожно — насмешничать над честолюбивым, жестоким человеком в минуту его торжества!

— Гордость, спесь, — шелестел голос. — Она была самой заносчивой женщиной в мире. Ее род был древнее, чем род мужа, и она никогда не позволяла ему забыть об этом. Она никому этого не позволяла. Император был ее дядей; Каролина, принцесса Уэльская, ее кузиной; Людовик XIV — крестным отцом. — Голос оживился. — Она воспитывалась при французском дворе, а там целыми днями спорили, кто знатней, и в этих спорах ей не было равных. Герцогиня однажды прошла в дверь впереди Шарлотты, так с ней случилась истерика, и она неделю была больна.

Мой отец рассказывал мне об этом. Разумеется, наш род тоже старинный, иначе мы не были бы при дворе. Но никто не твердил об этом целыми днями, как она. Ее дети, — он сменил тему, — по ее приказу должны были говорить только по-французски. Иногда малыш забывался и говорил по-немецки. Тогда она била его при всех. “Ты дворянин, — спрашивала она, — или сын торговца?” Он уходил и плакал в темном углу, бедный ребенок. Воистину у нее было жестокое, дьявольское сердце.

Он замолчал. На этот раз Марта решила было поблагодарить его и уйти. Удивительно, что этот разговор длится так долго. Но личико в коконе повернулось к ней, и тихий голос спросил:

— Что еще вам хотелось узнать?

Она заготовила два вопроса, и теперь задала первый из них:

— Как принцесса умерла?

— Ах, — удовлетворенно выдохнул барон. Видимо, эта тема была ему особенно приятна. — После ареста де Маньи, когда все вышло наружу, муж запер ее в комнате одну на три дня. Он сам приносил ей пищу. Больше никто не смел ее видеть. Но дамы, пока он не отослал их по домам, слышали, как она кричала. Видно, сошла с ума — все время повторяла: “Уберите их прочь! Уберите!” Но она была там одна, совершенно одна. Что она просила убрать? О чем кричала? Я думаю, помутился разум. Чем еще это объяснить, как не безумием! Три дня она шумела, а потом затихла, и было объявлено, что она скончалась от удара. — Он лукаво поднял закутанный во фланель указательный палец. — Но я скажу вам то, о чем все говорили: она удавилась. Она оставила письмо, просила похоронить ее рядом с де Маньи. Но его тело отослали во Францию, и ей пришлось спать вечным сном подле мужа. Не думаю, что она была бы этим довольна. — Он издал слабый хрустящий звук. Наверно, это был смех. — Мой отец слышал об этом от своей бабки, которая прожила почти сто лет. По отцовской линии мы все долгожители... Мы живем долго, долго...

Слабый голос удалялся, удалялся и вот совсем затих. Он уснул внезапным старческим сном, и Марта сникла, потому что оставался еще вопрос о рубине. Она заметила, впрочем, что глаза барона не вполне закрылись, и подождала, но тут раздался тихий звук раскрываемой двери. Вошел слуга в ливрее, взглянул на барона и, приложив палец к губам, выжидательно замер. Молчаливая команда подняла Марту с места. В коридоре она поняла, что сварилась почти до готовности, и с наслаждением глотнула сравнительно прохладного воздуха. Лакей открыл входную дверь и, не произнеся ни слова, выпустил ее. Она снова очутилась в реальном мире, поражаясь тому, что минуту назад была в 1720 году. Удивительный экскурс произошел благодаря существу во фланелевом коконе, вернувшему для нее время, в котором старинная история о мести и страсти была настоящим.

Итак, характер принцессы прояснялся: болезненно щепетильная во всем, что касалось ее происхождения и достоинства, Шарлотта была равнодушна к собственным детям. Обидно лишь, что Марта не успела спросить про рубин, и чем ближе она подъезжала к отелю, тем сильнее охватывало ее сожаление. Так как нет никакой надежды, что барон еще раз ее примет, придется ему написать. Должен же быть кто-то в доме, кому он сможет продиктовать ответ. Он знает больше, чем любой из ныне живущих, и информация получена им почти что из первых рук. Хотя его плоть изнасилась почти до предела, памяти время ущерба не нанесло.

Назавтра, ясным ранним утром, она вышла из комнаты с письмом к барону в руке. Завидя ее, гостиничный портье возбужденно вскочил.

— Фройляйн! — завопил он. — Барон, тот человек, которого вы вчера посетили, он умер!

— Умер? — глупо повторила она.

— Да! — Парень явно наслаждался новостью. — Каспар проводил вас, вернулся к нему и увидел, что он мертв. Весь город только об этом и говорит. Представляете, вернулся, а старика уже нет!

Марта похолодела. Он умер, пока она смотрела на него, и она приняла ЭТО за сон.

— Наверно, он переутомился, отвечая на мои вопросы, — сказала она виновато.

— Нет-нет, вы здесь совсем ни при чем! Ему ведь было за сотню! Слыханное ли дело! Зажился! Это только нормально, умереть в таком возрасте.

Первый удар, думала она, интересно, первый ли в цепи еще предстоящих, а сама рвала в клочки тщательно составленное письмо и роняла их в корзину для мусора.

Глава 7

Дорога на Рейнольдс-Тюрм, ответвляясь от скоростного шоссе, делалась все хуже и хуже, пока не превратилась в разбитую проселочную колею. Как только город оказался позади, пейзаж сделался монотонным — куда ни глянь, бесконечные картофельные поля. Их открытый простор напомнил Марте о Билле. Сердце зануло. Она прогнала это воспоминание и, чтобы отвлечься, заставила себя думать о том, как отстаивал честь родного Вюрцбурга гостиничный портье, когда она справилась, как добраться до Рейнольдс-Тюрма.

— Рейнольдс-Тюрм? Да там же ничего нет, фройляйн. Это маленькая деревушка в лесу. Неужто вы хотите в Рейнольдс-Тюрм? Здесь, в Вюрцбурге, много достопримечательностей для туристов: кафедральный собор, университет, старинные дома... — Когда же ей все-таки удалось вызнать все, что требовалось, и Марта уже направилась к выходу, он снова прокричал вслед: — Но там совсем ничего нет, фройляйн!

В самом деле, местечко хорошо спрятано, подумала она с раздражением после почти часового блуждания по проселкам, где не было ни души, чтобы уточнить направление. Впрочем, Рейнольдс-Тюрм строился как летняя резиденция герцога Восточной Франконии, так что уединение было добровольным. Наконец, скрытая зеленью старых деревьев, отыскалась деревушка, состоявшая из нескольких обветшалых каменных домиков и каменного строения побольше, на котором повисла битая непогодой вывеска, при рассмотрении сообщавшая, что вы зрите перед собой гостиницу. Поблизости не было ни магазинов, ни

церкви и, уж конечно, ничего похожего на дворец. Гостиница казалась необитаемой, но от двери несло свежим пивом. Марта постучалась. Дверь открылась не сразу, но когда это произошло, в щели возник крупный мужчина с невыразительными глазками на бледном одутловатом лице, грубые черты которого выдавали затаенную жестокость характера. Ни слова не говоря, он бесстрастно уставился на Марту.

— Я ищу Рейнольдс-Тюрм, — сказала она.

Толстяк так долго молчал, что, казалось, не имел намерения отвечать, но, в конце концов, осторожно вымолвил:

— Это и есть Рейнольдс-Тюрм.

— Я имею в виду дворец, — пояснила Марта.

— А, дворец, — протянул он после еще одной продолжительной паузы. Эта неприятная манера подолгу молчать перед каждой фразой, видимо, была его привычкой, если, конечно, он не ставил себе целью привести Марту в замешательство, что, судя по выражению его глаз, вполне могло быть.

— Где это? — пыталась она пробиться сквозь его равнодушные.

— Там, — он махнул рукой. — В лесу. Три километра отсюда.

— Дворец открыт для посетителей?

— Нет, закрыт. С начала войны.

— Мне придется побыть здесь около двух недель, — решительно сказала Марта. — Это ведь гостиница, не так ли? Я могу снять здесь комнату?

— Войдите. — Немец чуть пошире раскрыл дверь.

Марта вошла в сумрачную прохладу деревенского дома. Крепче запахло пивом. Комната была продолговатая, очень просторная, с белеными стенами, каменным полом и низким потолком, с которого свешивались две керосиновые лампы. Несколько изношенных столов и скамеек, короткая стойка, пивной насос. Дверь и подоконники — не меньше двух футов толщиной; очень старое здание, но неинтересное.

— Кете, — произнес толстяк, едва повысив голос, и почти немедленно в комнате появилась, вытирая руки о фартук, женщина неопределенного возраста. Она подошла, с раболопной тревогой поглядывая на хозяина.

— Фройляйн хочет комнату, — сообщил тот, видимо, ее муж: никакая служанка не держалась бы так подобострастно. Движением руки женщина пригласила Марту подняться за ней по не покрытой ковром лестнице без поручней. Они оказались в коридоре, тоже ничем не застланном, с более низким, чем внизу, потолком и рядом закрытых дверей. Женщина открыла одну из них и отступила в сторону, пропуская Марту. Та недоверчиво осмотрелась. Комната оказалась просторной, с голым опять же полом, кроватью под огромной периной и рахитичным стулом перед маленьким столиком. На столе стояла свеча в

шандале, а в одной из стен, выполняя роль платяного шкафа, торчали в ряд гвозди. Два крошечных окна, судя по их виду, не открывались веками. В доме явно не было ни электричества, ни водопровода.

Словно оправдываясь, женщина сказала:

— Никто не приезжает сюда, и никто никогда не останавливается. Вон той дорогой, — она указала на окно, — едут в Вюрцбург, а той — в Эггерт. В Эггерте рынок.

Выяснив, что до Эггерта всего семь-восемь миль, Марта решила поискать там более пристойное жилище, но, с другой стороны, полезней остаться здесь. Она по опыту знала, как живучи предания старины в таких забытых Богом местах, как Рейнольдс-Тюрм.

Подумала еще пару минут, пристально рассматривая кровать: та выглядела вполне опрятно, да и весь дом производил впечатление чистого, гулко-пустотой, — и решила. Пожалуй, стоит потерпеть пару недель.

— Я могу здесь столоваться? — спросила Марта и тут же об этом пожалела. На лице у бедняги запечатлелся испуг, она принялась что-то судорожно про себя подсчитывать.

— У нас есть яйца, картофель и капуста, — вымолвила она после сосредоточенного молчания, загибая пальцы, — и осталось немного копченой свинины. И еще мишензуппе. — Последнее было, видимо, каким-то местным блюдом, от которого Марта отказалась.

— Хорошо. Сколько я должна?

Через две минуты перед ней были еда и счет, равный двенадцати долларам в неделю, и она заплатила вперед. Взгляд хозяйки заметно подобрел, наверно, потому, что Марта совсем не торговалась.

Когда, отнеся дорожную сумку из машины в комнату, она снова спустилась вниз, хозяина уже не было, а хозяйка за стойкой перемывала пивные кружки.

— Не могли бы вы мне помочь? Я путешествую. Меня интересуют старинные немецкие дворцы и замки. Не подскажете ли, как можно осмотреть дворец Рейнольдс-Тюрм?

Женщина оторвалась от мытья и задумалась. В отсутствие мужа она казалась доброжелательной и не такой уж забитой.

— Там закрыто.

— Да, я знаю. Ваш муж сказал мне. Но разве нет кого-нибудь, кто следит за дворцом? У кого могут быть ключи?

Женщина призадумалась.

— Не могу сказать точно, — произнесла она наконец. — Перед войной там собирались сделать музей, но ничего из этой затеи не вышло. Да, верно, — речь потекла чуть живей, — хотели привезти какие-то картины и открыть музей, наняли смотрителя, этого Андреаса Лауба, он и жил там. Потом, говорю, ничего не вышло, — закончила она неуверенно, — но, может, он знает

что-нибудь о ключах. Правда, он съехал из дворца много лет назад, вернулся в свой дом.

— А где этот дом?

— Километра два с половиной отсюда, сразу за перекрестком, — она дала подробные наставления и прибавила: — Он живет там один и всегда дома, фройляйн, никуда не ходит. Выращивает картофель, капусту, держит свиней, ульи у него есть, так что он всегда где-то поблизости.

— Огромное спасибо, — поблагодарила Марта, — я попытаю счастья.

И она пошла к двери, но тут женщина окликнула ее со всей решительностью, на которую была способна.

— Фройляйн! Когда будете говорить с Лаубом, не забудьте... — Она со значением потерла большим пальцем указательный и даже, о чудо, усмехнулась. Марта улыбнулась ей и получила в ответ почти полноценную улыбку.

Андреас Лауб, как и рассчитывала Марта, оказался на месте. Он сидел на деревянной скамье у дома и точил косу. Это был человек с морщинистым, обветренным лицом, похожий на всех мелких фермеров Европы, в одежде бесформенной и поношенной как бы установленного для этой категории лиц образца. Подойдя ближе, Марта дала ему лет шестьдесят и сразу отметила написанное на физиономии упрямство.

— Герр Лауб? — Он едва заметно кивнул, и стало ясно, что и из него придется вытягивать слово за словом. Она коротко объяснила, что хотела бы осмотреть дворец, и закончила вопросом: — Не знаете ли вы, кто мог бы меня впустить? У кого есть ключи?

Тут он отложил косу и посмотрел на нее с хитроватой угрюмостью, явно что-то прикидывая в уме.

— У меня. — Видно, он нечасто пользовался голосом, и тот несколько проржавел. — У меня ключи.

— Вы позволите осмотреть дворец? — И решив, что сейчас самое время, прибавила: — Я хорошо заплачу вам за беспокойство.

Глаза его жадно блеснули. Помолчав, он спросил:

— А у вас есть разрешение?

О, как глупо, что она об этом не подумала!

— Где я могу его получить? Я справлюсь и вернусь снова. К кому я должна обратиться?

— Ни к кому, — он ухмыльнулся. — Дворец закрыт, никому не нужен, о нем все забыли. Я могу впустить вас. — Он тяжело поднялся, зашел в дом, потом вернулся, будто что-то вспомнив, и осведомился: — Сколько времени вы будете его осматривать?

— Не знаю. Сегодня, пожалуй, весь день. И, наверно, я еще вернусь три-четыре раза, может быть, больше.

— Ага, — хмыкнул он сосредоточенно. — За весь день я возьму с вас, само собой, дороже.

— Мне не нужен экскурсовод, — бестактно перебила она, но, заметив, как он помрачнел, поняла свой промах и побыстрее постаралась его загладить. — Я заплачу за ключи, сколько вы скажете, и не займу у вас много времени.

Он долго обдумывал это заявление, а потом повторил недоверчиво:

— Вы заплатите столько же, как если бы я водил вас?

— Да. Сколько вы хотите?

Желание выжать из подвернувшегося случая все до копейки, опасение, что чересчур вздутая цена все испортит, подозрение, что Марта сумасшедшая, но это безумие послано Богом и потому законно использовать его к полной своей выгоде, — все это до того ясно читалось на обветренной физиономии Лауба, что Марте стало даже неловко. Наконец, мечась между жадностью и благородием, он выдал из себя цифру.

— Я буду давать вам столько же, — сказала Марта, протягивая ему равную двум долларам купюру, — всякий раз, когда мне понадобятся ключи.

Лауб сделался почти любезным, расторопно исчез в доме и вернулся со связкой, на которой болталась целая гроздь ключей — современные американские от цилиндрических замков, дешевые с двумя бородками и несколько очень старых, красивых, огромных, в разной степени заржавленности.

— Дворец в километре отсюда, — сказал он. — Десять минут ходьбы.

— А можно подъехать?

— Только до ворот, а там надо идти по парку. Главные ворота связаны цепью, не стоит открывать их. — Говоря это, он шел к машине, а она за ним, дивясь этой удивительной, сугубо немецкой манере: мужчина впереди, а женщина, покорно, следом.

Но скоро улыбка угасла, и легкая дрожь предчувствия охватила Марту. Колесо завертелось, и она в самом деле приближается к сияющему из глубины времен таинственному камню.

Глава 8

Плоские открытые поля и яркое солнце остались позади: они ехали под огромными деревьями по еле заметной дороге в зеленом, лесном, торжественном молчании. Лес был очень стар, лишен подлеска, подножие его поросло толстеньким ковром мха, так что ничто не мешало взору проникать далеко в глубь колоннады толстых, ровных стволов.

Лауб велел повернуть налево, под деревья. Машина, беззвучно прокатясь по мху, остановилась. Странное место выбрал он для стоянки. Марту пронзило страхом: может, его прельстило зрелище ее бумажника? Но тут она разглядела во-

рота, железные, очень высокие, с ниспадающей сверху волной ползучих растений. Насколько можно было разобрать сквозь путаную зелень, это был шедевр: решетку украшали кованые герцогские короны и монограммы, по воздушности и совершенству почти равные тем, что на воротах Тижуа в соборе святого Павла. Центральные створки, как и говорил Лауб, были заперты на огромный замок и несколько раз обернуты толстой ржавой цепью. Лауб между тем возился, отпирая небольшую боковую калитку. Ключ заскрежетал, поворачиваясь, мужчина всем весом налег на кованое кружево. С громким лязгом дверца открылась. Следуя за своим угрюмым проводником, Марта, настроенная одновременно скептически и благоговейно, вертела головой по сторонам, стараясь ничего не проглядеть. Парк не просто зарос. Он буквально задыхался от зелени. Плющ, цепляясь за что только можно, забирался все выше и выше, а потом ниспадал тяжелым лиственным каскадом. Зелень так заплела расположенные через равные промежутки статуи, что лишь сероватые пробелы да какая-нибудь простертая в молчаливом призыве мраморная рука указывали на богов и героев, скрытых растительным покровом, вызывая неприятно-зыбкую ассоциацию с кем-то, замурованным заживо. Буйные заросли сузили дорогу — проходя, нельзя было не задеть лист или ветку, и источали тяжелое, жаркое, влажное благоухание.

Перед дворцом они очутились внезапно. Взойдя по мраморным ступеням, пересекли длинную террасу, выложенную черно-белой выщербленной мраморной плиткой, с пучками травы, проросшей из трещин, и подошли к величественным двусторонним дверям с филенками, обрамленными изумительным резным бордюром. В самом центре этого великолепия бил в глаза маленький металлический диск — современный замок. Дерево вокруг было сильно повреждено, и Марта поинтересовалась:

— Что это?

— Здесь были стальные пластины от нового замка, — промычал Лауб, — а во время войны требовался металл, и их сняли.

Он вставил в скважину короткий ключ со сложной бородкой, дважды повернул его и толкнул тяжелую створку. Та медленно отворилась. Лауб по-хозяйски вошел внутрь, Марта за ним, и, прежде чем она смогла оглядеться, он сказал:

— Вы этого хотели? Тогда я оставляю вас здесь, а дверь пусть остается открытой. Закроете, когда будете уходить. Она защелкивается сама. — Повернувшись, он направился к выходу, но Марта резко окликнула его:

— Герр Лауб, вы забыли отдать мне ключи!

Словно не понимая, о чем речь, он посмотрел на связку, потом на нее:

— Вы хотите ключи?

— Я же сказала, я хочу осмотреть все. Мы ведь сошлись на том, что вы оставите мне ключи!

— Я согласился только впустить вас сюда, — хитро сказал он, а в глазах загорелась уже знакомая алчность, — а не давать вам ключи.

Спорить было без толку. Марта достала бумажник, и Лауб с неуклюжей неискренностью сдался.

— Я рискую, оставляя вам ключи, — сообщил он, забыв, что говорил раньше, — я ведь за них отвечаю. — Почти выхватив банкноту, он отдал связку Марте. Тяжелая, она весила не меньше четырех фунтов.

— Я завезу их вам домой, когда закончу, — крикнула Марта ему в спину, но это, видимо, не очень его волновало, он равнодушно отозвался “Ладно” и исчез за дверью. Прошуршали по траве шаги, и наступила полная, почти осязаемая тишина.

Стоя там, где Лауб ее оставил, Марта огляделась. Такие огромные прямоугольные вестибюли характерны для дворцов восемнадцатого столетия. Этот был весь из мрамора, с колоннами вдоль длинных стен, с выложенным в шахматном порядке полом и каминами визави. Настоящее рококо. Величественное, холодное и не особенно интересное. Однако в одном из углов она увидела кучу столярного хлама и напомнила себе, что когда-то дворец предназначили для картинной галереи. Сердце ее упало: она уже знала, что предстоит увидеть.

Так оно и было. При быстром, но внимательном осмотре двух первых этажей она лицом к лицу столкнулась с ярким примером патриотически настроенного вандализма. Длинная галерея была вся выскоблена, а в стены вбиты костыли для картин. Все выглядело голым, пыльным и мертвым. Над прекрасной дверью светлого атласного дерева висела табличка “Для дам” и, соответственно, “Для мужчин” над такой же дверью неподалеку. Стену бокового коридора украшали еще несколько подобных же объявлений: “Касса”, “Вход с собаками воспрещен”, “Просьба оставить фотоаппараты в камере хранения”. Это напомнило Марте Хэмптон-корт, другую древнюю королевскую резиденцию. Превращенная в общественное учреждение, она утратила и свое лицо, и свою прелесть. Осталась лишь оболочка, пусть великолепное, но просто здание. Магия старины требует почтения к преклонным годам, тишины и покоя, в неоновом свете она пропадает, не переносит гидов с их торопливой речью и поверхностного любопытства толпы.

Какая же из комнат дворца помнит горе принцессы и ее безумие?

Три дня она кричала, а потом затихла...

Марта вновь услышала еле различимый голос барона, повествующего о том, как, запертая одна в комнате, принцесса не переставала кричать: “Уберите их прочь! Уберите!” Но таинственные слова эти не вызвали никаких предположений, когда

она бродила по комнатам, где глаз цеплялся лишь за кое-как со- оруженные выгородки, а чудесные старинные панели были вы- крашены в казенный зеленый цвет. Здесь не было ни пищи для размышлений, ни импульса воображению. Пожав плечами, Марта покинула дворец — пустую раковину без жемчужины — и подергала входную дверь, чтобы убедиться, что та закрылась.

Оказавшись под палящим солнцем, она ненадолго задума- лась. Где-то рядом должна быть церковь, хранящая “прекрас- ную гробницу”, так восхитившую отца А.Л.де Р. Как она и предполагала, в самом дворце церкви не оказалось. Но ее не мо- жет не быть где-то неподалеку в этих разнузданных зарослях. Подойдя к балюстраде, Марта стала вглядываться в зелень, плотным кольцом сжимающую дворец. Судя по едва намечен- ным углублениям в сплошном зеленом массиве, дорожки от дворца расходились радиусами. Вдруг ее внимание привлекло нечто странное — и не далее чем в пятидесяти футах. С первого взгляда показалось, что это каменный слон, заросший диким виноградом, стоит к ней боком. Странное сооружение: для цер- кви маловато... да и расположено прямо перед фасадом дворца.

Она сбегала по ступенькам террасы, звеня ключами при каж- дом движении. Кустарник доставал ей до плеч. Приближаясь к загадочному строению, она уже различала выступы серого камня в прорезах листвы. Каждый шаг сквозь цепкие сорняки давался с трудом. И вот разгадка. Дворец в Рейнольдс-Тюрме, помимо прочего, обладал уникальной достопримечательно- стью: мраморной триумфальной аркой с плоским верхом, неле- пой, высокопарной и... трогательной. Это была типичная для семнадцатого века копия с римского оригинала, только очень уменьшенная. Не больше пятнадцати футов в ширину и двадца- ти в высоту. Арочный проем полностью скрыт под молчаливым водопадом листвы. Хоть и жаль было времени, Марта не могла отказать себе в удовольствии обойти кругом эту дворцовую при- чуду. Полными пригоршнями то тут, то там она стала обрывать листья, чтобы лучше рассмотреть поверхность. Каждый дюйм серого, пористого, изъеденного непогодой мрамора был изукра- шен батальными сценами, легионерами, колесницами, трофея- ми сражений и прочей римской атрибутикой. Но разгаданная шарада скоро наскучила. Марта очистила от зелени два основа- ния, каждая сторона по пять футов, и заключила, что от верх- ней точки арочного проема до каменной кровли арки расстоя- ние в шесть футов. В одном месте, где виноград рос пореже, она заметила трещину, пересекающую строго перпендикулярно зем- ле группу вздыбившихся коней. Придет час, подумала она, и эта арка развалится, но, пожалуй, еще нескоро, через столетие- два.

Теперь, осмотрев все, на что стоило обратить внимание, она могла оставить это мраморное чудовище в покое. Гораздо важнее найти церковь. И все-таки, удаляясь, она почувствовала легкий

укол беспокойства... будто что-то осталось не до конца понятным. По пояс в колючей ежевике, Марта замедлила шаг, потом и вовсе остановилась, стараясь ухватить мысль. Вот оно! Эта трещина на лицевой стороне левого основания! Уж слишком она ровна, чтобы отнести ее появление на счет превратностей погоды и возраста. Конечно же, это дело рук человеческих. Марта решительно вернулась к арке и вновь принялась обрывать маскирующие ее виноградные плети. Понемногу "трещина" спустилась до земли, а в верхней своей точке слилась с другой, перпендикулярной себе. И Марта ясно увидела очертания двери.

С минуту она внимательно разглядывала находку. Дверь была всего лишь пяти футов вышиной и шириной менее ярда. Выделялось место, где раньше была ручка, и под ним — большая замочная скважина в виде заглавной прописной А. Теперь следовало выбрать из сорока примерно ключей нужный, судя по величине скважины — большой. В связке таких было несколько, но искомый определился сразу, по узору на головке — изображению трех колонн, стилистически родственному оформлению арки. Бородка его была большая и совсем несложная.

Снедаемая любопытством и благоразумно готовая к любому разочарованию, Марта вставила ключ в скважину, содержимое которой вполне могло тут же рассыпаться ржавой пылью. Правда, успокаивал факт, что ключ не железный, а стальной, значит, замок должен быть тоже из стали, и следовательно, более долговечным. Ключ вошел даже легче, чем она ожидала, и при нажиме стал поворачиваться, но потом намертво остановился. Столкнувшись с препятствием, спокойный интерес превратился в страстное любопытство. Марта удвоила усилия, повиснув на ключе, рая руки. Наконец она догадалась выбрать в своей коллекции ключей самый длинный и тонкий. Используя его как рычаг, просунула в отверстие головки первого, которым открывала замок, и стала осторожно поворачивать. Замок поддался! Похоже, он приводился в движение поворотом ключа, а не защелкивался, как английский. От этого Марта почему-то почувствовала себя уверенней. Когда стальной механизм сделал полный оборот, она опустилась на колени и принялась вырывать траву и кусты, которые могли бы помешать двери открыться. Затем встала, отдышалась, повернула ключ так, чтобы тот не выскочил из скважины, и, держась за него, изо всех сил потянула дверь на себя. Она, эта дверь, оказалась устрашающе тяжелой. Будто вовсе не предназначенная для движения в петлях, она поддалась только после отчаянных, утомительно долгих усилий. Марта буквально вынесла ее, дюйм за дюймом, и вот теперь увидела крутые каменные ступени, ведущие вверх.

Обессиленная, она прислонилась к мраморному косяку, суевренно вглядываясь в проем. Оттуда повеяло каким-то мертвящим холодом. Судя по всему, дверь не открывали давненько...

Когда это могло быть в последний раз? Гадать бессмысленно, но вполне возможно, что она вдохнула сейчас воздух девятнадцатого столетия...

Переведя дух, Марта переступила порог и с опаской глянула вверх. Лестничный марш был вынужденно коротким, но то, что лежало за ним, скрывалось в такой непроглядной тьме, что можно было строить какие угодно предположения. И тут Марта вспомнила, что оставила фонарь в машине. Ну, а как же, с раздражением подумала она и направилась было к своему "фольксвагену", как вдруг что-то заставило ее внимательно оглядеться вокруг. Ярко светило полуденное солнце, тысячи оттенков зеленого блистали и искрились в безветренном мареве. Тишина, глубокая, как и прежде, нагоняла дремоту. И все-таки было в воздухе что-то тревожащее, беспокойное. Ей почудилось вдруг, что она не одна, что бурной ее активности есть свидетели.

— Чепуха, — громко сказала Марта сама себе и решительно пошла по дорожке. Петляя, та вывела ее к воротам. Здесь все было по-прежнему: те же деревья, те же тени от них, тот же след от ее машины.

Только самой машины не было.

Глава 9

Марта застыла на месте, не в силах даже подумать, что же произошло. Ужасала не потеря машины — до деревни, в конце концов, не так далеко, но все то же невыразимое ощущение, что кто-то невидимый следит за каждым ее движением, за каждым шагом. Душная полутьма под огромными деревьями сгустилась, тая угрозу.

И тут Марта словно прозрела, едва не вскрикнув от облегчения. Испещренная пятнами тени, машина, целая и невредимая, стояла в десяти шагах, под другими деревьями. Она не там искала, только и всего. На подгибающихся ногах Марта подошла к ней, достала фонарь, очень мощный, и быстро вернулась к триумфальной арке. Дверь была по-прежнему широко раскрыта. Марта уже поставила ногу на порог, как вдруг настороженно замерла. Что если, пока она отсутствовала, кто-то забрался наверх и теперь поджидает ее там, в крошечной тьме?

— Вздор какой, — пробормотала она, не вполне искренне досадуя на себя, глубоко вздохнула и поднялась по лестнице ровно настолько, чтобы глаза ее оказались на уровне пола таинственного помещения, расположенного в верхней части арки. С такой тактически выгодной позиции, ежесекундно готовая retirоваться, она прошлась по нему лучом фонаря. Это оказалась прямоугольная камера с очень низким потолком, без окон и, разумеется, без единой живой души. Чуть осмелев, Марта поднялась туда и по всему периметру стен увидела полки, тесно заставленные толстыми томами. Пахло камнем и ни с чем не сравни-

мым островатым душком старой бумаги. Как и следовало ожидать, в арке помещалось негорючее хранилище семейных документов: актов и грамот, ордеров, гарантий и других доказательств права владения, приходно-расходных книг и тому подобного. Одним словом, архив. Ей приходилось видеть старинные гравюры с изображением таких интерьеров, читать о подобном использовании триумфальных арок, но чтобы своими глазами... нет, это, конечно, большая редкость в нынешний век.

Позабыв свои страхи, Марта начала обследовать содержимое полок, оказавшееся преимущественно и закономерно счетными книгами. На всем лежал толстый слой искрящейся белой пыли, осыпавшейся, видимо, с каменного потолка. Эта комната, все стены которой были как бы разлинованы полками с документами, приводила ее одновременно в восторг и в отчаяние. Черт знает что — заниматься абсурдными поисками рубина, когда здесь лежит настоящее сокровище, требующее подробного осмотра! Она не вправе тратить время, проданное мистеру Мак-Ивору, на что-то другое... И все-таки невозможно даже взор оторвать от этого клада, доставшегося ей в идеальном порядке. Давно умершие слуги герцога в нужный момент могли без труда найти любой документ — так разумно все было устроено. Мощный луч фонаря освещал ряды высоких, переплетенных в телячью кожу томов. На корешке каждого — дата: 1838, 1839, 1840. Она повернулась и пошла в ту сторону, где были расположены книги за более ранний период. Осторожно вытянула одну из них, опасаясь, что та развалится прямо в руках от сырости, книжного жучка или другой напасти, но с удовольствием обнаружила, что том просто в прекрасном состоянии. Каменные стены сохранили все, им доверенное, от света и влаги, от крыс и мышей, а также от насекомых-книгоедов.

Поставив фонарь на полку, чтобы освободить руки, Марта приоткрыла было книгу, как вдруг замерла. Страх, какого она в жизни своей не испытывала, пригвоздил ее к месту, осыпал ледяной дрожью, ослепил. Причиной тому был легкий шорох внизу, за открытой дверью. В секунду ее воображение нарисовало страшную картину: каменная дверь с оставленным в ней ключом, чья-то рука украдкой поворачивает ключ в замке, и вот Марта заперта в этом каменном, вознесенном к небу гробу — Бог ведь когда вспомнит о ней туго соображающие, неповоротливые местные жители...

Мгновенный паралич сменился столь же внезапной лихорадкой: не выпуская книги из рук, она молнией ринулась через камеру, буквально слетела по лестнице и на пороге столкнулась с пустотой. Дверь была открыта, мир вокруг тих и зелен, горяч от солнца, безмятежен. Марта, вся в холодном поту, недоверчиво высунула голову наружу, огляделась. Никого. Но если совсем недавно ее угораздило "потерять" машину, то почему бы те-

перь не вообразить себе зыбкую тень или целую армию теней-преследователей?

— И все-таки я что-то слышала, — пробормотала она. — Я слышала что-то.

Но шли минуты, и ее уверенность постепенно таяла. Сначала она пыталась определить, что это был за звук, раздавшийся в тишине, никак не могла этого сделать и мало-помалу засомневалась, был ли он вообще. Вокруг стеной стояла блистающая в солнечных лучах чаща, живая, но неподвижная.

Голова шла кругом. Марта обессиленно прислонилась к дверному проему. Ноги подкашивались. Присев на теплую землю и тупо глядя перед собой, она стала ждать, когда вернутся силы, и тут только обнаружила, что все еще сжимает в руках книгу. Что ж, в любом случае лучше работать при свете дня, решила она и принялась разглядывать пергаментный переплет и дату, выгравированную на медной табличке: 1743. Осторожно раскрыла том. Страницы по краям потемнели и стали ломкими, но в остальном книга была почти как новенькая. Сюда, видимо, заносили расходы на содержание конюшен. Страницы были разбиты на аккуратные колонки, заполненные датами и цифрами. Учитывалось все до мелочей: корма, подковы для верховых, ездовых и рабочих лошадей, ремонт упряжи и так далее — на удивление ясно и подробно.

Так Марта сидела на солнцепеке и наслаждалась бы прикосновением к заботам стародавних времен, не мучь ее при этом угрызения совести. Наконец она решительно встала: надо вернуть книгу на полку и взять фонарь. Подумав, вынула ключи из скважины и подсунула связку под дверь. Теперь ее нельзя будет захлопнуть быстро и без шума, а тем временем она как раз обернется. Сбегала наверх и обратно. Ключи лежали, как она их оставила. Пусть! Уж лучше быть трусихой, чем замурованной живо. Закрыв, не без усилия, дверь и заперев ее, Марта снова направилась к дворцу. Необходимо, не тратя времени зря, найти церковь и гробницу принцессы.

Взойдя на террасу и с сомнением оглядевшись, она заключила, что есть только один метод найти искомое: осматривать, одну за другой, каждую тропку или дорожку, которая попадется ей на пути. Церковь не может отстоять слишком далеко от дворца. Во всяком случае, она на это очень надеется.

В конце концов Марта нашла ее, внезапно и без особых хлопот. Третья же из обследованных дорожек вывела на кладбищенского вида аллею, обсаженную древними плакучими ивами. По обеим сторонам церкви стояли мраморные обелиски. Здание было овальным, мрачным, унылым, новее, чем она ожидала, примерно двадцатых годов восемнадцатого века. Всерьез этим озадаченная, Марта даже подумала, что, возможно, где-то в другом месте стоит еще один, более ранний храм, там и поко-

ится принцесса. Но, обойдя церковь, облегченно вздохнула. Постройка оказалась все-таки очень старой. Видимо, вскоре после смерти принцессы кто-то разрушил оригинальный фасад и соорудил другой, по образцу венской церкви Капуцинок, с такими же овальными окнами в резных каменных рамах: тот же стиль, но совершенно безжизненный. Да, эта церковь вполне может быть последним пристанищем Шарлотты. Потемневшая от времени двустворчатая дверь, заключенная в двойную арку, выглядела массивной и несдвигаемой. Марта снова стала перебирать ключи в своей связке. Нужный отыскался легко, по головке, выполненной в виде оленьей морды с крестом между рогами. В замочную скважину он вошел довольно легко, повернулся же неохотно, но все-таки повернулся. Марта толкнула дверь. Безуспешно. Тогда она всем весом налегла на правую створку, и та неожиданно подалась. Дверь распахнулась. Марта буквально влетела внутрь. И прежде всего, прежде даже, чем отметить острый холод запустения, она вынула из двери ключи. Никто не сможет запереть ее в церкви, по крайней мере, пока она цепляется за это проволочное кольцо. Только потом она огляделась.

Она стояла в квадратном парадном площадке примерно в шесть футов, перед красивой, двустворчатой дверью, наглухо окрашенной черным, без замочной скважины, ручки или задвижки. Надавила рукой на створку, и та, осевшая в петлях, тяжело двинулась, скребя по полу. Не торопясь переступить порог, Марта подождала, пока погаснут в глазах яркие острия слепоты, вызванные переходом из света в тьму, но сразу, даже еще не привыкнув к сумраку, поняла, что в этой распахнувшейся перед ней ледяной высоте что-то не так.

Когда она наконец вошла внутрь, это первое впечатление подтвердилось: с церковью произошло нечто чрезвычайно странное. Где характерные особенности стиля, пусть даже поврежденные временем? Где цветное стекло витражей, позолота и роскошные украшения? Где геральдика, бархат и бахрома, где орнаменты и резьба на передних скамьях? Просторное овальное помещение все, включая своды, было выкрашено в землистый цвет, унылый до невозможности; казалось, ты находишься в каком-то гигантском склепе. Здесь должен быть расписной потолок и позолоченные трубы органа. Но где орган и где сам алтарь? И где крест? Пристальный взгляд не находил ни единого символа христианства. Церковь была ободрана донага, ее росписи замазаны, и не недавно, а века назад. Кто же так постарался уничтожить всю прелесть и привнести угрюмость взамен?

Перед Мартой простирались два ряда простых скамей в мохнатом покрове пыли, разделенные каменным проходом. В глубине, по обеим сторонам алтарного места высились два простых надгробия, увенчанных скульптурными группами мень-

ше, чем в человеческий рост. В более ранние времена усопших, как правило, ваяли в лежачем положении, эти же стояли. Наугад она прошла к одной из гробниц и оказалась перед сиятельной парой: мужчиной ростом около пяти футов, с левой рукой на эфесе шпаги, и женщиной. Скульптура была из бронзы, а не из мрамора, с любопытством отметила Марта, и в чудесной сохранности. В ногах каждой статуи располагалась небольшая колонна с эпитафией, выбитой по мрамору. И хотя Марту интересовала в первую очередь принцесса, лицо мужчины было таким поразительно отталкивающим, что не отпускало ее. Он был хорошо сложен, строен, одет в панцирь с орденской лентой и поясом, но в целом его облик производил очень суровое впечатление, усугублявшееся широким отложным, по пуританской моде, воротником. Жестокое, сухое лицо с острыми скулами, впалыми щеками и выпяченным подбородком; поджатые узкие губы, небольшие, близко поставленные к тонкому хрящеватому носу глаза. Волосы длиной всего лишь по уши, прямая челка. Марта хорошо знала, что в условия заказа на изготовление надгробных статуй обязательно входил пункт, согласно которому известный живописец должен был удостоверить сходство скульптуры с оригиналом, прежде чем семья примет законченное надгробие. Поэтому вряд ли стоило сомневаться в том, что живший двести лет назад герцог был очень похож на свое изваяние — то самое, перед которым сейчас стояла Марта, исполненное такой свирепой жестокости, такого фанатизма, что мурашки по коже. С этим человеком, несомненно, было опасно ссориться, и не дай Бог было его обидеть. Она взглянула на эпитафию и прочла то, что уже ожидала прочесть:

Виктор Карл-Эммануил Отто Луи Вильям

1670-1732

Герцог Восточной Франконии

Итак, это был тот самый принц Виктор, пожилой муж юной принцессы, уже после ее смерти унаследовавший трон отца. Вид его объяснял многое в трагедии, которую была призвана проследить Марта. Человек холодный, не способный прощать, он не остановился бы ни перед чем, лишь бы отомстить за уязвленную гордость.

Марта принялась разбирать эпитафию и сразу же поразила неуклюжей латыни. В те дни любой мало-мальски образованный человек мог накропать вполне сносную надгробную надпись себе или своему приятелю; можно было также попросить об этом священника или пастора. Но кто бы ни оказался автором этого опуса, он исковеркал звонкий язык так, что только руками развести.

*Читатель! Ты стоишь перед прахом человека,
прославившегося на века*

по причине своего достойного поведения

как на войне, так и в миру.

*Сей принц, служивший религии не меньше, чем войне,
вдохновленный неустанным изучением Священного Писания,*

*спас свой народ от римского рабства,
законом запретив идолопоклоннические службы.*

*Он очистил церковь от скверны пустого украшения,
создав условия для преклонения грешной души человеческой
пред ее оскорбленным Создателем.*

Ты, читающий это,

почти сей прах почетом и уважением,

ибо тот, кто содеял дела эти,

и тот, кто писал слова эти, есть одно и то же.

Следуй его стопами, если сможешь,

и унаследуешь жизнь вечную.

Дочитав до конца, Марта с изумлением услышала свой собственный смех. Виктор, внешне такой демонстративно смиренный, выдал себя с головой! Так вот кто тот фанатичный вандал, который погубил интерьер церкви, измазал ее грязной краской и возвестил о "содеянном" оскорбительно косноязычной латынью! Он, конечно же, никому не показал свою эпитафию прежде, чем ее выбили в мраморе. С этой мыслью она перевела взгляд на спутницу герцога, несчастную женщину, и на мгновение застыла от удивления. Незначительное маленькое лицо со срезанным подбородком и буклями на висках, смесь воспитанности и покорности в позе, которую придал ей скульптор... Неужели это и есть сильная духом принцесса? Но прежде чем прочитать под маленькой туфелькой незнакомое имя, Марта поняла: эту тихую девочку Виктор выбрал своей второй женой. Первая, в силу трагических обстоятельств, вряд ли могла удостоиться чести стоять рядом с супругом, в его эпитафии она даже не упоминалась. Где же в таком случае Шарлотта? Марта перешла к другому надгробию и увидела еще одну чету в платье много более раннего периода, чем 1732 год.

Значит, Шарлотта захоронена не в церкви, по пустынному пространству которой глаз скользил беспрепятственно. Но едва заметная надпись на рисунке Карса была конкретна: "*ее прекрасное надгробие в Рейнгольдс-Тюрме*"... Может быть, она в склепе. Если так, то где вход в склеп? А вдруг Марта стоит на нем, и эта широкая мраморная плита перед алтарем скрывает его: при необходимости ее поднимали, затем опускали на место? Говоря по чести, Марта не рассчитывала на то, что придется вскрывать мраморные полы, и сердце ее упало. Или же гробница где-то здесь, поблизости, в специально для нее построенном приделе? Нужно продолжать поиски, без этого не обойтись, а пока следует еще раз обойти церковь, просто любопытства ради...

Она прошла вдоль одной вытянутой стороны овального помещения, потом поперек, потом вдоль другой и там, в стене, сразу за алтарным местом, неожиданно обнаружился арочный проем, ведущий, видимо, в какую-то пристройку. Вход в нее закрывался не дверью, а металлической кованой решеткой с искусным густым узором из корон, на которых еще сохранились следы позолоты. А по центру решетки был прикреплен, как ни странно, большой крест. Да, металлический, похоже, свинцовый крест, все четыре конца которого украшались декоративными розетками. Но почему же, убрав из церкви все символы веры, оставили этот единственный?

Ей тотчас подумалось, что этот крест исполнен особого смысла. Марта прижалась лицом к решетке, пытаясь хоть что-нибудь высмотреть в полутьме, которая слегка отсвечивала серебром, словно исходившим от невидимого источника света. Сразу от решетки начинались каменные ступени, ведущие вниз. Мощенный камнем пол был примерно на пять футов ниже того, на котором стояла Марта. Больше ничего видно не было. Марта взялась за решетку, потом нерешительно отпустила ее, физически ощущая что-то зловещее, спрятанное от глаз навечно. Даже крест на решетке, и тот, казалось, не пускал, распростертыми руками загораживал путь: *“Не заглядывай дальше!”*

— Я должна попытаться, — нервно пробормотала Марта и нетерпеливо тряхнула решетку. Та даже не шелохнулась. Тут Марта заметила, что на ней нет ни петель, ни задвижки, ни ручки, ни скважины. И все-таки она должна открываться: Марта видела стык створки. Она еще раз налегла на решетку, сердито потрясла ее, потом, нахмурившись, призадумалась. Подлезть снизу нечего и пытаться: тонкие пики решетки начинались всего в трех дюймах от пола. Где-то должен быть потайной замок, к таким уловкам часто прибегали в старые времена. Поскольку на преграде не было решительно никакой выступающей части, кроме креста, она занялась им. Вертикаль переходила в орнамент кверху и книзу безо всяких швов и соединений, так же и левая сторона горизонтали. Но там, где правая сторона креста присоединялась к розетке, была тончайшая трещина. Марта взялась за розетку и сразу почувствовала некоторую податливость, означавшую, что деталь подвижна. Марта нажала сильнее, поворачивая по часовой стрелке. И вот та чуть-чуть стонулась, и где-то внутри механизма раздался ответный металлический скрежет.

Пятью минутами позже, рая руки, которым сегодня уже и без того досталось, она все еще продолжала двигать розетку, медленно и упорно. И все это время можно было слышать — и вверху, и внизу, и в центре — движение невидимых болтов между двойными коронами. Механизм замка, мало пострадавший и от времени, и от ржавчины, был шедевром безымянного кузнеца.

Наконец справа наметился узенький просвет, беспрепятственно бегущий сверху донизу. Марта толкнула дверцу вперед — безрезультатно. Тогда она потянула ее на себя, и та двинулась. Тяжело, но покорно, хоть и неприятно визжа петлями.

Последний рывок, и препятствие преодолено.

Глава 10

Марта помедлила, прежде чем войти, и осмотрелась. Сквозь арку у входа виднелась часть стены в потеках и каменный пол, покрытый пылью и осыпавшейся с потолка штукатуркой. Она вытянула шею, чтобы его рассмотреть: потолок был в плачевном состоянии, весь в следах губительного воздействия непогоды. Теперь стало ясно, откуда проникал свет: из маленького круглого окна высоко в стене, полуслепого от грязи. Здесь не было ничего, что внушало бы страх, ничего, кроме холода и тишины. Но чувство томительной неловкости, какое бывает, когда придешь незваной, охватило Марту. Никакого сомнения, что именно здесь находится то, что она ищет. И раз так, то сейчас она нарушит долгое затворничество женщины, которую сочли недостойной спать последним сном подле супруга в лоне церкви и приговорили к вечному одиночному заключению в каменной темнице. Даже если бы Марта не знала истории Шарлотты, она все равно бы почувствовала, что это место проклято, почувствовала тем подспудным инстинктом, с которым бессмысленно спорить.

Это ощущение усилилось, когда Марта спустилась по лестнице и оказалась в узком овальном помещении, в дальнем конце которого, в центре огромного мраморного надгробия, возвышалась *ОНА*.

Марта медленно подходила к ней, очарованная, почти загнипнотизированная бронзовой фигурой в натуральную величину. Принцесса была изображена возлежащей среди цветов: голова, легонько опирающаяся на локоть, повернута к выходу, словно красавицу разбудил какой-то неожиданный гость. В позе было столько естественной грации и нервного нетерпения, столько высокомерия, гордости и просто дурного характера, что Марта, как и в случае с Виктором, поняла: сходство схвачено с поразительным мастерством. Жадно вглядываясь в детали, Марта отметила нежные черты лица, редкую красоту запястий и точечных пальчиков, подобающее случаю платье с крошечной талией и низким вырезом, открывающим, по тогдашней моде, половину груди. Это, несомненно, была та же девочка, что на рисунке Карса, но несколько лет, разделяющие их, не лучшим образом сказались на норове повзрослевшей принцессы.

О причинах появления столь пышного надгробия можно было только догадываться. Да, принцесса была неверной женой, да, смерть ее была таинственной, позорной, может быть, даже насильственной, но ее происхождение и положение в обществе

требовали подобающего захоронения. И принц, надо признать, не поскупился.

Юная дама, чья вздорная, болезненная фамильная спесь оскорбляла даже знающих в этом толк современников, лежала теперь в прямоугольном саркофаге из черного мрамора, примерно семь футов на четыре, высотой же в три фута; наверху располагалась фигура, а боковые стороны саркофага инкрустированы многоцветными гербами древней родословной принцессы — десять вдоль длинной стороны, по три вдоль коротких, всего шестнадцать. Лишь поверхностно зная геральдику, Марта различила розы Англии, гранат Испании, лилии Франции среди других, не знакомых ей символов. Массивный мраморный саркофаг другой своей длинной стороной почти вплотную примыкал к стене, отступая от нее лишь на несколько дюймов. В саму стену была встроена огромная серая мраморная плита, фланкированная тройными колоннами, увенчанная тяжелым картушем и во всю длину исписанная эпитафией. Но надгробие, помещенное прямо перед плитой, скрывало половину ее поверхности, а маленькие завитые буквы эпитафии затрудняли прочтение даже того, что можно было увидеть. Да и дождевые потки с крыши сделали свое дело, набросив на часть текста темный покров: от этого буквы, не слишком глубоко вырезанные, стали и вовсе неразличимыми. Марта принялась читать, с первых строк узнав руку принца в неуклюжих латинских построениях.

*Здесь покоятся останки
достопамятной*

*Шарлотты Людовики Фердинанды Каецилы,
супруги Виктора, наследного принца
Восточной Франконии,
рожденной в 1698 году и умершей в 1720 году,
оставив неутешными мужа
и двух прелестнейших отроков.*

*Сия принцесса,
примерная жена и обожаемая мать,
грациозная и элегантная,
остроумная и дружелюбная,
высокоискусная в танцах и музыке,
безупречная в манерах и разговоре,
была отмечена
любезной снисходительностью и добротой
к подчиненным и низшему сословию.
Она обладала всеми достоинствами своего пола
и ни одним из его недостатков.*

Непостижимо. Трагикомедия какая-то. Марта только руками развела от этой циничной похвалы. Спору нет, грациозной и элегантной Шарлотта была, этому поверить легко. Но то, что было сказано дальше, не совпадало с образом принцессы до такой степени, что переходило границы допустимого лицемерия.

Все это могло означать только одно: Виктор издевался над принцессой, муж мстил жене, посмевавшей полюбить другого... Разве не кощунство говорить о "благочестии, расчетливости и бережливости" по отношению к женщине, которая с ума сходила по картам, без зазрения совести занимала у слуг из их скудного жалованья и не трудилась возвращать долг, к женщине, которая была неверной женой, небрежной матерью и, очень может быть, если не прямо, то косвенно, — убийцей.

Эта последняя мысль поразила Марту. Сама идея продать рубин Якову, потом подстеречь его, убить и забрать рубин — эта идея и впрямь могла принадлежать скорее принцессе, чем де Маньи. Вспомнился легкий и пустой взгляд кавалера-красавца с миниатюры; она бы не удивилась, если б этот Адонис оказался чуть-чуть глуповат. И чем дольше она размышляла, тем верней приходила к выводу: именно принцесса была движущей силой трагедии.

— Это ты все задумала, — неожиданно обратилась она к бронзовому существу с изящной головкой на длинной грациозной шее, которая в этот миг показалась ей змеиной. — Твоих рук дело!

Принцесса ответила ей непроницаемым взором, недобрая улыбка заиграла на бронзовых губах. Марта с трудом оторвала от нее взгляд и стала размышлять, стоит ли читать остаток эпитафии, скрытый за черным саркофагом. Между ним и стеной было пространство шириной меньше фута. Она протиснулась в эту щель, оказавшись словно в смирительной рубашке между двух одинаково холодных мраморных плит, под ногами хрустел толстый слой штукатурки. С трудом ей удалось скорчиться так, чтобы направить луч фонаря на полустертые строки. На коленях, опускаясь все ниже и ниже, под конец буквально сложившись вдвое, она расшифровала почти весь текст эпитафии, по-прежнему монотонно перечислявшей всевозможные, но маловероятные достоинства принцессы. Когда луч фонаря достиг самого пола, выяснилось, что заключительная фраза погребена под строительным мусором. Марта принялась выбрасывать его пригоршнями и наконец очистила от грязи выделенную большими буквами строку: "Millerem virtuosam quis inveniet?"

— Господи, сколько можно! — не выдержала Марта и, исхитрившись встать, выбралась из застенка. Ну, это уж слишком! Через столетия преследовать бедную женщину даже в гробу! Поразительно, как живуча ненависть, если двести лет прошло, а Марта все еще слышит ее дыхание.

Однако, отряхивая пыль с колен, она отметила, что в настроении ее что-то изменилось. Откуда-то из подсознания, сначала робко, потом все сильнее, прорастала неудовлетворенность, но

* "Кто найдет добродетельную жену?" (лат.)

определить, в чем ее корни, не удавалось никак. Где она сделала ошибку? Что видела, но не сумела понять? В этой усыпальнице имеется только один вход, он же выход, одно окно, единственное надгробие и никаких других предметов. Может быть, то, что она упустила, связано с надгробием? Что-то здесь, в склепе, миновало ее... Но что? Стараясь понять это, Марта внимательно посмотрела на принцессу, словно требуя от нее объяснений. Бронзовая красавица безмятежно вернула ей полный самообладания взор.

Больше здесь оставаться незачем. Но у выхода, на верхней ступеньке, Марта обернулась, чтобы еще раз окинуть взглядом мрачное величие этого памятника родовому чванству, и ей почудилось, что вознесенная над гербами стройная, элегантная дама взирает на нее с таинственной и на этот раз злорадной полуулыбкой.

Марта повернула розетку в обратном направлении и услышала, как болты возвращаются на место со стоном тихим, но тяжелым, словно завершающим приключение. В церкви Марта опять поежилась от ее мертвенной атмосферы. Страшно захотелось скорей на солнце, надышаться теплым летним воздухом. Она задержалась лишь, чтобы в последний раз взглянуть на принца Виктора, подивиться его изощренному умению ненавидеть.

Потом она пошла по центральному проходу к дверям и вдруг остановилась: между скамьями двух соседних рядов была развешена большая ковровая паутина, которая сейчас яростно трепыхалась, взлетая и опадая всеми длинными нитями. Чувствуя в этот миг деятельное сочувствие ко всему живому, Марта внимательно осмотрела темно-серую сеть, держа наготове карандаш, чтобы разорвать ее и освободить жертву. Паутина, однако, была пуста. Это оказалась старая, пыльная паутина, давно покинутая хозяином-пауком. Чем же тогда вызвано трепетание? Может, кто-то быстро прошел мимо, и струя воздуха взметнула чуткую сеть? Марта задумчиво глядела на нее, уже почти утихомирившуюся, вздрагивающую все реже, все тише. И вот уже она улеглась тяжело и покойно. Стремительным шагом Марта прошла мимо нее и сразу же обернулась. Подхлеснутая воздухом, лохматая паутина взметнулась, насколько позволяли ей крепления, и заплясала. Значит, кто-то определенно был здесь буквально за секунду до Марты.

Чуть помедлив, Марта отвернулась от трепещущей свидетельницы и пошла вон из церкви. Пальцы тряслись, проворачивая ключ в замке, и она никак не могла справиться с этой дрожью. Страх, вселяемый чем-то материальным, достаточно неприятен, но в тысячу раз противней, когда тебя преследует нечто, не имеющее ни плоти, ни даже тени... Ставро? Но если он и нашел ее так скоро, способен ли Ставро, при его дряхлости, исчезать так внезапно и беззвучно? Или это его агент? Но у Марты

создалось впечатление, что Ставро чрезвычайно осторожен и работает, не доверяясь агентам. А может быть, это какой-нибудь доморощенный следопыт? Или местный фанатик, которому не нравится ее любопытство, и он крадется за ней по пятам, оставаясь невидимым благодаря знанию местности? Не очень-то обнадеживающая мысль: кто знает, что придет ему в голову...

Тут она выбралась из окружающих церковь кущ на солнце, и оно, божественно горячее, высушило холодный пот на лбу и шее, придало Марте сил. Страх улетучился. Чего стоит нелепая паника из-за исчезнувшей машины! На ее пути довольно трудностей и без воображаемых ужасов. В конце концов, паутина, к примеру, могла колыхаться от внезапных сквозняков, присутствующих всякому обширному и пустому помещению, как бы замкнуто оно ни было. Конечно, уверила она себя, конечно, это все объясняет.

Медленно направляясь к машине, Марта подводила итоги. Что ж, одну нить она успешно распутала до конца. Нашла принцессу. Но нить эта никуда не ведет, и теперь уже непонятно, почему Марта возлагала на нее такие надежды. Оставалась еще ниточка: где-то вечным сном спал де Маньи. Его отвезли домой, во Францию. Но почему вид его захоронения должен дать импульс более конструктивным идеям, чем только что найденная гробница? Нет, определенно тупик. С самого начала поисков Марта не обольщалась надеждами на успех, так оно все и вышло.

Но почему-то сейчас разочарование далось ей болезненно на удивление.

Машина стояла там, где была оставлена. Марта включила зажигание. Надо заехать к Лаубу и вернуть связку с ключами... Идея! Она остановила машину, чтобы ее обдумать. Немыслимо в первый же день опустить руки, отказаться от задания, которое она выполняет, как бы она к нему, этому заданию, не относилась. Следует хотя бы попытаться предпринять что-то еще. Внимательно осмотреть архив. Это же настоящее открытие, кладезь фактографии, поиск рубина по сравнению с ним — детские игры. А что, если ей захочется еще разок вернуться в церковь? Можно купить фотоаппарат и сфотографировать замечательное надгробие принцессы. Каждый раз обращаться к Лаубу за ключами — удовольствие еще то, кроме того, слишком частые просьбы могут показаться подозрительными. Марта решительно раздвинула концы проволочного кольца и сняла с него ключи от архива и церкви. Вряд ли Лауб заметит их отсутствие в огромной брэнчащей связке, а потом, возвращая, она присовокупит к ним солидную банкноту.

Бросив утаенные ключи в сумку, Марта направилась к Лаубу. Он вышел из дома, как только она подъехала. Поблагодарив, она отдала связку, и он, не глядя, сунул ее куда-то за дверь.

Потом поднял ведро с помоями и двинулся за дом, видимо, к хлеву.

В гостинице, подкрепившись местным блюдом, в котором некстати соседствовали сосиски и чернослив, Марта поднялась к себе и сразу легла. Уставшая до смерти, она мгновенно уснула, забыв, вопреки обыкновению, призвать Тревога Дермотта в свои объятия; сон избавил ее от воображаемого спутника...

Глава 11

Наутро было по-прежнему жарко, но облачно. Марта проспала и лишь около десяти часов добралась до "фольксвагена". Завтрак — две кружки кофе с цикорием и молоком и два больших куска черного хлеба со шмальцем — гусиным жиром, топленным с луком и пряностями, — она съела с охотой. Давно уже не было у нее такого аппетита, и если эта авантюра с рубином избавит ее от депрессии, не дав более никаких результатов, уже неплохо. К тому же хозяйка, явно старавшаяся услужить, сразу ответила на вопрос о месте засады в лесу.

— Фройляйн говорит про Юденфалл, — сказала она, ставя тарелки. Название, видно, было у местных в ходу. — Как дойдете до дворца, так идите дальше, мимо ворот.

Однако Марта решила перепроверить и остановилась у Андреаса Лауба, чтобы задать ему тот же вопрос.

— Да, это Юденфалл, — сказал он уверенно, но неохотно. — Дальше по лесной дороге, мимо дворца. Там есть сломанное дерево, старое дерево, поваленное молнией. — И тут его красные глазки уставились на нее так требовательно, что она невольно полезла за кошельком.

За дворцовыми воротами дорога, очевидно, давно и прочно забытая, сузилась и стала еще ухабистой. В этот пасмурный день под деревьями было темно и сыро, а главное — необыкновенно тихо. Как в заколдованной чаще. Тот, кто сотни лет назад дал ему имя, хорошо чувствовал таинственную необычность этого места. Лес троллей...

На месте засады Марта долго осматривалась. Взгляд ее задержался на странной выемке в стене деревьев по левой стороне дороги. Что это? Прихоть природы? Или ответвление дороги? Влекомая очередным предположением, шаг за шагом Марта углубилась в лес. Когда позади была сотня футов, сомнений не оставалось. Это, безусловно, дорога и, судя по некоторым признакам, в свое время куда более широкая.

Она шла осторожно, не то чтобы с опаской, но слегка подавленная мощной жизнью природы вокруг, друидическими деревьями, растущими здесь с начала времен, и безлюдьем. Высокий мох заглушал шаги, и Марте казалось, что она парит над землей. Она сильно удалилась от основной дороги и собралась уже

было вернуться, как увидела впереди просвет, засиявший длинными иглами дневного света.

Через пару минут Марта выбралась на обширную поляну — наверное, заброшенное поле, и за ней увидела руины давно оставленного человеческого поселения. Остатки многочисленных домов — здесь стена, там труба — торчали, нелепо покоясь, опутанные ползучими растениями, заросшие сорняками и кустарником. Вдали виднелась высокая стена, за ней крыша здания, кажется, похожая на купол. Крайне заинтригованная такой диковиной, Марта прошла приличное расстояние, сначала по полю, потом по развалинам таинственной, оставленной даже призраками деревушки, и приблизилась к глухой стене. Пройдя вдоль нее, она нашла то, что искала: большую У-образную трещину, расколовшую стену сверху футов на пять вглубь. Под ней громоздилась куча битого кирпича, по которой можно было, с камня на камень, взобраться к разлому. Подъем, однако, оказался сущим мучением: куда бы ни ставила Марта ногу, сверху на нее обязательно что-то сыпалось, катилось или летело. Скользя, падая, в кровь разбивая колени, Марта все-таки добралась до верху и постояла там, поражаясь толщине стены.

Вниз Марта спустилась по такой же куче щебня. Дикие травы заполнили все пространство внутри стены. В воздухе витал дух невыразимого запустения. Странное сооружение высилось шагах в ста от стены. Марта пожала плечами, недоумевая, почему оно производит такое жуткое впечатление, пока не поняла, что это из-за отсутствия окон. Угнетало именно ощущение слепого, безглазого взгляда, да и уныло-грязный цвет самого здания, за столетия исполосованного непогодой, отнюдь не радовал взор. Марта решительно направилась к нему. Проникнуть внутрь не составляло труда: тяжелая дверь, упав с петель, лежала на пороге. Однако Марта долго еще изучающе смотрела на небольшое и мрачное, но величественное сооружение с группами слепых арочных проемов по бокам входа. Но она не боялась больше, потому что понимала, на что смотрит, — на опустелую синагогу.

Глава 12

Сквозь дверной проем Марта видела на полу толстый слой мусора и листьев, занесенных внутрь молельного зала ветром несчетных лет. Обетшание полное. Возможно, здание даже опасно осматривать. Но не только это соображение держало ее так долго у входа. Она вдруг — опять! — почувствовала внезапное, жгучее отвращение к этому месту; каким-то образом от него разило злосчастьем, уготованной ей бедой.

Вздор, вздор! Марта заставила себя переступить порог и сделать несколько шагов в темноту, ставшую, как только глаза освоились, плотным серым полумраком. Можно было разли-

чить потрескавшиеся, осыпающиеся стены, черный свод над головой, неясно очерченный скудным светом. Направо была узкая, деревянная, хорошо сохранившаяся лестница, которая вела, видимо, на женскую галерею. Марта помнила, что женщины и мужчины в синагогах молились раздельно. Галерея казалась вполне прочной, но Марта не видела причин туда взбираться.

Она потеряла еще несколько минут на осмотр помещения, по щиколотку проваливаясь в рыхлый, перемешанный с песком сор. Нет, здесь не осталось ничего, что указало бы на путь к разгадке. Наконец она направилась к выходу, осторожно пробираясь вдоль стены, по верху которой шла галерея. Стояла мертвая тишина. Но, выйдя из-под навеса, образованного галереей, Марта вдруг подчинилась какому-то безотчетному порыву, заставившему ее посмотреть вверх. И там, в полутьме, над нею торчал черный силуэт человеческой головы, словно кто-то, перегнувшись через перила, смотрел прямо на Марту! В тот момент, когда она подняла глаза, силуэт исчез в темноте: это произошло молниеносно.

Она пустилась бежать, гонимая смертным страхом. Ничего не видя вокруг, вылетела наружу, продралась сквозь заросли крапивы к пролому в стене, не помня себя, взобралась на кучу камней, которые катились и летели из-под ног, оступалась, падала, поднималась и все это время где-то совсем рядом слышала какой-то неприятный звук. Только потом до нее дошло, что это она сама его издает: то ли вой, то ли скулѐж, порождение животного, безмозглого страха.

Добравшись до пролома, она полусоскользнула, полусвалилась на землю, не останавливаясь, рванула к лесу и не смела оглянуться, пока не решила, что селение скрылось из виду... Но никто не преследовал ее, старая дорога была пустынна. Не в силах больше бежать, она пошла шагом, тяжело дыша, с ободранными конечностями, с колотящимся сердцем, пока не добралась до машины. Успокоившись, она села за руль и поехала в деревню, к домику Лауба. Хозяин был на месте, возился с ульем — и глянул на нее безразлично, ни словами, ни жестом не дав понять, что узнал. Кто же старается довести ее до безумия? Если Лауб дома, значит, это был хозяин гостиницы Цукхейзер, больше некому.

Значит, Цукхейзер. Могла бы сразу догадаться: взгляд этих свинячих глазок, холодный и сальный...

Марта затормозила перед гостиницей, выскочила из машины. Она подождет его в пивной, она готова к встрече. Пылая гневом, рывком распахнула дверь...

Цукхейзер безмятежно стоял за стойкой, отпуская пиво паре местных завсегдатаев. Никто из них даже не посмотрел на нее, когда она остановилась с размаху. Похоже, они давно здесь сидят. В полной растерянности она направилась к лестнице и в

свою комнату явилась в состоянии полного и бессильного негодования.

Вдруг ослабев, Марта буквально рухнула на стул. Что, неужто снова приниматься за бесконечное копание в фактах, воображаемых и реальных, пока не закружится голова? Она у нее уже и так кружилась.

Пожалуй, лучше обдумать новое, удивительное открытие, нужно разузнать что-нибудь о заброшенном поселении. Здесь должны помнить, она сейчас спросит...

Марта спустилась в пивную. Цукхейзер на этот раз был один и с закрытыми глазами неподвижно сидел за стойкой.

— Герр Цукхейзер, — позвала она неуверенно.

Бледные веки не сразу, но поднялись, и Марта встретила взгляд бесцветных, невыразительных глаз. Приходилось признаться, что эта туша вызывает в ней не только отвращение, но и некоторый страх.

— Герр Цукхейзер, — повторила она, стараясь преодолеть неприязнь. — Не скажете ли вы мне, что это за разрушенные дома там, в лесу, немного дальше дворца?

Последовала обычная пауза, к которой Марта была готова и не позволила себе раздражаться.

— Место в лесу? — повторил он, и тут вошла его жена с огромным подносом, заставленным стеклянными пивными кружками. Он, как сидел прямо у нее на пути, так и не шевельнулся, и жена, словно не ожидая ничего другого, протиснулась позади него, осторожно и уважительно, не дай Бог потревожить. Марта задержала дыхание, понимая, что предложить помощь будет в высшей степени бестактно. Однако фрау благополучно водрузила поднос на стойку и принялась перетирать кружки, внимательно прислушиваясь к разговору.

— Место в лесу, — снова повторил Цукхейзер. Он, наверно, нуждался в этих повторениях для того, чтобы усвоить даже самую простую мысль. — Юденферштек*. — И замолчал, как будто название говорило само за себя.

— Но что это? — спросила Марта. — Можете ли вы мне что-нибудь о нем рассказать?

— Там жили эти, — говоря с ней, он никогда не смотрел в глаза, а пялился куда-то между грудью и животом. — Евреи там жили, но их выгнали. Это было давно. Сотни лет назад.

— Я хотела бы узнать об этом побольше. Особенно меня интересуют синагога и кладбище. Кого я могла бы расспросить? И нет ли в округе еврейских семейств, которые живут здесь издавна?

На этот раз он молчал так долго, что хоть и не хотелось, а пришлось посмотреть ему в лицо. Выяснилось, что он, прищу-

* Еврейская дыра или убежище (нем.).

рившись, напряженно разглядывает Марту. Фрау Цукхейзер также перестала перетирать кружки и глядела на нее с тем же недоверчивым выражением. Наконец немец прервал это многозначительное молчание и тихо осведомился:

— Вы что, еврейка?

— Да! — громко ответила Марта и сама себе удивилась. Это была неправда, и еще можно поправиться, но она не стала. На что ей уважение этого пивного бочонка?

— Да, — повторила она уже спокойней и, заметив, как разительно изменилось лицо фрау Цукхейзер, в приступе холодной ярости принялась фантазировать. — Хотелось бы получить сведения об одном из моих предков, который здесь захоронен. — Получалось гладко. — Я не умею читать по-древнееврейски и должна найти кого-нибудь, кто помог бы мне отыскать могилу.

Молчание Цукхейзера после этого заявления наполнилось каким-то новым качеством. Он смутно чувствовал, что здесь что-то не так, и тяжело ворочал мозгами.

— Кто ж прочтет то, что давно пошло прахом? — пробормотал он. — Дело-то давнишнее.

— И все-таки я должна попытаться, — поспешно сказала Марта, опасаясь, что не выдержит и рассмеется ему в лицо. — Так нет ли такого человека здесь в округе?

Теперь фрау Цукхейзер стояла плечом к плечу со своим господином. Они безмолвно посоветались, потом она пожала плечами и вымолвила:

— Ни здесь, ни в Эгерте, — обращаясь при этом не к Марте, а к мужу.

— Нет, евреев здесь поблизости нет, — как бы перевел он слова жены. — Когда-то, да. Теперь — нет.

— А в Вюрцбурге? — не отставала Марта.

— В Вюрцбурге — может быть.

— Пусть милостивая госпожа справится в Вюрцбурге, — посоветовала хозяйка и, одарив Марту ехидной улыбкой, подхватила поднос и исчезла.

— Благодарю вас. — Марта повернулась, чтобы уйти наверх, но жаждущий определенности Цукхейзер остановил ее:

— Вы что, в самом деле еврейка?

— В самом деле, — ласково отозвалась она и по глазам увидела: сама ее ласковость кажется ему подозрительной до того, что в мутных глубинах сознания складывается опасение, что его дурачат.

Уж у себя в комнате она насмеялась всласть, да так, что Цукхейзеры наверняка это слышали.

“Ну и пусть”, — подумала Марта. Но веселье испарилось, как только она задумалась, что же предпринять дальше. Видимо, придется вернуться в Вюрцбург и поискать там данные по истории покинутого еврейского поселения. Но какой в этом

смысл, непонятно... Надеяться особенно не на что, но, как минимум, надо зайти в местный университет. Как ни крути, выбора нет: либо она продвигается вперед, либо опускает руки и возвращается в Англию.

Таким образом, от поездки в Вюрцбург было не отвертеться.

Глава 13

В полдень следующего дня она отъехала от Вюрцбургского университета совершенно подавленная. В библиотеке ее распросы авторитетно пресек главный специалист, согбенный высохший карлик с толстенными стеклами очков и выпяченной верхней губой.

— Всю историческую секцию нашей библиотеки разбомбили, — сообщил он. — Превратили в золу одно из богатейших собраний в Европе... Какое варварство, — и покачал головой.

— Я надеялась узнать что-нибудь о местечке Юденферштек, расположенном неподалеку от Рейнольдс-Тюрма. Нет ли здесь кого-нибудь, кто бы мне помог? — спросила Марта.

Последовала крошечная, почти неощутимая заминка. Главный библиотекарь приподнял брови, и нечто неопределенно-неприятное промелькнуло в его лице, прежде чем он ответил:

— Юденферштек? Разве его руины еще сохранились? Жившие там евреи изгнаны из герцогства в... Не припомню точно, но где-то в начале восемнадцатого века.

— В тысяча семьсот двадцатом?

— Около этого.

— Из-за чего их изгнали?

— Из-за того же, из-за чего все общества того времени старались очиститься от евреев, фройляйн. Их гнали за лихоимство.

— Так было в том случае, о котором мы говорим, или это всего лишь личное обобщение? — холодно осведомилась Марта. — Ибо если последнее, то я предпочту проконсультироваться с компетентным историком. Имеется ли такой в Вюрцбургском университете?

— У нас работают очень известные историки, лучшие в мире, — ответил библиотекарь. — Но ваш вопрос настолько... мм... специфичен... очень. Нет, я не знаю никого, кто мог бы помочь вам.

“Хочешь сказать, что не дашь рекомендации еврейке”, — расшифровала Марта и обменялась с ним откровенно враждебными взглядами. Легкость, с какой они читали мысли друг друга, была удивительна для людей, знакомых не более десяти минут.

Марта со вздохом облегчения покинула кабинет карлика и поехала в город, отказавшись от мысли переговорить еще с кем-нибудь в университете. Сил не было на еще одно столкновение с тевтонской ученостью.

Портье в отеле встретил ее с энтузиазмом.

— Я так и знал, что в Рейнольдс-Тюрме вы долго не протянете, — торжествующе сказал он и протянул ей авиаконверт. — Для вас, милостивая госпожа, прибыло этим утром.

Письмо было от Билла. Хмурясь, она сунула письмо в карман юбки. Если уж события последних дней заставили ее почти позабыть Тревога Дермотта, то уж Билла и подавно, и вот он тут как тут, и требует ее внимания. Марта отмахнулась от его тени и обратилась к портье:

— Мне нужны сведения о местечке под названием Юденферштек, оно неподалеку от Рейнольдс-Тюрма. Не подскажете ли, к кому я могла бы обратиться?

И на этот раз собеседник задержался с ответом. Марта уже привыкла к такой реакции — так же, как и к тому, что после вопроса о Юденферштеке ее отношения с местными жителями приобретают иную окраску. Теперь вот портье, вертлявый крысеныш, явно изготовился третировать ее, подобно Цукхейзеру и библиотекарю.

— Юденферштек? — переспросил он. Сердечности в голосе как ни бывало. — Это всего лишь куча старых камней.

— Я знаю, что это такое, потому что я там была, — резко произнесла Марта. — Я спрашиваю, есть ли здесь в Вюрцбурге кто-нибудь, кто мог бы рассказать мне об этом месте.

— Может, в университете? — На грани непочтительности пожал он плечами.

— Там я уже была. Думаю, хорошо бы обратиться к кому-нибудь из местных евреев...

— Не так уж много евреев осталось теперь в Вюрцбурге. — Не глядя на нее, он снова дернул плечом. Профессиональная угодливость испарилась вся до капли. — Сам я с такими людьми не знаюсь. Но тут неподалеку есть лавочка, где можно купить газеты, журналы и прочее, на Байерштрассе, сразу за отелем. Если вам угодно говорить с евреем, старик, который держит лавочку, как раз еврей.

— Благодарю вас, — сказала Марта, на что портье едва кивнул и тут же, забыв о ее существовании, занялся сортировкой почты.

Лавчонка, как выразился портье, занимала нишу в стене. Освещения внутри не было. Марта неуверенно заглянула в узкий дверной проем и не сразу — так бесцветны были его лицо, руки и волосы — выделила во мгле человека, сидящего в самом дальнем, самом темном углу магазина.

На пороге она заколебалась, охваченная смутным недоумением. Тот, кто находился в нескольких шагах от нее, не мог не видеть, что она застыла в дверях, но продолжал сидеть молча и неподвижно. И Марта подумала, что в этом безмолвии, в этой абсолютной неподвижности есть что-то противоестественное и тревожное.

Глава 14

Потом он шевельнулся, нарушив ее оцепенение, и она решилась переступить через порог. Но маленький человечек с редкими седыми волосами так и не взглянул на Марту. Она же, несмотря на полумрак, видела его отчетливо, и что-то странное было в его лице, какая-то ущербность... Сомкнутые руки тихо лежали на коленях. Если он слепой, с неудовольствием подумала она, то мог бы хотя бы повернуться на звук шагов. Может быть, он не слышит?

И вдруг, все так же не глядя на нее, он заговорил, и от неожиданности она вздрогнула.

— Пожалуйста, возьмите то, что вам угодно, и положите деньги в коробку на прилавке.

Речь его поразила Марту: чистейшая, рафинированная немецкая речь, прозвучавшая так равнодушно, так безжизненно, из такой бездонной глубины, что повеяло холодом. Тело было здесь, но души — нет, души не было, она витала где-то в межзвездных пространствах, среди белых полей... Марта одернула себя, умеря воображение: в конце концов, это всего лишь старый продавец газет! Можно не утруждать себя разговорами, купить какой-нибудь журнал и благополучно уйти. И все-таки... Она заметила, что он прикрыл глаза, и лицо его сделалось еще отчужденней... Она всмотрелась. Да, не человек, а бледная тень человека — с гордым, однако, профилем, с высоким лбом. Неожиданное лицо в таких убогих декорациях...

Все это время он равнодушно сидел, не проявляя желания помочь ей в выборе или поторопить. Лишь склонил подбородок к груди как-то неловко и неестественно.

Внезапно смутившись, она схватила первую попавшуюся газету и, бросив монету, заторопилась уйти.

— Благодарю вас, — вымолвил он, не открывая глаз, и Марта подумала, что голос его звучит моложе, чем он сам выглядит, и что даже немногие произнесенные им слова таинственным образом — как, впрочем, каждое наше слово — характеризуют его личность, и что личность эта — незаурядна. Не раздумывая больше, она сказала:

— Простите, не могу ли я задать вам несколько вопросов?

Он помолчал, словно удивившись тому, что к нему обращаются, и, по-прежнему не открывая глаз, не поднимая головы, пробормотал:

— Каких именно?

— Меня интересует история местечка Юденферштек, расположенного неподалеку от Рейнольдс-Тюрма.

Он открыл глаза, и впервые она отметила отблеск эмоции, удивления в его голосе.

— Юденферштек? — медленно, слабо повторил он, то ли неохотно, то ли не желая напрягать память. — Это довольно длинная история.

— Я буду признательна за любую информацию, — быстро произнесла она, рискуя спугнуть его напором, но, к счастью, мольба в голосе Марты подействовала на него благоприятно.

— У меня нет другого кресла, а встать я, к сожалению, не могу, — сказал он с сомнением. — Смею ли предложить вам вон тот ящик?

— Спасибо, — отозвалась она с готовностью и села на указанный им ящик, благодаря чему получила возможность смотреть прямо на собеседника. Тут его глаза, воспаленные, словно выжженные, встретили ее выжидательный взгляд, и случилась поразительная вещь: он весь содрогнулся, как от резкой боли, а ведь она всего лишь взглянула на него!

Смутившись, она опустила глаза, а когда снова вопросительно подняла их, то увидела, как отчаянно мечется его безумный взор, стараясь не встретиться с ней взглядом. Она испугалась. Может быть, он сумасшедший и портье нарочно послал ее к больному? Но голос его звучал разумно, и выглядел он вполне нормальным — пока, напомнила она себе, похолодев от страха, пока глаза его были закрыты. Захотелось вскочить с места и убежать, но еще один взгляд, исподтишка, образумил Марту: это высохшее, скрюченное тельце не в состоянии было даже пошевелиться. Раз так, придется перебороть естественное желание разговаривать с человеком, глядя ему в лицо. Марта отвела глаза и заставила себя проговорить самым обычным тоном:

— Я расспрашивала здесь о Юденферштеке, но почти ничего не выяснила.

Пропустив это мимо ушей, он спросил:

— Вы англичанка, не так ли? Или американка?

— Американка.

— Тогда, с вашего позволения, мы будем говорить по-английски. Я нечасто пользуюсь этим языком и прошу простить мне возможные ошибки.

— Конечно, — удивившись в очередной раз, улыбнулась она куда-то в пространство, стараясь ненароком не взглянуть на него.

— Вас интересует Юденферштек, — начал он. — Эта еврейская община была основана в 1680 году, когда правящий герцог пригласил некоего еврейского ростовщика поселиться здесь вместе с семьей. Герцогство Восточная Франкония было очень бедным, жители занимались земледелием, но торговля почти не развивалась, а герцог всегда нуждался в деньгах. Поэтому сначала он пригласил одного ростовщика, потом разрешил въехать и другим семьям. Поскольку слух о том, что герцог покровительствует евреям, распространился, население общины росло. Она просуществовала до 1720 года и насчитывала тогда, я полагаю, свыше ста человек. В сугубо меркантильном смысле это было процветающее поселение, которое, как и рассчитывал герцог, успешно способствовало развитию торговли.

Похоже, подумала Марта, в 1720 году, с кончиной принцессы, многое и многие прекратили свое существование. Однако какая фантастическая удача — набрести на столь знающего человека, и при этом всего лишь продавца газет! Впрочем, в манере, в которой он излагал свою мысль, чувствовалось нечто, чего Марта никак не могла определить. Что-то очень знакомое, но ускользающее от названия... Между тем она внимательно слушала, боясь пропустить хотя бы слово.

— Неприятности начались, — продолжал он, по-прежнему неловко прижимая подбородок к груди, — когда сын герцога, Виктор, женился на девушке много моложе себя, принцессе Шарлотте.

Пожалуй, Марта могла бы удивить его тем, сколько известно ей об этой принцессе...

— И почти сразу после замужества принцесса стала настаивать на удалении евреев из Восточной Франконии. Ее свекор, герцог, очень любил ее, и она всеми силами старалась на него повлиять.

— Это на нее похоже, — не удержалась Марта, прервав своего на удивление осведомленного собеседника, — судя по тому, что я о ней слышала.

— Но вы должны помнить, — бесстрастно отвечал он, — что она выросла при дворе Людовика XIV, который протестантов не терпел в своем государстве, не говоря уж об иудеях. Нет, принцессе нельзя винить: она всего лишь следовала законам своего времени.

— Значит, герцог изгнал евреев в угоду своей невестке?

— Нет-нет, все гораздо сложнее. Я ведь предупредил вас, что это долгое дело, — произнес он, словно извиняясь, — но если я вам наскучил...

— Помилуйте! — испугалась Марта и в волнении перевела было взгляд на него, но вовремя спохватилась. — Мне интересно до чрезвычайности!

— Нет, герцог не хотел изгонять евреев, — продолжил продавец газет почти с воодушевлением. — В обнищавшем герцогстве они укрепили торговлю и тем самым увеличили налоговые поступления в казну. А денег герцогу требовалось немало — на любовниц, на карты, на балет и оркестр, двор его, пусть небольшой, был веселым и блестящим. Обладая легким нравом, старик любил роскошь и забавы.

— Сын пошел не в него, — не смогла не заметить Марта.

— Да, Виктор отличался от отца, как ночь ото дня, — согласился он. — Итак, в течение нескольких лет герцог ухитрялся не обсуждать с принцессой еврейский вопрос. — Помолчал и, тяжело вздохнув, сказал: — Но в начале 1720 года начались совсем другие неприятности.

Она промолчала, прекрасно зная, что это были за неприятности.

— Принцесса влюбилась в молодого француза, некоего де Маньи, конюшего старого герцога. Интрижка оставалась незамеченной, пока принцесса не передала де Маньи невероятной ценности драгоценный камень, чтобы он смог уплатить свои карточные долги. Де Маньи заложил камень местному ростовщику Якову, потом подстерег его в лесу, чтобы отобрать драгоценность, и был на месте преступления арестован. Но, вероятно, эту часть истории вы знаете?

— Отчасти, — кивнула Марта.

— Ну, тогда вернемся в Юденферштек. После смерти Шарлотты Виктор настоял на изгнании еврейской общины. Герцог боялся сына, у которого был более сильный характер, и на этот раз не смог воспротивиться. Все евреи из герцогства были удалены.

— Поскольку Яков участвовал в этом деле?

— Да. Тот совершил государственное преступление. Видите ли, камень был собственностью государства.

Оба они помолчали немного, прежде чем Марта произнесла:

— Мне кажется, выбора у Якова не было...

— Я тоже так думаю, — согласился старик. — Вероятно, де Маньи закладывал камень от имени принцессы, так что Яков не мог ей отказать, и в то же время, из страха перед ней, не смел сообщить об этом ни принцу, ни герцогу. Да, бедняга Яков оказался между двух огней, положение не из удачных.

— Что случилось с камнем? — спросила она наугад.

— Рубин? Он исчез.

— И вы не знаете, куда?

— Никогда не думал об этом, — равнодушно сказал он. — Рубины меня не интересуют.

Она помолчала, представив себе Юденферштек: широкое серое небо, полуразвалившиеся дома, синагога, заросшее травой кладбище...

— Якова похоронили на кладбище Юденферштека?

— Нет. Якова нигде не похоронили. Его принародно казнили и оставили на виселице для устрашения.

— А-а... — выдохнула она с неожиданным для себя самой состраданием.

— Октябрь, — сказал продавец газет, подсчитывая в уме. — Это случилось в октябре. Птицы, наверное, какое-то время летали над ним, делали свое дело. Потом, зимой, то, что осталось от тела, замерзло, а весной рассыпалось в прах. Нет, Яков нигде не похоронен.

— А какая у него была фамилия? — спросила она внезапно.

— У него не было фамилии. Евреи тех дней носили только родовое имя, как арабы.

— А-а, — снова повторила Марта. Больше сказать было нечего. Бесфамильный Яков, ослепительная Шарлотта, прекрасный де Маньи, так странно и тесно объединенные смертью... Ее

мысль обратилась к незнакомцу напротив, и она украдкой бросила на него взгляд. Открыв глаза, он сосредоточенно рассматривал свои ладони. Как заплатить ему за неоценимую помощь? Чутье подсказывало, что о деньгах нечего и заикаться.

— Как мне отблагодарить вас? — начала она и нечаянно посмотрела ему прямо в лицо. И снова он вздрогнул и сжался, а зрачки его заметались. Устыдившись своего промаха, она отвела взор и продолжила: — Вы очень мне помогли. Скажите, пожалуйста, что я могу для вас сделать? Могу ли я прислать что-либо из Англии или Америки? Я буду там через несколько недель.

— Вы возвращаетесь в Америку? Счастливица. Нет, спасибо, мне ничего не нужно. Этого, — он обвел свою каморку рукой, — мне достаточно, чтобы прожить, а больше я ничего не хочу. Совсем ничего, — добавил он мягко, но окончательно.

— Тогда, — испытывая неловкость, сказала Марта, — тогда позвольте мне еще раз поблагодарить вас за вашу необыкновенную доброту. — И почувствовав вдруг, что этого мало, она вздумала сделать ему комплимент: — Вы большой знаток местной истории. Это что, ваше хобби?

— Хобби? — повторил он тихо и вроде бы даже с иронией. — Не совсем так. Видите ли, до 1939 года я был профессором истории XVIII века в Бюрцбургском университете. — Он выпрямился и с достоинством вскинул голову.

Тут-то она и увидела на его шее то, что скрывалось неудобным, неестественным наклоном подбородка. Этот человек весь, целиком, был сгустком обнаженных нервных окончаний и шрамов — таких же, как тот, жуткий, на шее, которую он прятал от чужих глаз. Он просто не выносил, когда на него смотрят, вот и все... Марта покачала головой. Ужасно, когда столь изувеченное существо, не говоря уж о человеке его достоинств, сидит в этой убогой лавчонке в кощунственном окружении газет и пестрых журнальчиков.

Все вместе взятое — личные неудачи, невыносимая жалость к несчастному продавцу-профессору — вконец доконало ее, и, выйдя на улицу, она вдруг заплакала в голос, привлекая внимание прохожих, пока не догадалась зайти в подъезд.

Там Марта успокоилась, вытерла слезы и, открыв сумку, чтобы достать пудреницу, наткнулась на два ключа. Холодное прикосновение металла неожиданно воодушевило ее, оживив интерес к делу. Теперь можно заняться чем-то действительно стоящим — подробным осмотром архивохранилища, например. Зря она, конечно, утащила ключ от церкви, он-то ей теперь не понадобится.

Мысль о Цукхейзерах вызвала мгновенное отвращение. Следовало бы переехать в другой город, в Эгерт, к примеру. Нет, подумала она упрямо, нет. С какой стати из-за этих тупых деревенщин делать тридцать миль в день, туда и обратно? Она будет

жить в их доме тем охотней, чем больше они хотят, чтобы она уехала: выставить ее они не посмеют.

Подгоняемая вновь обретенной уверенностью, она поднялась со скамьи и быстро пошла туда, где припарковала машину. Дело близилось к вечеру. Завтра она примется за архив.

Через пять минут Марта уже гнала свой "фольксваген" в сторону Рейнольдс-Тюрма.

Глава 15

Как и следовало ожидать, в гостинице ей не очень обрадовались. Впрочем, тяжелый день в Вюрцбурге имел одно несомненно благотворное следствие: она перестала принимать мелочи близко к сердцу. Раздеваясь, Марта подумала, какой прекрасной закалкой будет день за днем жить под одной крышей с ненавистью Цукхейзеров. Плевать, осталось всего десять дней. Решено, остаток отпуска она использует на изучение архивохранилища.

Но внезапная мысль отогнала подступающую дремоту: это неотступное впечатление, что тебя преследуют, особенно весь этот кошмар в синагоге... Но если бы кто-то хотел ее извести или хотя бы причинить вред, у него была масса таких возможностей! А ведь ни одна из них не использована! Так стоит ли обращать внимание? Неужто она позволит себе испугаться звука, паутины, тени над головой? "Сама все напридумывала, — сказала она себе, не вполне, впрочем, убежденно. — Сама себе, дуручка, все навоображала!"

И уснула.

Вечер следующего дня застал Марту заново разочарованной и нестерпимо усталой от кропотливой работы. Восемь часов проскучала она, методически перелистывая фолианты, к которым, сколько можно было судить, в течение века не прикасалась ни одна живая душа. Начав с самой ранней даты, она пересмотрела содержимое каждой полки, не оставив без внимания ни одной книги, ни одного документа. Предпочитая дневной свет, она таскалась с охапками книг то вверх, то вниз; самые старые из них, тяжелые и нескладные, были оправлены в железо. До ломоты в пальцах она переворачивала страницы, сотни и сотни страниц, сначала морщинистого пергамента, потом древней нелощеной бумаги, грубой, желтой и ломкой. Документы, увековечившие деяния и подношения, свадебные контракты и договоры, были в прекрасном состоянии, и счетные книги тоже представляли собой определенный интерес — то есть, разумеется, для специалистов.

Строка за строкой книги отражали точную картину вельможного быта в пору его расцвета. Счета за содержание двора, счета за содержание конюшен, счета за вино и мясо, за свечи сальные и свечи восковые, счета торговцу дровами и поставщи-

ку древесного угля. Жалованье и прочие выплаты: конюшим, придворным дамам, хирургу, аптекарю. Счета за стирку: герцогини Восточной Франконии имели прачку для тонкого белья, прачку для верхней одежды и сверх того главную прачку. Костюмы для пажей, пара сапог для форејтора, факелы для лакеев ее высочества. Мастеровые — под таким заголовком значились плотники, маляры, трубочисты, каретник. Разное: корм для собак, зерно для голубей, подрезка деревьев. Можно было, при желании, узнать, что они ели на обед в любой день любого года — все было увековечено в книгах.

Когда на трон взшел отец Виктора, жизнь при дворе стала куда более роскошной: в книгах появились огромные счета за приемы и ужины, костюмированные балы и балеты. В графе “Выплаты” обнаружили строчки вроде: танцорам, музыкантам, герру Мартелли за декорации к пьесе “Двор любви”. Когда же принц Виктор получил свою принцессу, расходы опять подпрыгнули. Одни лишь карманные расходы Шарлотты составляли каждые три месяца эквивалент тысячи двухсот долларов. А молодой жене не сиделось на месте, она уезжала из герцогства, когда только могла. И так оно шло по нарастающей. В столбцах появились записи: за путешествие ее высочества в Висбаден, за путешествие ее высочества в Эмс, за путешествие ее высочества в Берлин. Эти поездки, заметила Марта мимоходом, стоили около трех тысяч долларов каждая и оплачивались не из карманных денег принцессы, а из средств, предназначенных на содержание двора. И Виктор попустительствовал всем этим разездам: не показав себя в итоге снисходительным мужем, он поначалу был им, и в архиве имелись тому несомненные доказательства.

Иногда под заголовком “Непредусмотренные расходы” значились факты несколько более занимательные, исполненные даже некоего мимолетного пафоса:

На похороны Джона, лакея-ирландца.....17 талеров

Бедный ирландец Джон, который умер так давно, так далеко от своей Ирландии и был так дешево похоронен! Конечно, все это не лишено любопытства, но Марту в первую очередь интересовали исторические документы, обладающие бесспорной научной ценностью, или же редкие автографы — а этого как раз в архиве и не было...

Роясь в книгах, Марта не трогала тома, помеченные 1720 годом. Она делала это сознательно: не стоит, открывать книги, которые относятся к году смерти принцессы. Что-нибудь в них может дать надежду, новую нить к рубину, а потом, разумеется, все опять кончится разочарованием. Ни к чему больше тратить время на вздор. Вздор и бессмыслицу. Так она уговаривала себя, и напрасно: рубин сидел в сознании, как заноза.

И разумом, и усилием воли она покончила с поисками, но раззадоренное любопытство не соглашалось с этим решением,

любопытство терзало, как мучает все незавершенное, не доведенное до конца. Все ли она сделала? Всюду ли заглянула? Не оставила ли чего-то необъясненным? Укоряя себя, она вспомнила, например, как тороплива была у гробницы принцессы, где чутье подсказывало ей, что что-то неладно, а она к нему не прислушалась. Надо бы подумать об этом, разобраться, но... как она устала... было это связано с самой гробницей или с чем-то еще в склепе? Бесплезно. Не стоит ломать голову, пока она еще раз не побывает в церкви. Но ведь она твердо решила этого больше не делать. Нет, решение придется пересмотреть. Иначе не будет ей покоя.

Счета за 1720 год немедля открыли нечто существенное: в этот год принцесса совсем не путешествовала. Ну, еще бы: Шарлотта влюбилась, и предмет ее страсти состоял при дворе, к чему же куда-то уезжать. Монотонное перечисление расходов неожиданно подсказало, как выстраивались события.

Октябрь, услышала она голос мнимого продавца газет. Это случилось в октябре...

Быстро листая страницы, Марта вплотную приблизилась к печальной дате. Десятого Шарлотта была уже мертва, хотя прямо об этом нигде не говорилось.

За полный траур его светлейшего высочества.....	600
За траур его высочества Луи-Виктора.....	178
За траур ее высочества Анны-Марии.....	178
Два последних имени принадлежали, видимо, детям.	
За траурную обивку кареты ее светлейшего высочества.....	180
За наем катафалка из Вюрцбурга.....	70
За траур четырех лакеев ее светлейшего высочества.....	216
За траур пажа ее светлейшего высочества.....	57
За траур кучера, грума и фрейтора ее светлейшего высочества.....	118
<i>Герру Клепсиусу, поставщику похоронных принадлежностей:</i>	
За черные плюмажи.....	14
За черные бархатные покрывала для 16 лошадей.....	63
За погребальные принадлежности, установленные в часовне, пока не будет воздвигнут памятник ее светлейшему высочеству.....	36
Последний пункт касался разрисованных гербами щитов из папье-маше и парусины, первое время заменявших мраморные.	
<i>Портному:</i>	
За траурный бархат.....	164
За шитье.....	40
Тягостный каталог похоронных принадлежностей, скрывающий истинное положение вещей, дань приличиям: многие, должно быть, знали либо догадывались, что произошло на самом деле...	

Но под заголовком “Мастеровые” значилось нечто необычное.

Плотнику:

Три еловых гроба, простых, 1 м 36 см х 56 см.....18

Длинные железные гвозди для крышек.....2

Очень, очень странно, подумала Марта.

Три одинаковых гроба, причем еловый гроб по тем временам был наибеднейшим и найдешевейшим. Странно к тому же, что все эти годы никто не умирал, кроме ирландца Джона, а тут вдруг три смерти сразу. Маленькая эпидемия? Это самое вероятное из объяснений. Три умерших слуги? Но тогда должны быть счета в книгах — доктору или аптекарю, пользовавшим больных, кто бы эти больные ни были. Но в книгах нет ничего подобного. Она стала листать дальше. Вот счета за ноябрь. Все, как обычно. “Выплаты” с обычным перечнем имен, всегда одни и те же имена в строго установленном порядке. Но в ноябрьском списке кого-то недоставало, хоть так с ходу и не скажешь, кого... Надо сверить с предыдущим месяцем. Но в глазах песок. Надо сверить, но у нее больше нет сил... С этими гробами что-то не так...

Неожиданно отключившись, Марта уснула среди разбросанных вокруг счетных книг.

Глава 16

На следующий день, полная мыслями о Шарлотте, Марта решила еще раз посетить церковь. Но не с пустыми руками, а с набором инструментов.

Заехав по дороге в Эгерт и зайдя в бойкий магазинчик скобяных изделий, она купила мощный стоячий фонарь, пару больших гвоздей, деревянный молоток-киянку, два лома и набор клиньев. В два приема Марта отнесла все купленное в машину и поехала по скользкой брусчатке. Дорога порой ныряла в облака неподвижного, ватно-белого тумана. Приходилось включать фары и удваивать внимание. При этом было невыносимо жарко и душно: вчерашний ветер не освежил воздуха.

Занятая перетаскиванием громоздких инструментов из машины в церковь, Марта не позволяла себе обращать внимание на мрачный вид кладбищенской аллеи с двойным рядом ив, растворяющихся в тумане, и на то, как шелест мелкого дождя подчеркивает покинутость этого места и ее, Марты, неземное одиночество. Но когда она открыла высокую дверь церкви, а потом и дверь вестибюля, до нее донесся быстрый, отчетливый перестук шагов. Там кто-то был.

Затаив дыхание, готовая к бегству, Марта взяла себя в руки и заглянула в пахнущую пылью пустоту. Звук повторился, потом еще и еще, и вдруг она поняла, что вызван он вовсе не присутствием человека, а каплей с потолка, падающей на мраморный пол. Тяжкая, мерная капля многократно усиливалась

эхом в этих высоких стенах. Марта постояла, прислушиваясь: все-таки очень похоже на приближающиеся шаги и, в конце концов, действует на нервы, как неустанная, неспешная ходьба кого-то, кто так и не появляется.

Пожав плечами, Марта перенесла инструменты вниз по ступенькам в склеп. Было темно: к единственному, высокому и маленькому окошку, казалось, прижали мокрое серое одеяло. Марта зажгла фонарь, направив его свет на гробницу, и та выступила из мрака, как освещенная сцена, игриво оттеняя черный мрамор красным, синим и золотым. Большой потек на надписи был темным и блестел от влаги, но эпитафия выделялась четко, кроме последней надписи, скрытой слоем мусора.

Взяв фонарик, она втиснулась за надгробие и принялась выгребать оттуда разнообразный мусор. Да, там есть заключительная строка знакомого стиха, буква за буквой, она чувствует их на ощупь. Еще несколько секунд, и можно приступать к чтению.

Марта встала на колени и направила пучок света на буквы.

Время шло, а она все не шевелилась, ошеломленная, оглушенная, обездвиженная. Фонарь, между тем, продолжал изливать свет на последнюю, короткую строчку.

Наконец Марта встала с трудом, понемногу выпрямилась и выбралась из тесной мраморной щели. Глаза мутные, рот полукруглый, она выглядела безумной, и извинением ей служило лишь то, что безумие поразило ее, как удар грома. Невозможно было поверить в то, что она увидела, даже когда строчка была у нее прямо перед глазами.

Ибо после строки "Кто найдет добродетельную жену?" должно было следовать каноническое "Цена ее выше рубинов". Вот она, тайна рубина. Она здесь, в эпитафии Шарлотте, на виду у всех, открытая миру для обозрения. Но, видно, за все прошедшие века энергичных и любознательных не нашлось. Принц, вероятно, на это и рассчитывал, когда осмелился закончить надгробное посвящение жене словами:

Кто найдет добродетельную жену?

Ибо над ней бесценный рубин.

Прижав кончик гвоздя к нижнему краю черной мраморной плиты, Марта прошлась молотком вдоль известкового шва, запечатавшего когда-то гробницу. Известь скалывалась легко, разошедшаяся от старости, падала к ногам белым фонтанчиком крошек. Она отобьет шов только с трех сторон, четвертый треснет сам, когда плита приподнимется. Можно сомневаться в том, кого она увидит, заглянув в чрево гробницы, но в том, что увидит, сомнений у нее нет...

Когда шов был очищен, открылась тонкая, с волос, ровная щель и выяснилось первое препятствие. По всей длине не было нигде в этой щели ни единого скола, ни единой впадинки, на которую мог бы опереться лом. Марта обошла надгробие, безус-

пешно вглядываясь под крышку. Наконец, решившись, с дрожью в руках — ибо она была хранителем старины, а не врагом ей — Марта взяла гвоздь, приложила его ко шву посередине фронтальной стороны гробницы и умело стукнула молотком. В каменных стенах удар отозвался металлическим стоном, и пришлось остановиться, чтобы еще раз собраться с силами для этого вандализма.

Но вот несколько черных с золотом осколков упали на пол, и образовалась выемка под крышкой, в дюйм длиной, в четверть дюйма высотой. Ниже по полированному мрамору пробежало несколько трещин. Если не приглядываться, Марта не нанесла надгробию большого вреда, а цели своей добилась.

Наступал решающий миг ее поисков, которые в обход, кругами, все-таки привели к рубину. Через несколько минут она все узнает — если, конечно, кто-нибудь не опередил ее на век другой. Но, судя по всему, это было маловероятно.

Марта схватила лом, вставила его в выемку и повисла на нем всем своим весом.

Абсолютно ничего не случилось.

Сначала Марта удивилась. Нет ли еще какого-нибудь скрепляющего шва изнутри? Сомнительно. Снова налегла на лом.

Не сразу, но, никуда не денешься, пришлось признать, что она переоценила свои силы и, следовательно, недооценила весьма существенный вес надгробия. Может быть, сам по себе этот вес не так уж велик — мраморная скульптура была бы куда тяжелее, — но его вполне достаточно, чтобы оставить ее с носом. Принцессу замуравовали прочно, на века. И та, что полулежала теперь наверху, высоко взирала на Марту — красную, взмыленную, взлохмаченную, с натруженными руками. Холодная усмешка бронзовой девы задела Марту, она разозлилась на нее, как на живую, и, подпрыгнув, снова повисла на ломе, поджав ноги, скрючившись, смешно покачиваясь.

И крышка дрогнула. Разверзлась, с натугой, на полдюйма, а потом медленно, как пасть чудовища, неумолимо закрылась.

Да, все было бесполезно. К тому же выступ, на который опирался лом, начал угрожающе крошиться.

Когда Марта, соскользнув со своего рычага, коснулась ногами пола, до нее, наконец, в полной мере дошла абсурдность всей этой затеи. С легкомысленным, дилетантским оптимизмом она в одиночку хотела предпринять то, что требовало мужской силы! Скорее даже, двух или трех мужчин. Самонадеянная муха, пытавшаяся приподнять пирамиду! Ну вот, теперь уж точно конец. Господи, так безоговорочно лишиться надежды на успех именно тогда, когда она впервые ступила на верный путь, — хоть головой в стену... Марта стояла в оцепенении, ничего не видя, не слыша. Над ней висела неземная тишина, в которую из далекого далека осторожно проникали редкие, неясные звуки. Кап, кап — безжизненное падение дождя снаружи. Чуть гром-

че становился стук капель, похожий здесь, в церкви, на отголо-ски шагов...

Она не уловила момента, когда подсознательно стала вслушиваться в эту капель. С одной стороны, подумала она чуть позже, странно, что она вообще ее слышит, с такого-то расстояния, с другой, казалось, что темп ее нарастает, звук усиливается и — да, делается все ближе...

Только в тот жуткий миг, когда, стряхнув растерянность, Марта обрела прежнюю остроту чувств, она поняла, что эта ее странная, беспричинная тревога, эти непонятные страхи и ощущения, гнездившиеся за порогом слуха и зрения, — все это со-единилось и материализовалось в чью-то живую плоть, которая находилась сейчас там, в церкви. Почти в обмороке она стояла, выпрямившись, лицом к двери и слушала, как приближаются к ней шаги.

Глава 17

Душа ушла в пятки, разум метнулся в черную нору бессознательного, но телу деваться было некуда, и Марта застыла, позволив себе лишь опереться о гробницу рукой. Шаги становились все ближе, ближе... Вот они за алтарем, вот приблизились к решетке, вот они уже здесь, сразу за аркой... совсем рядом, по ступенькам...

Даже когда она узнала его, когда ужас исчез, когда она еле сдержалась, чтобы не разрыдаться истерически от облегчения, даже тогда она видела, что с ним что-то неладно. Он был пугающе худ, словно его сжигала некая хворь. Черты лица обострились, глаза горели неестественно ярко. И помимо болезни творилось с ним что-то еще, не поддающееся определению, — даже если бы Марта имела время над этим подумать.

Он сбежал по ступенькам и быстро направился к ней, по пути оглядев со знанием дела место действия и все следы ее попыток. В конце концов, они ведь коллеги.

— Думаешь, он внутри? — будто сердясь на нее, безо всяких преамбул спросил Тревор. Окинул взглядом статую, потом Марту. — Почему ты так думаешь?

Уже открыв рот, чтобы ответить, она вдруг застыла, не веря своим глазам: в руках у него был револьвер.

— Почему ты так думаешь? — повторил он требовательно и проследил за ее взглядом. — А, это. — Он пожал плечами и сунул оружие в карман. — Я же не знал, мало ли в какую историю ты тут ввязалась, — добавил он, и сердце ее подскочило: он приехал, потому что волновался о ней! — Так почему ты думаешь, что рубин в гробнице?

Она объяснила. Он недоверчиво вскинул бровь, потом взял ее фонарь, обошел памятник и попытался протиснуться в щель. Ему это было сложнее, чем Марте, из-за роста и ширины плеч. Прошло не больше минуты, и вот он уже выпрямился.

— Будь я проклят, — пробормотал Тревор почти про себя. — Будь я проклят... — И оценивающе взглянул на надгробие. — Не хочешь ли ты сказать, что пыталась поднять это сама? Не так уж умно — для такой-то умницы. — Нагнулся было за вторым ломом, но помедлил. — Как бы тут не было ловушки...

— Ловушки?

— Ну, ты знаешь — какого-нибудь колющего-режущего механизма, который срабатывает, как только откроешь крышку. Но нет, пожалуй, нет. — Он еще раз, внимательней, осмотрел надгробие. — 1720 год. Поздновато для таких штучек. — Снова наклонился за ломом. — У тебя есть клинья, я вижу. Молодчина. Будь наготове, когда поднимется крышка, — предупредил он и опытной рукой взялся за дело.

Марта затаила дыхание, когда крышка с бронзовой красавицей приподнялась, и показалась длинная черная щель.

Через десять минут он выпрямился и отставил лом. Они славно поработали. Клинья были маловаты, их недоставало, но в любом случае стена не позволяла открыть крышку шире. Теперь между нею и гробницей зияла полоса черноты примерно с фут шириной.

Они постояли, думая об одном и том же, глядя друг на друга.

— Давай, — сказал Тревор и указал на отверстие, будто пропуская в дверь. — Это — твое. Твоя находка. — И протянул фонарик.

Она дрожащими пальцами торопливо включила его, просунула руку с ним под плиту, но опустить туда голову не решилась — и не из страха перед нависающей массой мрамора и металла. Нарушение покоя умерших, пусть даже очень давно умерших, пробуждает в каждом из нас первобытные, древние страхи, и Марта почувствовала внезапное отвращение к тому, что собиралась сделать. Кроме того, из мраморной коробки исходил слабый запах склепа — не тлена, но тени тлена, субстанции так давно запертой, что она уже почти испарилась. Но и в этом, едва заметном душке таилось нечто глубоко омерзительное.

— Ну же, — нетерпеливо повторил Тревор, не сводя с нее глаз. — Или не хочешь? Может быть, я?

— Нет-нет, — быстро сказала Марта. Как бы ни билось сердце, это ее, ее открытие. — Я сама. — Собралась с духом, поборола себя, сунула голову под плиту, в прохладную скверну разукрашенной мраморной коробки, и посмотрела вниз.

Глаза человека, лежащего там без гроба, но на чужом гробу, ответили на ее взгляд.

— Что там? — нетерпеливо, раз за разом спрашивал Тревор, а она молчала и не шевелилась.

Потом, как во сне, вынула голову из-под крышки.

— Что... — начал он было снова, но она слабым жестом велела посмотреть самому.

Он подчинился, вынув фонарь из ее вялой ладони.

И сам, уже под крышкой, долго, ошеломленно молчал, потом вылез, выпрямился, но, в отличие от Марты, быстро оправился. Передал ей фонарь, деловито измерил взглядом отверстие, снова просунул в него руки и голову. В неловкой позе напрягая плечи и спину, наклонился пониже.

Через несколько мгновений, вывернувшись, вынул сначала голову, а потом, чрезвычайно осторожно, на вытянутых руках вынес из отверстия мраморной пасти того, кому принадлежал взгляд, так поразивший Марту. Тревор бережно уложил его на пол, и по тому, как он обращался с телом, было ясно, что оно невесомое, как кукла из папье-маше или картона.

— Ростовщик, — произнес Тревор, и она кивнула, не в силах оторвать от него глаз.

В момент своей гибели это был человек умеренного сложения, приблизительно сорока с небольшим лет. Кожа его задубилась и сохлась, как пергамент, так что черты лица вполне сохранились, и по ним можно было прочесть характер, опасливый, осторожный, даже трусливый. Лоб его был высок, нос слегка крючковат, рот и щеки сокрыты черной, курчавой, с легкой проседью бородой. Довольно длинная, дюймов в семь, борода прядями ложилась на грудь, волосы, тоже тронутые сединой, доставали до плеч. Глаза, встретившие взгляд Марты, сейчас исчезали, буквально испарялись, превращаясь в две печальные черные дыры. Он был одет так, как одевались торговцы тех времен: в кафтан и панталоны до колен из грубой темно-коричневой шерсти, под кафтаном — черный жилет, длинные черные шерстяные чулки. На одной ноге еще держался неуклюжий башмак с потемневшей, видимо, оловянной, пряжкой; другой башмак он потерял. У кистей рук виднелись оборки пожелтевшего полотна, без кружев, и под бородой — такое же жабо. Он надел все свое самое лучшее, по его скромным понятиям, для разговора с де Маньи, конюшим его патрона и покровителя, и в том же наряде был брошен в эту могилу, на гроб ее законной хозяйки. Это был последний дар мужа, его последняя, обращенная к Шарлотте, шутка, ее последний сожитель...

Глава 18

От мыслей об изощренной мести принца Марту отвлекло еще одно обстоятельство. Нигде: ни на теле Якова, ни на его одежде, ни даже на светлых оборках рубахи — не было старых пятен крови.

— Что они с ним сделали? — пробормотала она.

— Что?.. А! — Тревор встал на колени и перевернул тело. На затылке ясно виднелась глубокая вмятина размером с раздав-

ленное яйцо. Они помолчали, и Тревор снова перевернул тело лицом вверх.

— Он должен быть в специальном кармане, — проговорил Тревор, — или в мешочке на шее. — И Марта снова подумала, что он знает о таких вещах не меньше ее, а может, и больше. — Ну, давай попробуем. — Он осторожно просунул пальцы под воротник Якова. Марту покорило, но она переборола себя: уж слишком давно то, что лежало на полу, перестало быть человеком. Но все-таки это зрелище — обыск покойника — неприятно накладывалось на воодушевление удачи, и ей стало не по себе.

— Вот он, — почти сразу сказал Тревор, тихонько, но неумолимо вытягивая тесемку. Тут борода Якова шевельнулась, как живая, указывая, что предмет на конце тесемки пополз вверх, потом он зацепился за что-то, и Тревору пришлось расстегнуть жилет и засунуть руку под рубаху, чтобы освободить его. Борода на мгновение приподнялась, и Марта увидела ворот полотняной рубахи, окольцовывавший сухую, бесплотную шею.

— Вот, — он потянул вверх и в сторону и вытащил из-под воротника маленький темный мешочек — кажется, кожаный, затянутый шнурком. Марта ждала, что он снимет тесемку с шеи, но Тревор осторожно положил его на грудь Якова, прямо на пряди бороды, и мешочек улегся там, подобно кулону на цепочке. И, спрашивая себя, почему он это сделал, Марта заметила вдруг, слегка удивившись, что его трясет, как в лихорадке.

— Ты. — Тревор отстранился и встал на ноги, отдавая ей, как и раньше, право первенства.

— Нет, ты, — мотнула головой Марта. Тогда он снова опустился на колени и склонился над телом. Движения его внезапно стали порывистыми — он еле сдерживал нетерпение. Когда попытка расширить отверстие мешочка не удалась, он яростно рванул шнур. Но усилия были излишни — старая кожа под пальцами расплзлась, открыв небольшое нечто, завернутое в кусочек ткани, шелка или полотна — не понять. И чуть только Тревор коснулся ее пальцем, ткань рассыпалась в прах.

Тут Тревор вновь поднялся с колен. В молчании смотрели они на камень. Драгоценность, и впрямь нетленная, как говаривал мистер Брезертон, лежала на останках брэнной плоти Якова, на прядях его волос. Это был кабошон приблизительно в дюйм длиной, формой очень похожий на огромную каплю крови, полированный, абсолютно симметричный в своем нагом совершенстве, нагом, ибо лишен оправы. Он лежал, сияя и поскрипывая, как бы праздная освобождение из долгой тьмы, и был какого-то трудно определяемого оттенка густого светловишневого, местами сливово-красного, мягкого тона, но яркий. Свет пульсировал в нем, и казалось, что он дышит. Его маленькое и словно живое тельце хранило в себе пучину огня, в кото-

рой можно было утонуть с головой, и светилась в его глубине, как удачно заметил 250 лет назад Джон Харрингтон, слеза — причем не радужным блеском алмаза, а розовым, ярким блеском, много светлее цвета самого камня. Это был не просто рубин редкой красоты. Это было нечто завораживающее, единственное в своем роде чудо, которое просто не с чем сравнить, потому что нет ему в мире никакого подобия.

— Значит, де Маньи не успел его снять, — подумала вслух Марта.

— Что? А, да, — и Тревор заговорил быстро и нетерпеливо. Поначалу она ни слова не поняла, но звук его голоса заставил ее включиться.

— Как мы это сделаем? — говорил он, и по сердитой, повышенной интонации она поняла, что он говорит это не в первый раз.

— Сделаем — что? — отозвалась Марта устало, и он, теряя терпение, повторил еще раз:

— Как мы поступим с рубином?

Он застал ее врасплох.

— Не знаю. Я не думала...

— Не думала?

— Да, как-то не задумывалась, что будет, когда я его найду...

— Ладно, — оборвал ее Тревор. — Зато я задумывался. Уверяю тебя, я все обдумал. Смотри. — Тон его стал резким, командным. — Трудность не в том, чтобы увезти его в Англию или Америку. Ты просто возьмешь его с собой, и все. Никто не узнает. Это пустяки. Трудности, — принялся отбивать ритм указательным пальцем, — трудности начнутся тогда, когда мы попытаемся продать его в Америке. То есть когда ты попытаешься, — поправился он.

— Когда я попытаюсь... сделать что? — тупо переспросила она.

— О, Господи! — Такая несообразительность действовала ему на нервы. — Конечно, продать его! А что еще ты собиралась с ним сделать? Повесить себе на грудь? Или на стену?

— Не знаю. Ничего я не собиралась, — обиделась она. — Я вообще не готова к... к чему-то такому. Я должна подумать.

— Не надо, — снова перебил он. — Говорю тебе, я уже все обдумал. Слушай. — Он глядел на нее, не отрываясь, словно гипнотизировал. — Ты поживешь здесь еще с неделю. Я как бы случайно встречу тебя где-нибудь и обязательно при свидетелях. Потом мы пойдем погулять. Посетим всех антикваров и блошиный рынок, все лавчонки, где продается старье. Сделаем вид, что ты собираешь красное стекло, все, что похоже на богемское, — подвески от старых канделябров и жирондолей, — здесь всюду полно этого барахла. Ты купишь целую кучу всего такого и повезешь в Лондон, а потом и в Америку. В один пре-

красный день начнешь мыть и перебирать свои сокровища, а они вечно в пыли, и обратишь внимание на эту стекляшку. Понесешь ее к ювелиру, и когда он определит, что это, я думаю, ты будешь в полной безопасности.

— Но... — начала она, и напрасно: в его механически уверенную речь нельзя было втиснуть и слова.

— Под безопасностью я подразумеваю, что никому в голову не придет усомниться в твоих правах на камень. Это историческая ценность, и в обычном случае со стороны Германии могли бы быть претензии. Разговоры о расхищенном национальном достоянии и прочее. Однако, — тон его был одновременно и вкрадчивым, и назидательным, — однако в Германии нет единого правительства, и, черт побери, это удачно! Далее: я буду твоим свидетелем. Я был с тобой, когда ты его покупала. Я удостоверяю факт законного приобретения. Поняла? Это будет выглядеть просто как счастливая случайность. Камень неизвестно как исчез и так же, неизвестно как, появился на свет Божий, а главное, в том же самом месте, где исчез. Единство места действия прибавит нашим показаниям убедительности. Так что все складывается превосходно.

— Но... — попробовала она еще раз, и снова он не стал ее слушать.

— Знаю-знаю, что ты хочешь сказать. Время. Конечно. Я тоже думал об этом. Разумеется, вернувшись домой, ты очень не скоро обнаружишь этот камешек. Поспешность вызовет подозрения. Полностью с тобой согласен. Из соображений благоразумия придется выждать. Месяцев шесть, может быть, год. Конечно, это будет мучение, но оно того стоит. И чем дольше ты выдержишь, тем труднее им будет что-то доказать. Ну, забросила свои стекляшки и забыла о них. Потом, через год, нашла и стала перебирать — звучит естественно и невинно, верно? Но козырная твоя карта — я. Я буду подкреплять твои показания. Я нужен тебе, дорогая. — Он улыбнулся, и улыбка, подчеркнув его болезненный вид, сделала его похожим на призрака. — Я тебе нужен. Тебе без меня — никак. И как только я удостоверяю законность твоего владения камнем, никто не сможет помешать тебе выставить камень на продажу. Тут-то мы и получим свой приз. Ни минутой раньше.

— Мы? — с силой перекрыла она этот словесный поток. — Мы?!

Он помолчал немного, потом непринужденно заговорил:

— А почему же не “мы”? — и улыбнулся ей своей мертвой улыбкой. — Вряд ли ты сможешь доказать без меня, без моего свидетельства, что купила его здесь, на блошином рынке. Без меня тебе не поверят. Таким образом, я оказываю тебе довольно значительную услугу. Поэтому, — его правая бровь немного поползла вверх, что совсем недавно тронуло бы ее до слез, — поэтому я заслуживаю кой-чего за труды, не так ли? Работник

стоит своей цены. Я мог бы запросить половину того, что ты выручишь, — он сделал паузу, потом с эффектным, решительным жестом заявил: — Но, в конце концов, это не моя, а твоя находка. Буду справедлив. Скажем, треть. Это честно, не так ли? Значит, треть.

— Понятно. Но ты забыл об одном.

— Да? Что такое?

— Если камень и принадлежит кому-то, — подчеркнуто невыразительно произнесла она, — так это мистеру Мак-Ивору.

— Что?!

— Он послал меня сюда, и он заплатил мне.

— О, Господи. — Тревор разглядывал ее так, словно не верил своим глазам. — Не хочешь ли ты сказать, что будешь такой невообразимо прекраснородной душой и отдашь камень Мак-Ивору, у которого, кстати, и без того полно миллионов, только потому, что он тебе заплатил? Он что, за несчастные несколько фунтов купил тебя, как рабыню, со всеми твоими потрохами в придачу?

— То есть, — безмятежным тоном перебила она его, — то есть я должна сказать ему и мистеру Брезертону, что ничего не нашла, а потом объявить всему миру, что все-таки кое-что обнаружила? Так, да? И как это, по-твоему, выглядит, а? Чем пахнет?

— Не понимаю, почему тебя это волнует? — перебил он. — Это вообще никому не интересно!

— И ты думаешь, они не поведают всему свету, что наняли меня искать рубин? Думаешь, не опозорят меня с этой смехотворной байкой про блошинный рынок? Думаешь, не поймут, что я нашла рубин на деньги и по поручению Мак-Ивора и просто попридержала, пока стряпала это убогое вранье? Ты что, всерьез думаешь, что они такие идиоты?

— Но это же будет через год! — закричал он. — Да за год может случиться все, что угодно! За год старые хрычи сто раз могут помереть или... — Ну, ладно, если хочешь, жди дольше, чем год. Оба они старики, им осталось недолго, и когда они умрут, мы будем как у Христа за пазухой. Ни одна душа не узнает...

— Я не о них думаю, — пробормотала она. — Совсем не о них я думаю...

Впервые он замолчал в замешательстве, и когда эхо донесло до Марты ее собственные слова, она отчего-то сама странно смутилась. Но смятение быстро прошло, едва она поняла, что приняла решение сразу, как только увидела рубин, а не когда заговорил о нем Тревор. Это неосознанно принятое решение теперь четко оформилось в мозгу, потому что она все время незаметно для себя о нем думала.

— Не будешь ли ты любезна, — с нарочитой мягкостью произнес Тревор, — сообщить мне, что ты имеешь в виду?

Марта не ответила сразу, заглядевшись на "Глаз Кали". Он был невелик, но явился причиной больших несчастий: за него заплатили жизнью Шарлотта и де Маньи, Яков и трое неизвестных в простых гробах; из-за него сотня людей лишилась крова накануне зимы, — и всему этому был виной камешек длиной в полпальца! Триумфально сверкая на грубой ткани кафтана, на прядях волос с проседью, он казался ей теперь не прекрасным, а отвратительным, — воплощением дьявольских сил, не вполне растраченных в прошлом. В нем явно крылись не только былые, но и будущие злодейства. Во все времена он будет притягивать к себе жадность, предательство, позор, жестокость, смерть. Внезапно она возненавидела его, как живого. Впрочем, он и был существом, живущим своей недоброй, отдельной от всех жизнью.

— Объяснись же, о чем ты? — настойчиво и нетерпеливо спрашивал Тревор. — О чем же ты, если не о стариках?

— Я думаю, — неуверенно сказала она, — я думаю о тех, кому рубин принадлежит на самом деле... О них. — Теряясь под его взглядом, она, тем не менее, указала сначала на надгробие, потом на Якова.

— Ну и ну, — протянул он.

— Они заплатили за это! — перебила она, со злостью убеждаясь, что плохо выражает то, что так хорошо понимает. — Камень — их, их по праву.

— Погоди-ка, дорогая моя, — отчеканил Тревор слово за словом, глядя на нее так, будто впервые увидел. — Ты хочешь сказать — или мне померещилось? — что намерена оставить рубин здесь? Просто уйти и забыть о нем?

— А почему нет? — Она мужественно встретила его взгляд. — Что от него хорошего, кроме убийств, грабежа и неприятностей? Ведь на всех, кто владел им, он навлекал беду! — Она искренне хотела, чтобы он понял. — Тревор, разве ты не видишь? Это все равно, что выпустить убийцу, или инфекцию, или...

— Марта! — Слово упало, как удар топора, и она смолкла на полуслове. — Слушай меня и не перебивай. Ты имеешь хоть какое-то представление о том, сколько такая штучка стоит?

— Такое же, как и ты, — огрызнулась она.

— Как минимум двести тысяч фунтов, — продолжал он, не обращая внимания на ее реплику. — Причем без учета его исторической ценности. В долларах это будет... полмиллиона, так? Больше даже, чем полмиллиона, — он втуне ждал подтверждения своим выкладкам. — Марта, подумай. Это — безопасность, уверенность и комфорт на всю твою жизнь, пока хватит сил наслаждаться ею. Роскошь, удовольствия, возможность делать все, что угодно, и не принадлежать никому, кроме себя. Ни боссов, ни благодетелей с их идиотскими расспросами, — голос его дрогнул от ненависти. — И ты хочешь сказать, что готова отказаться от этого?

— Но это не мое, — все еще терпеливо повторяла она. — Это вещь, которую меня наняли искать. Поэтому я должна либо доставить ее мистеру Мак-Ивору, или оставить там, где нашла, и держать язык за зубами. Другого выхода нет.

— Господи! — сорвался он. — По-моему, кто-то из нас сумасшедший. Неужто ты откажешься от такой удачи, от целого состояния?

— Но ведь тебя это не касается! — Она повысила голос, в глубине души поражаясь тому, что делает: невероятно, она посмела восстать против Тревора! — Это мое дело. Мое и только мое. Я работала, я его искала и нашла, и тут ты входишь и командуешь, что мне с ним делать...

— Конечно, команду, и для твоего же блага. Просто необходимо, чтобы кто-то привел тебя в чувство.

— Благодарю покорно, — холодно произнесла она, но спохватилась: стоит ли так уж иронизировать над его неожиданной заботой? Она все еще подчинялась инстинктивному стремлению оберегать его от всего неприятного. — Тревор, — сказала она сдержанно. — Решать — мне, и я решила.

— Нет, не решила, — так же спокойно возразил он.

— Нет, решила. — Оба они, как сговорившись, старательно избегали малейшего намека на злость или раздражение. — Прости, если тебе это не по вкусу, — трудно все-таки совсем избежать сарказма, — но я не хочу собственными руками бесповоротно сгубить свою профессиональную репутацию.

Он вдруг притих, но не так, как раньше, а на глазах обратясь в незнакомца, причем враждебно настроенного. Потом тихо, почти вкрадчиво осведомился:

— Кто тебе рассказал?

Она смотрела, не понимая.

— Кто рассказал тебе?

— Что рассказал? О чем?

— Ну, не надо притворяться, — мягко укорил он. — Особенно после того, что ты сейчас сказала.

— А что я сказала? — изумленно спросила она.

— Ты сказала: “я не хочу собственными руками сгубить свою профессиональную репутацию”, — процитировал он, сделав особое ударение на “я”. — Это намек, не так ли, радость моя?

— Я не говорила этого. То есть я не так это сказала. Я только сказала, не хочу портить себе ре...

— Ударение, — перебил он. — “Я не хочу”. Эмфаза. Я же не глухой.

— Но я не имела в виду...

— Я знаю, что ты имела в виду, — по-прежнему мягко перебил он.

Они помолчали. Марта, вне себя от удивления, не знала, что и думать, но чувствовала, что случайно, помимо воли, ступила

на опасную почву. Она поняла это по его взгляду — холодному, изучающему. Таким она еще никогда его не видела.

— Значит, ты все знала обо мне. — Он улыбнулся. — Конечно. Я должен был догадаться, что найдутся добрые души тебя просветить. Кто? Кто, Марта? Скажи мне.

Она недоуменно покачала головой.

— Эдмондс? Лесли? Соунс? Ну конечно, Соунс. — Он улыбнулся еще шире, и ей стало вдруг страшно. — Я просто слышу, как он предупреждает тебя не приближаться к парии, к неприкасаемому. Да. Я попался. В самом начале того, что принято называть головокружительной карьерой. Я не сделал ничего чудовищного — не более того, что благополучно сходит с рук большинству. Просто они не попадают. А я попался. Не повезло. С тех пор я — белая ворона. Все было кончено прежде, чем началось... Так же, как у этой красотки на гробнице. — Его улыбка становилась уже не улыбкой — оскалом, и это было ужасно. — Итак, с тех пор для меня все двери закрыты. Я прозябаю на жалкие подачки...

— Тревор, — перебила она. — Не надо, я не хочу слышать об этом.

— Всякая грязная работенка, поденщина, пустячные поручения — приклей там, зачисть здесь — вот мой удел. При этом они так осторожны, что не доверяют мне ничего, имеющего хоть какую-то ценность. О, эта их доброта! Я бы вбил ее им в глотки! — Он больше не контролировал себя, его несло. — И Соунс присматривает за мной во имя былой дружбы с моим отцом! Таскает меня в этот клуб, мавзолей чертов, будь он неладен!

Почти забытая сцена вспомнилась Марте. Теперь она поняла, почему ей показалось тогда, что один из мужчин по-родительски опекал другого, угрюмого. Впечатление было верным, несмотря на все ее тогдашнее неведение.

— И ты пытаешься убедить меня, что ничего не знала? — Он все больше пугал ее своей улыбкой.

— Я и не знала. — Чистая правда, но прозвучало неубедительно. — Ни один человек не сказал мне о тебе ничего плохого.

— Так я и поверил! — отрывисто засмеялся Тревор. — Я у тебя в руках, ты поймала меня и прекрасно это знаешь. Знаешь, что в одиночку выставить эту штуку на продажу я не могу, — он показал на рубин. — Я засветился, весь профессиональный мир знает об этом. Меня мигом заподозрят. Ни при каких условиях мне нельзя действовать открыто. Я обречен держаться в тени, кто-то другой должен выйти на сцену вместо меня. Ты могла бы мне помочь, — в голосе зазвучал пафос, — но ты не хочешь! Держишь форс, потому что знаешь: я беспомощен, у меня связаны руки. Ты нужна мне, а я тебе, в общем-то, нет. Это ты тоже понимаешь. Для меня это вопрос жизни и смерти, но ты и пальцем не пошевелишь, чтобы помочь мне!

Это была почти истерика. Глаза горели, выделяясь на влажной белизне лица: он обливался потом в промозглой сырости склепа. Несмотря на оторопь и сумятицу в мыслях, она нашла определение для происходящего: танталовы муки. Еще бы! Здесь, в двух шагах, лежит спасение — а он не может им воспользоваться. Более всего ему нужно сейчас укрыться в тени репутации человека, который общепризнанно — вне подозрений, который мог бы стать фасадом в его сомнительной сделке. Но мысль о том, что столь безупречная личность никогда не предложит ему своих услуг, что для него подобное предложение недостижимей вершины Эвереста, — эта мысль, видела Марта, была выше его понимания. Ибо он искренне верил, что все продажны, и что такие слова, как честь, порядочность, честность — смехотворные заклинания, этикетки на бутылках, в которых ничего нет. Все это, с горечью поняла Марта, и было причиной его моральной неустойчивости, его самомнения, его бесконечной способности к самообману. Иначе говоря, он был хронически неспособен верно оценивать тех, с кем имел дело.

— Послушай, Марта. — Вкрадчивая мягкость тона предвещала взрыв. — Марта, милая, послушай!

— Послушай ты меня! — закричала она в отчаянии. — Это не мое! Это не мое и, уж конечно, не твое, неужели ты этого не понимаешь? Перестань меня уговаривать, это бесполезно. Я сделаю то, что сочту нужным, и здесь тебе нечего сказать, Тревор...

— Не двигайтесь, — прозвучал вдруг загробный голос, неестественно гулкий под сводчатым потолком. — Вы, двое, не двигайтесь.

И, переборов мгновенное оцепенение, они медленно повернулись на звук — туда, где в проеме арки, на верхней ступеньке лестницы стоял Ставро.

Глава 19

Марта мгновенно догадалась, что Ставро явился на их сердитые голоса, тогда как отголоски ссоры, гуляющие в пустом пространстве церкви, позволили ему приблизиться незаметно, заглушив звук шагов. Он был таким же, каким она его помнила, — больным, уродливым, с глинистого оттенка лицом. Но немощное тело, словно заражаясь от близости к сокровищу, излучало энергию высокого напряжения. Он был опасен. Не обращая внимания на Марту, не спуская с Тревора глаз, он стал осторожно спускаться, нащупывая ногой каждую ступеньку. То, что в его руке был револьвер, выглядело совершенно естественным.

— Как всегда, как всегда, — бормотал он, как бы причитая в унисон каждому шагу вниз по лестнице. — Я должен был знать, что все сызнова повторится, что будет как всегда...

Значение этих слов тогда ускользнуло от Марты. Она наблюдала за Ставро, который не отрывал взгляда от Тревора, застыв-

шего с мрачной гримасой на лице. Настороженная неподвижность Тревоора не избежала внимания Ставро:

— Шевельнешь рукой — пристрелю!

Ставро остановился в нескольких шагах от них, на расстоянии, с которого можно было держать события под контролем, и охватил взглядом все: Тревоора, Марту, разверстую гробницу, усохшее тело на полу, красную каплю рубина на груди мумии. Потом снова впился глазами в Тревоора, медленно покачивая головой, словно в подтверждение каким-то своим выводам, и ухмыльнулся.

— Ты говорил, она не пойдет другой раз в церковь? — тихо пропел он, силясь быть ироничным, хотя гнев сотрясал его, мешал дышать. — Ты так сказал, да? Что она уже была там и не пойдет больше? Но я — Ставро, и я знаю две вещи. Одна: я не верю ни единому твоему слову, еще с Египта. Вторая: что-то подсказывало мне, что она снова пойдет в церковь, потому что больше искать негде. Послушай, ты! Тебя еще на свете не было, когда я нашел коринфскую чашу, и первую солнечную ладью, и с полсотни других вещей. Это мне ты хочешь врать? Ставро? — Монотонный речитатив был пропитан презрением. — Я скажу тебе что-то, мой маленький мистер, я дам тебе хороший совет: не ври, потому что ты врешь паршиво. Плетешь небылицы и думаешь, что тебе верят, потому что хочешь, чтобы тебе верили. Нет, мой маленький мистер, не все люди такие дураки, как ты. Не берись ни за обман, ни за воровство. Они тебе не по зубам. Ты хочешь это делать, да, для любой грязи ты достаточно плохой и небрезгливый, да, но недостаточно умный. Понял? Оставь дело тем, кто умнее тебя.

Он глубоко, прерывисто вздохнул. Марта видела, что он весь дрожит, как машина, корпус которой не выдерживает мощности мотора и вот-вот взорвется.

— Я привез тебя сюда, потому что мы так условились раньше. Потом, это ведь ты сказал мне, куда она собирается. Я знал, что ты такое, и все равно взял тебя с собой. Я думал, ты молодой и проворный, ты сможешь следить за ней, а я не могу. Потому что я и взял тебя. Старый дурак, поверил тебе. — Ставро, в ухмылке обнажив десны, плотно сжал указательный и большой пальцы левой руки. — На столько, не больше. И ты думал, что обманешь меня, да? Что украдешь рубин для себя?

Боже мой, ведь именно Тревоору Марта рассказала о своих планах. Тревоору, который был уже нанят Ставро для той же экспедиции по более раннему приглашению мистера Мак-Ивора! Из всего Лондона она выбрала именно его, чтобы поделиться!

Упало молчание, нарушаемое только мучительным дыханием Ставро. Марта, как загипнотизированная, с трудом оторвала взгляд от старика и быстро, украдкой, взглянула на Тревоора. Он стоял по-прежнему неподвижно, все с той же

гримасой на лице и из-под полуприкрытых век не отрываясь смотрел на Ставро. Беспредельная ненависть была в этом взгляде.

— Женщина, — произнес Ставро. Голос его изменился: разговор перетек в другое русло. — Уходи отсюда. Быстро.

Марта глупо сморгнула, не в состоянии двинуться с места даже во имя собственного спасения.

— Иди же, говорю тебе, — настойчивее велел Ставро. — Ты уйдешь, как я сказал, и будешь целая. Иди!

— Не уходи, Марта, — неожиданно пробормотал Тревор. Он, судя по всему, ничуть не испугался. — Если ты останешься, что он может тебе сделать? Ни черта.

— Мисс! — закричал Ставро, по-прежнему не спуская с Тревора глаз. — Уходи сейчас же, слышишь меня? Я не хочу тебе зла, если ты не заставишь меня...

— Не слушай его, — рассмеялся Тревор. — Стой, где стоишь, Марта. Ты в безопасности. Мы оба в безопасности. Ни разу в жизни у него не хватило духу в кого-нибудь выстрелить. Он же киприот! Киприоты — отребье Европы, разве ты не знаешь?

— Последний раз тебе говорю, иди! — прохрипел Ставро, удерживая бешено трясущийся в руках револьвер. Ни на секунду он не оставлял взглядом Тревора. — Последний раз тебе говорю!

— Нет, этот крысенок — не убийца, — измывался Тревор. — Он всего лишь вор, грязный воришка.

— Убирайся, женщина! — Это был уже визг. — Прочь!

Перепуганная Марта, быстро переводя глаза от одного к другому, смотрела на Тревора в тот момент, когда голос Ставро словно срезало ножом, и он издал не вздох, не крик, но что-то среднее, будто лопнул туго натянутый канат, — звук негромкий, но бесконечно глубокий, смертный. Все случилось мгновенно. Когда взгляд Марты переметнулся к нему, он уже валился вперед. Она успела заметить посиневшее, искаженное лицо. И вот он рухнул ничком и замер, ноги вместе, а руки вразброс, лица не видно под скудными серыми, свалывшимися волосами. Падая, он не выронил револьвера, и тот остался лежать в разомкнутой ладони.

Марта и Тревор долго, оцепенело молчали. Он очнулся первым, подошел к Ставро. Марта думала, он встанет на колени, посмотрит, нет ли признаков жизни, возможно, вынет револьвер из ослабевшей руки, но ничего этого он не сделал, а лишь постоял над телом, брезгливо на него глядя.

— Давно пора. — В голосе не было ни облегчения, ни какого-нибудь иного чувства. — Уму непостижимо, как он тянул так долго, с прогнившим-то сердцем. — Концом ботинка он стал подталкивать голову, пока она не повернулась лицом набок. — Ну, мир от его смерти ничего не потерял, это уж точно. Омерзительный карлик, правда?

Марта пропустила мимо ушей крившееся в последних словах приглашение пойти взглянуть на Ставро, чувствуя, что сейчас куда более уместно присматривать за самим Тревором. Внезапный поворот событий и потрясающая смерть — смерть всегда потрясает — тем не менее, не лишили ее присутствия духа. Этот старик, Ставро, был так подточен болезнью, так близок к разложению, что, казалось, он просто сделал легкий шагок — и ушел. Но разговор о рубине остался незавершенным, когда Ставро явился на сцену, и с отвращением Марта поняла, что через мгновение они неизбежно начнут с того, на чем их прервали. Поэтому, собрав все свои силы, она молча ждала, ничего не испытывая к Тревору: ни любви, ни ненависти, ни, уж конечно, праведного презрения.

Ждать пришлось недолго. Еще какое-то время он продолжал смотреть на тело, изредка то там, то здесь брезгливо дотрагиваясь до него носком ботинка, но Марта чувствовала, что старик его больше не интересуется. И как только она это подумала, Тревор поднял глаза и посмотрел на нее. Она взяла себя в руки.

— Ну-с, дорогая моя?

Звук его голоса успокаивал. Молчание страшнее. Пока он говорит, она может противостоять ему.

— Ну, теперь ты вполне в курсе моей биографии... — Он улыбнулся. — Я не мог предполагать, конечно, что Ставро явится так удачно и заполнит все пробелы. — Он злобно глянул на то, что лежало у ног. — Все, если хочешь знать, с него и началось. Самая первая моя работа была в Египте, на раскопках, которые вел Британский музей, — лучше работы для археолога нельзя и вообразить... Он болтался вокруг и охмурил меня разговорами, проектами большой совместной работы, мировыми контрактами, златыми горами... Я был по горло сыт существованием на стипендию, а бедность, знаешь ли, заставляет делать странные вещи. Он был очень знаменит, живая легенда, культурная такая, профессиональная легенда... Играл роль старого профессора, заинтересованного в молодом ученом, который, надо отдать ему должное, был настолько глуп, что поверил всем этим бредням. Да, я был молод, неопытен, вот почему этот дьявол вертелся рядом...

Ну уж нет, подумала Марта. *Потому что он разгадал тебя.* Теперь она уже верила, не могла не верить, что Ставро безошибочно разбирался в людях.

— Если его послушать, так не было ничего проще, — продолжал Тревор свою обвинительную тираду. — Что угодно небольшое, но ценное — утаить, а потом передать ему, и концы в воду. Тут мы как раз нашли храм Хафора, где был тайник с драгоценностями жриц, и все время попадались прелестные вещицы. Так что я скрыл золотой пекторал и пару других штучек, но какой-то араб выследил меня и донес. Вот и все.

Он сунул руки в карманы и, пытаясь скрыть неуверенность, как бы беспечно покачался на каблуках.

— И где, ты думаешь, был Ставро, когда начались неприятности? Далеко-далеко. У него было алиби. Он оставил меня одного, по уши в дерьме, расплачиваться за содеянное. Он отрицал все абсолютно — по телефону. Вот так-то. — Тревор бросил на покойника еще один ненавидящий взгляд. — Тогда я поехал к нему, ожидая, что он что-нибудь для меня сделает, когда увидит, в каком положении я оказался. И знаешь что? Он рассмеялся мне прямо в лицо. Сказал, что если я настолько неловок, что попался с первого раза, я вряд ли могу быть ему полезен. Представь! И это после того, как он искалечил мне жизнь! Заявил даже, что слышал, будто в Египте я вел переговоры с другими людьми, искал более выгодных предложений. — В глазах его промелькнуло некое подобие смущения, отчего лицо сделалось еще ужасней. — Ну, если бы и так, я не считал себя обязанным хранить ему верность. Тоже мне хозяин! Отребье!

Марте стало за него так нестерпимо стыдно, что она с трудом заставляла смотреть ему в лицо.

— О, он иногда подбрасывал мне кость-другую, вот как теперь или когда надо соблюсти декорум и создать джентльменскую атмосферу. А вообще, — Тревор передернул плечами, — я кое-как перебивался благодаря таким, как Соунс. Мне не давали приличной работы в музеях, не брали на преподавание, что же касается участия в раскопках — тут мои бесценные соотечественники, детка, щепетильны до крайности, — он кисло поморщился. — Я думаю, у вас в Америке порядки не такие драконовские.

Он замолчал и смотрел на нее с неловкой смесью бравады и трусливого ожидания — чью же сторону она примет. И пока длилось молчание, она видела, как на глазах меняется его лицо. Он дал ей шанс пожалеть его и ошибся, его помертвевший взгляд сказал ей, что отныне она — частица враждебного ему мира.

— Ну, ладно, черт с этим со всем. — Он натянуто улыбнулся. — Давай вернемся к делу. Вот что...

— Вот что, — сказала она вдруг, сама удивляясь, что в такой ситуации ее может беспокоить не столь уж важная деталь. — В самом начале этой истории возникла одна неувязка, в которой я никак не могу разобраться. — Она проигнорировала его нетерпеливую гримасу. — Я говорила с мистером Мак-Ивором вечером в пятницу. На следующий день, когда я поздно вернулась домой, меня ждал Ставро. Он сказал, что ждет меня с самого утра. Как могло быть, что я получаю совершенно конфиденциальную работу в пятницу вечером, а в субботу утром Ставро о ней уже знает?

Марта выжидательно замолчала. Единственным ответом ей были скромно опущенные с едва заметной улыбкой глаза.

— Он и не знал, — продолжила она. — Ты сказал ему об этом в субботу в полдень, сразу после того, как мы вместе пообедали. Он просто прикрыл тебя, сказал, что ждет с утра. Он солгал мне, верно?

— Ну конечно, — со скукой проговорил Тревор: не стоило тратить усилий, чтобы отрицать такую мелочь.

— Ты оставил меня в кафе и пошел прямо к нему.

И он снова, с явным безразличием, согласился:

— Ну конечно.

Конечно! Отозвалось в ее ушах. Как все просто. Она тогда нарочно проговорилась, назвав место, куда собиралась ехать, и он, притворившись, что не расслышал, с притворством изголодавшегося пса кинулся к Ставро. Оставалось надеяться, что он взял за донос хорошую цену.

— Хватит, Марта, — ударом кнута ворвался в ее воспоминания окрик. — К делу. Как мы поступим с этим, — он указал на красную каплю на груди Якова. — Что ты решила? Мы партнеры? Ты согласна?

— Но почему я должна была изменить свое мнение? — Она пожалала плечами. — Что, собственно, такого случилось, чтобы я его изменила?

— Нет? — Он словно не верил. — Нет? В самом деле нет?

— Я ведь сказала: все уже решено. Все остается как прежде. Это мое дело. Не твое.

— Марта... — помолчав, проговорил он значительно. После паузы голос звучал низко. — Я даю тебе возможность подумать.

— Ой, да не будь же смешным! — Происходящее так напоминало плохую мелодраму, что она почти рассмеялась. Это ее бестрашие шло не от природной смелости, а от своеобразной глухоты: ухо не воспринимало угрозы. — Ты ставишь меня перед выбором? Тебе не кажется, что ты грешишь против логики? Ты только что признал, что это мой камень.

— Значит, нет? — Теперь, казалось, он не слышит того, что она говорит, и все твердит свое, тихо, печально, почти просительно. — Нет?

— Нет, — твердо ответила Марта, чувствуя, что контролирует ситуацию. — Нет.

Последовало молчание. Он не совершил никаких заметных движений, однако через секунду-две, уже с опозданием — словно прервалась связь между зрением и пониманием, — Марта увидела наконец, что произошло, но даже тогда не почувствовала ничего, кроме недоверия. Стоя перед ней с направленным на нее револьвером, он был всего лишь плохим подобием чего-то и впрямь опасного.

— О, Тревор, — сказала она, не в силах сдержать улыбку. — Не дури.

— Марта, — прошептал он. — Повернись.

— Зачем?

— Повернись, — настаивал он. — Повернись к стене.

И только тут, словно от пронзительного визга, она очнулась. До смерти уставшая, она недооценила ситуацию. Какой там контроль! Она же не в мире цивилизованных людей, а в темных, душных джунглях! Моментаально прозрев, Марта разгадала причину его поразительно болезненного вида: так проявлял себя недуг жадности, ненасытной и страшной. Рубин был его единственным шансом на благополучие в обществе, которое захлопнуло перед ним все двери, и терять этот шанс он не собирался. То, что она по наивности приняла за спор о моральных ценностях, в котором ей легко было бы победить, на самом деле выказало себя дракой — зубами, когтями, за горло, до смерти. Эта ошибка могла бы показаться пустячной, если бы теперь не угрожала ей гибелью. Мало того, присутствие Ставро, как это ни парадоксально, было гарантией ее безопасности. Теперь же, когда его нет в живых, хищник, с которым она отказалась сотрудничать, вот-вот готов ее уничтожить. Ее, Марту Хевенс, ее собственное неповторимое "я"! Этому невозможно поверить, она и не могла: можно верить лишь в себя живую. А ему сойдет с рук, потому что все в его пользу: отсутствие свидетелей, тайна, время. Он бросит ее тело, вместе с телами Ставро и Якова, в услужливо открытый гроб, опустит крышку, и еще два незнакомца пополнят компанию принцессы. Шарлотта, погребенная тут двести с лишним лет назад, через несколько минут будет не мертвее ее, Марты Хевенс.

— Если бы ты помогла мне! Если бы ты только помогла мне! — кричал он высоким, напряженным голосом. — Нет, ты стоишь здесь как пай-девочка, идиотка. Из-за тебя мне придется нести рубин к барыге, скупщику краденого, и он обдерет меня, обдерет как липку, все труды прахом! — Он с искренним отчаянием обвинял в этом ее, Марту! — Из-за твоей тупоголовости я получу лишь десятую часть того, что мог бы! Из-за тебя!

— Пожалуйста, — с трудом выговорила она, — пожалуйста...

— Молчи! — дико закричал он. — Не обещай ничего! Молчи! Я тебе не верю! Ну-ка, лицом к стене!

— Нет... — вяло запротестовала она.

— Ты сама, сама виновата! — В его голосе уже звучало безумие. — Повернись же, черт тебя подери!

— Нет, — твердила она бестолково, отходя от него, пока не уперлась спиной в стену. — Нет, нет, нет!

Оглушительно грохнул выстрел, но она осталась стоять. Видимо, уже мертвая или, по крайней мере, смертельно раненная, некоторые опасные раны, говорят, причиняют мало боли. Но нигде ничего не болело, и она подумала, не станет ли больно, когда она начнет падать, но продолжала стоять, ополоумев от страха. Пахло порохом, она смутно подивилась, что еще может различать запахи. Целая вечность истекла, странно ассоцииру-

ясь с тонкой стружкой дыма, стелющейся по усыпальнице. Но дымок вытекал вовсе не из того револьвера, который сжимал в руке Тревор... Потребовалось еще время, чтобы измученный разум осмыслил происходящее. Тревор, призрачно белый, стоял и смотрел на нее; по груди его медленно катился красный, как у Якова, рубин, а Ставро, по-прежнему лежа, упирался локтями в пол и, уму непостижимо, все еще держал револьвер, из дула которого тянулся дымок...

В этот-то миг что-то внутри Тревора надломилось, и он стал падать: подогнулись колени, он подставил руку, но она не выдержала тяжести, и он рухнул, внятно стукнувшись лбом. А когда она снова посмотрела на Ставро, тот лежал неподвижно, совсем как раньше, только теперь головой склонившись на левую руку.

Тут Марта и соскользнула на пол, как платье соскальзывает с вешалки...

Часы ее, видимо, при падении остановились, так что трудно было сказать, сколько времени она пролежала в беспомощности.

Придя в себя, она долго сидела. Потом, наконец, встала, держась за стену, и огляделась. Фонарь на треножнике горел мощным, ровным светом, яркость которого усугубляла безмолвие и покой кошмара, царившего в склепе. Усталость прошла, сменившись неестественной, как бы ниспосланной свыше четкостью восприятия, и Марта твердо знала, что и как ей следует делать.

Подойдя к Тревору, она встала перед ним на колени и попробовала найти пульс. Лица его, благодарение Богу, она не видела и ни за что на свете не согласилась бы сейчас видеть. Минуты через две она поднялась, подошла к Ставро, склонилась и над ним. На этот раз, однако, он действительно умер, успев так эффектно сравнять счет и мимоходом спасти ее, Марту. То, что Тревор не позаботился удостовериться в смерти, за которую он принял обморок Ставро, видимо, было характерно: поспешные умозаключения — его ахиллесова пята, и в жизни, и в смерти... Сердце дрогнуло. Нет, нельзя позволять себе думать о нем...

Медленно поднимаясь на ноги, она прикидывала: место глухое, пройдут годы, прежде чем кто-нибудь снова ступит под эти своды. Она может уйти, закрыв за собой запоры, оставив тела нетронутыми. Но тогда каменный склеп с его обитателями будет преследовать ее всю жизнь, днем и ночью! Нет, у нее нет сил жить с такой тайной. Легкого пути отсюда не существует. Придется сообщить в полицию.

Приняв решение, она лихорадочно взялась за дело, все еще поддерживаемая, руководимая какой-то внешней силой. Встав на колени перед Яковым, Марта подняла рубин, в первый и в по-

следний раз ощутив в руке это крошечное исчадие ада. После двухсотлетнего заточения ему понадобилось меньше часа, чтобы проявить свою сатанинскую силу: две смерти — достаточное тому подтверждение.

Снова спрятать его во тьму, где зло бессильно! Марта торопливо оглядела костюм Якова: на полах кафтана были низко посажены два кармана, прикрытые большими клапанами. В ближайший карман она сунула камень, поправила клапан и потом заставила себя сделать то, что оказалось менее неприятным, чем она боялась. В самом деле, она не почувствовала ничего, даже отвращения. Так давно умерший, Яков потерял все свойства человеческого тела и весил не больше десяти-двенадцати фунтов. Она легко подняла его, вложила в разверстую дыру под мраморной крышкой и опустила руки, позволив телу упасть. Послышался легкий шорох, одновременно и мягкий, и ломкий, словно упал сухой лист, завернутый в шерсть.

Потом Марта взяла деревянный молоток и стала сбивать клинья так, чтобы они падали внутрь мраморной коробки, а не наружу. Осторожно и аккуратно она сбивала их, один за другим, и крышка опускалась равномерными толчками. Когда остался только один, она бросила в узкую щель гвозди и два лома. Этот последний клин никак не поддавался, будто назло ей. Она стучала по нему снова и снова с тупой настойчивостью отчаяния. Нельзя оставить и намек на то, что гробницу открывали, нельзя, нельзя... И вдруг клин поддался и влетел внутрь. Крышка жутко ухнула. Но никаких повреждений, которые бросились бы в глаза, не случилось, и оставалось молиться, чтобы одни только невнимательные взгляды останавливались на гробнице в грядущем. Вряд ли полиция придет в голову как-то связать историю принцессы с происшедшей трагедией. Разве что немецкие пинкертонеры лучше, чем она думает, осведомлены о подробностях родной истории...

Из последних сил, руками и ногами, она сгребла мусор на прежнее место, за гробницу, чтобы скрыть под ним последнюю строку эпитафии. Может, это и пустая предосторожность, но все-таки...

Взяв фонарь и молоток, Марта шатаясь пошла к выходу и из последних сил преодолела ступеньки, отступаясь, торопясь, словно уходя от погони. И ни разу не обернулась туда, где темный силуэт принцессы в слабом свете почти уже унесенного фонаря с непобедимой грацией царил над двумя новыми молчаливыми сотоварищами.

Марта вышла в дождь и туман постаревшая, будто пронеслось много лет, а не сколько-то там часов. Сумрачное небо не позволяло и предположить времени суток.

Где-то недалеко от дворца она приостановилась и последним усилием бросила деревянный молоток — далеко, насколько

могла, наугад, взглядом проследив его падение в зелень, как в глубокую воду.

Глава 20

— Будьте любезны, фройляйн, перечитайте ваше заявление и подпишите его. — Начальник вюрцбургской полиции подчеркнуто вежливо подал Марте несколько машинописных страниц.

— Просмотрите, мисс Хевенс, — вмешался полковник Грэхэм из консульства США, сидевший сбоку стола. — Просто посмотрите, не тратьте время. Это формальность. — Он сочувственно смотрел на ее измученное лицо, бессильные пальцы. — Может быть, стакан воды?

— Благодарю вас, не стоит, — слабо улыбнулась Марта.

“Мое полное имя Марта Донелсон Хевенс. Я гражданка США. Мне 28 лет. Постоянный адрес: 643У, 38-я улица, однако квартира сдана в поднаем до октября следующего года. Я служу в Нью-Йоркском историческом музее. В Англии нахожусь по программе обмена музейными кадрами и работаю в Музее города Лондона под руководством сэра Фредерика Соунса.

В настоящее время нахожусь в двухнедельном отпуске. Приехала в Германию неделю назад с целью осмотра культурных ценностей и достопримечательностей. Делаю это по собственному побуждению и из профессионального интереса.

Сегодня, сразу после полудня — точного времени указать не могу, — я осматривала дворцовую церковь в Рейнольдс-Тюрме, в частности, мемориал принцессы Шарлотты. Внезапно я услышала громкие голоса в церкви, потом двое мужчин спустились по лестнице в склеп, где в тот момент находилась я. Одного из них я никогда не встречала, другого узнала, так как он работал в том же музее, что и я, но, полагаю, на нерегулярной основе. Я немного с ним знакома. Его фамилия Дермott. Он первым сошел по лестнице, за ним другой. Они ссорились, но я не знаю, по какому поводу. Ссора началась, видимо, раньше, я услышала только несколько слов. Повторить их в точности не могу. Все случилось так быстро, и когда я увидела, что они оба с револьверами, то слишком испугалась, чтобы вслушиваться. Потом раздался выстрел. Кто стрелял, я не видела, потому что потеряла сознание. Придя в себя, обнаружила, что лежу на полу. Оба мужчины тоже лежали, не двигаясь. Я немедленно выбежала из церкви, чтобы позвать на помощь, доехала до ближайшего телефона и позвонила в вюрцбургскую полицию. Больше мне нечего добавить к этому заявлению, написанному мной по собственной воле, без насилия и принуждения.”

— Все верно. — Марта подняла глаза и взяла предложенную полицейским ручку.

— Итак, — важно произнес начальник полиции, постукивая ее заявлением по столу, — эта информация подтверждается по-

лученными нами сведениями. — Он повернул голову, адресуясь полковнику. — Молодой человек, Дермотт, действительно был застрелен стариком, чье имя Ставро, он, между прочим, с Кипра. Револьвер молодого не разряжен. В этом нет сомнений: в момент обследования они все еще держали в руках оружие, и положение рук было вполне естественным. Старший умер от инфаркта, вызванного, возможно, возбуждением. Это установлено полицейским врачом, который утверждает, что у того были все признаки острой сердечной недостаточности. Однако, — он нахмурился, — я не могу сказать, что полностью удовлетворен. Признавая, что фройляйн Хевенс рассказала нам все, что знает...

— Ну, разумеется, она рассказала вам все, — резко перебил полковник. — Она американская туристка, которой настолько не повезло, что пришлось стать свидетельницей убийства. Вы же не собираетесь из-за этого заводить на нее дело? Позвольте напомнить вам, что такая реклама вряд ли привлечет в Германию американских туристов.

— Я собирался сказать, когда вы меня перебили, — ледяным тоном проговорил полицейский, — что мы продолжим наше расследование. Слишком много здесь необъясненного, а дело любопытное, очень...

— Возможно, — ответил полковник. — Но вопрос сейчас в том, имеет ли мисс Хевенс какое-нибудь отношение к этому делу. Если нет, зачем ее задерживать? Или вы подозреваете, что она каким-то образом замешана в убийстве?

— Нет-нет, — торопливо и в то же время неохотно сказал немец. — Я хочу только...

— Прикасалась ли мисс Хевенс к какому-нибудь из револьверов? — наступал полковник. — Есть ли доказательства, что она причастна к трагедии?

— Нет, — с еще большей неохотой признал полицейский. — Однако...

— Ну и все. — Полковник поднялся. — Незачем задерживать бедную мисс дальше. Не так ли?

— Полагаю, что так, — вынужденно согласился начальник полиции, тоже вставая, но не смог не добавить: — Разумеется, если возникнут осложнения, у меня имеется адрес фройляйн, и я смогу обратиться к английским властям...

— Сделайте одолжение.

— Благодарю за внимание, герр полковник.

— Пойдемте, мисс Хевенс. Я отвезу вас в отель. — И полковник бережно взял Марту под руку.

Начальник полиции дождался, когда за ними закроется дверь, и улыбка, прятаясь в глазах, расплзлась по лицу. Хорошенькая история! Показания этой девицы — с начала до конца чистая липа. Она, видите ли, слегка знакома с молодым и совсем не знает старого! Как же, байка для простаков. Его не

обманешь. Эта история стара, как мир, и ясна, как стеклышко. Мужчины дрались из-за нее, вот и все. Старика она, надо полагать, поощряла из-за денег, и ставлю на кон свою профессиональную репутацию, старик богат. А молодого придерживала для других целей, что старик и обнаружил. Вообще история дурно пахнет, и ничего удивительного, что девица пыталась замести следы. Вот было бы забавно выудить из нее признание, нет же, пришлось церемониться... Но формально ее доводы удовлетворительны, не говоря уж о высокопоставленном американце, который ускорил расследование. Надо быть осторожней, пока он в Вюрцбурге. Жаль, жаль. Как холодно и беспощадно он устроил бы ей допрос по всем правилам и, рано или поздно, все равно заставил бы описать грязную сцену, в результате которой две жертвы — молодой человек и порочный старик — из ревности к ней сцепились не на жизнь, а на смерть.

“Сильное сексуальное возбуждение, как правило, опасно для лиц преклонного возраста”, — подумал он цитатой из “Руководства по психологии для полицейских”.

Было всего лишь полдевятого вечера. Непостижимо, как быстро все это произошло. Выяснилось, что Марта вышла из церкви не позже двух часов пополудни. Теперь она лежала в постели такая измученная, что казалось, никогда уже не оправится, и все-таки никак не могла уснуть.

Лицо Тревора стояло перед глазами, душераздирающе близко и отчетливо. Не такое, каким она видела его в последний раз, обезображенное алчностью и готовностью к душегубству, — а то, родное, улыбающееся, с ласковыми глазами, чистое, благородное лицо. И сопутствовала видению невыносимая сердечная боль.

Она вертелась в постели, словно, сменив положение, можно было прогнать эту боль, и искала от нее защиты, стараясь вспомнить, каким отвратительным он был сегодня: его цинизм, его мерзкую браваду и желание оправдать свои предательства. Но усилия ее были тщетны: злобная маска убегала ее, перед глазами стоял милый лик, наполнявший ее когда-то таким счастьем, таким покоем... и этого ей не забыть, это с ней навсегда.

Невыносимым становилось это желание и неумение плакать. Надо думать о чем-то другом, быстро, быстрее. Об истории, которую она, например, должна сочинить для мистера Мак-Ивора; бедный старик, он будет разочарован: ведь она не привезет ему ничего, кроме описания пышных принцессиних похорон...

И тут ее озарило, да так, что она даже вскинулась в кровати, глядя в темноту широко открытыми глазами. События разворачивались с такой стремительностью, что она упустила это из виду. Теперь до нее дошло, и мурашки побежали по коже.

Если в Шарлоттиной гробнице был Яков, то кто же — кто? — был публично повешен?

Глава 21

Яркое солнце слепило глаза, когда Марта брела по Байерштрассе, еле передвигая ноги. Все, на что падал взгляд, плыло и расплзалось из фокуса. Иногда она теряла ощущение мостовой под ногами, и ее слегка заносило. К тому же ей не хотелось идти туда, куда так неуверенно несли ее ноги. Еще раз очутиться в чреве убогой лавчонки, предстать перед исчезающим на глазах привидением, снова, причем без особой нужды, потребовать от него усилий памяти и ума, — это было жестоко. Но как ни измучена была Марта, она не могла повернуть назад, подчиняясь толкавшей ее вперед профессиональной привычке докапываться до сути. Она должна увязать в единый узел и этот оставшийся конец, иначе упущенное будет терзать ее до конца дней.

Дверь была открыта, и, как прежде, рядом стояла стойка с периодикой. Марта заглянула внутрь: он был там, в сумрачной полутьме. Она осторожно вошла и остановилась в растерянности. Старик еще сильнее сохся за эти несколько дней, еще больше стал похож на что-то недораздавленное и кое-как склеенное. Он выцветал из этого мира, и Марта порадовалась за него. Потом она вспомнила, что не знает его имени; он не назвался, а она не осмелилась спросить, уважая его желание оставаться среди теней. Пусть так и будет.

Долгое время, как и в первый раз, он не подавал знака, что замечает ее присутствие. Потом бесплотный голос произнес знакомую фразу:

— Пожалуйста, возьмите, что вам угодно, и положите деньги в коробку на прилавке.

— Простите, — нерешительно сказала она, старательно глядя в никуда. — Я уже обращалась к вам раньше. За информацией о Юденферштеке.

Он помолчал немного и повторил:

— Пожалуйста, возьмите, что вам угодно, и положите деньги в коробку на прилавке.

Марту обдало холодом. Не отошел ли его ум в лучший мир, опередив тело? Но ведь она говорила с ним всего лишь несколько дней назад!

— Я обращалась к вам недавно. Вы были так добры, что рассказали мне о местечке Юденферштеке. — Она повысила голос. — Вы помните меня?

— А? — Он вдруг словно проснулся и, проснувшись, смутился. — Что такое? Что вы сказали? Кто здесь?

— Я была у вас на днях, — повторила Марта почти безнадежно. — Мы долго говорили о Юденферштеке. Разве вы не помните меня?

— Ах, да... Да. — Он вернулся оттуда, голос, хотя и более слабый, чем в прошлый раз, все же принадлежал вполне здоровому человеку. Но никакого сомнения, что он угасает, день ото дня все быстрее. — Вы должны извинить меня, — пробормотал он. — Да, конечно, я помню вас. Я слишком много сплю и чувствую в то же время, что это не сон. А потом просыпаюсь и не сразу могу сообразить, где я...

— Ну, конечно, — выдохнула она, и снова всплыло желание спрятаться и от души поплакать. Но Марта торопливо продолжила: — Извините меня, что беспокою вас снова, но есть еще один вопрос, который мне хотелось бы вам задать.

— Прошу вас, — ответил он и довольно хихикнул, чем несказанно испугал Марту. — Прошу вас. — Еще смешок. — Я всегда к услугам моих студентов. Чем могу помочь, молодой человек?

Холодное дыхание смерти снова коснулось Марты. Его разум сдавал, не сразу, что было бы более милосердным, а как-то судорожно, непредсказуемо, рывками. И тем не менее...

— В прошлый раз мы говорили о принце Викторе, принцессе Шарлотте и Якове, помните? — торопилась она, пока его внимание вновь не рассеялось. — Не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о де Маньи?

— Де Маньи? — повторил он, и Марта затаила дыхание. — Нет, к сожалению, я никогда не знал человека с таким именем. — Он замолчал, потер лоб и, кажется, снова очнулся. — Де Маньи? — переспросил он уже нормальным голосом. — Его тело отослали во Францию для захоронения среди предков. Но я расскажу вам чрезвычайно любопытную вещь о де Маньи, чрезвычайно. — Он произнес это почти с живостью, и Марта замерла в предчувствии. Только хватит ли у него сил продержаться до конца рассказа?

— В 1940 году мой сын бежал из Германии и присоединился к движению "Свободная Франция". Его убили в сорок четвертом. — Голос был полностью лишен эмоций. — Однако позже, через Красный Крест, я получил несколько его писем, и одно из них касалось прелюбопытнейшего обстоятельства. Выполняя некое задание, он остановился в местечке под названием Маньи. Имя это было знакомо ему, разумеется, из нашей истории, он заинтересовался и стал наводить справки. Выяснилось, что неподалеку есть селение Шамп-ле-Воллетт, которое много лет назад было семейным гнездом де Маньи. При первой же возможности он поехал туда и обнаружил лишь руины маленького загородного дворца, шато — де Маньи были хорошей фамилией, но не обладали ни влиянием, ни состоянием. Поблизости стояла церковь, датированная 1300 годом, к несчастью, сильно пострадавшая от бомбардировок.

Он смолк и молчал так долго, что Марта было отчаялась. Как бы ей спозвать его из той дали, в которую он углубляется с каждым мгновением?

— Так, значит, церковь разбомбили? — вымолвила она, когда молчание сделалось безнадежным.

— Церковь? — недоуменно переспросил он, но потом очнулся. — Ах, да. Интерьер церкви был полностью уничтожен, но мой сын нашел священника, жившего поблизости, и, к счастью, тот оказался человеком, равнодушным к истории. Он рассказал сыну, что в церкви действительно находилась гробница Максимилиана де Маньи, довольно изысканное сооружение. Над ней крепился белый мраморный медальон с изображением молодого человека, обладавшего, судя по всему, весьма привлекательной внешностью.

На редкость привлекательной, молчаливо согласилась Марта.

— Но гробница была разрушена бомбой, причем таким образом, что гроб оказался наверху и раскрылся. И... и знаете что? Он был пуст! Там не было ничего, кроме большого свинцового листа, в который тогда заворачивали мертвых, если их требовалось перевозить на большие расстояния. Но тела не было и не было даже следов, указывающих, что оно когда-нибудь там находилось, — ни одного признака присутствия в гробу покойника.

Значит, публично повешен был именно де Маньи. Другого ответа и быть не могло — но как приятно исследователю получить последнее подтверждение правильности своих предположений! Великолепный юный конюший не был отправлен в родную Францию, туда повезли лишь гроб, заполненный для веса свинцом. Мужчина в темном платье, когда его вздергивают на виселицу, похож на любого другого мужчину в темном платье, а виселицы в те времена делали очень высокими, футов сорока, может быть, больше, — и через час, будь то кто угодно, висельник делался неузнаваем. Ах, что за конец был у прекрасного лица с миниатюры! Глазницы опустошены вороньем, щеки разорваны в ключья...

И самая соль мести ревнивца-принца заключалась в том, что к подножию виселицы прикрепили специальный документ, пергамент по всем правилам, с печатью и подписями, объявляющий имя преступника, суть преступления, меру наказания. Теперь понятно, почему профессор считал, что повешен был Яков. Нет, названный именем безвестного и презренного ростовщика на виселице оказался блистательный, высокородный аристократ. Такая подмена ох как не понравилась бы шевалье... Виктор, экономно используя лишь Якова, оплатил сразу и Шарлотте, и ее любовнику. Такова была изощренная, тайная месть пожилого рогоносца молодой прелестной обманщице. И из тьмы веков Марта слышала его смех — гневный, злорадный и — да, страдающий, полный той муки, которая заставила его по всему герцогству стереть всякую память о жене, прямые и косвенные свидетельства ее жизни: ее

любовника, рубин, ее пособников, невинных или виноватых, ростовщика и все его племя, — вплоть до того, что он велел содрать и уничтожить в церкви даже символы католицизма, ее религии.

В зале ожидания аэропорта Марта коротала время до своего рейса, который должны были объявить через полчаса. Она еще не оправилась от пережитого и сидела словно в дурмане после кошмарного сна. Мало того, что-то еще более страшное происходило с ней. Будто запечатанная в пустую бутылку, из которой выкачали воздух, она безучастно и равнодушно наблюдала жизнь и суету вокруг, не чувствуя ни малейшего с этой жизнью родства. Шумный зал аэропорта был пронизан светом, всё вокруг двигалось и менялось, счастливые люди кидались в объятия, что-то восклицали, перебивая друг друга, смеялся ребенок, плакал другой. И все это ничего не значило. Она не была больше частью этого мира. Словно перерезали пуповину, которая связывала ее с жизнью. Марте было холодно, холодно до мозга костей и совершенно неинтересно, согреется ли она когда-нибудь.

Она равнодушно шевельнулась, машинально потрогала карман юбки, где лежал приготовленный заранее для проверки паспорт. Что-то под ним зашуршало. Марта вяло сунула руку в глубь кармана и вытащила письмо — то самое письмо Билла, которое ей передали в гостинице “Фюрст-Бишофф” и о котором она так ни разу и не вспомнила, не говоря уж о том, чтобы вскрыть. Теперь она это сделала, медленно и безразлично; измятые странички пришлось разгладить, чтобы можно было прочесть. Для Билла — на редкость пространное послание, отметила она равнодушно.

“Дорогая Марта,

спасибо за письмо, которое, конечно, бьет рекорд: оно самое длинное из всех, что я от тебя получал. Рад слышать, что у тебя все в порядке. У меня — никаких особенных новостей, все о’кей, и, как обычно, я по горло занят сметами, проектами и так далее. На прошлой неделе обедал с Милли и Франком, привет тебе от них.

Цель твоей поездки в Германию кажется мне, как бы это сказать, надуманной. Кстати, ты чудно описала стариков: так и вижу их, как живых. Однако поосторожней в Германии, твоя импульсивность может быть там не ко двору. Что за анекдот с похищением рубина! Эта Шарлотта, видно, была та еще штучка.

Если хочешь знать мое мнение — так, с ходу, в порядке мозговой атаки, — рубин, скорее всего, захоронен вместе с принцессой, разумеется, сознательно, ее мужем.”

Марта перестала читать и в оцепенении уставилась на письмо.

“Могу себе представить, как приятно было ему видеть камень, постоянно напоминавший о жене с ее внеклассными занятиями французским! Однако достать разрешение на вскрытие гробницы, учитывая отсутствие вмятых резонансов, будет так сложно и хлопотно, что не кажется мне возможным, особенно если принять во внимание кратковременность твоего пребывания в Германии. Не говоря уже о помощи и снаряжении, которое ты должна будешь где-то доставать. Так что не обращай внимания на мои досужие домыслы, может, они вообще мимо цели. Не огорчайся, если ничего не получится. Я думаю, мало бы у кого получилось. Попросту говоря, сомневаюсь, что ты получишь зеленую улицу для вскрытия саркофага.

Теперь сюрприз. Меня вызывают в Лондон на четыре-пять дней повидать одного богача (американца), который задумал основать какой-то мемориальный то ли фонд, то ли центр и, возможно, воспользуется нашими услугами в сотрудничестве с еще одной английской фирмой. Так что мы увидимся через день после твоего возвращения. Телеграфирую, как только узнаю номер рейса, и позвоню в музей, как только приеду. Думаю, ты получишь телеграмму в день приезда из Германии. Если тебя не устраивает перспектива парочки сломанных ребер, прими мои сожаления, помочь ничем не могу.

До встречи. Целую. Билл.”

Опустив письмо на колени, Марта долго сидела, не шевелясь. Вот оно, ее наказание — стыд. Стыд и унижение. Она отвергла, не сумела разглядеть, недооценила друга. Какие еще его качества она не заметила, пропустила, прошляпила в своем безразличии и эгоцентризме? Она никогда не стояла Билла, вот беспощадная правда! Ее отрезвленное “я” угрюмо согласилось. И тогда она поняла, с удивлением, что снова начинает что-то чувствовать, что ледяная корка на сердце треснула — едва-едва, но болезненно.

Она снова взялась за письмо, и еще один тонкий лист отделился от третьего, нижнего. Там был постскриптум.

“Марта, прости, что пишу об этом, но слишком много накопилось на сердце. Твои последние письма оставляют такое впечатление, будто что-то сломалось, будто ты несчастна или у тебя неприятности. Иногда мне казалось, я сам это выдумал, но самое последнее письмо подтвердило мои подозрения. Такие многостраничные послания совсем не в твоём духе; может, на что-то у тебя и хватает терпения, но только не на переписку. Похоже, ты уходишь от меня далеко-далеко и стараешься скрыть это за многословием. Знаешь, ты слишком стараешься. Я, конечно, ничего не спрашиваю, но хочу сказать тебе, чем я тут занимался. Я пытался приготовить себя к тому, что потеряю тебя. Я пытался заглянуть в будущее, в котором тебя нет. И не смог, Марта. Я не в силах себе это представить: все бессмысленно без тебя.

Скажи, я могу помочь? Потому что, на мой взгляд, единственное, что имеет значение, — это ты и то, что ты несчастна. Остальное все ерунда. Я понимаю, что люди меняются, ничего не попишешь, и сами они тут бессильны. Черт, я косноязычен. Так и знал, что не смогу сам себя объяснить, но все-таки хочу сказать, что буду просто ждать и надеяться. Что бы ни случилось с тобой, родная, если ты решишь вернуться ко мне — то есть если ты захочешь вернуться, — вот он я и только поблагодарю тебя, что пришла.

Я люблю тебя, Марта.”

Марта окаменела над смятыми листками, ничего не видя, ни о чем не думая, почти не дыша в окутавшей ее тишине. Но глубоко внутри тонкий лучик тепла заскользил по ледяному покрову, и что-то дрогнуло, сдвиг начался, как весной в скованной льдом реке; она таяла, и согревалась, и успокаивалась. Непостижимо, но боль стихала — не совсем, нет, возможно, совсем она никогда не утихнет, возможно, будет напоминать о себе дольше, чем Марте хотелось бы думать, но лучший лекарь тут время, ничего не поделаешь. Ужас испарялся, как туман на солнце, она выздоравливала. Это было похоже на пробуждение солнечным утром. Как сладко снова жить, жить и быть благодарной за то, что любима, за то, что хочется любить в ответ.

Громкоговоритель прокричал, объявляя ее рейс. Погруженная в свои мысли, Марта встала, собрала вещи и влилась в толпу пассажиров, направляющихся к выходу на летное поле.

— Ну и везучая же ты дура, — сказала она себе, подымаясь по трапу. — Идиотка везучая. ■

Перевод с английского Эвелины МЕЛЕНЕВСКОЙ.

НЕВИННЫЙ
как
ХИЩ-
НИК

Иван ЗЮЗЮКИН

Представьте себе: в прошлые века многие смотрели на музыкантов как на людей малопочетной, что-то вроде чистильщиков сапог, профессии. Не говоря уж о рядовых исполнителях, даже гении и виртуозы этого искусства (взять хотя бы судьбу Гайдна, служившего камердинером у австро-венгерского барона, или Моцарта, однажды избитого распоясавшимся вельможей) находились почти что в рабской зависимости от сильных мира сего, которые, капризно меняя милость на гнев, платили за музыку скупо и неохотно...

Одним из первых, кто открыто взбунтуется против пренебрежительного отношения к творцам и исполнителям музыки, станет немецкий композитор Рихард Вагнер (1813-1883 г.г.). Причем в своем самоутверждении он зайдет столь далеко, проявит столько воли и упорства, что в течение многих лет будет притчей во языцех тогдашнего европейского общества, объектом горячих споров в музыкальных кругах, героем множества газетных публикаций в основном скандального свойства. Забегая чуть вперед, скажем, что по отношению к Вагнеру современники четко поделятся на два лагеря: тех, кто до боли в ладонях аплодируя его музыке, восхищаются им как незаурядной личностью, и тех, кто — пусть и признавая за ним талант — ненавидят композитора, так сказать, всеми фибрами души... Заслуживал ли Вагнер столь разное отношение к себе — судить читателю...

Поначалу судьба нашего героя складывается так, что он должен был стать кем угодно, только не композитором. В детстве (оно пройдет у него в Лейпциге) Рихард не проявляет никаких склонностей к музыке. Первым его увлечением станет литература. В юности он напишет многоактную драму с сорока(!) персонажами, из которых к концу действия почти все погибают — уже в ту пору иступленный трагизм будет излюбленной

формой выражения его чувств и мыслей, а затем станет определяющей чертой его музыкального творчества.

Правда, первые опыты нашего героя в области композиции говорят о том, что он явно ошибся, посчитав музыку своим жизненным призванием: они откровенно беспомощны. В первую очередь это объясняется тем, что начинающий (и по сути — самоучка) композитор подражает плохим образцам. И это бы еще ничего, но молодой Вагнер иногда “сочиняет” то, что сочинено до него другими, то есть ведет себя как малое дитя, которое всякую полюбившуюся ему игрушку считает своей. Уже на склоне лет Вагнер, вспомнив, как однажды газеты расхвалит одну из первых его симфоний, со смехом признается, что почти целиком списал ее у своего музыкального кумира Людвига ван Бетховена...

Но, кажется, этот забавный случай — единственный, когда молодого композитора хвалят. В остальных же (в особенности, когда он начнет писать по-своему) его только что не избивают. У него что ни премьера, то конфуз. Когда в зале раздаются пронзительные вопли смычковых инструментов, апокалиптически режут трубы и грохочут барабаны, публика воспринимает эту разноголосицу (с почти полным отсутствием мелодии) спокойно: обычно перед началом спектакля оркестранты, что называется, разминаются, но когда же выясняется, что эта разноголосица и есть музыка молодого маэстро, в зале раздаются смешки, переходящие во всеобщий хохот... Стараясь по сильнее задеть самолюбие молодого композитора, изошряются музыкальные критики. “Если справедливы слухи, что Вагнер стремится к еще “неизведанным высотам”, то, дай Бог, чтобы он никогда их не достиг”. “Вагнер — художник совершенно бездарный, к тому же в его натуре есть закваска грубого безвкусыя...” Да что газетные критики! Даже великий Роберт Шуман, доброжелательно настроенный к нашему герою, человек куда как интеллигентный, тонко чувствующий, отзовется о его музыке непривычно резко: “Вагнер, если выражаться коротко, не есть хороший музыкант... его музыка бедна, это — музыка любителя, пустая и безвкусная...”

Даже внешность Вагнера работает против него. Некрасивое, с жесткими, если не сказать, жестокими чертами лицо, редкая борода, приземистая фигура. Словом, ни мрачного обаяния Бетховена, ни благородно-аристократического профиля Шопена. Кому Вагнер ни предлагает свои сочинения — директору музыкального театра, издателю, чиновникам по вопросам культуры (они уже и тогда были), — все с большим трудом верят, что человек с такой прозаической внешностью имеет отношение к искусству.

И как же наш герой относится к постоянной ругани и издевкам в свой адрес? А вот так и относится: ему на все, грубо говоря, плевать. И это вовсе не тот случай, когда человек де-

лает хорошую мину при плохой игре. Ничто не может задеть самолюбие Вагнера. Ведь молодой маэстро гранитно убежден, что он не кто иной (о, Шуман, Шуман!..), как музыкальный гений, рядом с которым можно поставить лишь Бетховена, Моцарта да еще земляка Вагнера Карла Марию Вебера... Кто внушил нашему герою эту сногшибательную уверенность? Он — самому себе. На основании чего? А вот в этом и кроется одна из самых интересных загадок личности Вагнера. Еще как следует не расписавшись, он уже словно бы предчувствует гармонию и противоречия грядущих времен, в нем уже клокочет вулкан невероятной музыкальной энергии, из первозданного хаоса томящих его звуков и мелодий он терпеливо и страстно строит новый лад, в его воображении уже разворачивается битва ангелов добра с демонами зла, происходящая где-то в угрюмых глубинах вселенной, пока лишь ему сквозь адский рев труб и надрывный плач скрипок слышен тихий глас Божий и призыв превыше всего на свете ценить любовь и красоту. Пройдет еще немало лет, когда те, кто свистит и улюлюкает, слушая непривычную музыку Вагнера и чем-то проникновенным в ней задетые больно и сладко, вдруг умолкнут и перестанут сопротивляться грохочущему потоку одновременно страшной и прекрасной музыки невзрачного на вид маэстро...

Несколько слов к характеристике времени. В середине прошлого века немецкая музыка, несмотря на великие традиции — в заgone. И это немудрено: сама Германия, раздробленная на множество карликовых государств, еще пребывает в историческом заgone. Немецкие князьки — а чем князек мельче, тем спесивее — брезгают национальной музыкой, предпочитая ей итальянскую и французскую. В первую очередь это касается такого жанра, как опера.

И вот в королевстве Саксония находится некий Вагнер, который во всеуслышание объявляет, что опера — вчерашний день музыки и предназначена для обывателей и болванов. (Примерно в то же самое время к сходному выводу придет знаменитый немецкий философ Шопенгауэр. По его мнению, опера лишь мешает человеку наслаждаться музыкой, так как его внимание постоянно отвлекается “блеском декораций, фантастическими картинами и яркими световыми и цветовыми впечатлениями”). Что же предлагает самонадеянный Вагнер взамен оперы? Музыкальную драму, жанр, в котором музыка главенствует над всем, но так главенствует, что до предела обостряет драматизм происходящего на сцене, а “блеск декораций” здесь доводится до такой степени, что зритель впадает в состояние, близкое к экстазу. Впервые свои принципы Вагнер полностью опробует в “Тангейзере” — музыкальной драме, в основу которой ляжет одна из легенд германского эпоса. Но снова

свист, снова композитора “уже не юношу, но мужа”, шпыняют как мальчишку. Одна оперная дива заявит, что музыка Вагнера мешает ей петь. Даже те, кто признает несомненные литературные достоинства драмы, музыку к ней назовут дикой, варварской. Впрочем, прусский король-солдафон, послушав “Тангейзера”, изъявит желание использовать музыку драмы на военных парадах и смотрах боевой готовности...

Итак, Германия, ради которой так старается наш герой, повернется к нему спиной. Казалось бы, и это не должно сбить с ног Вагнера — ведь он, мы знаем, одержимо верит в свою звезду. Но любой гений, признанный и непризнанный, нуждается и в пище земной. А вот с этим у Вагнера, особенно с тех пор, как он обзаведется семьей, — одни проблемы. Работает он упорно и много, но весь в долгах как в шелках. В поисках удачи начинает колесить по всей Германии, на некоторое время поселится в Риге. Но, встретив повсюду прохладный прием, решит, что есть на свете лишь одна страна, где его музыку поймут и полюбят — Франция.

Впрочем, в этом он просчитается: его появления в Париже никто не заметит. Здесь в кумирах пребывают Лист и Шопен, в театрах, сменяя одна другую, идут оперы Беллини, Россини. Музыка же немецкого “варвара” никого, кроме земляка Вагнера композитора Мейербера, не заинтересует. Чтобы не умереть с голоду (а, по словам его жены Минны, ей иногда нечего “бросить в кипящую воду”), Вагнер пытается устроиться певцом-хористом, но на первой же спевке обнаруживается, что у него нет голоса, он печатает в бульварных газетах и журналах автобиографические рассказы о мытарствах и страданиях молодого гениального музыканта на чужбине, пишет легковесные (это он-то, в ком клокочет вулкан!) кадрили для танцев. Однажды почтальон принесет Вагнеру бандероль с отвергнутым каким-то издательством либретто, но композитору нечем заплатить за доставку, и раздосадованный почтальон по дороге обратно выбросит либретто в сточную канаву...

Убитым, растерзанным вернется Вагнер в родную Саксонию. Но здесь (благодаря хлопотам Мейербера) ему улыбнется счастье: саксонский король назначит его придворным капельмейстером с приличным жалованьем. Публика мало-помалу начинает проявлять интерес к его музыке, успех имеет постановка “Тангейзера”. На радостях Вагнер напишет еще одну музыкальную драму — “Лоэнгрин”. “Полгода назад бродяга, не знающий, где раздобыть паспорт, — сообщает композитор одному из своих друзей, — а сегодня у меня пожизненная должность... и я возвращаюсь в круг, какой мало кому достается...”

Но безмятежная, размеренная жизнь не в натуре нашего героя. И тут впору сказать о его политических взглядах. Несомненно, они были у него. Но какие?

Вот в канун революции 1848 года, пламя которой охватит и Германию, в Саксонию приедет знаменитый русский анархист Бакунин. Подружившись с Вагнером, он быстро обратит придворного капельмейстера в свою веру, убедит его в необходимости разрушить старый мир, покончить со всеми видами монархии, отбросить как хлам старую культуру и т.д. (Бакунин пытается оказать влияние даже на музыку Вагнера. Так, он советует ему, чтобы в следующей драме тенор пел “Обезглавьте его!”, сопрано — “Повесьте его!”, а бас беспрестанно повторял — “Огня! Огня!”) И вот к изумлению и ужасу саксонского монарха Вагнер обращается к нему с предложением ввести в королевстве... республиканский строй. Когда в Саксонии начнутся беспорядки, маэстро Вагнер пойдет на баррикады. Правда, вскоре в королевство вторгнутся (уж не под музыку ли из “Тангейзера”?) прусские войска и подавят революцию. Вагнер будет объявлен государственным преступником. К счастью, ему, в отличие от Бакунина, удастся унести ноги и укрыться в нейтральной Швейцарии.

Он останется в этой стране на долгие годы. Тем временем в Германии во всю ставятся его музыкальные драмы. “Наверное, я единственный человек в мире, — горько иронизирует Вагнер в письме своем у другу, — который еще не слушал “Лоэнгрина”...”

Но, судя по всему, наш герой не больно-то дорожит репутацией последовательного революционера и республиканца. Едва он узнает, что король Баварии Людвиг готов принять его под свое монаршее крыло, Вагнер в мгновение ока собирает пожитки и мчится в Мюнхен... Ах, это были самые славные дни в его жизни! Баварский король, помешанный (и, пожалуй, не только в переносном смысле) на искусстве, превратит родовой дворец в огромный музыкальный театр (превратив до этого в гигантскую картинную галерею). Восторженно влюбленный в музыку и в самого Вагнера, по-своему великий и несчастный Людвиг ходит в одеждах рыцаря Лоэнгрина, плавает по озеру на ладье (как и в драме Вагнера), влекомой искусственными лебедями. А наш герой? Он станет первым в истории музыкантом, прихоти которого покорно и даже подобострастно выполняет абсолютный монарх. За счет королевской (считай — государственной) казны в Баварии устраиваются грандиозные постановки вагнеровских драм, проводятся пышные музыкальные фестивали, в небо запускаются фейерверки... Кончится все тем, что в стране, порядком истощенной праздниками искусств, вот-вот разразится революция. Вагнеру снова придется уносить ноги...

Не удивляйтесь: Вагнер и до, и после Мюнхена время от времени называет себя социалистом. В своих статьях (составивших тома!) он выражает мысль, что государству следует брать

художника на полное обеспечение, а плодами его творчества распоряжаться по своему усмотрению. Чтобы не быть голословным, Вагнер обращается к нескольким немецким государям с предложением взять его на пожизненное содержание, но ни один из них (если, конечно, не считать Людвига Баварского, которому любовь к искусству стоила короны) на предложение не откликнется.

Парадокс в том, что социалистически настроенный композитор, как никто, любит пожить на широкую ногу. Он такой расточительный, что дай ему миллион марок, в считанное время истратит все до пфеннига. (А ведь еще недавно его жене порой нечего было «бросить в кипящую воду»!) Вот он совершает гастрольную поездку в Россию, где его примут весьма хорошо, и привезет оттуда большие деньги, на которые он мог бы, не зная горюшка, прожить до конца дней. Так нет же! Вернувшись из поездки, Вагнер отгрохивает роскошную виллу, набивает ее дорожкой мебелью, персидскими коврами, окружает прудами, в парк запускает фазанов и павлинов. В конце концов разоряется и остается ни с чем.

Но скромное существование уже не по нему. «Я не могу довольствоваться должностью органиста, как ваш любимый Бах!» — кичливо заявит он одному из друзей. Он искренне полагает, что своим творчеством приносит людям столько удовольствий и пользы, что имеет право жить как король. Снова заимев крупную сумму, опять шикаует, пьет лишь марочные вина, в отелях снимает номера, доступные лишь восточным шейхам, ездит в отдельном вагоне. Снова разоряется. И так всю оставшуюся жизнь...

Но, известное дело, чтобы разориться, надо прежде что-то иметь. А где Вагнер достает столько денег? Да, год от года он за свою музыку получает все больше. Но все же не настолько больше, чтоб ездить в отдельном вагоне. И вот вам ответ. Вагнер обладает еще одним недюжинным талантом — талантом занимать деньги. В этом искусстве, как замечает один близко знавший его человек, он еще более гениален, чем композитор. Занимает он у кого только может — у музыкантов, певцов и певиц, издателей и даже у случайных попутчиков. Его умение играть на чувствительных струнках человеческой души потрясает. Вот как, к примеру, он, не побоимся этого слова, охмуряет Листа. «Вы недавно сказали мне, что на время закрыли фортепьяно — предполагаю, что Вы заделались банкиром, — высказывает Вагнер ни на чем не основанное предположение и тотчас, как говорится, берет быка за рога. — Мои дела плохи, и тут как молния(!) меня пронизывает мысль, что Вы можете спасти меня. Речь идет о сумме в 5000 талеров. Дорогой Лист! Этой суммой Вы выкупите меня из рабства! Вам не кажется, что как крепостной я этого стою?» И что же? Добрый по природе Лист, порой в ущерб себе и своей семье, выручает транжира Вагнера.

Причем не следует думать, что наш герой в денежных вопросах действует импульсивно. Нет, он долго и ласково обхаживает свою жертву (сегодня бы сказали — «окучивает»), иногда грубо ей льстит, иногда взывает к жалости или намекает на самоубийство. Находясь однажды в гостях у владельца фабрики музыкальных инструментов, он таким манером выцыганивает у него роскошный концертный рояль, а потом заочно еще и высмеет богатого простака...

Вот так, одалживаясь то у одного, то у другого, Вагнер живет — не тужит. Но, надо заметить, его способность занимать обратно пропорциональна его желанию возвращать долг. Еще вчера он смотрел на кредитора как на сердечного друга, а сегодня всячески избегает встреч с ним, что делает его верным кандидатом на место в долговой тюрьме. Даже самое вежливое напоминание о долге он воспринимает как оскорбление. «Бестактным» назовет он поведение одной певицы, когда та по прошествии нескольких лет робко попросит вернуть ей, наконец, взятые под честное слово деньги...

Сходно ведет себя Вагнер и в любовной жизни: в ней он тоже стремится не связывать себя данным словом и порой пренебрегает понятием чести. Но так ли уж со своей некрасивой наружностью он удачлив в любви? Удачлив! (Пожалуй, лишь жена Минна, женщина красивая, но ограниченная, не идет в счет — Вагнер женится на ней сгоряча и всю жизнь только терпит ее.) Кажется, не было ни одного женского сердца, которое бы не сдалось на милость маэстро Вагнеру. Зная, что женщины любят ушами, он очаровывает их ослепительным красноречием (еще один его талант), пишет изящным литературным слогом вдохновенные, способные растопить лед письма и записки.

Вообще неспособный себе, любимому, в чем-либо отказать, он ни перед чем не останавливается, когда влюблен. Наиболее показателен в этом отношении пример его многолетней дружбы с Отто Везендонком, богатым предпринимателем, с которым он познакомится в Швейцарии. Из любви к музыке Вагнера Везендонк построит рядом со своей виллой дом для композитора и его жены (твори, Рихард, всем нам на радость!), он содержит их обоих за свой счет. Но однажды об этом горько пожалеет. Вагнер и жена Везендонка Матильда, восплают друг к другу неистойвой любовью, о чем свидетельствует их, похожая на роман, переписка. Они на долгие часы уходят в горы или на глазах у Отто, глядящего из своих богатых хором, и Минны, сидящей с рукоделием у окна, прогуливаются по аллеям парка со светящимися от любви лицами... Куда более круто Вагнер обойдется со своим учеником и горячим поклонником его музыки дирижером Гансом фон Бюловым. Наш герой влюбляет в себя его жену (она на двадцать четыре года моложе маэстро) и, овдовев, уводит ее от фон Бюлова. Бедняга Ганс, возненавидев

за это учителя, не может возненавидеть его музыку и до конца своих дней, где только может, выступает с концертами, посвященными творчеству Вагнера...

Однако ошибётся тот, кто примет нашего героя за бездушно-го расчетливого циника, что-то вроде гибрида Казановы с балзаковским Растиньяком. Да, Вагнер обожает красивую обеспеченную жизнь (а многие ли ее ненавидят?), да, свои чувства он часто ставит впереди моральных соображений. Но при этом, как справедливо замечает один из его биографов, он "невинен как хищник в поступках, какие принято называть подлыми". Вагнер, искренне убежденный в том, что он гений, убежден и в том, что все ему должны. Даже Листа, не уступавшего ему в таланте и известности, он считает своим вечным должником. Не верите? Но вот доподлинные слова самого Вагнера: "Сам по себе Лист не в состоянии содержать меня..." Вы не найдете ни одного документального свидетельства, что Лист когда-либо собирался посадить его себе на шею. Но для Вагнера это не столь существенно. Он не раз заявляет, что удел одних — зарабатывать деньги, а его, Вагнера, долг — тратить их. Конечно, он испытывает чувство неловкости перед другом Отто. В то же время считает, что Везендонк должен быть благодарен ему за то, что он и Матильда не делают тайны из своей любви.

Но не отягощенный излишней рефлексией Вагнер — заводит ли он роман с женой миллионера или со своей горничной — в отличие от Казановы, превратившего любовь в своего рода спорт, всегда идет следом за сердцем и теряет голову. В отличие от Растиньяка, он не делает карьеры и не закоренелый эгоист. Зато эгоцентрик — каких поискать на свете. Но он — сознательный эгоцентрик. Вагнер намеренно черпает жизненные удовольствия полным ковшом, намеренно дает волю своим чувствам, намеренно не принимает близко к сердцу упреки в непорядочности, коварстве и т.п. "Я ведь не могу жить как собака, не могу спать на сене и услаждаться сивухой, — исповедуется он одному человеку, — если уж надо, чтобы мой дух успешно справлялся со смертельно тяжелым трудом сотворения прежде не существовавшего мира, то мне хочется, чтобы меня как-то ублажали".

Словом, будучи "невинным как хищник", Вагнер вполне осознанно культивирует в себе талант, идет на все и даже больше — лишь бы его творческий дух и воображение работали на полную мощь. Даже на какие-то самоограничения он идет вполне осознанно. К примеру, в одном из писем он признается: "Итак, только посредственное исполнение (речь идет о постановке одной из его драм — И.З.) может меня спасти. Исполнение совершенное сведет людей с ума". Жизнь, полная красоты и наслаждений, для него не самоцель, а средство создавать великую музыку. И, если внимательно вслушаться в его музыку,

она вобрала в себя раскаты бурных гроз в любимых им Альпах, пронзительные крики экзотических птиц, терпкий аромат вин столетней выдержки, волшебство узоров персидских ковров, лучезарную красоту влюбленных женских глаз — все то, что обожал Рихард Вагнер, чем он жил, ради чего работал, да так, что временами от усталости впадал в беспамятство...

А в остальном он такой же, как все смертные. Бывает добрым, великодушным, сентиментальным, но чаще всего — занудливым, потому что постоянно говорит о себе и о том, как ему тяжело живется. Его самоуверенность чаще забавляет окружающих людей, чем раздражает. Лишь одно то, как Вагнер ведет себя на репетициях — незабываемый потешный спектакль. Он суматошно бегаёт по залу, вмешивается в работу дирижера, спорит с декораторами и рабочими сцены, показывает певцам и иногда певицам, как надо петь ту или иную партию, запуская немыслимых “петухов”... В творчестве не признававший никаких канонів, смело высказывавший свои убеждения, во всех других случаях Вагнер очень осторожен и порой даже трусоват. Он целых десять лет отсиживается в Швейцарии, хотя в Германии уже все забудут, как маэстро стоял на баррикадах. Бегство, как подмечает один из его биографов, самая характерная модель поведения Вагнера. Он бежит от кредиторов, бросив жильё, имущество (правда, не забыв взять с собой жену и собаку), внезапно покидает дом гостеприимного хозяина, когда почувствует, что в ухаживаниях за его женой может переступить грань дозволенного и получить за это пулю на дуэли. Однажды, влюбившись в замужнюю женщину, он решит (но не доведет дело до конца) порвать с “испорченной” европейской цивилизацией, бежать со своей пассией в Малую Азию и стать придворным композитором (о, Бакунин, Бакунин...) у турецкого султана. Открыто похваляясь своей мудростью и проницательностью, он всю жизнь не догадывается, что младшая сестра жены, повсюду следующая с ними, вовсе и не сестра, а дочь, прижитая Минной еще до замужества...

Говорят, недостатки человека суть продолжение его достоинств. Однако в натуре Вагнера иной раз проявляется такое, что больше похоже на ущербности его личности, чем просто недостатки. К примеру, наш герой необыкновенно гордится тем, что он немец, так, словно это уже само по себе подвиг. Зато в отношении людей другой национальности (в особенности, это касается французов) он проявляет воинственную, если не сказать, злобную нетерпимость. В отличие от многих немецких интеллигентов, Вагнер неприкрыто радуется разгрому Франции в войне с Пруссией. Имея среди друзей немало евреев, он пишет статьи о пагубном влиянии композиторов еврейской национальности на немецкую музыку, высмеивает Мейербера (того самого, кому он многим обязан), нападает на Мендельсо-

на и других. Причем, как признают многие его биографы, в своей критике он выходит за рамки профессиональной полемики, то и дело переходя на личности. Впрочем, знай пристрастный Вагнер, что в следующем веке за свои антисемитские высказывания он будет поднят немецкими фашистами на щит как “истинный ариец”, он, наверное, поубавил бы националистический пыл...

Пожалуй, эти и другие ущербности Вагнера — продолжение каких-то его слабостей и недостатков. Дело ведь не в том, что кто-то пишет плохую музыку, а в том, что он, Вагнер, пишет самую лучшую, самую совершенную. Нельзя считать случайным посвящение, сделанное им для Людвигу Баварского на эскизе драмы “Золото Рейна” — “Завершено вечное творение!” Он считает свою творческую манеру единственно правильной, и это даст одному из его современников повод с горечью заметить: “Кто в наши дни пишет не по-вагнеровски, дела того плохи, а кто пишет по-вагнеровски, дела того еще хуже”. Не решаясь посягнуть на авторитет Баха, Бетховена, Моцарта, наш герой весьма невысоко отзывается о творчестве своих современников — Брамса (“Скучный он!”), Берлиоза, Шумана, из чего следует, что себя среди них он ощущал единственно великим...

Ни об одном человеке нельзя сказать что-то однозначное и, уж тем более, о Рихарде Вагнере. “Он — Цезарь, Магомет, Наполеон, Бисмарк, когда ему нужно навязать свою волю, — говорится о нем в одной из книг, посвященных его жизни и творчеству. — И он — Микеланджело, Гете, Бетховен, когда нужно творить и когда художественный образ целиком завладел его воображением”. К сказанному можно добавить, что на музыку Вагнера работали не только его великие достоинства, но и его великие недостатки и даже некоторые ущербности. Так, не обладай он самоуверенностью, граничащей с манией величия, вряд ли он смог бы, сначала объявив себя гением, в конце концов, стать им. Имея не ахти какое крепкое здоровье, не сделал бы он так много и так хорошо (кроме музыки ко всем своим 13 драмам, он напишет также блестящие в литературном отношении либретто), если бы постоянно не холил и не лелеял свой талант. “Самовлюбленность перешла в любовь к собственному творению — к каждому отдельному такту, к каждому отдельному слову, — говорится о Вагнере в другой биографической книге. — Ему и для себя ничего не жалко — все должно быть самым лучшим и драгоценным, и над каждой деталью партитуры он трудится словно ювелир, словно Бенвенуто Челлини...” Даже его истощный патриотизм сработает во благо: для роста национального самосознания немцев Вагнер сделает не меньше, чем князь Бисмарк для создания могучей германской империи...

Впрочем, все, что было намешано в нашем герое, уйдет вместе с ним в могилу. (Вагнер умрет, сидя за фортепьяно, от разрыва сердца.) Но во веки веков останется его музыка, — великая, грозная, нежная, кипящая страстью в каждой ноте. По словам одного философа, она была “предчувствием катастрофы старого мира”, пророчеством грядущих мировых войн, революций, распада империй, да только человечество, как водится, не вняло ему. Но оно признает Вагнера и включит его в сонм своих бессмертных сыновей. (Прекрасно скажет о нем Александр Блок: “Вагнер все так же жив и все так же нов”.) Композитор, когда-то объявивший войну старой опере и проложивший дорогу — суть ведь не в терминах — новой, создал для оперных театров наиболее репертуарные произведения. Его “Тангейзер”, “Лоэнгрин”, “Тристан и Изольда”, “Кольцо нибелунгов” уже более ста лет не сходят с театральных афиш. Уже никто из певцов не говорит, что музыка Вагнера мешает им петь — самые выдающиеся из них считают за честь спеть партию Тангейзера или Лоэнгринна. Музыка Вагнера своей концентрированной звуковой плотью и отчетливой зримостью (взять хотя бы его знаменитый “Полет валькирий”, заставляющий тебя произвольно пригнуться, чтобы не быть сметенным ураганом звуков) по-прежнему производит столь сильное впечатление, что слабонервным людям лучше бы ее не слушать... ■

Сергей КАЛЕНИКИН

«арист»

«Дайте задачу посложнее!»

В середине 50-х годов американский нейрофизиолог Дж. Лилли высказал предположение, что дельфины обладают собственным языком, интеллектом, а так как их мозг больше человеческого, то, быть может, они превосходят нас по развитию...

Для гипотезы этой у Лилли были основания: действительно, дельфины обладают сложнейшей организацией нервной системы, наделены хорошо развитым и внушительным по объему — до 1700 граммов — мозгом, причем и извилин, и нейронов у зубатых китов, как еще называют этих морских млекопитающих, значительно больше, чем у человека. И скорость обработки информации мозгом дельфина поразительна. Дэвид и Мелба Колдуэл, ученые университета во Флориде, установили, что «за одну секунду дельфин может издавать несколько сотен щелчков, причем длительность некоторых из них составляет 0,0001 секунды. Это каждой посылки щелчка воспринимается животным еще до того, как оно издает следующий сигнал. Свисты же перерабатываются

мозгом животного с интервалом 0,0001 секунды. Это свидетельствует о возможности обработки в одном и том же центре мозга 1000 бит информации в секунду».

Один из ведущих российских дельфинологов доктор биологических наук В. Бельнович, говоря об интеллекте китообразных, утверждает, что дельфины значительно превосходят собак или обезьян, и команды человека выполняют они отнюдь не за вознаграждение, а из интереса — и лишь до той поры, пока им интересно. Если дельфина заставлять чрезмерно долго повторять одни и те же трюки, танго рода упражнения его могут довести до истерики. Примитивные же задания, такие, что «ниже его ума», он просто отмахивается выполнять. Однако, когда ему предлагают все новые и новые интеллектуальные задачи, требующие смекалки, дельфин готов работать чуть ли не 24 часа в сутки!

Интересны эксперименты, проводимые руководителем ведущей в мире лаборатории по изучению морских млекопитающих Гавайского университета профессором психологии Луисом Херманом. Он и

Клоааты моря

Так называли дельфинов древние греки. Многие тайны жизни и поведения этих удивительных обитателей океана не разгаданы и поныне...

его коллеги разработали для дельфинов специальную систему знанов, напоминающую язык, на котором общаются глухие люди. В обороте — приблизительно пять десятков слов, что вполне достаточно для составления тысячи предложений.

— Мы, обучив дельфинов, показываем им, как komponуются слова, образуются предложения и в чем их смысл, как нужно отвечать на вопросы, как выражается мысль, — пояснил в беседе со мной Л. Херман. — Мы хотим, чтобы дельфины поняли нас. Приходится разбирать и те конструкции, где одни и те же слова, но расположенные в разном порядке, дают обратный смысл. Но как бы вы ни жонглировали ими, дельфина запутать не удастся. Во всяком случае, у нас не получилось. Представьте себе бассейн, нуда поступает вода с двух противоположных сторон. Дельфин это видит, и мы даем команду: "Правый мяч в левую воду!". Или так: "В правую воду — левый мяч!". Нам не удалось одурачить дельфина — все делалось без заминки и точно.

Другой эксперимент. На дно бассейна опусналось кольцо. По-

давалась, казалось бы, невыполнимая команда: "Пройди... под ним". Но как можно проплыть под кольцом, лежащем на дне? Но и тут дельфин не ступешался: ныряет, переворачивается на спину и, приподняв кольцо со дна, пропускает его над собой.

Но более всего америнанских ученых поразило иное. Они были уверены, что дельфин, впервые увидев экран телевизора, а на нем — своего тренера, подающего команду, растеряется, не поймет, что от него требуется. К величайшему их изумлению, он понял все. И как ни в чем не бывало выполнил все инструкции. Тогда пошли на крайность, резко усложнив задачу — убрали с экрана телевизора изображение тренера, оставили лишь его работающие руни. И что вы думаете? Вновь — олимпийское спокойствие и ни единой ошибки!

— Потрясающий результат! — комментирует Л. Херман. — Это для нас, людей, телевизор — обыкновенная вещь, но никак не для морского млекопитающего. И тем не менее такая реакция! Дельфины прекрасно осознают: экран — не осязаемая реальность. Поназав видеосюжет, в котором человек

бросал мяч, мы решили проверить, "возьмет" ли зубатый нит мяч с экрана. Дельфин на это не "клюнул", он различает действительность и ее отражение. А, скажем, кошки, собаки телевизор не замечают, он для них — пустое место. Даже высшие приматы его воспринимают с большим трудом. Дельфины — иное дело.

— Мы провели немало исследований и можем сказать: дельфин — существо уникальное, — говорит начальник Севастопольского океанариума, капитан 1 ранга, кандидат технических наук Валерий Кулагин. — Чем больше его изучаем, тем больше вопросов. Основную часть информации мы, люди, получаем с помощью зрения. И

ногда смотрим в одну сторону, видим только то, что видим, не зная, снажем, что творится с другой стороны — сзади. У дельфина все иначе. Для него основное — звуковидение, а не зрение. С помощью эхолонатора дельфин получает информацию о форме и размерах предметов, расстоянии до них, а также о материале, его внутренней структуре; лоцируя, создает акустические образы любых объектов. Он живет в мире звуков и акустических полей. Именно через акустические образы дельфин и воспринимает мир. Нам же пока не под силу смоделировать нечто подобное — не хватает знаний. Мы даже представить себе не можем, что за способ жизни у этих необыкновенных существ!

В естественных природных условиях дельфины демонстрируют достаточно сложные формы коллективной деятельности. Но как бы они ни были сложны, это все же некие стандарты. А как китообразные ведут себя в нестандартных ситуациях? Способны ли они выполнить задачу без предварительного обучения?

— Разумеется, — говорит известный дельфинолог Владимир Марков. — Вот вам пример. Дело происходило на одной из южных баз, в естественном бассейне. Для акустических опытов он оказался великоватым. Поэтому в том же бассейне соорудили вольер, оградив его сетной. Туда и перевели черноморских афалин — молодых самцов, Жуту и Стрелку.

шестидюймовые трубы, а к ним двойным фалом привязали сетку. Это, знаете, адский труд. Естественно, все проверили и убедились: дельфинам не выбраться — трубы поднять невозможно, да и остальной крепеж был, как нам казалось, неуязвим. И

что вы думаете? Буквально на следующий день Жута и Стрелка — вновь за пределами вольера! Дельфины чуть ли не издевались над нами. Но каким образом они вышли на сей раз? Представьте себе: развязали оба фала. Как они это сделали, я до сих пор ума не приложу. Суцая мистика. Возникает, конечно, вопрос: как возможна такая сложная кооперация? Видимо, они договариваются. Определенно: у нитообразных есть свои абстрактные представления. Вот тогда-то мы и решили заняться дельфиньим языком...

Оглянуться не успели, а они уже вне вольера, резвятся в бассейне. Как же им удалось выбраться? Оказалось, что Жута, приподняв край огромного камня (он на дне прижимал сеть), образовывала лазейку, в которую проплывала Стрелка. Освободившись, она продельвала тот же трюк, но уже с внешней стороны вольера, давая возможность выйти Жуте. Такая вот кооперация. Решив подобных шуток впредь не допустить, мы уложили по периметру вольера

Не секрет, что именно СССР и США задавали тон не только в освоении Космоса, но и в изучении дельфинов. Объяснение простое: дельфинологию во многом опекали военные. Именно американские и наши ученые, обслуживающие научно-исследовательские структуры военных, оставаясь в тени, на протяжении многих лет изучали интеллектуальные и коммуникативные способности дельфинов, чем занималась и группа под руководством Владимира Марнова. Его и спрашиваю, есть ли все-таки, язык у дельфинов?

— Да, у дельфинов коммуникативная система такого же типа, как у людей, — утверждает ученый. — Сообщения нитообразных построены по тем же правилам, что и у человека. Сигнал дельфина — что-то вроде фразы, но, впрочем, не всегда — он скорее похож на иероглиф, который иногда означает больше, чем слово. В то же время у нитообразных встречаются и одиночные, элементарные звукофразы. У каждого дельфина — свой голос, свой темп речи. И, как мне представляется, с точки зрения дельфинов мы, представители рода людского, чрезвычайно тупые существа. Вы никогда не беседовали с человеком с очень замедленной речью? Жуткая пытка! Вас вряд ли хватит и на пять минут. Судите сами: средняя длина нашей гласной — 120 миллисекунд. У дельфина самый короткий сигнал, аналогичный нашей гласной — шесть миллисекунд. Импульсы, идущие с частотой 3 000 в секунду, дельфин может проанализировать каждый в отдельности! Для нитообразных наша речь — весьма и весьма медленный процесс. Они ее раскладывают на такие детали, о которых мы с вами и не подозрева-

ем, ибо человеческий слух не в силах их уловить. По сравнению с сухой — вода очень монотонная среда. Афалина живет на глубине до 100 метров, на дно, как правило, не ходит, чаще всего крутится в прибрежной зоне. Вследствие каких же причин мог возникнуть столь мощный интеллект, сформировалась такая сложная информационная система общения? Эта загадка для нас пока неразрешима.

— А вы не сомневаетесь в их высочайшем интеллекте?

— Чтобы оперировать языком, и необходимо иметь чрезвычайно высокий интеллект. А он, замечу, определяется отнюдь не массой мозга.

Немало шуму в научных кругах наделало и сенсационное открытие ученых из Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Северцова РАН (ИЭМЭН) Льва Мухаметова и Алексея Супина. Ими было установлено, что у афалины — однополушарный сон, то есть полушария мозга спят и бодрствуют поочередно. Получается, что у каждой половины мозга своя собствен-

ная потребность в сне, которая не может быть удовлетворена за счет сна другой. Все выглядит так, как будто бы полушария принадлежат двум разным головам.

Традиционно считалось, что у млекопитающих во время сна полушария головного мозга отдыхают, "отключаются", причем, у человека, высших животных и птиц отмечаются две фазы сна — медленная и быстрая (парадоксальная). В последней и наблюдаются сновидения. Выяснилось невероятное — дельфины как бы не имеют парадоксальной фазы и, похоже, не видят снов. А ведь наука была убеждена, что сновидения — обязательное физиологическое состояние организма, жизненная потребность мозга, высшей нервной системы. Кстати, исследования чикагского профессора Регшафена показали, что систематическое лишение животных быстрого сна приводит к их гибели. Даже у "живого ископаемого" — опоссума с его примитивным мозгом хорошо выражены обе фазы сна, почти не отличающиеся от сна человека. Оказывается, можно жить иначе? Или вот: у человека и наземных млекопитающих во время сна зрение выключается полностью. У дельфина же постоянно открыт один глаз, то есть он бдит и во сне — зрение выполняет сторожевые функции.

Еще одна загадка: скорость дельфинов не соответствует их реальной мощности. Чтобы нести в океане со скоростью 50 километров в час (а на носовой волне корабля и до 90), мышечная сила дельфинов должна быть в семь-восемь раз больше той, которой они обладают в реальности. Ни один современный корабль не в силах догнать зубатых нитов, которые иг-

раючи "обстаивают" даже самые быстроходные торпедные катера. Дельфин не только быстро набирает скорость, но и еще быстрее ее гасит. Ни одному техническому средству, ни одной конструкции не выдержать столь чудовищной нагрузки!

Заметьте, обладая столь фантастическими возможностями, дельфины могли бы быть недосыгаемы для человека. Но они позволяют не только приблизиться к себе, но... пленить себя! Попав в вольеры, зубатые ниты не протестуют.

Умея прыгать до пяти метров в высоту, дельфин запросто может перемахнуть через заграждения и уйти на волю, но этого, как правило, не происходит. Да, случаются "самоволки", но через определенное время дельфины сами возвращаются в вольеры, предпочитая остаться с человеком — по сути, со смертельным врагом. Ведь только за последнее столетие людьми уничтожено около двух миллионов дельфинов. И тем не менее зубатые относятся к нам с редчайшим дружелюбием. И в наши дни, как в глубокой древности, дельфины по-прежнему спасают корабли, тонущих, помогают рыбакам и даже, отдавая свою биоэнергетику, лечат людей.

Может быть, дельфины от природы настолько миролюбивы и дружелюбны, что в принципе не в силах на агрессию ответить агрессией? Это не так. У дельфинов помимо человека есть серьезный враг — крупные акулы, которые заглатывают маленьких дельфинят, не упуская возможности напасть и на ослабленного или больного дельфина. Но ведь и зубатые в долгу не остаются. Разогнавшись, дельфины наносят страшной силы

удары в брюхо акулы или бьют ее своим клювом в жаберные щели и топят ее.

Так что дельфины хорошо понимают, где враг и как на него реагировать. Но вот с человеком у них с древнейших времен особые отношения. И это несмотря на неприкрытую людскую агрессию. Чего же ради дельфинам проявлять столь теплые чувства к человеку? Ведь, согласитесь, мы заслуживаем совсем иного.

Есть версия, утверждающая, что предтечей человека и дельфина было одно и то же существо. Им, по мнению известного мариниста Ж. Майоля, могла быть "обезьяна-амфибия". Подтвердится ли эта гипотеза — покажет время.

В роли доктора

... Девочка жила в замкнутом и безмолвном мире: как бы ничего не видела и не слышала, не реагировала на слова. Полное отрешение от всего, когда окружающее практически не существует. Диагноз Лере Журавец поставили невеселый: аутизм. Лечить ее начали с четырех лет, но традиционные методы не дали желаемого эффекта. В конце концов, узнав, что в Севастопольском океанариуме оказывают оздоровительные услуги, родители Леры решились использовать и этот шанс.

— Признаться, сначала было боязно: не так-то просто оказаться один на один с двухметровым морским млекопитающим, — рассказывает мама Леры Алла Журавец, кандидат технических наук. — Однако стоило войти в воду, как опасения улетучились. Нашим ленарем стала дельфиниха Диана. Не знаю, каким образом, но, как мне показалось, она прекрасно пони-

мает человеческую речь и соответственно реагирует. Диана очень чувствительна к внутреннему состоянию людей. Похоже, у нее к каждому человеку — индивидуальный подход, свое отношение, но всегда и ко всем людям — с ярко выраженным вниманием. Если ребенок боится воды, Диана подплывает к нему очень тихо, плавно и аккуратно, не делая резких движений. А это особенно важно для детей, страдающих аутизмом. Ведь они боятся даже порхающих маленьких птичек. Что же касается Леры, то ей, помимо прочего, надо было научиться сосредотачивать свой взгляд на дальних и движущихся предметах. Так вот, впервые осмысленно смотреть наша дочь стала, наблюдая за Дианой, ее движениями. Именно в воде, во время сеансов дельфинотерапии, Лера научилась смотреть вдаль.

Как же врачуют зубатые киты? Со стороны дельфинотерапия выглядит баловством. Ну какой может быть медицинский эффект от того, что ребенок играет с дельфином, плавает рядом с ним, держась за его спинной плавник, обнимает или поглаживает? Между тем такого рода развлечения — наиглавнейшее условие успешного лечения, ибо важно, чтобы отправляющийся на прием к дельфину пациент был раскрепощен, сумел бы сконцентрировать внимание на "докторе" и своих болячках. Это, по утверждению специалистов, способствует желаемому контакту, когда тонкие полевые структуры человека сливаются с колебаниями биополя дельфина. Так образуется общая волна — некий благодатный резонансный канал. (Прежде чем оставить пациента наедине с морским лекарем, с ним непременно

беседует врач, помогая ему подобрать индивидуальный текст для общения с нитообразным.)

Вначале доктор-дельфин ставит свой диагноз — с помощью биоакустических сигналов, ультразвуковых волн, которые обладают выраженным биологическим действием. То есть, лоцируя, он просматривает человека — как УЗИ. Если вы здоровы, раздается спокойное пощелкивание, больны — дельфин буквально "закипает" — начинает урчать, будто мотоцикл, причем самостоятельно определяя, в каком режиме ему работать. То есть и здесь им учитывается внутреннее состояние человека — степень его заболевания. Исключительно индивидуальный подход.

Истати, специалисты океанариума, наблюдая ультразвуковые воздействия на Леру, были просто поражены, с какой силой Диана "обрушилась" на девочку. Приборы зашкаливали! Неоднократные контрольные проверки подтвердили, что столь мощные биосигналы были адресованы именно Лере. А на здоровую, "контрольную", девочку Диана вообще не реагировала. Хотя дельфиний ультразвук человеку не ощущается, это весьма мощное воздействие, требующее ограничений — число сеансов дельфинотерапии для детей не превышает 10, а продолжительность их — от 5 до 15 минут.

— После сеансов у Леры заметно улучшился сон, — рассказывает А. Журавец. — Но главное — наша дочка наконец-то заговорила.

Дельфинотерапия не ограничивается лечением аутизма. Как показывает мировой опыт (медицинская практика океанариумов Северной Америки, Англии, Норвегии, Голландии, Кубы, Японии), с

участием нитообразных успешно врачуются и тяжелые психозы, сложные расстройства нервной системы, энурез, заикание, фобии, осуществляется реабилитация после детского церебрального паралича и другой органической патологии, наблюдаются улучшения и при лечении болезни Дауна, олигофрении... Только с помощью севастопольской Дианы за семь лет свое здоровье поправили более полутора тысяч человек.

Как поясняет сотрудница океанариума, кандидат биологических наук Светлана Матишева, у каждого человека свое биополе, а оно есть не что иное как защитная оболочка организма; чем оно тоньше (в метрах) — тем чаще мы бодем, тем более уязвимы. Дельфины наше биополе корректируют — наращивают его или восстанавливают утраченное. Так, после плавания с афалиной, у больных детей биополе увеличивается в два-три раза. Однако эта процедура для дельфинов не проходит бесследно, несмотря на то, что их биополе в десятки раз больше нашего. Снажем, к концу сеанса, после общения с тяжело больными детьми, энергетика Дианы понижается в полтора-два раза.

У доктора Дианы среди пациентов есть свои любимцы. Похоже, в их числе оказалась и Лера. Судите сами: ровно через год она приехала на очередной прием к Диане, которая, увидев свою подопечную, тут же стала выпрыгивать из воды, кружить, всем своим видом показывая, что она не только признала Леру, но и очень рада видеть ее. И по своей же инициативе, не скрывая возвышенных чувств, натала девочку раз десять. После очередных сеансов у Леры полностью пре-

кратился энурез, она уже не только повторяла слова, но и научилась отвечать на всевозможные вопросы. И самое показательное: Лера стала правильно реагировать на обычные житейские обращения: "выключи свет", "принеси ручку", "вымой тарелку"...

— Сейчас Лера достаточно хорошо включена в окружающий мир: все видит, понимает и делает необходимое, — делится успехами А. Журавец. — Надеюсь, после очередного курса дельфинотерапии мы достигнем и большего...

Дельфин — оружие будущего?

Еще Дж. Лилли в своих нашедших трудах утверждал, что нитообразных "можно приохотить" не только нести разведывательную и патрульную службу, не только "использовать в качестве подрывников", но и применять в качестве "самонаводящегося оружия против человека", они могли бы также взрывать ядерными зарядами подлодки, подводные ракетные установки, не говоря уж о надводных целях...

В 1966 году агентство Ассошиэйтед пресс распространило статью (она была напечатана газетами всего мира), в которой утверждалось, что ученые ВМС США "научили дельфинов отличать один металл от другого — полезнейший профессиональный прием для существ, которых в один прекрасный день начнут использовать для обнаружения подводных лодок, мин и подводных ракетных установок..." К этому добавлялось: "По мнению военно-морских специалистов, дельфины-самоубийцы, обученные нести взрывчатку и таранить вражеские корабли, могут стать ору-

жием будущего — флот обучает дельфинов-наминадзе"...

Известный английский ученый Э. Монтегю в знак протеста обратился с открытым письмом в редакцию "Нью-Йорк таймс", назвав эксперименты ВМС США "верхом моральной деградации"... И тем не менее во время войны во Вьетнаме Соединенные Штаты все же использовали дельфинов в Камраньском заливе для нападения на водолазов противника, а также для обнаружения и обезвреживания мин. В 1972 году сенатский комитет по делам разведки США заслушал показания бывшего ученого ВМС М. Гринвуда, который подтвердил факт дрессировки морских млекопитающих для "охоты" на людей...

А сенсационный судебный процесс, прошедший в Гонолулу? Напомним: ученые Л. Вэссер и С. Симпэн, узнав, что руководители "исследований" намерены превратить дельфинов в живые торпеды, выпустили их в океан, за что и были обвинены не только в краже собственности правительства США, но и в разглашении военной тайны... Тогда-то и выяснилось, что у Пентагона, помимо гавайской базы, есть еще один центр "диверсионных тренировок" — на побережье штата Флорида. И все тот же М. Гринвуд уточнил: дельфинов "вооружают" минами и баллонами с отравляющим газом — взрывные устройства предназначались для потопления кораблей в гавани Гаваны, а оснащенные длинными иглами баллоны — для уничтожения людей...

В 80-х годах газета "Нью-Йорк таймс" сообщала о секретной диверсии ВМС США, в которой говорилось об использовании дельфиньего спецназа в Никарагуа... А

спустя несколько лет, уже в 1990-м, журнал "Инвайроментал мэгэзин" информировал: "Недавно ВМС США завершили строительство 16 вагонов для дельфинов на базе подводных лодок в Бангоре (шт. Вашингтон). Именно там дислоцируются ПЛ "Трайдент" — морской компонент стратегических ядерных сил США. По мнению специалистов ВМС, дельфины обеспечивают безопасность базы по периметру, охраняя окружающие ее воды, а, кроме того, должны защитить чрезвычайно дорогостоящие подводные лодки от диверсантов. Одним из пунктов программы предусматривается использование автоматического стреляющего механизма калибра 0,45, который прикрепляется к носу дельфина. Спусковой механизм должен срабатывать, когда дельфины ударяются твердым выступающим концом носадки о нарушителя..."

Оружие будущего продолжает совершенствоваться и сегодня. Если верить французским газетам, только военные ведомства США на работу с дельфинами тратят ежегодно около 500 миллионов долларов.

Между тем в военно-прикладной дельфинологии преуспели не только ВМС США, но и ВМФ СССР. Хотя наша держава онаялась в роли преследователя (работы начались на 30 лет позже), но, по заверениям ученых не так давно рассерженного бывшего Океанариума ВМФ СССР, а ныне — Государственного океанариума министерства обороны и Национальной академии наук Украины (Севастополь), они не только во многом "достали" США, но и в чем-то превзошли.

Чему же обучали дельфинов? В разговоре со мной начальник

Океанариума, капитан 1 ранга В. Кулагин подчеркнул: хотя в возглавляемом им хозяйстве и дислоцируется дельфиний спецназ, они никогда не готовили и не готовят наминадзе или дельфинов-убийц. Океанариум — не казарма для "подводных диверсантов". Дельфины из спецназа ищут затонувшие образцы военной техники, помогают водолазам при поисково-спасательных работах, охраняют как главную севастопольскую бухту, так и отдельно стоящие на рейде корабли от возможных проникновений подводных диверсионных средств.

Скажем, за 1985-1990 годы проведено 12 экспедиций в различные районы Черного моря, где дельфинами найдено (под донным илом, на глубине до 100 метров!) 11 экспериментальных торпед, пять донных дорогостоящих мин, две аварийные гидродинамические станции и даже сверхмалая подлодка... С помощью дельфинов составлены подробные подводные карты обследуемых районов.

Возможности "зубатого спецназа" продемонстрировали и недавние учения, когда, к примеру, дельфин Тиран, абсолютно не ведая, где затоплена мина, нешел ее за каких-то 15 минут. Боевой же тральщик в поисках мины безуспешно "утюжил" море два дня. Специалисты океанариума впервые в мировой практике осуществили парашютный сброс дельфина с вертолета в море. Так что, если потребуется, дельфиний спецназ объявится и с небес.

Еще один любопытный факт. Ученые России и Украины создали охранную компьютерную биотехническую систему, к сети кото-

рой "подключились" и дельфины. Она уже показала себя в состязательных учениях. По оценке командующего ЧФ, биотехническая система в пять раз эффективнее обычных охранных средств флота.

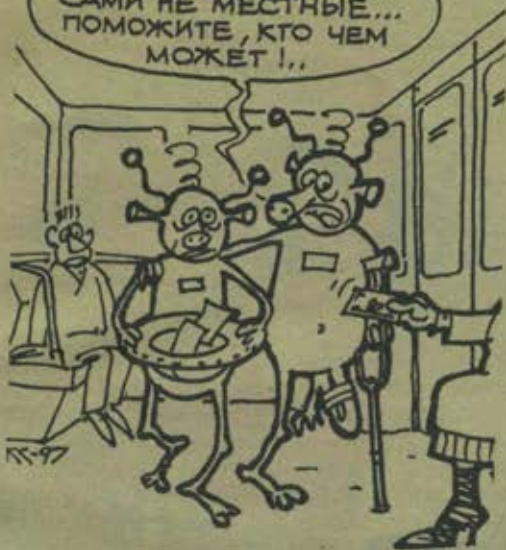
Несмотря на все перипетии, связанные с развалом СССР и Черноморского флота, океанариум, как научное учреждение, все же устоял: удалось сохранить главное — специалистов. Что же касается прикладных — оборонных программ, то они сегодня сведены к минимуму. Увы, не слышно, чтобы ВМС США стремились к тому же. Во всяком случае, их дельфиний спецназ в отставку явно не торопят...

Дельфин — это 1001 загадка. Наверное, многие из них будут разгаданы в веке грядущем. И тут вспоминаются размышления Жака Майоля: "Человечество открыло существование своего двоюродного брата — дельфина. Займет ли он в нашей жизни то место, которое заслужил и которое отводили ему древние греки и египтяне? Надо надеяться на это. Как и на то, что со временем мы сможем следовать великолепному примеру мудрости, солидарности, жизнелюбия, который он нам постоянно преподносит, научимся беречь и уважать ценности, которыми он так же дорожит больше всего, — мир и свободу". ■

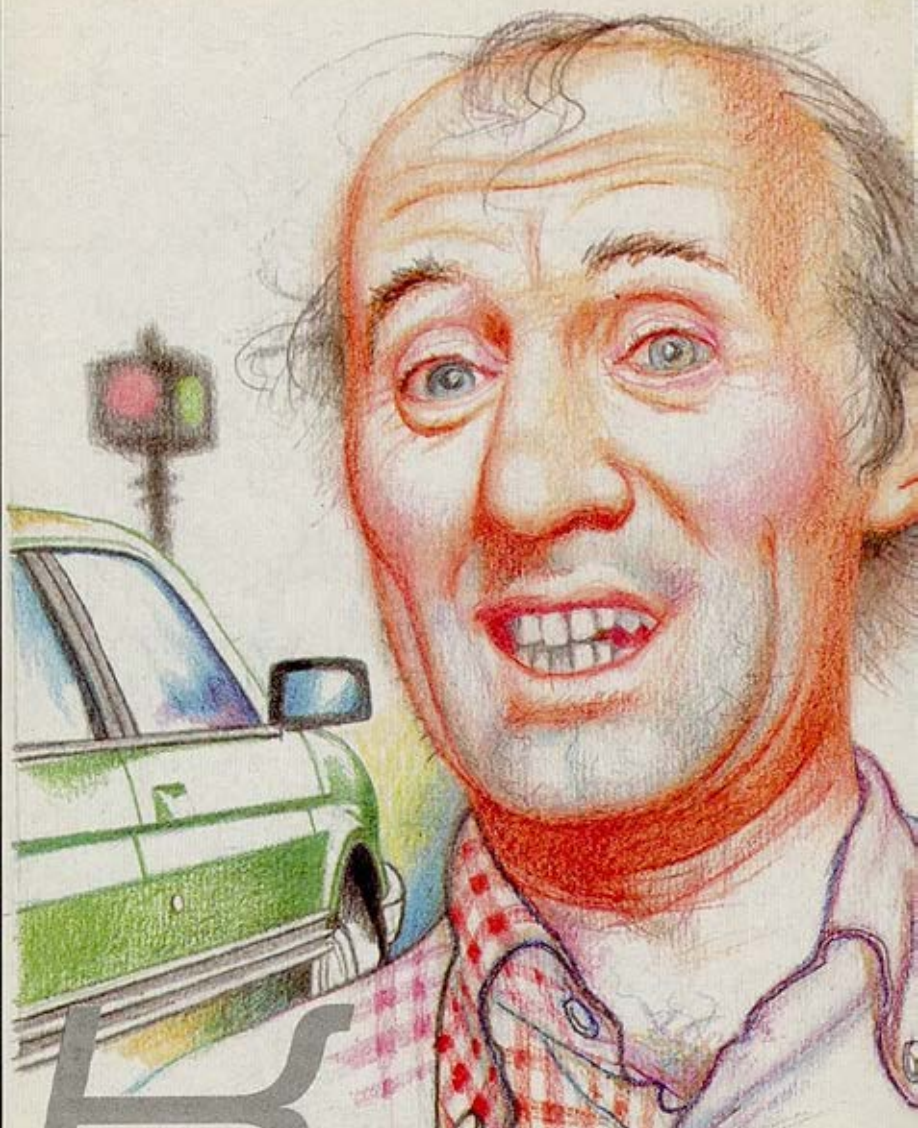

ЛЮДИ ДОБРЫЕ! МЫ
САМИ НЕ МЕСТНЫЕ...
ПОМОЖИТЕ, КТО ЧЕМ
МОЖЕТ!..

МЫ ХОТИМ РАБОТАТЬ
НЕ ЗА СТРАХ И НЕ ЗА
СОВЕСТЬ, А ЗА ДЕНЬГИ!

К
санаду
С
ОНИ

Рэй РАССЕЛ

Сонни Грей застонал, скрипя зубами, пронзительно завизжал... и проснулся. Несколько минут он неподвижно лежал, тяжело дыша и пытаюсь вспомнить, что за чертовщина приснилась ему на этот раз, но вскоре сдался. Наверное, опять кошмары. Точнее, кошмар — тот же самый, что в последнее время с удивительным постоянством преследует его каждую ночь.

Ладно, сказал себе Сонни, проехали. В конце концов, это всего лишь сон.

Он улыбнулся, и его лицо, маленькое и невыразительное — из тех, которые даже при большом желании нельзя назвать

рея

привлекательными, — сразу преобразилось. Это была улыбка человека, знающего некую тайну, улыбка кота, только что слопавшего пяток толстых и сочных канареек.

Сонни сел на постели и, протерев глаза, посмотрел в окно. Дом находился на Сент-Айвз-драйв, чуть повыше Сансет-стрит, и из спальни открывался великолепный вид на Лос-Анджелес. Утро было ясное, и город лежал перед ним как на ладони. Вон Голливуд, кичливый и вульгарный, а дальше начинается Беверли-Хиллз, застроенный роскошными виллами. Сонни потянулся и подумал, что жизнь прекрасна.

Впрочем, так было не всегда. Спустившись на кухню, он принялся готовить завтрак, вспоминая свое недавнее прошлое. Ужасное время! Время одиночества и ненависти к самому себе. Дни, наполненные тоской и отчаянием, ночи беспробудного питья и горьких слез, постоянные мысли о самоубийстве... все это осталось позади, растаяло, как дым.

Покончив с яичницей с ветчиной, гостями с маслом и кофе, Сонни промокнул губы салфеткой и удовлетворенно вздохнул. Под душем он не удержался и запел "Травиату", а приступив к бритью, посмотрел на себя в зеркало, рассмеялся и умиленно сказал своему отражению:

— Ах, ты, обезьянка! Маленькая противная обезьянка.

Сонни и в самом деле был похож на обезьянку. Раньше это некрасивое лицо, маленький рост, а затем и наметившаяся лысина вгоняли его в меланхолию, однако теперь внешность не имела для него ни малейшего значения.

Надев свежую пижаму и облачившись в халат, Сонни поднялся в кабинет, отпер ящик стола и достал записную книжку в кожаном переплете цвета слоновой кости. Поглаживая мягкую кожу кончиками пальцев, он начал листать страницы, по давней холостяцкой привычке бормоча себе под нос:

— Так... суббота... Полная программа.

Сонни прошествовал в гостиную, посмотрел на часы над камином — было без пяти десять, и, опустившись в глубокое кресло, принялся терпеливо ждать. Ровно в десять он услышал, как у дома, скрипнув тормозами, остановилась машина, и в дверь тихо постучали.

— Минута в минуту, — с довольной улыбкой заметил Сонни и пошел открывать.

День начался точно по расписанию.

В половине первого зазвонил телефон.

— Алло? — спросил Сонни.

— Это Милли Ван Бюстенхальтер. Сейчас у меня в гостях подруга, Сандра Шарно... Она хотела бы с вами поговорить.

— Отлично. Передайте ей трубочку.

— Алло? — после короткой паузы произнес приятный девичий голос. — Мистер... э...

— Насколько я понял, вас зовут Сандра Шарно? Надо полагать, у вас какая-то проблема, и вам требуется моя помощь?

— Да, Милли говорит, что вы добиваетесь поистине поразительных результатов, а я просто в отчаянии...

— Вот что, мисс Шарно. На углу Сансет-стрип и Догени есть кафетерий. Вы сможете быть там... скажем, через час?

— Угол Сансет и Догени? — нерешительно переспросила девушка.

— Да, маленький такой кафетерий. Я буду сидеть за столиком со стаканом молока. На мне будет темный костюм, красный галстук, в петлице — белая гвоздика.

— Даже не знаю...

— Решайте сами. Я буду там в любом случае. Придете — отлично, нет — дело ваше. Темный костюм, красный галстук, белая гвоздика.

— Хорошо. Ой, простите, а как вас...

— До встречи.

Положив трубку, Сонни быстро переоделся в темный костюм и повязал ярко-красный шелковый галстук с гранатовой заколкой. Вспомнив, что вчера у цветочника гвоздики кончились, и тот прислал вместо них розы, он пожал плечами, взял одну из букета, стоявшего в вазе на пианино, и аккуратно вставил ее в петлицу. Сойдет и так.

Он уже допивал молоко, когда в кафетерий вошла стройная длинноногая девушка. Нервно оглядевшись по сторонам и заметив Сонни, она направилась к его столу, цокая каблучками и покачивая маленькой сумочкой из крокодиловой кожи. Ее лицо было напряжено, под глазами темнели черные круги — скорее всего, от бессонницы. Косметикой она не пользовалась, но такой красавице этого и не требовалось.

— Мисс Шарно? — вежливо улыбнулся Сонни.

— Да.

— Я Халстед Грей. Садитесь, пожалуйста. Чашечку кофе? Нет? Еще что-нибудь? Что ж... Давайте сразу проясним две вещи. Во-первых, я не врач и не выдаю себя за такового. Во-вторых, я не беру денег. Я всего лишь оказываю любезности моим друзьям, таким, как Милли. Или друзьям моих друзей, в данном случае вам. Понимаете?

— Да, мистер Грей, — смущенно кивнула Сандра Шарно. — Это очень великодушно с вашей...

— Вот и славно. Тогда пойдемте. — Сонни залпом допил молоко и поднялся. — Это ваша машина снаружи?

Своего адреса он называть не стал, и девушка вела машину, следуя его указаниям.

— Мистер Грей, если вы не берете денег, как же вы зарабатываете на жизнь? — немного погодя спросила она.

— Никак, — усмехнулся тот. — Однако это вовсе не означает, что я бездельник, ведь благотворительность — занятие непростое. Мой отец, Халстед Грей-старший, оставил мне небольшое состояние. Довольно скромное, но оно позволяет мне не думать о деньгах. — Это был отрететированный монолог, и Сонни знал его наизубок, тем более, что это было чистой правдой.

Когда они вошли в гостиную, он усадил Сандру в удобное кресло и поставил пластинку Делиуса.

— Почему бы вам не снять туфли? Пусть ноги отдыхают... Итак, в чем заключается ваша проблема?

Сандра прижала ладони к вискам.

— У меня жуткие мигрени, такие, что голова просто раскалывается. Вот и сейчас тоже. А завтра у меня просмотр. И каждый раз перед просмотром...

— Вы актриса?

— Танцовщица. У меня появилась возможность попасть в популярнейшую телепрограмму, а тут...

— Все ясно, — кивнул Сонни. — Что ж, попробуем. Кстати, сколько вам лет?

— Двадцать.

— Что вам известно о моем методе?

— Ничего. Милли сказала только, что вы великий...

— Это гипноз, и не более того, — пояснил он. — Я сниму вам головную боль, и на завтрашнем просмотре вы будете чувствовать себя отлично, но предупреждаю сразу — рано или поздно ваши мигрени вернуться. Я могу воздействовать лишь на следствие, но не на причину. Как видите, я с вами абсолютно откровенен.

Сандра молча кивнула.

— Мне потребуется ваше полное содействие. Не сопротивляйтесь. Вам удобно? Хорошо, приступим... Расслабьтесь и прислушайтесь к музыке... Она очень успокаивает... такая нежная, приятная мелодия, так и кажется, что вас подхватывает мягкая волна... Видите заколку на моем галстуке? Этот камень называется гранат... прекрасный гранат... как же приятно на него смотреть, он притягивает ваш взгляд... завораживает... вы в нем тонете... все глубже... глубже... Смотрите на него... внимательно... внимательно... и пока вы на него смотрите, вы погружаетесь в сон... глубокий... глубокий сон... Ваше тело расслабляется... полностью расслаблено... Ноги становятся тяжелыми... очень, очень тяжелыми... руки тоже тяжелеют... тяжелеют... веки опускаются... глаза устали... вот они начинают закрываться... закрываются... закрываются... закрылись... Вы спите.

Дыхание девушки стало медленным и ровным. Убедившись, что гипноз подействовал, Сонни на цыпочках вышел в кабинет и через минуту вернулся с записной книжкой и карандашом.

— Как вас зовут? — спросил он, листая страницы.

— Сандра... Сартелли...

— Сколько вам лет?

— Двадцать... два...

— Умница, Сандра, вы всегда должны говорить мне правду.

Запомните хорошенько. Правду, и ничего, кроме правды. Вы замужем?

— Нет...

— Бываете ли вы свободны... так... днем по четвергам?

— Нет...

— Почему?

— Уроки танцев...

— Ага! В таком случае, свободны ли вы между десятью и одиннадцатью по пятницам?

— Да...

Сонни сделал пометку в записной книжке.

— Слушайте внимательно. В следующую пятницу вы сделаете все от вас зависящее, чтобы оказаться в этом доме к десяти утра. В разумных пределах, разумеется. Это значит, что вы постараетесь — и хорошенько! — сделать так, чтобы утро каждой пятницы всегда было у вас свободным. Однако если у вас возникнут препятствия, вы почувствуете, что приезжать не стоит, и перенесете свой визит на следующую пятницу, на десять утра. А теперь повторите.

— В следующую пятницу...

Слушая Сандру, Сонни в который раз похвалил себя за предусмотрительность. Если субъекту дать установку на выполнение непосильной задачи, это может привести к опасным последствиям. Что, если в этот момент она будет лежать в больнице на операции? Или окажется в другом городе, например, на гастролях? Невозможность приехать к Сонни вызовет у нее тяжелейшую истерику.

— ...перенесу визит на следующую пятницу, на десять утра.

Что ж, в следующую пятницу надо будет провести еще один сеанс внушения, а сейчас пора завершать "инструктаж".

— Когда вы уйдете отсюда, — медленно и внятно заговорил Сонни, — то поедете прямо домой. На первом зеленом светофоре вы забудете мой адрес. На втором зеленом светофоре вы забудете мой телефон. На третьем — мое имя. Когда вы ляжете спать, вы напрочь забудете, как выгляжу я, как выглядит этот дом, и что вы вообще были здесь. Повторите... — Теперь даже если они случайно столкнутся на улице, она нипочем его не узнает. — Утром в пятницу вы неожиданно вспомните, где находится этот дом, и легко его найдете, хотя не будете знать ни адреса, ни номера телефона, ни моего имени. Повторите... Если кто-нибудь спросит, куда вы направляетесь, вы ничего не скажете, потому что сами не будете знать. Вместо этого вы придумаете отговорку, причем самую что ни есть правдопо-

добную. Повторите... — Через пару месяцев Сонни поменяет день и час ее еженедельных визитов, чтобы ее постоянное отсутствие в одно и то же время не привлекало внимания. — Запомните слово — “Ксанаду”. Если вы его где-нибудь услышите или прочтете, то никак не отреагируете. Но услышав его от меня, немедленно погрузитесь в глубокий транс — такой, в каком вы пребываете сейчас. Когда я, и только я, скажу — “Ксанаду”. Повторите... А теперь встаньте, Сандра. — Девушка повиновалась, и Сонни взял ее за руку. — Пойдемте со мной. — Поднявшись в спальню, он усадил ее на кровать и сел рядом. — Сандра, вы должны быть со мной предельно откровенны и честно отвечать на мои вопросы. Крайне важно, чтобы вы были абсолютно честны сами с собой, а значит, и со мной... Я хочу, чтобы вы вспомнили всех мужчин, с которыми были знакомы... скажем, за последние шесть лет. Точнее, только тех из них, кто для вас что-то значил... о ком вы много думали, мечтали, даже если не встречались с ними лично. Проойтесь в своей памяти, Сандра. Вспоминайте, одного за другим.

Пока девушка вспоминала, Сонни встал и, закулив сигарету, подумал, как же все-таки ему повезло. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что этого могло и не произойти, и чувствовал себя в вечном долгу перед судьбой. Его Величество случай... Если бы полгода назад, когда он сидел дома, изнывая от скуки перед телевизором, ему не позвонил знакомый писатель Клейтон Хорн с приглашением на вечеринку! Если бы Хорн не поддался на уговоры гостей продемонстрировать свои способности к гипнозу! Однако, подумал Сонни, с улыбкой наблюдая за плавающими в воздухе кольцами дыма, все произошло именно так, как произошло.

— Ну ладно, ладно, уговорили, — согласился тогда Хорн. — Только попрошу уважаемую публику воздержаться от шуточек. И еще — я не волшебник и ничего не обещаю. Иногда получается, иногда — нет. Ничего сверхъестественного — обычная научная техника.

— Спорю на двадцатку, что у вас ничего не выйдет, — хитро прищурился Сонни.

— Никаких пари. Я спорю, только когда уверен в успехе, а тут... сами понимаете. Итак, есть желающие? Может быть, вы, Сонни?

— Нет уж, я лучше посмотрю.

Хорн повернулся к высокой брюнетке с фигурой манекенщицы.

— Мэвис, а ты что скажешь? По ряду причин девушки легче поддаются гипнозу.

— Дорогая, не соглашайся! — в шутливом ужасе воскликнул ее приятель Руди. — Стоит тебе оказаться в его власти, как он заставит тебя вытворять все, что ему вздумается.

— А вот и нет! — засмеялась Мэвис. — Я где-то читала, что гипнотизер не может заставить человека пойти против его моральных принципов. Ведь верно, Клей?

Хорн улыбнулся.

— Вообще-то, существуют способы, позволяющие обойти...

— А кроме того, старушка, — перебил его Руди, — тогда мы узнаем о твоих моральных принципах все!

Все рассмеялись — наверное, громче, чем следовало, потому что Мэвис, смутившись, покачала головой. Хорн повернулся к тихой, ничем не примечательной девушке, за весь вечер не сказавшей почти ни слова.

— А вы, Дорис? Давайте, смелее.

Та явно колебалась.

— Я не против, но мне давно пора домой. У меня ужасно болит зуб.

— Отлично! Доктор Хорн мигом его вылечит. Садитесь и снимайте туфли. Вот так. Удобно? Нет-нет, ноги не скрещивайте — это затрудняет кровообращение, и вы можете проснуться в самый неподходящий момент. Я уже проделывал это раньше, и довольно успешно. Впрочем, раз на раз не приходится. Однако самое смешное заключается в том, что никто никого не гипнотизирует — на самом деле люди гипнотизируют сами себя. А так называемый гипнотизер им лишь помогает. Дорогая, у меня ничего не получится, если вы сами этого не захотите, понимаете? Если вы боитесь...

— Ничего я не боюсь! — мотнула головой Дорис. — Просто мне это кажется немного глупым.

— Вот и замечательно. Я вовсе не против, чтобы вы считали это глупым. Вполне естественная реакция. Даже нормальная, если уж на то пошло. Заодно это поможет вам расслабиться. Считайте, что мы просто валяем дурака, а вы только мне подыгрываете, чтобы не огорчать, договорились?

Сонни с изумлением наблюдал, как Дорис закрыла глаза, все глубже погружаясь в транс. Хорн делал с ней, что хотел: заставлял мяукать как кошка, хохотать, бегать по комнате, плакать. Затем, подмигнув ее кавалеру — молодому человеку по имени Джо, он сказал ей, что в комнате становится все жарче — двадцать пять градусов... тридцать.. тридцать пять... и Дорис начала расстегивать блузку.

— Минутку, Клей! — забеспокоился Джо.

Хорн засмеялся и повернулся к Дорис.

— Температура снижается. Тридцать градусов... двадцать пять... двадцать...

Дорис застегнулась, и Хорн указал на нее Мэвис.

— Теперь понимаешь, что я имел в виду, говоря о моральных принципах? Если бы я ее не остановил, она бы сняла с себя все. Но прикажи я ей просто раздеться, она бы не подчинилась. — Он вновь повернулся к Дорис. — Когда я вас разбуду,

вы не будете ничего помнить из того, что сейчас произошло. Ваша зубная боль полностью исчезнет. Вскоре после того, как вы проснетесь, Джо предложит вам сигарету. Доставая ее из пачки, вы запоете припев из "Звездно-полосатого знамени". Я считаю до пяти. На счет "пять" вы проснетесь. Один... два... три... четыре... пять!

Первое, на что она обратила внимание, — зубная боль прошла. Хорн подробно объяснил ей, что он устранил лишь следствие, но не причину, и взял с нее слово, что завтра утром она первым делом отправится к дантисту.

Сонни глазам своим не мог поверить. Выбрав подходящий момент, он отвел Хорна в сторону, чтобы выразить свое восхищение его магическими чарами.

— Магия, шмагия, — пророчал тот. — Я ведь не шутил, когда сказал, что самое потрясающее в гипнозе именно то, что это невероятно легко. Несколько фраз и жестов, которые ничего не стоит заучить, определенная сила убеждения, сотрудничество со стороны субъекта, и пожалуйста — вы уже гипнотизер. Вспомните, в детстве вам наверняка попадались брошюры по десять центов с названиями типа "Как стать гипнотизером"? Мы ведь всегда считали, что это псевдонаучная чушь. Так вот — ничуть не бывало. Вы и в самом деле можете научиться гипнозу по десятицентовой книжке. Любой может. В том числе и вы.

"В том числе и вы". Сказав это, Хорн, сам того не зная, изменил всю жизнь Сонни. Несколько дней тот усердно изучал основы, а неделю спустя уже демонстрировал свои первые успехи на очередной вечеринке у Хорна. Затем последовало несколько неудач, которые многому его научили, — например, как расположить к себе субъекта. А затем Сонни осенило — ведь этот новый талант можно использовать не только для развлечения гостей на вечеринках...

Затушив сигарету в пепельнице, Сонни подошел к Сандре и сел рядом с ней.

— Итак, дорогая моя, надеюсь, вы никого не пропустили? — покровительственным тоном поинтересовался он. — А теперь скажите, с кем из всех этих мужчин вам больше всего хотелось бы заняться любовью?

— С Бобом... — после секундной паузы ответила девушка.

— Кто такой Боб?

— Боб... Ричи...

— И кто же такой этот самый Боб Ричи?

— Чемпион... по баскетболу... в нашей школе...

Сонни печально покачал головой. Никто. Пустое место. Вот и пойми этих женщин. Ну почему объектом их фантазий чаще всего оказываются здоровенные бугаи с горой мышц и минимумом мозгов, а не куда более достойные люди вроде Рока Хадсо-

на, Джона Гленна или, скажем, Роберта Кеннеди? Что ж, ладно, Боб Ричи, так Боб Ричи.

— Вы давно с ним не виделись?

— Со школы...

— По-видимому, Боб был очень симпатичным молодым человеком, популярным среди одноклассников?

— Да...

— Вы с ним встречались?

— Несколько раз...

— А когда-нибудь занимались с ним любовью?

— Не... совсем...

— Но хотели бы?

— Да...

— Значит, вы любите Боба всем сердцем?

— Да...

— И вы сделаете для него все, выполните любое его желание, потому что любите его и хотите, чтобы он был счастлив?

— Да...

— У него было для вас какое-нибудь ласковое прозвище?

— Шоколадка...

— Из-за цвета ваших глаз?

— Да...

Сонни медленно выдохнул, встал и неторопливо разделся. Затем снова сел рядом с Сандрой и, нежно обняв ее за талию, вкрадчиво заговорил:

— Привет, Шоколадка, это я, Боб...

Лежа в темноте рядом с Сандрой, Сонни размышлял о том, что только что произошло между ними. Да, многие сочли бы его негодяем — ведь он обманом соблазнял этих доверчивых дамочек, делал их беспомощными с помощью “злой черной магии” и безжалостно отбирал у них “самое святое”.

Что ж, если зло волшебным образом изменило его жизнь, если он из одинокого, усталого и отчаявшегося человека превратился в бодрячка, расппевающего по утрам под душем “Травияту”, пусть его считают негодяем.

Сонни посмотрел на Сандру. Девушка крепко спала с умиротворенной улыбкой на лице. Еще бы — ведь она столько лет хранила в душе любовь к Бобу Ричи, и сегодня ее самое заветное желание наконец исполнилось. Благодаря ему! Если это грех, подумал он, то пусть его считают грешником.

К тому же он не делал с ней ничего такого — никаких извращений, садизма и прочих мерзостей. Что же, в таком случае, тут плохого? Кто от этого пострадал? Сандра? Боб Ричи? Он сам? Никто не пострадал, мало того, двое даже испытали огромное наслаждение.

Конечно, будь у него побольше гордости (Сонни поморщился) и не проживи он столько лет брошенным всеми изго-

ем (Сонни вздохнул), наверное, сейчас ему было бы стыдно за то, что его любили не таким, "какой есть", а лишь за маску Боба Ричи. Впрочем, что толку привередничать и забивать себе голову всякими психологическими штучками-дрючками? Нищие лишены права выбора. И что значит — любить его "какой есть"? Что в первую очередь привлекает женщин в мужчинах? Внешность, шарм, деньги, власть — все то, чем обделила Сонни судьба. А раз так, пусть его любят хотя бы за то, что он по своему желанию может превратиться в того же Боба Ричи.

Он включил лампу, медленно стянул с девушки простыню и, прислушиваясь к ее мерному дыханию, несколько минут восхищенно рассматривал ее обнаженное тело. Легкий румянец на щеках, все эти бугорки и впадинки, плавно перетекающие друг в друга, прохладная шелковистая кожа... Настоящий шедевр, как всегда в таких случаях, он почувствовал горячую благодарность к девушке, и у него перехватило горло от избытка чувств.

Сонни встал, оделся и, по-прежнему оставаясь для Сандры "Бобом", сказал, что им пора собираться, а затем, с нежностью наблюдая за ней, добавил:

— Шоколадка, очень скоро мы с тобой увидимся вновь, но сейчас мне надо отвезти тебя к мистеру Грею.

Взяв девушку под руку, он отвел ее в гостиную и усадил в кресло, возле которого стояли ее туфли.

— Достаньте из сумочки расческу и причешитесь... Сядьте... Вы помните мои указания насчет адреса и номера телефона? Повторите...

— Когда я отсюда уйду... то поеду прямо домой. На первом зеленом светофоре... я забуду ваш адрес. На втором зеленом светофоре... я забуду ваш номер телефона.

— Замечательно. Теперь слушайте внимательно. При определенных обстоятельствах вы должны вспомнить номер моего телефона — СР 2-3041. Повторите.

— С... Р... два... три ноль четыре один...

— А вспомните вы его в том случае, когда кто-нибудь из ваших друзей пожалуется на плохое самочувствие. Головные боли, бессонница, депрессия, беспричинное беспокойство, захотелось бросить курить. Узнав об этом, вы расскажете им о своем знакомом, который может им помочь. Вы не назовете им ни моего имени, ни адреса, ни телефона, поскольку сами не будете их помнить, но едва снимете телефонную трубку, мой номер возникнет у вас перед глазами. Если вы услышите сигнал "занято", то перезвоните ровно через пять минут. Если ответа по-прежнему не будет, вы положите трубку и позвоните в другой раз. Если же я отвечу, вы скажете: "Это Сандра Шарно. У меня сейчас подруга, которая хотела бы с вами поговорить", а затем передадите трубку ей. Как только вы это

сделаете, тут же забудете мой номер. Повторите. Умница! А теперь, Сандра, слушайте очень внимательно. Ваши подруги, которых вы будете направлять ко мне, должны быть не замужем. — Говоря это, Сонни вовсе не испытывал гордости по поводу своей нравственности. Просто у замужних женщин куда меньше свободного времени, не говоря уже о том, что муж может чертовски осложнить ему жизнь. — Незамужние женщины, — повторил он, — молодые и симпатичные, с приятной внешностью и фигурой, такой же, как у вас. Никаких других. Повторите.

Выслушав Сандру до конца и убедившись, что ее одежда в полном порядке, Сонни сказал:

— Сейчас я сосчитаю до пяти. По счету “пять” вы проснетесь и не будете помнить ничего из того, что произошло, пока вы спали. Ваша головная боль полностью исчезнет, и завтра во время просмотра вы будете чувствовать себя свежей и отдохнувшей. Один... два... три... четыре... пять!

— О! — произнесла Сандра, открыв глаза. — Все прошло. Как же мне хорошо!

Сонни скромно улыбнулся.

— Рад, что сумел вам помочь.

— Мистер Грей, это просто потрясающе! — Сандра проворно натянула туфли и вскочила с кресла. — Даже не знаю, как мне вас благодарить!

— И не стоит, — заверил ее Сонни. — А сейчас, если позволите, у меня еще куча дел. — Он галантно подвел ее к двери.

Заметив телефон на столике в прихожей, Сандра резко остановилась и положила руку на застежку сумочки.

— Не возражаете, если я запишу ваш номер?

— Я сам вам запишу, — быстро сказал Сонни, доставая блокнот и ручку. Он сделал вид, будто что-то записал, вырвал листок и, сложив его вчетверо, засунул поглубже в сумку. — Пожалуйста.

У двери Сандра обернулась.

— Еще раз огромное вам спасибо, мистер Грей.

— Это вам спасибо, — невозмутимо ответил Сонни.

Вот и славно, подумал он, запирая за ней дверь. Еще одна охотница, которая активно займется поисками первоклассного пополнения для его конюшни, которая будет не только исправно посещать его в назначенное время, но и, в свою очередь, подбирать ему новые кадры. А если получится перебор (записная книжка быстро заполнялась именами), можно прополоть “грядку” до разумного количества, стерев из памяти некоторых девушек команду вернуться на следующей неделе. Наконец-то его самая сокровенная мечта сбылась — они приходили к нему сами, готовые выполнять любые его желания, и при этом не требуя взамен абсолютно ничего. Да, со счастливым вздохом подумал Сонни, поднимаясь вверх,

все-таки самое замечательное во всем этом плане — его протота.

Он подошел к окну. На улице начало смеркаться, и город был похож на клубок сверкающих ожерелий на черном бархатном фоне. Все они где-то там — маленькие марионетки, послушные его невидимым нитям. И число их растет в геометрической прогрессии — так, кажется, говорят математики. Сонни тихо засмеялся. Невероятно! Они принадлежали ему, некрасивому Сонни Грею! Ведь город, на сколько хватало глаз, был его тайным гаремом, которому позавидовал бы любой! Танцовщицы, актрисы, фотомодели — тонны упругой юной плоти, легионы красавиц, его империя, его Ксанаду!!!

И никто ничего не заподозрит. Даже его марионетки. Ни одна душа на свете.

Что-то он сегодня устал. А ведь завтра предстоит еще один напряженный день. Сонни зевнул, разделся, лег в постель и уже начал засыпать, но не тут-то было — в прихожей раздался звонок. Недовольно ворча, он встал, сунул ноги в шлепанцы и, натягивая халат, спустился вниз. Звонки продолжались с интервалами в несколько секунд. Сонни посмотрел на часы — без двадцати час.

— Кто там?

— Полиция Лос-Анджелеса. Откройте, мистер Грей.

Сердце Сонни подпрыгнуло, пропустив такт. Дрожащей рукой повернув ключ в замке, он приоткрыл дверь, и на душе у него сразу полегчало — на крыльце стоял вульгарного вида тип в потрепанном дешевом костюме, с рябой физиономией и неровно подстриженными усами.

— Вы не из полиции, — сказал он.

— Нет, мистер Грей, — нахально ухмыльнулся незваный гость. — Однако мне кажется, нам все же стоит поговорить.

— Убирайтесь, или я вызову полицию.

— Не вызовите.

— Что вы себе возомнили, черт побери?! Кто вы такой?

— Допустим, меня зовут мистер Ксанаду, — осклабился тот, показывая желтые прокуренные зубы. — Как вам такое начало?

На секунду Сонни показалось, что земля уплывает у него из-под ног. Но только на секунду.

— Что вам угодно?

— Поговорить, не более того. Не бойтесь, я не кусаюсь.

Сонни нехотя приоткрыл дверь пошире. Кто он такой — чей-то муж, любовник, отец? Как он узнал? Высокий и мускулистый — такой справится с ним одной левой. Нет, так нельзя, надо взять себя в руки. Может быть, это вообще не имеет никакого отношения к его девушкам. Но если так, то тогда что?..

Незнакомец окинул взглядом гостиную, одобрительно кивнул, без приглашения уселся в кресло и, достав из кармана пакетик жевательной резинки, протянул его Сонни. Когда тот отрицательно мотнул головой, незнакомец развернул две пластинки, сунул их в рот и, методично чавкая, промычал:

— Бросаю курить.

Выждав несколько томительных секунд, Сонни спросил:

— О чем вы хотели поговорить, мистер...

— Мистер Икс вполне сойдет. Перейду прямо к делу. Я частный детектив, специализируюсь на разводах... не пугайтесь, мне никто не поручал за вами следить. Пару недель назад я взял один заказ. От бывшего мужа, очень ревнивого и малость тронутого, который до сих пор сохнет по своей женушке-блондинке и хочет знать, куда это она ездит каждый вторник к трем тридцати, с кем встречается и чем занимается. Бетти Сандерсон, помните такую? Надо думать, помните. Что ж, плевое дело — засунуть ей в сумочку “жучка” и проследить за ней. И что вы думаете? Она приезжает сюда, по этому самому адресу. Я ставлю машину напротив, в нескольких домах отсюда, и слушаю — это очень мощный “жучок”, передает сигнал почти на полмили. Сижу, настраиваю приемник и вдруг слышу мужской голос. Как и предполагалось. Но что он говорит? Не обычную ерунду типа “Крошка, как насчет бокала шампанского?”, нет. Ксанаду, Ксанаду, Ксанаду! Что за чертовщина такая, спрашиваю я себя? И скоро все становится ясно. Что ж, своему клиенту я сказал, что по вторникам она ездит к парикмахерше. Но насчет вас у меня возникли кое-какие мыслишки, и как-то вечером, когда вас не было, я присобачил к вашей двери “жучка”. Не люблю такие микрофоны, они улавливают много постороннего шума, но порой весьма полезны. И на следующий день я записал такую пленочку, что закачаешься! А потом еще одну. И еще одну...

Мистер Икс перевел дыхание, и на секунду Сонни показалось, что это все дурной сон, что такого просто не может быть.

— Того, что я услышал, хватило с лихвой, — продолжал мистер Икс, — чтобы получить полное представление о том, что здесь происходит. Перед тем, как заключить сделку, я люблю знать все до последней мелочи.

— Сделку, — повторил Сонни.

— Совершенно верно, мистер Грей, сделку.

— Понятно. Послушайте, у вас почему-то сложилось впечатление, что я богатый человек. Вы ошибаетесь. Я живу на скромную ренту, которая меня вполне устраивает. На жизнь хватает, но богачом меня уж точно не назовешь.

— Разве я просил у вас денег?

— Давайте не будем тянуть кота за хвост. Вы же не будете отрицать, что собираетесь меня шантажировать? И пожалуй-

ста, давайте без ханжества, мол, шантаж — это слишком грубое слово. По вашему виду и так все ясно.

Мистер Икс рассмеялся.

— Ясное дело, я собираюсь вас шантажировать. Но бывает разный шантаж.

Сонни вздохнул.

— Двадцать минут назад вы обещали, что перейдете прямо к делу. Пока что я не вижу...

— Оставьте ваши деньги себе, — отмахнулся Икс. — Я хочу свою долю.

— То есть?

— Свой кусок пирога. Что ни говори, а пироги у вас что надо — настоящие сдобные булочки: Бетти Сандерсон, Сандра Шарно, Милли ван Бюстенхальтер и так далее. И я хочу, чтобы вы немного поделились ими со мной, только и всего.

— Вы предлагаете...

— Мистер Грей, вы прекрасно понимаете, что я предлагаю. — Икс встал. — Извините, что поднял вас с постели. Я пойду, уже поздно. Но позвоню вам завтра, и мы обговорим первый кусочек. — Гадко ухмыльнувшись, он направился к двери. — Помните ту, что ходит к вам по понедельникам, вечерами? Ну та, рыженькая, Кэролайн? Я очень на нее западаю, мистер Грей. Знаете, что я собираюсь с ней сделать? Сначала...

Когда Икс наконец замолчал, у Сонни мелькнула мысль, что ужасы, запечатленные на полотнах Иеронима Босха, — это, пожалуй, еще не самое страшное.

— Какая же вы мразь! — выкрикнул он дрожащим от ярости голосом. — Гнусная свинья! Вон отсюда! Если вы всерьез думаете, что я буду участвовать...

— Будете, и еще как! Иначе вашим играм конец. Вы же не хотите, чтобы я вам все испортил, и чтобы кое-кто узнал, что вы тут вытворяете? Неужели вы пойдете на то, чтобы я вас заложил и спокойно наблюдал, как вы идете ко дну? Нет, мистер Грей, не думаю. Будете участвовать как миленький. Вам это вряд ли понравится, но тут уж ничего не попишешь.

Он прав, подумал Сонни, после того как Икс ушел, и медленно, словно постарев на десять лет, начал подниматься в спальню. Придется подчиниться.

Остановившись на лестнице, он вспомнил свой сон. Обычно он забывал его сразу после пробуждения, но сейчас вспомнил с ужасающей отчетливостью. Будто бы он голый, и хотя находится у себя дома, в своем дворце удовольствий, все стены — стеклянные, а вокруг толпы людей, которые, указывая на него пальцами, издевательски хохочут над ним, над его наготой. Они радуются его унижению и страданиям, его тайну знает весь мир. А потом стекло покрывается трещинами и разлетается на сотни сверкающих острых осколков, и вот уже стены его Ксанаду рушатся с оглушительным грохотом...

Совсем как сейчас.

Нет, нет! Сонни даже застонал. Он заслужил свою долю маленьких удовольствий, заплатив за нее сорока тремя годами одиночества. Он не может позволить этому случиться — ни с ним, ни с этими красивыми беспомощными девушками. Неужели он это допустит?! Должен же быть какой-то выход!!!

— Ну, и где эта девка? — спросил мистер Икс, закуривая.

— Кэролайн? Скоро придет.

— Это в ваших же интересах. Знаете, я вот тут подумал... Где-нибудь на этой недельке надо будет устроить так, чтобы приехали две или три сразу. Вы меня понимаете? Будет оч-чень интересно!

Сонни смущенно улыбнулся.

— Вы не поверите, но... подобная мысль никогда не приходила мне в голову.

— Это не беда. У меня таких идей полным-полно.

— Буду с вами совершенно откровенен. Вначале ваше предложение меня возмутило. Но сейчас я вынужден признать, что оно представляет определенный интерес. — Сонни подался к Иксу, возбужденно блестя глазами. — Видите ли, я всегда чувствовал, что мне кое-чего не хватает. И знаете, чего? Поделиться этим с другими. Мне приходилось держать это в тайне, но постепенно я понял, что если не открою кому-нибудь свой секрет, меня просто разорвет на части. Меня даже начали одолевать кошмары! Но теперь все изменится, уверяю вас. Теперь мы с вами... так сказать, партнеры.

— Точно. Настоящие компаньоны.

— Мы можем потом обсуждать наши приключения, строить совместные планы. Я по характеру человек консервативный и никогда бы не додумался пригласить сразу нескольких девушек, зато у вас очень живое воображение.

— Что есть, то есть.

— Так что, в каком-то смысле вы открыли для меня новые горизонты, точно так же, как и я для вас. У каждого из нас есть чем поделиться. Это будет взаимовыгодное сотрудничество.

— Вот-вот.

— Кстати, по-моему, вы говорили, что бросаете курить.

— Что? — Икс посмотрел на свою сигарету. — Черт возьми! Проклятая привычка. Сам не заметили, как закурил. Похоже, от нее уже не избавишься.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Сонни. — Когда-то у меня была точно такая же проблема. Выкуривал по две пачки в день.

— И просто так взяли да бросили? Вот так просто?

— Представьте себе, без труда. Самогипноз. Точно таким же способом я избавляю девушек от их мигреней и прочих недугов. Кстати, раз уж мы вспомнили о девушках... я давно хотел

попробовать одну позицию, но все как-то не решался. Кладете ее...

— Пойдите-ка! — перебил его Икс. — Вы говорите, что бросили курить. То есть, это можно сделать с помощью гипноза?

Сонни скромно пожал плечами.

— Можно и так сказать. Но вообще-то это до смешного просто. Гипнотизер внушает курильщику, что у табачного дыма крайне неприятный и даже тошнотворный запах. Вот, собственно, и все. Зато какие перспективы! Например, половой акт под самогипнозом — это же просто фантастика! Правильно внушенная мысль способна... э... как бы это сказать... в значительной степени продлить удовольствие, понимаете?

Мистер Икс понял его очень хорошо.

— Слушайте, Сонни... Ничего, что я называю вас Сонни? Насчет сигарет... вы можете то же самое проделать со мной?

— Трудно сказать. Если вы восприимчивый, думаю, что смогу. Но если вы будете сопротивляться, хотя бы чуть-чуть, если у вас нет страстного желания, ничего не выйдет.

— Ну да, ну да.

— Вы помогаете гипнотизеру, он помогает вам.

— Как вы это сделаете?

— Не я, а мы. Мы же партнеры. Для начала я попрошу вас посмотреть на мою заколку для галстука. Этот камень называется гранат... прекрасный гранат... как приятно на него смотреть... он притягивает ваш взгляд... завораживает... вы в нем тонете... все глубже... глубже...

Сонни проводил мистера Икса до двери всего за несколько минут до приезда рыжеволосой Кэролайн. Помахав ему на прощание, он постоял на крыльце, наблюдая, как тот садится в машину и исчезает за поворотом.

Мистер Икс поехал прямо домой. На первом зеленом светофоре он забыл адрес Сонни. На втором — номер его телефона. На третьем — его имя. Остановившись на красный свет, Икс увидел, как прямо перед его машиной переходит девушка. Это была стройная блондинка не старше двадцати, с тонким изящным лицом, высокой грудью и длинными ногами, затянутыми в черные колготки.

От ее вида мистера Икса чуть не стошнило. ■

Перевод с английского
Дмитрия ПАВЛЕНКО.

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

На Руси сентябрь считался первым месяцем года до начала XVIII вена, когда император Петр Первый особым указом повелел началом года считать первое января — как в милых его сердцу западных странах. Но новолетие, то есть начало Нового года в сентябре, сохранилось в православном церковном календаре и приходится на 14 число.

В древности сентябрь назывался Руенем или Ревном. По преданию это название у восточных славян возникло от рева холодных ветров, которые с этого месяца начинали дуть особенно сильно. У южных славян сентябрь ассоции-

ровался с появлением желтой листвы на деревьях, с золотом и багрянцем осени.

В сентябре тускнеет солнце, начинает опадать листва, птицы собираются в стаи, готовясь улетать в теплые края. Природа прощается с жарким летом, а для земледельцев наступает пора окончания сельскохозяйственных работ и начала подготовки к зиме.

Народная мудрость не оставила этот первый осенний месяц без внимания и создала множество пословиц, поговорок, примет и праздников.

4 сентября. Агафон огуменник. По народному поверью в этот

ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЬ МАРТ АПРЕЛЬ МАЙ ИЮНЬ ИЮЛЬ АВГУСТ СЕНТЯБРЬ

- не хочу?

Н т я б о р ь

день леший шалит в лесах и полях, раскидывает снопы по гумнам.

5 сентября. "Святой Луппа овес молотом лупит". Обычно в этот день бывают первые заморозки ("лупенские").

7 сентября. День святого Тита. "Тацит Тит в корзине последний гриб". Начинается засолка грибов на зиму.

8 сентября. День святой Натальи. В народе этот день называли "Наталья-овсяница" и завершали жатву овса. В разных российских губерниях этот день отмечали по-разному, но основные обряды были общими. С поля в деревню с

песнями приносили овсяной снопы и на сутки ставили в красный угол под иконы. На следующий день хозяева и гости отмечали окончание жатвы ритуальным блюдом "денежью", то есть толченым, замешанным на кислом молоке или воде. Иногда в этот день всем миром варили пиво, которое затем разносили по домам. Затем крестьяне приходили в черновь и приносили с собой часть бараньей туши или петуха, которых там освящали. Затем совершался общий молебен в честь урожая, а заканчивался день пиром.

11 сентября. Усеенновение Честные Главы Святого Иоанна

рисунки Виктора Ковалева

Предтечи (Крестителя). В народе этот день называется также Иваном Постным. В память Иоанна Предтечи — предшественника Спасителя, Крестителя Иисуса Христа, первого очевидца явления Святой Троицы в день Крещения Господня соблюдается однодневный строгий пост. В эти дни разрешаются постные пироги с грибами, грибной суп, рисовые котлетки с грибной подливкой. Запрещалось есть сладкое, орехи и картофель. С этого дня началась засолка огурцов.

Кроме того, в этот день нельзя было брать в руки ничего режущего и колющего — нож, топор, пилу и так далее, — так как это считалось большим грехом. Старались не есть овощи и фрукты округлой формы — напусту, яблоки, лук, картофель, потому что своими очертаниями они напоминали голову Иоанна Предтечи. В народе этот святой считался целителем головной боли и вообще всех болезней, связанных с головой.

14 сентября церковь чтит одного из своих великих подвижников — преподобного Симеона-столпника. По преданиям этот человек еще в юности удалился в пустыню и там до самой своей кончины простоял на высоком столбе в посте и молитвах. К нему стекалось множество верующих, которые кормили Симеона и слушали его проповеди и наставления. Согласно летописям, в Киеве в честь Симеона-столпника был воздвигнут храм, который до наших дней не сохранился.

В народе этот день называется днем Семена-летопроводца. С этого дня и до праздника Рождества Богородицы длилось бабье лето, причем эта неделя звалась

также Семеновской. А вообще название "бабье лето" уходит своими корнями в польский язык, где словосочетание "баби лато" означает ясную, солнечную погоду.

С этим периодом связано множество самых разных примет и поверий. Считалось, что если в бабье лето дуга опутывается паутиной, гуси гуляют стадами, а сворцы долго не улетают на юг, то осень будет затяжной и дождливой. Коли бабье лето ненастно, то осень будет сухая, а коли на Семена ясно, осень выдаться дождливая.

Под Семенов день в избах тушили огонь, а с первыми лучами солнца зажигали снова — обычай, тесно связанный с проводами старого и встречей нового года, который в старину начинался именно с этого дня. С началом бабьего лета прекращались все полевые работы и начиналась работа при свечах и лучинах, женщины принимались за ткачество, прядение и прочие рукоделия. Эта смена занятий отразилась в пословицах и поговорках: "Югда Семенов день — семена долой", "На Семенов день до обеда паши, а после обеда рунами маши".

С этого времени в деревнях начинались посиделки, которые сопровождалась песнями, рассказами, сказками. Кроме того, был распространен обычай вскладчину варить пиво и готовить еду для общих застолий.

С Семеновым днем связан также и один забавный обычай — потешные похороны мух. Этот день считался последним в жизни мух, тарананов, клопов и других насекомых, впадавших в зимнюю спячку. Девушки и молодые женщины мастерили из свеклы и редьки ко-

робочни в виде гробинов и клали в них мух и тараканов, а при этом притворно планали и причитали. С чем связан этот обряд и почему он появился — неизвестно.

В России до начала XVIII века в Семенов день торжественно начиналось новолетье. Этот пышный обряд совершался патриархом в присутствии царя и при большом скоплении народа. После службы по случаю новолетья в Успенском соборе московского Кремля патриарх с духовенством выходил на двор и благословлял начало нового года. Затем царь вместе с патриархом совершали молебен с освящением воды, а заканчивался обряд торжественным обращением царя к народу с речью. В Семенов день также вершились крупные судебные дела, где главным судьей был сам царь, а также щедро раздавалась царская милостыня, чтобы нищие и неимущие молились о здравии и благополучии царской семьи.

19 сентября. Михайлов день. Считается, что с этого дня могут начаться первые заморозки.

21 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы. Особо почитаемый на Руси светлый праздник, который испокон веков отмечали широко, весело и хлебосольно. Пекли различные караваи, хлеба, булки, а также просили Богородицу о заступничестве. "Бабы осень встречали у воды и просили Богородицу избавить их от маяты".

С Рождества Богородицы начинается годовой цикл великих Дванадцатых праздников.

23 сентября. День осеннего равноденствия. В этот день, по народным поверьям, солнце угасает, начинает умирать, и нужно всякому силу обрести, чтобы всту-

питься за жизнь солнца и своей не упустить.

24 сентября. День святой Феодоры. По народному календарю — Федора-замочи хвосты. "На Федору лето кончается, осень начинается".

25 сентября. Артамонов день. По народному поверью святой Артамон (Автоном) — покровитель змей — в этот день последний раз отпускает их на волю, а потом зазывает в норы и закрывает там до весны. В этот день, в полдень, по лесам вереницей ползут змеи и человеку лучше туда не соваться. Укус змеи в Артамонов день считается особенно опасным.

27 сентября. Воздвижение Креста Господня. Праздник обретения христианами в 326 году Креста Христова, на котором Он был распят, и воздвижения этого Креста над толпами верующих в Иерусалиме.

Римские императоры-язычники пытались полностью уничтожить память о священных местах, где пострадал и воскрес Господь. Голгофа и Гроб Господен были засыпаны землей, а на этом месте поставлено наипище Венеры. Равноапостольный Константин Великий, первый римский император, принявший христианство, направил в Иерусалим на поиски святынь свою мать, святую царицу Елену. После долгих поисков под наипищем Венеры нашли Гроб Господен и три креста. Чтобы узнать, на котором из них был распят Спаситель, патриарх Манарий поочередно возлагал кресты на покойника, которого готовили к погребению. Когда был возложен Крест Господен, мертвец ожил.

Таким образом, все убедились, что найден Животворящий

Крест, и с благоговением лобызали святыню. Многие не могли приблизиться к Кресту и просили поднять его над толпой. Тогда патриарх и другие священнослужители стали высоко поднимать (воздвигать) Святой Крест.

Считалось, что крест в этот день обретает невиданную силу, и поэтому ему служились особые молебны об урожае и исцелении больных. В этот праздник совершают крестные ходы, а на строящихся церквях воздвигают кресты. В этот день пекут пироги с напустой, а танцы начинают напусту рубить и квасить. В деревнях до начала прошлого века существовал обычай особо отмечать эту работу. Вечера, на которых женщины сообща рубили напусту, назывались "напусти" и обставлялись празднично: работали под песни, а потом вместе варили пиво и готовили общий праздничный стол. Заканчивалось все хороводами с песнями и плясками.

"На Воздвиженье хлеб с поля сдвинулся (последний срок уборки хлеба), птица в полет двинулась, медведь — в берлогу". "Воздвиженье кафтан с плеч сдвинет, тулуп надвинет — зима не за горами". "На Воздвиженье зазимки — мужику не беда".

28 сентября. День святого Никиты. По народному календарю — "Никита-гусепролет". "Гуси на хвосте зиму тащат".

30 сентября. Известный всем даже в наше время день святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Три юные христианки были замучены язычниками до смерти, а мать их скончалась от горя. С этим днем в народе было связано любопытное поверье: считалось, что женщины должны

как следует выплакаться, чтобы после со светлой душой приняться за хозяйство, внося в дом мир и спокойствие. Иногда этот день так и называли: "Всесветская бабья выть".

А теперь — связанные с погодой народные приметы, которые зародились в глубокой древности и имели первоначальную магическую основу. Со временем мистика потеряла свою силу и на первое место выдвинулись многолетние наблюдения за природой, которые и позволили создать основные приметы.

Приметы по солнцу и облакам.

Солнце с красной зарей заходит, а со светлой восходит — к ведру и ясному дню.

Красная вечерняя заря — к ветру.

Солнце садится в тучу, в темное облако или в туман — к дождю.

Солнце ярко светит при закате — к сильному ветру.

Тупые и редкие лучи солнца на закате или восходе — к дождю.

Светлое облако перед восходом солнца предвещает хороший день, а темное — пасмурный или дождливый.

Красное облако — к дождю.

Кучевые облака при восходящем солнце — к перемене погоды.

Солнце появляется из темного облака и пышет жаром — к грозе.

Солнце парит и тишина в воздухе — к сильной грозе и дождю.

Красного цвета солнце на восходе — к сильному ветру.

Солнце в тумане — к дождю.

Различного цвета лучи восходящего солнца — к пасмурной или дождливой погоде.

Приметы по луне

Когда зимой месяц нарождается рогами вниз, к югу, то месяц будет теплым, а если летом — ветреный.

Если месяц нарождается рогами вверх, причем нижний рог — крутой, а верхний пологий, то зимой первая половина месяца будет холодной, а летом — ветреной. Если же верхний рог круче, то та же примета верна для второй половины месяца.

Если рога луны острые и яркие — это к хорошей погоде. Крутые рога — к морозу, пологие — к ненастью.

Тусклый месяц — к сырости, ясный — к сухой погоде.

Месяц в синеве — к дождю, в красном — к хорошей погоде, месяц "с ушами" — к морозу.

Ясная круглая луна зимой к стуже, летом — к хорошей погоде.

Нольцо вокруг луны — к сильному ветру.

Приметы по звездам

Черные круги вокруг звезд — к дождю.

Сильный блеск звезд летом — к жаре, зимой — к морозу.

Звезды темнеют к перемене погоды, ветру и грозе.

Видно мало звезд — к пасмурной погоде и дождю, а в канон направлении вытягиваются лучи звезд — оттуда и ветер будет.

Приметы по воздушным явлениям

Гром зимой — к сильному ветру.

Пушистый иней — к ведрю.

Туман падает, но не поднимается — к ведрю, поднимается — к ненастью.

Высокая и круглая радуга — к ведрю, пологая и низкая — к ненастью.

Большие дождевые пузыри — к ненастью и сильному, затяжному дождю.

Ранняя роса летом, а осенью иней — к ведрю.

Дым поднимается в небо ровным столбом — к сильному морозу или к ведрю.

Когда дым без ветра стелется по земле, то летом это к дождю, а зимой — к снегу.

Приметы по животным

Скот ложится под кровлю — к ненастью, во дворе — к ведрю.

Свинья чешется — к теплу, визжит — к ненастью, солону таскает — к буре.

Лошадь храпит — к ненастью, фыркает — к дождю, трясет головой и запрокидывает ее вверх — к ненастью.

Собака валяется — к ненастью, ест траву — к дождю.

Кошка линется — к ненастью, моется, лижет лапу — к ведрю, морду прячет — к морозу либо к ненастью, в печурку садится — к морозу, непогоде, скребет пол — к ветру и метели, стену дерет — к непогоде, крепко спит, лежит брюхом или мордой вверх — к теплу.

Дворовая птица оципывается — к ненастью.

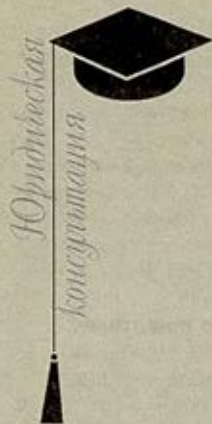
Курица на одной ноге стоит — к стуже.

Наседка сажает под себя цыплят — к ненастью.

Вороны в кучу собираются или купаются, сбиваются в стаю и карнают летом — к ненастью, а зимой — к морозу.

Воробьи в пыли щебечут или купаются — к дождю.

Ласточки летают низко — к дождю, высоко — к ведрю. ■

И подарки облагаются налогом

"Бабушка хочет подарить моей двенадцатилетней дочери дом на садовом участке и сам участок. Слышала, что за это имущество нужно платить большие налоги. У дочери нет средств, кроме пенсии за погибшего отца-военнослужащего. Существуют ли для нее какие-либо льготы?"

М. Куликова, Ростовская обл.

Конечно, среди льгот, предоставляемых пенсионерам, есть и налоговые. В вашем случае речь идет о налоге на имущество, переходящее в порядке дарения, налоге на имущество физических лиц и налоге на землю. Льготы для лиц, потерявших кормильца, установлены по налогу на строение (дом на садовом участке) и налогу на земельный участок.

В соответствии с п. 2 ст. 3 Закона РФ "О налоге с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения" от

12.12.91 г. указанный налог уплачивается, если стоимость передаваемого имущества превышает 80-кратный минимальный размер оплаты труда на день заключения договора дарения. Стоимость имущества определяется в договоре или при оценке, проводимой органами коммунального хозяйства, страховыми организациями (для садового дома) или экспертами-оценщиками (для земельного участка). Налог уплачивается только с той части стоимости, которая превышает 80-кратную минимальную заработную плату.

Закон РСФСР "О плате за землю" от 11.10.91 г. в п. 18 ст. 12 освобождает от уплаты налога членов семей военнослужащих, потерявших кормильца при исполнении служебных обязанностей.

Налоговая льгота для лица, получающего пенсию по случаю потери кормильца, предусмотрена и Законом РСФСР "О налогах на имущество физических лиц" от 9.12.91 г. Согласно ч. 2 ст. 4 лица, получающие пенсии в соответствии с пенсионным законодательством РФ, освобождаются от уплаты налога на строения.

Пенсионеры от налога на квартиру освобождаются

"Я живу в приватизированной квартире с мамой. Со следующего года она уходит на пенсию. Положены ли нам какие-либо льготы по налогу на квартиру? Если да, то как их получить? Квартира оформлена в общую совместную собственность".

Л. Кравченко, Тула

4.2 ст.4 Закона РСФСР "О налогах на имущество физических лиц" от 9.12.91 г. полностью освобождает пенсионеров от уплаты налога на квартиру. Однако надо заметить, что эта льгота распространяется только на вашу мать как пенсионерку, а вы должны продолжать платить свою часть налога.

Если вы с матерью приватизировали квартиру в общую совместную собственность, то предполагается, что лично вам принадлежит одна вторая часть квартиры. Это означает, что теперь вы будете ежегодно платить налог в размере половины ставки, соответствующей стоимости вашей квартиры. Такой порядок определен ч. 3 ст. 1 Закона.

Право на льготу по налогу на квартиру должно подтверждаться пенсионным удостоверением. Чтобы получить освобождение от этого платежа, необходимо самостоятельно представить пенсионное удостоверение в налоговый орган по месту жительства.

Оценкой квартир занимается БТИ

"Живу в маленькой однокомнатной квартире, в доме без лифта. Из налоговой инспекции присылают квитанции на налог с имущества, причем квартиру оценивают в огромную сумму. В нашем городе столько не стоит даже трехкомнатная квартира. Интересно, откуда берется такая сумма оценки квартиры? В налоговой инспекции говорят, что они не занимаются оценкой квартир".

Э. Смирнова,

Ленинградская обл.

Действительно, в обязанности налоговой инспекции не входит

проведение оценки имущества граждан.

В соответствии ст.5 Закона РСФСР "О налогах на имущество физических лиц" от 9.12.91 г. налоговые органы только исчисляют налог на основе данных о стоимости квартир. Эти данные предоставляются органами коммунального хозяйства, ответственными за оценку имущества. Такими органами являются Бюро технической инвентаризации (БТИ).

Не реже чем один раз в пять лет БТИ обязаны проводить инвентаризацию квартир, домов, строений, помещений, принадлежащих гражданам, и определять инвентаризационную стоимость имущества. Существует специальный нормативный акт, в соответствии с которым устанавливается стоимость квартиры или другого имущества для исчисления налога — "Порядок оценки строений, помещений и сооружений, принадлежащих гражданам на праве собственности" (утвержден Приказом Министерства архитектуры, строительства и жилищно-коммунального хозяйства от 4.04.92 г. № 87).

Таким образом сумма оценки квартиры не появляется сама по себе, а определяется в ходе инвентаризации.

Чтобы прояснить вопрос о стоимости вашей квартиры, вам нужно обратиться в Бюро технической инвентаризации по месту жительства. Возможно, при подсчетах была допущена какая-то ошибка.

Ольга КОРЫТКО,

*консультант "Смены"
по юридическим вопросам*

	1		2		3		4	5		6		7		8		9
10												11				
							12									
13					14							15	16		17	
					18											
19		20										21				
22					23		24		25		26					
					27									28		29
30			31											32		
			33						34		35					
									36					37		38
39							40						41			
							42						43			44
45		46		47								48				
					49											
50												51				
					52											

ЭРУДИТ

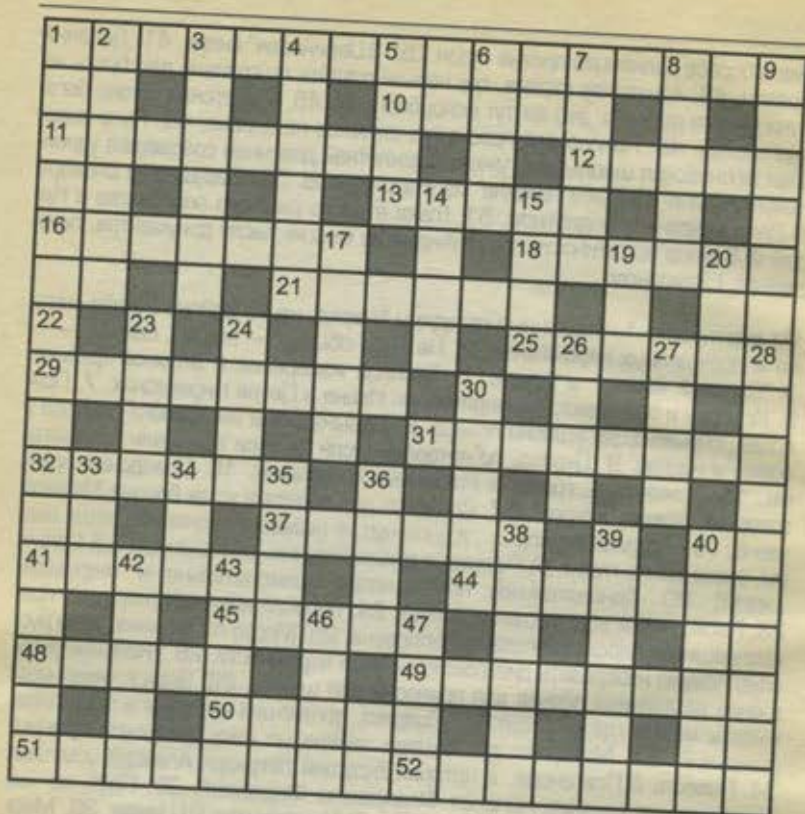
По горизонтали. 4. Английский изобретатель, чей якорь — самый распространенный в мире. 10. Иманинист, издавший совместно с В.Шершеневичем сборник "Красный аликогль". 11. Граф, в честь которого в 1711 году была выбита медаль "За избавление Москвы от язвы" (т.е. от чумы). 12. Третий в мире по ширине водопад. 13. Нож для жатки, сеноносилки. 15. На недельку до второго он уехал в Номарово и на эстраду не вернулся. 18. Всех домохозяек не переставало удивлять "утреннее ... Павлина по дому" (А.Нуприн. "Павлин"). 20. Польский остроуслов, пошутивший в соответствующем году: "Сколько же лет заключения вмещают в себя 1957 лет от рождения Христова!" 21. "Мировой сад" (Гете). 22. "Пророк храма" в Древнем Египте. 23. Название всякого иностранца еще в грибоедовские времена. 27. Командир корабля "Нутузов", на котором правитель русских поселений в Америке А.Баранов возвращался в Россию, но умер в пути. 30. Форма тела многих морских счатов. 32. Нандый из рабов, о которых в Португалии в XV веке уже говорили: "Голова сатира и тело Антиноя". 33. Искусство, которое, по словам Стендаля, "страстно любили" римские папы. 37. Композитор, один из создателей английского мадригала. 38. Гайдуцкий партизанский от-

ряд в борьбе балканцев против турок. 39. "Шариновая" снать. 41. Далений предок. 42. Азиатская страна, где нельзя гладить по голове или брать на руки чужого ребенка; это сочтут оскорблением. 45. Египетская почва, богатая азотом. 48. Прибор для просмотра снимков на экране. 49. Рано умершая московская шпильница, уже восьмилетней девичьей создавшая удивительный цикл "Подвиги Геранкла" из ста рисунков. 50. Девушка, в словаре В. Даля названная подлётном. 51. Глава второго русского посольства в Китае Ф. Байнов по должности. 52. Каждый из многих тысяч документов, полученных Т. Эдисоном.

По вертикали. 1. Утыканый гвоздями снаряд, нание войско Регула метало в осажденных карфагенян. 2. На Руси обычно — нафля, сейчас — ... 3. "Сладкий корень" в болоте. 5. Единица измерения в атомной физике. 6. Историк и публицист, душеприказчик Ивана и Петра Ниреевских. 7. Приправа, скрывающая ошибки повара. 8. Музыкальный инструмент овчаров у армян и курдов. 9. Дерево, по которому гусли на Руси называли яровчатыми. 14. Заменитель гроша в старинных поговорках. 16. Шведский врач, введший термин "невроз". 17. Средство для полета в устах барона Мюнхгаузена. 19. "Подъезжая под ... , я взглянул на небеса и вспомнил ваши взоры, ваши синие глаза" (А. Пушкин в стихотворении, обращенном к Е. Вельяшевой). 20. Доказательное предложение применительно к теоремам. 23. Рыба, летом впадающая в спячку. 24. Русский военный теоретик, преклонявшийся перед искусством Наполеона. 25. Место А. Пушкина, если русскую поэзию изобразить диаграммой в виде окружности. 26. Женское украшение из длинных перьев для прически или шляпы. 28. Знак с указанием высоты места, где он стоит. 29. Буддист, достигший нирваны в цепи перерождений. 31. Материал для оновки тарана на носу греческой триеры. 34. Повесть А. Платонова, в которой будущий патриарх Алексий усмотрел "несомненное влияние Николая Федоровича Федорова". 35. Поэт, на чьи стихи писали музыку И. Брамс, Ф. Лист, Ф. Мендельсон, Р. Шуман. 36. Муха против бессонницы. 38. Один из мотивов массового психического заболевания людей, какими были крестовые походы. 40. Материал, дающий "пальмовое дерево". 43. Еще не привитое плодородное дерево. 44. Американская киноактриса, сказавшая: "Мы обращаемся с этим миром так, будто у нас в чемодане есть про запас еще один". 45. Супружество по сути. 46. Символ неудачи в первой попытке. 47. Способ разбудить соседа, не просыпаясь. ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 1. Чернес. 6. Ячень. 10. Пилад. 12. Хромота. 13. Рогожин. 14. "Дюрсо". 17. Прораб. 19. Гимнот. 20. Чувовский. 21. Адам. 24. Сажа. 26. Ужик. 27. Корнет. 28. Лиар. 29. Дун. 30. Обна. 31. Альбом. 32. Узел. 33. Новш. 36. Пиаф. 39. Цимбалист. 41. Зяблик. 42. Тотора. 43. Башня. 46. Итикава. 47. Шпорник. 48. "Зулюм". 49. Энтада. 50. Арафат.
По вертикали. 2. Егорова. 3. Кропач. 4. Спад. 5. Хлор. 6. Ядро. 7. Магний. 8. Неженна. 9. Охална. 11. Енотна. 15. Юрок. 16. Соснок. 18. Будильник. 19. Гимназист. 22. Дриго. 23. Мураш. 24. Стопл. 25. ...жажда... 27. Нум. 29. Домбра. 33. Кузмин. 34. Вибрион. 35. Улан. 37. Изоанта. 38. Фиална. 39. ... цинада. 40. Толока. 43. База. 44. Шелк. 45. Яшма.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Римский император, отменивший Олимпийские игры. 7. Польский музыкант. Прослушав его, Р.Шуман сказал: "Шляпы долой, господа, это гений". 10. Немилость сильных мира сего. 11. Единица атмосферного давления. 12. Потомок ослицы и жеребца. 13. Единственная зверушка, ощущающая рентгеновское излучение и чующая электромагнитное поле. 16. Вещи, снрб. 16. Молодому ... — улыбка, старому — горькая слеза (поговорка). 21. Маслянистая жидкость, родоначальник современных красителей. 25. Птица на гербе Гайаны. 29. Инструментальная музыкальная пьеса. 31. Царь растений у алхимиков. 32. Старинная рукопись. 37. Источник на уровне грунтовых вод в карстах; назван по департаменту во Франции. 41. Испания — пелета, Португалия — ... 44. Нагревательный прибор, теперь очень редкий. 45. Муравьед, чей язык самый длинный среди зверей суши. 48. Надел для крестьянина по столыпинской реформе. 49. Помещение

для публичных выступлений. 50. Рыба, способная прожить без пищи 480 дней (рекорд среди рыб). 51. Страда, фон картины Н.Пуссена "Лето". 52. Офицер, застреливший на дуэли М.Лермонтова.

По вертикали. 2. Русский военный летчик, первым применивший крутые виражи и пикирование. 3. Северный черный лосось. Вмерзнув в лед и оттаяв, он продолжает жить. 4. Лайна. 5. Самый северный мыс Австралии. 6. Часть доспехов древнего воина. 7. Первое пристанище в степи короля Лира, изгнанного дочерьми. 8. Стиль, художественная манера. 9. У славян — русалка, у греков — нимфа, у германцев — 14. Субъект в игре актера. 15. Злободневная сатирическая песенка на Западе. 17. Страна, давшая миру лен, рис, сахар, игру в бадминтон. 19. Любимое дерево Анны Ахматовой. 20. Один из "Могучей кучки". 22. "... банна" — картина В.Мановского. 23. Чертеж фигуры в трех плоскостях. 24. И название пустынь на северо-востоке зарубежной Азии, и крупная пустыня там же. 26. Длинный отросток на колосе. 27. Украшение на старинной иконе. 28. "Ничего не отдаст вам ни апрель, ни июль, — о безглазый, очкастый лакированный ... !" (М.Цветаева. "Ода пешему ходу"). 30. Нелюдимый, необщительный человек. 33. Римская монета, ходившая семь веков. 34. Буква греческого алфавита. 35. Клен с древесиной "птичий глаз". 36. Герой в повести В.Астафьева "Царь-рыба". 38. Резущий инструмент для обработки отверстий. 39. Большой и богатый дом. 40. Переносной цирк. 41. Бумажная или шелковая ткань с узорным рисунком. 42. Мера, названная по рождному дереву, чьими семенами взвешивали драгоценные камни. 43. Голландский антрополог, открывший питенантропов. 46. Хохлатая птица, летящая на зимовку, как и кукушка, в одиночку. 47. Дерево, чьи плоды-орешки похожи на Сатурн с кольцами.

Составил **И.МАНЕГА**,
Речица Гомельской области

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 1. Фокс. 7. Язык. 10. Драндулет. 11. Вкус. 13. Грез. 14. Экспроприация. 17. Черешня. 19. "Ситроен". 20. Песок. 21. Елань. 23. Шавна. 24. Душегуб. 25. Блеск. 26. Гриня. 27. Лесть. 29. Шинотан. 30. Хлодвиг. 34. Анномпаниатор. 37. Урна. 38. Мини. 39. Сноворода. 40. Нлад. 41. Игла.

По вертикали. 1. Фавн. 2. Клуз. 3. Трепанг. 4. Юниор. 5. Пудра. 6. Женатик. 8. Заря. 9. Ноза. 12. Севернословка. 13. Гидроаэродром. 15. Целлулоид. 16. "Щелкунчин". 18. Невеста. 19. Сосуд. 22. Бубен. 27. Ланомна. 28. Олеандр. 31. Опава. 32. Эндрю. 33. Зук. 34. Анна. 35. Ринг. 36. Пила.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

103. Н. АКИМОВ
 г. Щучинск, Казахстан

2

104. А. МИРОНОВ
 Могилев, Беларусь

б) Се3-ф3

2

105. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
 г. Котовск, Украина

2

106. П. ФАРИОН, И. СОРОНА
 Львов, Украина

3

107. Ш. АНБУЛАТОВ
 Красноярск

3

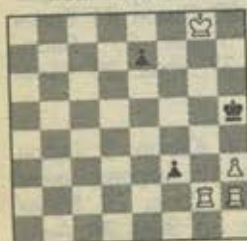
108. Л. ПРЕНИН
 Москва

б) Са7-г1

3

109. В. НОВАЛЕНКО
 г. Большой Камень

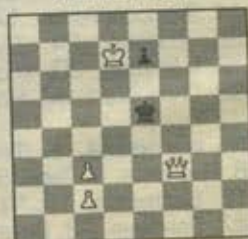
4

110. А. ВАРИЦКИЙ
 Брест, Беларусь

4

111. Ю. СУШНОВ,
 Санкт-Петербург

5

**I ПРИЗ
В.РУДЕНКО**

**II ПРИЗ
М.МАРАНДЮК**

б) п.б4-г4 а) Крг8-б6

**III ПРИЗ
В.МЕЛЬНИЧЕНКО**

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ
В.ЛУКЬЯНОВ**

ТРЕХХОДОВКА — 98

В конкурсе трехходовок 1998 года участвовало 127 задач 68 авторов, опубликовано 57 миниатюр.

I приз — В.РУДЕНКО, (Днепропетровск, Украина)

1. Нf5! С ∞ (h2) 2. Cd4, 1...Cd4! 2.Cd6! Cf6 3. He3x, 1...C ∞ (a1) 2.Cd6!, 1...Cd6! 2. Cd4! Cf4 3. He7x, 1...Cf4!! 2. He7 Нре5 3. Cd4x, 1...Cf6!! 2. He3 Нре5 3. Cd6x

Уникальная находка прославленного гроссмейстера! Четырехжды (!) черный слон точно защищается от повторных угроз, "рисует" слоновую звездочку. Дванды черный слон ходит на поле повторной угрозы. В двух других вариантах, отражающих обе повторные угрозы, происходит дальнейшее блокирование полей с правильными матами. Кроме того, в четырех центральных вариантах происходит чередование вторых и третьих ходов белых. Эта миниатюра украсила бы любой конкурс самого высокого ранга!

II приз — М.МАРАНДЮК (г.Новоселица, Украина)

а) 1...Нре5 2. Фg4 Нрд5 3. Фd4x. 1.Фd5? Нрг5 2.Фe4 Нrh5 3. Фh4x, 1...Нрг4! 1.Нd6! (цугцванг) Нре5 2.Фe4 Нrh6 3. Нf7x, 1...Нре3 2. Ла3 Нрд4 3.Фe4x, 2...Нrf4 3.Фg3x

б) 1.Нh4? Нре5 2.Фd2 Нре4 3.Лебх, 1...Нрг5 2.Нg6 Нrh6 3.Фd2x, 1...Нре3! 1.Фh3! Нре5 2.Фe3 Нрд5 3.Фd4x, 1...Нрг5 2.Лg6 Нрг6 3.Фh6x, 2...Нrf4 3.Фe3x

в) 1.Нрс5! Нре5 2.Фf1 Нре4 3.Лебх, 1...Нrf5 2.Нрд4 Нrf4 3.Лf6x

Еще одна прекрасная работа! Удивительно, как в такой простой позиции с "голым" черным королем автору удалось осуществить многофазную перемену игры с четным разделением (без дуэлей) вариантов. Притом игра не носит механистического характера, в ряде вариантов к цели ведут тонкие задачные ходы.

III приз — В.МЕЛЬНИЧЕНКО (г.Нотовск, Украина)

1.Лh6? (2.Ла6) Cf6 2.Cc5!, 1...Cb6 2.Лhb6, 1...Cg1!; 1.d6? (2.Ла5) Cc5 2.Лc5, 1...Cb6 2.Лb6, 1...Cg1 2.Нрг1, 1...Ce5!

1. Лh2! (2.Ла2) Cb2 2.Cc5! Cd4 3.Ла2x, 2...Ca3 3.Лh8x, 1...Cb6 2.Лb6 Кра7 3.Ла2x, 1...Cf2 2.Лf2, 1...Cg1 2.Нрг1

Перемена игры, сцементированная интересным поединком белой ладьи и черного слона.

Специальный приз — В.ЛУКЬЯНОВ

(с.Александровское, Ставропольский край)

1.Cd4? Нс5 2.Ce8! Н ∞ 3.Фd7x, 1...He5!, 1.Фc4? Нb4 2.Cf6! Н 3.Фс6x; 1...Нс5! 1.Ce8! 2.Фd7 Нрс5 3.Фd4x, 1...Нс5 2.Cd4! Н ∞ 3.Фd7x, 1...Нрс5 2.Фс7 Нrb4 3.Фс3x, 2...Нрд5 3.Фс6x

Задач с правильными матами ферзем и двумя слонами — тема! Здесь привлекают внимание варианты с тихой игрой на цугцванг в лонных следах и решении.

1-й почетный отзыв —

М.ЧЕРНУШНО (Уссурийск)

1.c7! Лb8 2.cbC! Нrb6 3.Лd6x, 1...Лd8 2.cdП! Нrb6 3.Лd6x, 1...Лс7 2.Cc7 Кра7 3.ЛаВх

1-й почетный отзыв
М. ЧЕРНУШКО

2-й почетный отзыв
В. МОРОЗОВ

3-й почетный отзыв
Г. КОЗЮРА

б) п.а2-б2

Два главных варианта с темой "феинс" (слон и ладья "возрождаются из пепла") дополнены вариантом с эхо-хмельонным матом.

2-й почетный отзыв —

В. МОРОЗОВ (Москва)

- а) 1.Ke6! Kpf3 2.Fh1 Kpe2 3.Hf4x,
1...Kpd3 2.Fb1 Kpe2 3.Hd4x
б) 1.Hb3! Kpd3 2.Hd2 Kpc2 3.Fb1x,
1...Kpf3 2.Fh1 Kpe 2 3.Hc1x

Перемена двух правильных матов в симпатичных близнецах.

3-й почетный отзыв —

Г. КОЗЮРА (Украина)

- 1...Cg7 2.g6 Kph6 3.Fg5x, 1...Ce5
2.He5 Kph4 3.Fg4x
1.Hh2! (цугцванг) Cg7 2.g6 Kph6
3.Hg4x, 1...Cf6 2.gf Kph6 3.Hg4x
1...Ce5 2.de, 1...Cd4 2.Kpd4 Kph4
3.Fg4x

Перемена игры с правильными матами, но без должной четности.

Похвальные отзывы на равных:

В. НЕГЛОВ (Москва)

- Kpc7, Ff1, Lh3, Kf4 — Kpe5
б) Lh3a6
а) 1.Ke6! Kpe6, Kpd5, Kpe4 2.Lh5,
Ff5, Kpc6
б) 1.Hd5! Kpe4(d4), Kpd5
2.Kpd6,Ff4

Ю. СУШНОВ (Санкт-Петербург)

- Kpe6, Fe2, п.д2 — Kpd4, nn.c5, c6,
f7. б) — п.с6
а) 1...c4 2.Фе3х; 1.Kpf5! c4 2.Фе3
Kpd5 3.Фе5х, 1...e6 2.Kpe6 c4 3.Фе3х
б) 1.Ff1! c4 2.Ff1 c3 3.Fd5x

В. КАЛАНДАДЗЕ (Тбилиси, Грузия)

- Kpe6, Fg2, Cb6 — Kpf4, Cb8,
nn.d3, d5.
1.Ca5? Kpe3 2.Cd2, 1...Ca7!; 1.Cf2!
(2.Fg3) d4 2.Ce1, 1...Ca7 2.Fg3

В. ВОИНОВ (Нусанай, Невзаханстан)
Kpg3, Lg7, Ke4,h7 — Kph5,Lh8,
п.г6.

- 1.Kf8 Lh6 2.Hh7! Lh7 3.Lh7x —
"мышеловка"! 1...Kph6,g5 2.Lg6, Kf6
В. ИВАНОВ (Россия) А. МУЗЫНА,
Н. ПАРХОМЕНКО (Украина)
Kpf8, Fa5, Kd4, nn.a4,e4 — Kpd7,
Ka8.

- 1.Ke6! Kpe6, Kpc6, Kpc8, Kc7,Hb6
2..Fd5, Fb5, Fa7, Fc7, Fb6

Специальные почетные отзывы
на равных:

Е. ЧУМБУРИДЗЕ (с. Зеда, Грузия)

- Kpf8, Ff7, La4, п.g4 — Kph8,Lf5.
1.g5? Lf4!, 1.La6? Lf7!, 1.La3?
Lf3!, La2? Lf2! 1. La1? Lf1! 1.La5!
Lg5, Lf7 2.Fh5, Kpf7

В. НОВАЛЕНКО

- (г.Большой Камень, Приморский край)
Kpf2, Lg3, Ce5,g2 — Kph2, Fh4,
п.д6

- 1...Fd4, Ff6, Ff4 2. Cd4, Cf6,Cf4;
1.Cd6 Fd4, Ff6, Ff4 2.Ле3, Lf3, Lf3

Специальные похвальные отзывы
на равных:

Д. МАХАТАДЗЕ (с.Зестафони, Грузия)

- Kpg5, Fc7, Cg1, п.б3 — Kpd5, п.g6
б) Cg1-a7
а) 1.Ca7! Kpe6 2.Cb8, 1...Kpe4 2.
Fc4

- б) 1. Cg1! Kpe6 2.Ch2
Н. РЕЗВОВ, В. ЧЕРНОУС
(Одесса, Украина)
Kpg5, Lf7, g7, п.б7 — Kpg1, Ch1,
п.g2 б)п.б7 — h7

- а) 1. b8! Kph2 2. Lh7 Kpg1(g3) 3.
Lb1(b3)x
б) 1. h8! Kph2 2. Lh7 Kpg1(g3) 3.
Cd4(e5)x

В. ЧЕПИЖНЫЙ,
международный арбитр

Вниманию подписчиков!

В первом полугодии 2000 года цена за один номер журнала — 28 руб., за три — 84 руб., полугодичная подписка — 168 рублей (по каталогу “Роспечати” без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Количество комплектов

на 2000 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

“СМЕНА”

Стои-
мость

подписки

руб.

Количество комплектов

пере-
адресовки

руб.

на 2000 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

У Лидии Мартыновой нет темных или грустных картин. Напротив, они яркие и нарядные, словно написаны в солнечные летние дни. Особенно поражает в ее полотнах цвет — звучный, сочный, декоративный. Цвет является непосредственным выразителем содержания, он способен внушить определенные образные представления, иметь смысловую нагрузку. Художница связывает цвета с чувствами, которые хочет выразить, как бы проверяя на слух эту музыкальную гамму.

Лидия закончила Архитектурный институт, факультет дизайнера, занималась оформлением интерьера — делала дизайн общепита, выставочного зала "Русь", кафе-бара, частных интерьеров, включая в оформление свои элементы изобразительного искусства (живопись, графику, батик).

Помимо дизайна художница занимается станковой и книжной графикой, любит работать в разных технологиях. Так, существует серия иллюстраций к Гоголю, серия "Старая Москва", где изображены старые дворички, церкви серия, посвященная Переславль-Залесскому; монотипии, изображающие женские образы, а также демонические существа — змеи, оборотней, русалок, фантастических птиц.

"Графина для меня, — рассказывает Лидия, — первый импульс, первое сопереживание с бумагой. Меня интересует пластина, форма, льющийся женский образ. На кончиках пальцев скапливаются энергия и рука тянется к рисунку".

В живописи художница создает многомерный противоречивый мир, наполненный фантастическими образами и потусторонними пейза-

Вечерний сад. Батик.

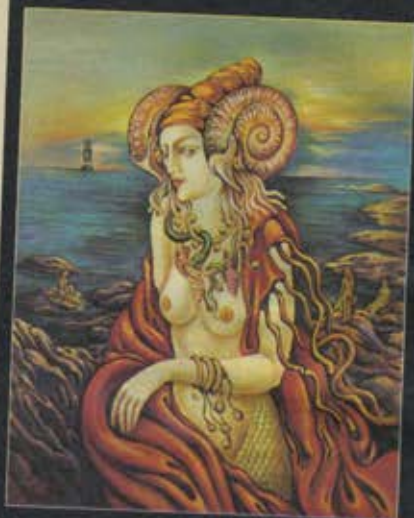
жами. Она часто обращается к образам и символам древней мифологии (например, картины "Шляпка Саломеи" и "Арахна") и библейским аллегориям, будоража тем самым не только чувства зрителя, но и его память, ум, воображение. Художница обладает даром видения искусства прошлых веков в контексте современного художественного процесса — отсюда интерес к иллюзорно-сюрреалистическим образам, соединению несоединимого, изображению несовместимости в пространстве.

Серии картин — "Флора", "Сномороший цикл" — это веселые образы в масках, диавинных костюмах с дудочками, бубнами и гусями — в этой серии художницу пренебре всего привлекала русская экзотика.

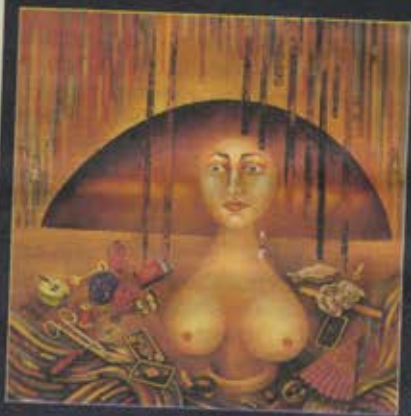
Последние работы Лидии — символически-философские — "Прорастание" (где на глазах у зрителя, переплетаясь, прорастает из дерева женская плоть и образы архитектуры) и "Несовместимость миров" — посвященные отношениям мужчины и женщины, "Анвариум жизни", где персонажи живут в несовместимом пространстве.

А еще Лидия делает батик — очень декоративные, разные по колориту и состоянию, занимается росписью по дереву, обращаясь к нетрадиционным сюжетам, любит скульптуру, создавая в пластине прекрасные женские образы.

"Мой мир — мир иллюзорной реальности, наполненный фантастическими образами,

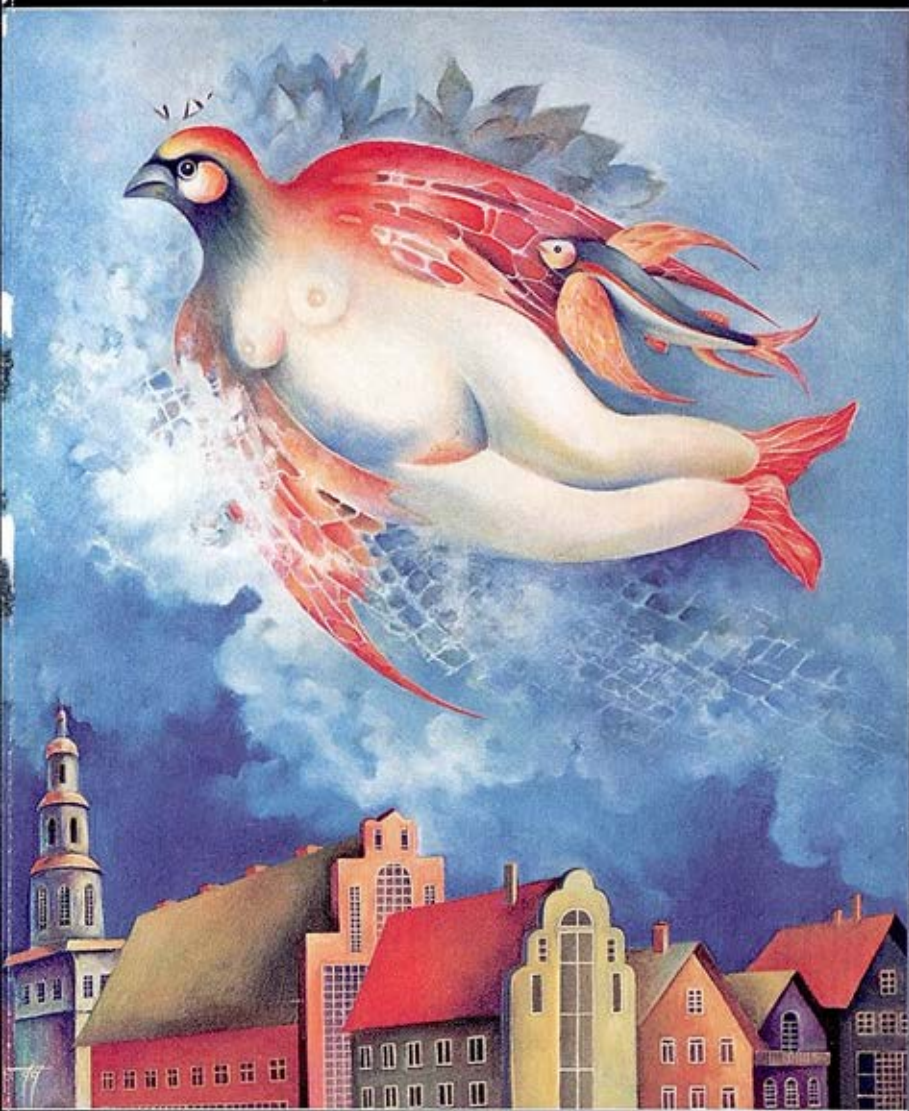

Морская призраки

Женский натюрморт

переплетенными с мифологической и библейской аллегорией", — таково художественное кредо Лидии Мартьяновой.

Полет.

Она участвует во многих выставках в России и за рубежом, сотрудничает с известными московскими галереями.

Людмила КАНДАЛОВА

Некоммерческая организация "Негосударственный пенсионный фонд"

"ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ"

(Государственная лицензия № 11 от 27 октября 1995 года)

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" — один из ведущих в России негосударственных пенсионных фондов.

Учредители Фонда:

ОАО "ЛУКОЙЛ";

ОАО "Нефтяной фонд промышленной реконструкции и развития";
Международное объединение профсоюзных организаций ОАО
"Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ"

С 1997 года Фонд начал выплату негосударственных пенсий. В настоящее время пенсию получают пенсионеры, проживающие в 11 регионах России.

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" предлагает самые разнообразные пенсионные схемы для предприятий всех форм собственности и физических лиц.

Для защиты пенсионных накоплений от инфляции фондом производится индексация размера негосударственной пенсии на всем протяжении ее выплаты. С апреля 1999 года размер негосударственной пенсии Участников Фонда увеличен на 15%.

Наш адрес:

123022, Москва,
ул. Красная Пресня,
дом 44, стр.2

Телефоны:

(095) 929-95-21,

(095) 929-95-22

Факс:

(095) 929-95-20

